

ТЕЛЕВСКОНЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ОСМНАДЦАТАЯ.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1833.

НЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛИТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Февраля 6 го
дня 1854 года.

Ценсоръ Алексій Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ОБЩЕЕ ПОНЯТІЕ О ПРАВАХЪ ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ.

Государство, разсмаприваемое какъ бытіе юридическое, какъ идея права во времени, не вдругъ осущесшвляетъ свою внушреннюю природу. Право начинаетъся обычаями и символикой, и пворится въ исторіи народа до тѣхъ поръ, пока Государственная жизнь не выразитъ его въ системѣ опвлеченныхъ понятій. Но чпобъ право могло пвориться въ жизни народа, для сего пребуется его измѣненіе и пребываемость, прошедшее и насшощее, иначе, пропшводѣйствіе двухъ силъ: необходимости и произвола. Безъ присущствія необходимаго нѣтъ почки покоя для государства, и народная жизнь обращается въ эксценшрическое круженіе; безъ присущствія произвола исторія народа дѣлается Еспешственной Исторіей общеншпія, или сшпоріей преданій, спѣсняющихъ народную

самомыслительность. Исторія возможна только тамъ, гдѣ произволь, *способность изъ двухъ выбирать лучшее*, и необходимость, какъ двѣ разбѣгающіяся силы, движениемъ своимъ описують кругъ народнаго мышленія и дѣятельности. Между древними Государствами Римъ по превосходству оправдываетъ возможность исторіи. Въ одномъ Римѣ усматривается спорогая послѣдовательность происшествій и вмѣстѣ упорное пребываніе идеи въ спарыхъ ея явленіяхъ; одинъ Римъ пробудилъ въ Вико мысль, что человѣчество образуетъ само себя; въ одномъ Римѣ время раздвоилось на прошедшее и будущее, въ надеждѣ слиянія его въ вѣчности. Ни въ одномъ изъ древнихъ народовъ не находимъ такого сильнаго, всеобъемлющаго присутствія идеи государства, какъ здѣсь; можно сказать: Римъ тогда только открылся во всемъ своемъ величій, когда внѣшняя сила государства обратилась въ идею. Въ то время, какъ могучія плебейскія прибы обезлюдляли отъ непрерывныхъ войнъ, какъ природныя чуда Рима замѣнены пасынками Ипаліи: идея Римскаго государства съ неодолимой силой обхватила сіе чуждое вещество и развила всемірное владычество надъ

народами. Рабы проданные sub corona мгновенно превращались въ Римлянъ и — гордость повелителей сверкала въ черпакахъ, вырванныхъ цѣпями рабства. Сила являлась въ себѣ еще разъ грозную власть древнихъ Паприціевъ, Помпей — власть Римскихъ всадниковъ; но Цезарь, хопя внукъ Энея и Венеры, на челѣ своемъ носилъ уже фамильные черпы *человѣчества*.

Матеріальныя событія не дадутъ намъ понятія объ исторіи Рима. Почему владычество надъ міромъ произошло не изъ Эпруріи, не изъ Самнипскихъ горъ, не изъ хищной Луканіи, а съ высотъ Капитолія? почему въ народахъ не-Римскихъ глубоко чувствовалось неизбежное предопредѣленіе быть поглощенными опъ Римлянъ; почему они чувствовали, что бытіе ихъ непрочно, почему войны ихъ съ Римомъ были сопротивленіемъ, похожимъ на отчаянное сопротивленіе року (подобно какъ всенародная совѣсть нынѣшнихъ Турковъ слышитъ нѣкое предсказаніе, что бытіе ихъ непрочно)? Какая напрошивъ самонадѣянность въ Римлянахъ, какъ они полны сознанія, что жребій ихъ — владычествовать надъ міромъ; какъ они издѣваются надъ геройскимъ самооп-

верженіемъ Италійскихъ народовъ, защищающихъ своихъ Пенатовъ, свою независимость, и какъ опасно было побуждать Римлянъ!!! Римъ, раждаясь, уже является какою-то необходимостію, судьбою, копорая должна поглотить живую самобытность Грековъ и полудикую независимость племенъ Италіи. Римъ построивается, творится въ Исторіи народовъ съ непреодолимою силою и, какъ брошенный камень, спремится къ своему центру — владычеству надъ міромъ.

Откуда эпопѣя непреодолимый законъ Рима обращалъ въ Римъ всё, что не было Римскимъ? — Сдѣлать выписку причинъ величія Рима не значить показать необходимость Рима. Надъ народами вѣетъ геній челоуѣчества и невидимою рукою движеть массы ихъ не по случайному, а по умышленательному направленію. Здѣсь должно имѣть дѣло не съ фактами, а съ идеями права, копорыя образуютъ неспройныя массы народовъ въ спройное органическое. Здѣсь должно факты Исторіи обратиться въ понятія и видѣть, какъ идея всемірнаго права, пробиваясь сквозь неправоуѣрный бытъ древней Европы и Азии, хочеть утвердить свое владычество на Римской площади во имя всеобщаго разума народовъ. Римъ силенъ не

о себѣ; не о себѣ онъ призываетъ къ повиновенію обитателей земли; онъ исполняетъ только посольство всемірнаго права, которому угодно было водрузить свою самостоятельность на Римскомъ форумѣ. Это черта Рима быть органомъ идеи человечества, урокъ, заданный ему Провидѣніемъ, — онъ кончилъ его, и мужественные легіоны и масшпный Сенатъ не спасли его отъ гибели! Геній человечества сбрасываетъ Римскую одежду и покоряется всемірной церкви... *еврныкъ!*

Чтобы понять необходимость юридическаго полномочія Рима, должно сморъть: какъ онъ относился къ идеѣ человечества, какъ его право относилось къ всеобщему праву; откуда онъ и для чего пославленъ? Чтобы отвѣчать на сіи вопросы должно знать прошедшее Рима, начало Рима п. е. по, что еще не было Римомъ; надобно схватить ensemble древности, чтобы понять назначеніе Рима и по, до какой степени онъ выполнить сіе назначеніе? Древній юридическій міръ можно раздѣлить на три великіе періода раскрытія права: Восточный, Греческій и Римскій. Первый должно назвать Религіозно-семеиспвеннымъ, второй полиспи-

ческимъ , прерпій часпнымъ гражданскимъ періодомъ права.

Востокъ еслъ колыбель семейсва и религіи. Для шого и другаго основаніе лежитъ въ прошедшемъ. Ничпо въ Азіи не имѣеть полномочія и значенія, кромъ прошедшаго. Въ семействѣ родоначаліе , въ религіи предопредѣленіе подавляющъ всякое движеніе личныхъ правъ, или индивидуальной самобытности. Настоящее управомочивается прошедшимъ. Азія предспавляетъ величайшую широту для развитія опеческой власти и неспройной дѣятельности членовъ общества. Почпи всѣ Азіійскія законодательства суть религиозно-семейственныя успавы , подкрѣпляемыя обширнымъ уголовнымъ правомъ. Быпіе права въ Азіи задерживается среди семейсва неразвитымъ , непреложнымъ , лишеннымъ періодическаго спѣянія во времени : Азія лежитъ въ проспранствѣ , а не во времени , въ подлѣпоставленіи , а не въ послѣдовательности. По сему для свойсвеннаго ей развитія права нуженъ одинъ мѳментъ времени : — чудесное откровеніе ; за шо требуется безпредѣльная широта въ проспранствѣ. Вездѣ господствуетъ физическая сила. Опеческая власть — судьба , супружество —

плѣнь, рабство, многоженство. Право вещей не выступаетъ изъ предѣловъ семейственнаго приобрѣтенія собственности. Право обязательствъ, основаніемъ коего должна служить гражданская способность избрать изъ двухъ благъ лучшее, не имѣетъ ни малѣйшей положительности. Личность и собственность внѣ семейства не имѣютъ никакой самостоятельности; всякая частная обида согражданину есть оскорбленіе величества. Гееренъ говоритъ: „кто дерзнетъ за чужь Монгола, тотъ оскорбляетъ величество, ибо чужь принадлежитъ не обиженному, а его Князю.“ Анкешиль Дюперронъ думалъ опровергнуть теорію Монпескьё, доказывая существованіе контрактовъ, собственности, личности въ Азійскихъ государствахъ. Но сіи договоры и собственность, что значатъ предъ минушимъ произволомъ судей, которые сами себѣ не полагаютъ предѣловъ и правилъ власти? Они появляются только тогда, когда произволь дремлетъ или сморщитъ на сіе равнодушно; но какъ скоро онъ беретъ жезлъ, то собственность и права исчезаютъ предъ нимъ какъ пускльй свѣтъ факела предъ свѣтомъ полудня. И такъ право въ Азіи опирается на религіи и случаѣ, и само по себѣ не имѣетъ никакой

спва для физиковъ; большой и малый *бамбукъ* какъ регретnum mobile возникаетъ изъ каждаго правоположенія (Гансъ).

Высопы Авганиспана и Индоспана, соспавляя переходъ къ передовой Азіи, предспавляютъ погруженіе человѣческой дѣятельности въ духовномъ мірѣ. Кодексъ *Мену* естъ развитіе религіозной правды, или стихопвореніе о будущихъ наградахъ и наказаніяхъ; судъ Божій на землѣ являетсѣ во всей его обширности. Но ашализмъ воспочной Азіи и богопвореніе природы, проспираясь на западъ, посспепенно перяютъ свое могущеспво; идея безконечнаго являетсѣ двойспвенной и начало добра олицеспвряетсѣ въ чиспѣйшимъ вещеспвѣ — свѣспѣ. Цвѣспѣ Азіи естъ *Персидское государство*. Ея законодательспво естъ безмѣрная полиція — внупренняя и внѣшняя. Идея блага господспвуеетъ въ дѣйспвіяхъ внѣшней воли: — порокъ и преступленіе безразспвенны; грозная быспропа, всевидѣніе и молніа исполненія воли Царя Царей соспавляютъ достоинспво Персидскаго права. Здѣсь пещеры слышатъ, звѣзды видятъ, земля чувспвуеетъ и камни говорятъ! Государспво естъ шѣло, въ которомъ живетъ грозное, мрачное провидѣніе Персіи; политическіа

власти сушь очи, уши, ноги царскія, а Lex Regia есьь несомнѣнная истина, что Царь Царей есьь повелитель вселенной и средоточіе земной поверхности. Персидское право не имѣло ни положительности, ни періодическаго развитія! — Двойство Персіи уничтожилось; единство Божіе открылось въ *Иудействѣ*, которое составляетъ переходъ отъ Азіи къ Европѣ. Право Моисея, какъ право Божественное, долженствуетъ быть вѣчнымъ; но тѣмъ не менѣе Еврейская Юриспруденція, какъ определеннѣйшій способъ понимать сіе право, подверглась постепенному измѣненію и совершенствованію. Номадное начало Востока со всею силою выпѣсняется изъ Еврейскаго кодекса: „Не суди одинъ, единъ Богъ судитъ одинъ; — единъ Богъ судитъ одинъ, и судъ его вѣченъ“ — говорятъ раввины. Здѣсь нѣтъ болѣе матеріальной силы, поглощающей личность и собственность гражданина, ибо все Еврейское брата, — дѣти Авраама, Исаака, Иакова. Отсюда субботный годъ и Юбилей (годъ оставленія) — политическая мѣра къ возстановленію равенства участковъ земли. Государь, покушающійся на собственность Еврея, чрезъ сіе объявляетъ себя врагомъ опе-

чества и Иеговы. Хотя личность и собственность столь строго были ограждены отъ приязаній сильныхъ ; но не смотря на то, право опиралось не на себя самомъ, а на необходимости прошедшаго. Основаніемъ права личности и собственности была не столько равная способность вмѣняемости дѣйствій, и идея уравниенія, сколько единство крови: ибо всѣ были дѣти Авраама. Чрезвычайное развитіе внутръ-семейственнаго быта произвело положительное личное право. Правасупружества, помолвки, право приданства, разводовъ, рабства, опущенія на волю получили опредѣленность, а логика Фарисеевъ сообщила имъ даже гибкость, напоминающую Римскихъ юристовъ. Но — условныя права: — обязательства, которыя можно назвать пробой юридическаго образованія народа, хотя имѣли случай развернуться и совершенствоваться, оспались безъ систематической положительности. Уголовное право содержить грозныя и частыя восклицанія законодателя: „да умреть, дабудеть извержень“ — но вмѣстѣ съ симъ показываетъ рѣдкую осмотрительность въ произнесеніи смертнаго приговора. Главная заслуга Еврейской Юриспруденціи состоить въ томъ, что она, открывъ народамъ единство

крови и духа, возвела ихъ къ идеѣ чловѣчества, которая разрушила оскорбительное раздѣленіе людей на лица и вещи (у Римлянъ,) и соединила ихъ узами брапской любви. *Въ Египтѣ* чловѣчество лишено было наилучшаго изъ даровъ — слова, и обрапилось въ припчу рабоннаго соспоянія общеспва. Механическое образованіе Египта изковало вѣчныя формы для гражданской жизни, которые подобно станку или прессу, сообщили фабричный характеръ добродѣтели и справедливости. Вѣчныя камены свидѣтельспвуютъ о невозможности періодического развитія права къ самоспоятельному его бытію, и хоня Гермеспь ихъ, геній звѣзды Сиріуса, верховный судія Египта, дважды являешся для упвержденія законовъ, но право при всемъ помъ испуило далѣе уголовного и межеваго. Не таковъ былъ *Греческій* Гермеспь! Сей послѣдній не еспь безмолвно говорящая колонна, а — окрыленный, съ жезломъ мира и убѣжденія. Геній Сиріуса являешся свѣповиднымъ и вѣчно-юнымъ Фебомъ, окруженнымъ девятью музами; Греція еспь мръ симметріи и гармоніи. Для развитія Азіанской гражданспвенности пребовалась огромная маперіальная широта: границы Персіи перялись въ безмѣрныхъ степяхъ Азіи и Европы;

напроривъ для Греческой цивилизаціи, велику она была вся движеніе, вся мысль — быспрая, крылапая, — нужна была не широта, а время — начало измѣненія и преемства. Персія возраспала проспранствомъ — опдвигая границы государствва далѣ и далѣ; напроривъ Греція, не чувспвуя земли подъ ногами, должна была расширяться какъ мысль, какъ слово. Она спремилась въ высоту и искала первенства. Аѣинская республика, испинная представипельница Греческой гражданспвенности, въ блиспательный періодъ своего сущеспванія, напрягала всѣ силы разсадишь Аппическія идеи на сушѣ и на моряхъ: эпо ея воины! Греція спрашилась Персидскихъ войскъ, Персія нашеспвія Греческихъ идей. Азія еспь безмърный маперикъ; Греція — непрерывный берегъ; посему пляжеспь безмърнаго міра, подавляющая Азійское разумѣніе и волю, по закону Греческой симметрии, изъ государствва была исключена, а на мѣсто ея являеспь *кормос* — *миръ и красота*. Масса успунила изящнымъ формамъ, изображающимъ единство въ разнообразіи. Въ Греческомъ семейспвѣ опкрывается одноженспво; опеческая власпь смиряеспь предъ шипломъ гражданспва; право завѣщавашь соединено съ пользами госу-

дарства. Но поелику широта была исключена изъ элементовъ государства, то нравственная сила долженствовала пробудиться и пришла въ сильное напряженіе: рѣдкость боевыхъ рядовъ надлежало комплектовать широкими плечами, спѣны городовъ замѣнить спальной грудью воиновъ-гражданъ. Отсюда неуваженіе къ правамъ семейственнымъ и умственная полиція: дѣпоубійство, воспитаніе и гимнастика. Для защищенія опечесства и словомъ и дѣломъ, надлежало дать въпрямъ государству всю поверхность нравственныхъ силъ, героизмъ самоопроверженія вознаграждать пишломъ гражданства, и государство оградить дружнымъ единствомъ. Въ слѣдствіе сего Греція есть земля политическаго права, и вся юриспруденція для ней не что иное, какъ система политическихъ мѣръ, система равновѣсія. Отсюда почешное званіе донощика, орапорра, рипора; вся масса гражданъ есть безсмѣнное правительство. — Греція была равнодушна ко всему, что было непубличнымъ; даже право обязательствъ, не смотря на кипящую промышленность, по выраженію Цицерона, оспалось правомъ добросоевѣстнымъ, неустроеннымъ, даже

смѣшнымъ. Ея промышленныя идеи перешли въ сочиненія Римскихъ юристовъ. Греція, какъ земля красы, мѣры, гармоніи, не имѣя матеріальной широты, не могла долго существовать. „На по и цвѣтъ члѣобы увянуть и дасть плодъ. Молнія освѣтила ея бытіе, и молнія его убила (Гансъ).“ Сближеніе симметрической гражданственности съ безмѣрною Персией; или патристическаго энтузіазма съ безчувствіемъ рока, было торжествомъ духа надъ матеріей; но торжествомъ зловѣщимъ. Греція начинаетъ выплывать изъ мѣры, изъ внутренняго міра во внѣшній; за мгновеніемъ намѣренія слѣдуетъ ударъ завоеванія. Александръ Македонскій вывелъ Грецію изъ себя самой въ состояніе пространственное. но Греція вѣрная своему характеру, скорѣе погибла, нежели примиралась съ новымъ образомъ бытія. Александръ насадилъ царства, а возрасли школы, сѣялъ администрацію, а возникла философія. Истинно Греческій завоеватель есть Аристократъ: — его имперія продолжалась на пространствѣ двухъ тысячъ лѣтъ. Со времени Александра всемірный духъ гражданственности простирается съ Греціею и переселяется въ Римъ.

Мы видѣли, что ни Воспокъ, почи-
 ющій въ безмѣрномъ проспранспвѣ, ни
 даже Греція, создавшая полипическій кос-
 мосъ, не осуществили самоспояшельнаго
 права. Риму предшеспвуютъ два міра: Во-
 спочно - семейспвенный и Греческо - по-
 липическій, раздѣленные между собой рѣз-
 кою черпою. Право, какъ гармоническое со-
 единеніе нравспвеннаго блага и маперіаль-
 ной пользы, знаменуя сліянніе вещей бо-
 жескихъ и человѣческихъ, для осуществленія
 своего, пребовало соединенія Воспчнаго и
 Греческаго элемента — широпы проспранспва
 и преемспва времени, необходимости и произ-
 вола. Декарптъ пребоваль маперіи и движенія,
 для сооруженія вселенной; Профессоръ Гансѣ
 пребуептъ паприціевъ и плебейцевъ, чпобы
 создашь испорію Рима. Римъ имѣль по и дру-
 гое; „онъ былъ корабль о двухъ якоряхъ — онъ
 имѣль нравы, и религію“ говоритъ Монпескье.
 Онъ вмѣспилъ въ себѣ Воспокъ и Грецію,
 Эпрусковъ и Лапинцевъ, паприціевъ и пле-
 бейцевъ. Ромуль родился опть Веспалки и
 Марса, сынъ вѣчнаго огня и силы — Воспока
 и Запада. Воспчное начало Рима явилось
 завоевашелемъ извнѣ: паприціи ведутъ
 плебейцевъ умирашь на берега Океана, Рей-
 на, Дуная, Евфрапа и Нила, въ спепяхъ

Ливіи и Нумидіи. Коспи плебейцевъ указуишь границы имперіи. Греческое начало Рима, — плебейцы, являюися завоевателями внутри государства; — это вихри форума, организующіе матерію семейственнаго Рима. Они стремятся задержать и опрокинуть паприціанское расширение силъ, осаждаютъ его въ Куріяхъ, въ Капитоліѣ, въ Сенатѣ, въ прибумныхъ и ценсуріальныхъ собраніяхъ. Они пребуиють раздѣла полей, пребуиють, чтобъ сіи поля, добышья благородной кровію гражданъ, были орошаемы попомъ. Здѣсь Персидскія войны Греціи нали внутри государства. Бышье Рима есть непрестанная война извнѣ и внутри, и резульпашь ея есть признаніе самостоятельности права, признаніе права, опирающагося на себя самое — *Имперія права!!!* Посему Римская исторія имѣетъ въ высшей степени періодичность, которая по самой природѣ Рима должна осуществляться въ прехъ моментахъ идеи права. *Періодъ первый* содержитъ въ себя пропашженіе воспочной гражданственности и права. Върваніе господствуетъ; мысль дремлетъ въ символахъ и обрядахъ: полетъ пшпцъ, внутренность животныхъ, молнія, замѣняютъ движеніе мысли. Человѣкъ вмѣсто себя заставляетъ мыслишь природу:

случай владычествуетъ надъ опчепливими намѣреніями гражданина. Сила опчепства — паприціашъ поглощаетъ — полипическую значительность сыновей Рима: кліенты и воли въздѣлываютъ поле паприціа, завѣщанное ему непреложною волею родоначальниковъ. Паприцій вычисляетъ свои достоинства степенями рожденій, и генеалогія, описывающая права его въ непроницаемое прошедшее, возводитъ бышіе его къ началу міра, къ вѣчности. Бышіе паприціа необходимо какъ природа, полномочно какъ боговъ ихъ воля; онъ созерцаетъ мысль свою въ запѣвнѣй свѣшилъ, въ колебаніи земли, и заставляетъ просподушнаго плебейца чинать ее и исполнять безпрекословно. Онъ пишетъ пророчества на будущую судьбу Рима, вступаешь въ бракъ, вноситъ сіе событіе въ книгу вѣчности, какъ знаменіе паниспвеннаго рожденія Рима. Сіе ограниченное божество пребуешь пвердой почки для утвержденія себл на земль, и собспвенность являешь подъ нимъ освященль волею боговъ. Но сіе божество въ пѣши полагаетъ *Терминъ* своему владычеству, и всё, что спунитъ на его священную землю, падаетъ въ очарованный кругъ его семейства. Все приемлетъ жизнь опъ

него и возвращаешь ему: — ему принадлежить вѣрность кліентовъ, судъ и милость, жизнь и смерть надъ всѣми членами его семейства. Являются права обязательствъ, но основаніе ихъ не есть согласіе договаривающихся и обоюдная польза, а роковое слово, за неисполненіе коего должникъ спирается съ лица земли или приковывается къ землѣ (*jus strictum*). Передача собственности не есть дѣло произвола, но воля боговъ, измѣняющая терминъ собственности, и потому сопровождается священными обрядами и торжественностію. Пандриціанскій періодъ есть творческій періодъ Римскаго законодательства — періодъ положительный; по сему Нибуръ весьма справедливо называетъ его до историческимъ, баснословнымъ, періодомъ поэзіи Рима, поэзіи холодной, корыстной, условной — юридической. Времена дремоты и обаянія природы человеческой!

Сколько ни сильно религіозно-семейственное начало Рима, но оно является уже не пѣмъ, чѣмъ было на воспокъ и въ Греціи. На воспокъ оно открылось нравственной силой, опрѣшенной опъ всего земнаго — каспой, по сему невредимымъ, недосыгаемымъ для матеріальной силы; на-

прошивъ въ Римѣ религіозное безразсудство съ полипическимъ: паприцій въ лицѣ своемъ совмѣщаетъ жреца и героя; но посему же оно становится религіознымъ не въ святилищѣ вѣры, а на форумѣ, — доступнымъ для ударовъ матеріальной силы. Трибунъ черни могъ безъ святопапства произнести „privilegia ne irroganto.“ Но религіозное начало Рима не сходно также и съ Греческимъ. Первое было въ государствѣ, въ Капитоліѣ; второе — внѣ государства, въ Дельфахъ, при томъ ни кастой, ни сословіемъ; у Грековъ оно было оракуломъ, и потому должно было ожидать ударовъ не отъ плебейцовъ Греціи, а отъ философовъ, проповѣдниковъ истиннаго, благаго и изящнаго. Римская сила, олицетворенная въ паприціяхъ, отбросивъ умозаключительность права, открылась силою корыстной, имѣющей цѣлю владычество надъ личностію и собственностию другихъ, слѣд. по своему направленію уже должна была ожидать прошиводѣйствія; напрошивъ сила Греческая сосредоточивалась на Олимпійскихъ играхъ для пріобрѣтенія побѣднаго вѣнка, и будучи изъята изъ государства, обнаружилась силою безкорыстной, симметрической, изящной. Паприціанская сила подала поводъ

къ системапическому развитію права при-
обрѣтенія вещей (*res mancipi*); — сила Гре-
ціи, обращенная на саму себя, образовала
Гимнаспику. Это Геркулесь, испребляющій
чудовищъ Греціи; Римлянъ называли волка-
ми Ипаліи.

Періодъ Политическій представляетъ
успѣвающее могущество плебейсва, кошо-
рое въ началѣ своемъ, какъ нераскрывшее-
ся сѣмя, погребено въ землѣ Паприціанской,
не имѣетъ ни мысли, ни воли; это *Брутъ*,
(Мишелеть, въ Римской исторіи) припавшій-
ся безумнымъ и безсловеснымъ; но какъ скоро
онъ научился произносить — *veto*, всѣ па-
ланшы, коими снабжена природа челове-
ческая, не замедлятъ помрачить нѣмой языкъ
природы и символики, на коемъ говорили
съ нимъ паприціи. Паприціи, какъ боги,
родились съ собственностью, правами, пол-
номочіемъ, — они были *дома у себя*, старо-
жилы Рима, почти современники Сатурна,
и записаны въ книгу космогоніи; плебейцы
напротивъ ничего подобнаго не имѣютъ.
Они пришельцы, *люди безъ рода, безъ
племени и безъ прозвища*, однолѣтнія соз-
данія природы. Они не имѣютъ прошедшаго,
за то взоръ ихъ безсклонно усмреленъ въ
будущее, исполненное очаровашельныхъ на-

деждъ. Кто хочеть знать природу плебейца, пошь проникни въ будущее... шамь, подобно природѣ онъ непрерывно рождаеця, и доколѣ государство успѣваеть, нельзя еще сказать, что онъ родился. — Племя надежды, сынъ старости государства — И онъ проситъ Римской земли пославить свою божницу (*Sacrum privatum*), проситъ жены и хлѣба именемъ человечества и справедливости. Ему отказываютъ во всемъ, онъ, удаляеця на Апеннинскую гору, гдѣ, по словамъ Ливія, идеть каменный дождь и слышны грозные голоса изъ священной рощи (*Lucus*), и спавитъ шамь кумирь человечества предъ опалющимъ огнемъ Весты и священнымъ ликомъ Нумы Помпилия. Брунъ требуетъ законовъ, и добываетъ XII табб. Поелику божественная воля не снисходитъ на помыслы и согласіе плебейца, но онъ призываетъ во свидѣтельство *гласъ народовъ*, и повелѣваетъ Римскому Препору внести его въ годовой адиктъ. Онъ утверждаетъ свое обязательство именемъ справедливости и рѣшаетъ споры добросовѣсіемъ; Терминъ отказывается спорожить его границы, за то онъ поручаетъ ихъ грозному лицу прав-

ды и честности. Ему негдѣ утвердиль свою собственность, — паприціанская нога стояла на глыбахъ Римскихъ полей, — онъ колонизуется на рубежахъ Имперіи, воздѣлываетъ непосвященную землю (*ager profanus*), или воздвигаетъ поле изъ себя самого. Онъ взоралъ свои паланшы и, чего не вдалъ безусловно, по добыль по условію; онъ собираетъ жапву съ полей паприціа и расплачиваеиъя движимымъ имѣніемъ своего духа — плодами прудолубія и бережливости. Паприціанская собственность лежала за городомъ, плебейская утвердилась въ городѣ. Римъ ещѣ поле и городъ! Какое обширное поприще для развитія права вещей и обязательствъ! То же двойство пробѣгаетъ по всему пространству частнаго права: *Aequum et bonum* есть Авеншинская высота, на которую плебейская юриспруденція испоргалась изъ стѣснительныхъ формъ строгаго права.

Періодъ *Императорства* содержитъ примиреніе враждующихъ сторонъ — паприціевъ и плебейцевъ, и есть раскрытіе частной Римской жизни, основанной на правилахъ всеобщаго права въ противоположность первобытной частной жизни. Сія

послѣдняя выразилась совершенной независимостію, враждующею проптивъ законовъ разума; независимость гражданская напротивъ соединила безусловный семейственый бытъ съ условіями общественнаго блага. Періодъ Императорсва естъ блистательное развитіе частнаго гражданского права, которое можно назвать предѣломъ развитія идеи права. Въ правѣ обязательствъ національность уничтожается, и справедливость является въ отрѣшенномъ видѣ, въ видѣ всеобщаго разума законодательствъ. Поелику сей періодъ естъ соединеніе общаго съ частнымъ, то философія юриспруденціи вступаетъ въ дружеское отношеніе съ казуистикою: каждое правило содержится въ случаѣ, и каждый случай естъ общее правило юриспруденціи. Между тѣмъ въ природѣ ничто не останавливается; — казуистика обезсиливаетъ образовательную силу мысли, и законодательство ищетъ спасенія *въ компиляціи*. — Дальнѣйшее образованіе народнаго разумнѣя, отпоргшись отъ высшихъ идей, подобно Африканской рѣкѣ, перелетя въ пустынь эгоизма. Наконецъ сама природа заворяетъ свои сокровища отъ усалаго разумнѣя. Наступаетъ вѣкъ спарческаго

дѣспва , вѣкъ безнадежный и печальный! При семь должно сознахся , что самая улонченность юриспуденціи , совершенство частнаго Римскаго права , свидѣпельспвуесть прохивъ глубокой порчи Римскихъ нравовъ и обличаетъ глубочайшій упадокъ общеспвеннаго и частнаго кредита. Волки Ипаліи оборопились въ Визаншійскихъ лисиць , политическій разбой въ алчное и лукавое домогательспво чужихъ владѣній и трудовъ. Римская наглость заключила союзъ съ бездѣльничеспвомъ вырожденныхъ Грековъ. Еще Верресъ держалъ при себѣ двухъ Грековъ , копорые исполняли должность чупкихъ живописныхъ , и имѣли чрезвычайно тонкое обоняніе къ чужимъ сокровищамъ , нажинымъ продолжительнымъ и благороднымъ прудомъ.

Древняя гражданспвенность , зачавшись на Воспокъ , и совершивъ великое періодическое очищеніе , снова возврапилась на Воспокъ — въ лоно вѣчнаго покоя. Конспанцинополь еспть новый , или Имперапорскій Римъ , гдѣ Воспокъ и Западъ , Азія и Европа , обезсиленные продолжительной борьбой , склонились къ взаимному примиренію. Конспанцинополь , поспепенно упадая въ Греческую Азію , еще долго помил-

ся на смершномъ одрѣ своемъ, еще школы и совопросники кипѣли въ его нѣдрахъ — послѣднее движеніе Греческой жизни, когда Римъ, очнувшись опъ ударовъ сѣверныхъ варваровъ, снова поднялъ главу, снова попребовалъ властительства надъ всею вселенной, и народы снова повиновались его гласу. Дряхлѣющее Римское разумѣніе еще довольно имѣло образовательной силы. Римъ далъ церкви администрацію и Каноническое Право. Жизнь великаго народа не оспанелась безъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Римъ завѣщалъ грядущимъ поколѣніямъ свои безсмертные законы, и еще изъ гроба законодательствуетъ, изъ гроба совѣтуетъ и правитъ совѣстію Европейскихъ трибуналовъ.

Ө. Морошкинъ,

II.

ЖЕНИ ЦВѢТОЧНИЦА.

ИЗЪ

CONTES FANTASTIQUES PAR. M. JULES JANIN.

Исторія Жени чудная и странная: она занималась ремесломъ, въ колпоромъ, сударыни, я не умѣю дать вамъ опчела; впрочемъ Жени имѣла доброе сердце и прекра-

сную, свою особенную біографію, хотя самую ничтожную, — одну страницу въ нашемъ собраніи арписистовъ. Жени была споль полезна искусству!

Называю — Жени цвѣточница, попому что она прибыла въ Парижъ для продажи розъ и фіалокъ блѣдныхъ, какъ она, бѣдняжка. Для сбыта цвѣтовъ въ Парижѣ есть два или три удобныхъ мѣста: вечеромъ, опера, когда разливаеця гармонія и блистаетъ газъ; когда богатыя Парижанки, убранныя въ бриліанты и кружева, отправляющіяся шуда предавались пѣнищельнымъ воспоргамъ сладкозвучія; въ это время выгодно имѣть запасъ розъ и фіалокъ — продажа вѣрная. Но въ то время, когда Жени явилась въ Парижѣ, она продавала свои цвѣты только на мосту искусствъ и продавала цвѣты безцвѣтные и не душистые, (образъ слишкомъ вещественный академической поэзіи) цвѣты увядшіе для употребленія проходящихъ гризешокъ. Опъ такой торговли Жени было нечего ожидать.

Жени изнывала въ слезахъ и бѣдспвіяхъ разнаго рода. Но это происходило не опъ того, чпобы на нее не обращала вниманія публика; напрошивъ ей многіе уди-

влялись въ помъ кругу , гдѣ она продавала свои печальные цвѣты. Многіе спарики , испинные волокишы мѣщанства , говорили ей пошлыя нѣжності , осыщали ее двусмысленностями , но Жени ихъ не понимала : мѣщанскій распупникъ слишкомъ опврашишелень ! При всемъ помъ бѣдная дѣвушка продавала свои цвѣты хуже и хуже со дня на день. Такъ какъ порговля шла худо , то надобно было избавишься опъ эшаго бѣдспвеннаго положенія , за какую бы то ни было цѣну.

Когда говорю я , за какую бы то ни было цѣну , я ошибаюсь : не за цѣну невинности , бѣдная Жени , не за эшо скоро проходящее счастье порока , улепающее такъ скоро и замѣщающееся безславіемъ. Не бойся ничѣго , моя цвѣпочница , за свое пригожее личико ! съ пвоей красопою и молодостию можно непорочно сославить счастье , можно заниматьсь однимъ невиннымъ ремесломъ , понимаешь ли ты меня ? Съ пвоимъ шполь свѣжимъ лицомъ , съ пвоими нѣжными пальчиками , съ пвоей благородной осанкой , съ пвоимъ спройнымъ спаномъ и пвоей ножкой , придающею восхищительную форму скуднымъ башмакамъ.

Иди ко мнѣ въ мастерскую, прекрасная Жени, иди спать подалѣе! — Самое дыханіе мое не обезпокоитъ тебя. Спать спать, моя милая, подъ эпимъ лучемъ солнца, который обливаешь тебя дѣвственной близною. Будь нѣма и спокойна, позволь окружить тебя искусствомъ и поэзіей! Сего дня ты будешь для меня божествомъ, для меня, какъ живописца! Я уже вижу смѣющіяся краски, легкіе облики, восхитительныя видѣнія путешествія моего по Италіи, летающія вокругъ твоего рубища! Стой спать, Жени, стой! — Сколько разъ ты измѣнишься подъ моей кистію, на моемъ полотнѣ, въ моей душѣ, предъ моимъ взоромъ! Прелестная дѣвушка съ милою улыбкой, молодые люди о тебѣ мечтаютъ и пишутъ для тебя стихи.

Будь важнѣе, подними свои дугообразныя брови, удержи эту улыбку; я представляю тебя царицей и знамною госпожей; послѣ сего, если ты захочешь склонить голову на твою руку, если захочешь мнѣ сладостно улыбаться; если захочешь предаться поэтическому помлению мечтающей дѣвы, я представляю въ тебѣ болѣе, нежели дѣву; я шворю тебя любовницею Рафаеля или Рубенса. Бѣдная дѣвушка! Это

для себя гораздо больше, нежели бы я изобразилъ себя любовницею Короля.

Жени, неисчерпаемая Жени! При ея появленіи меня объемлешь и пѣснись вдохновеніе! въ моихъ жилахъ горячка искусства, палипра въ безпорядкѣ, моя грубая палипра изъ дубоваго дерева; кисль у ногъ моихъ препещешь, подобно охотничей собакѣ, колпорую держашь на сворѣ; иди Жени; уже пора. Жени идетъ, послушная какъ воображеніе, покорная и кропкая, готовая на все, на все, что есть въ искусствѣ невиннаго и поэпическаго. Ну, Жени, становись, я хочу видѣшь въ себя одну изъ пѣхъ красавицъ Греціи; — такую, какую видѣлъ Апеллесъ, когда всѣ онѣ вмѣстѣ собрались для изображенія статуи Богини. Ты такъ хороша, моя прелесная Гречанка, моя спротага красота, моя Аеинянка съ восхипишельными формами! И если я хочу переменить мою всемпсную красоту, она измѣняешся; вошь она Римлянка, Римлянка Имперіи, Римлянка подобная Римлянкамъ Авенила.

И такъ Жени, оставь пиршество; внимай пѣнію пирующихъ, перечпи мнѣ оду Горація къ Глицеріи, къ Неэръ, будь хороша и роскошна: проспрись на своихъ

носилахъ , несомыхъ Гальскими невольниками ; замѣни золопомъ лѣпа перспни зимы. Но прежде всего , прежде нежели предспавишь упоеніе , завпракала ли ты сегодня , Жени ?

Вы всѣ не можете предспавить себѣ , что это такое за дѣвушка , которая вмѣспѣ бодрспвуепть и мечпаепть , мечпаепть для васъ ; вы не можете вообразить себѣ всей опасности и шрудности этого урочнаго положенія бѣдной женщины , которая цѣлые часы оспаепся неподвижною , нѣмою , опредѣлипельною ; надобно , чтобы она соединяла спраспѣ съ спокойспвіемъ , гнѣвъ съ спокойспвіемъ , упоеніе съ спокойспвіемъ , любовь съ спокойспвіемъ. Искуснѣйшая изъ акприсъ — это бѣдная моя дѣвушка , служащая для меня цѣлый день образцемъ ; — акприса предъ однимъ человѣкомъ , акприса въ уединенной комнатѣ , акприса драпирующая лоскупьями , — царица , для коей фуларъ служипть короною , панцовщица , коей бальное плашье соспавляепть черный передникъ , свяпая , молящаяся мученица , съ очами обращенными къ небу , поющая пѣснь Беранжера.

Бѣдная, бѣдная женщина! она испытываетъ всѣ крайности, повинуюсь малѣйшей прихоти художника: ее жгутъ, рѣжутъ, душатъ, распинаютъ, погружаютъ въ сладостраспную нѣгу Воспока; она въ адѣ, на небесахъ; она все! она переходитъ всѣ привычки жизни: знатная госпожа, мѣщанка, царица, баснословное божество, чего еще хочише? И все это дѣлаетъ она безъ малѣйшаго одобренія, безъ малѣйшаго участія въ удивленіи, возбуждаемомъ образцовымъ произведеніемъ. Разсмащиваютъ картину: какъ хороша эта женщина! какой взоръ! какія руки! сколько сильныхъ вдохновеній въ этой головѣ? Художника превозносятъ до небесъ; осыпаютъ его золомомъ и почестями; для бѣдной Жени ни одного взгляда; а между тѣмъ картина есть созданіе Жени!...

Спранное вмѣстилище красоты и бѣдности, искусства и невѣжества, смѣливости и шупоумія! Безъ позора прекрасное швореніе изпоргается невиннымъ изъ рукъ и опъ взоровъ властелина, повиновавшись слѣпо его самымъ спраннымъ прихотямъ; пошому что искусство есть искупленіе всѣхъ дѣйствій,

возвышающихся надъ чернью; попому что искусство облагороживаетъ все; попому что искусство имѣеть выгоду, подобно операшору, копорому предають пруть безъ раскаянiя и угрызенiя; также, попому что Жени была споль скромна, пиха, какъ и прекрасна, Жени была покорна художнику, покорна слѣпо, когда эшого пребовало искусство; но здѣсь кончалось ея призванiе. Когда художникъ содѣлывался человекомъ обыкновеннымъ, Жени оспавляла свою блиспапельную роль, она нисходила съ облачныхъ спранъ, куда поселилъ ее художникъ, чтобы вознеспись пуда съ нею, Жени содѣлывалась обыкновенною женщиною; чтобы лучше защищатсья, она пряпала свои бѣлыя руки, набрасывала на грудь нищенскiй платокъ свой, обувала обнаженную ногу въ изношенный чулокъ; и тогда не почпили бы царицу, но чпили бы бѣдную Жени.

Хопите ли знапь, что сдѣлалось съ Жени? она оказала искусству болѣе услугъ нежели всѣ наши Миниспры внупреннихъ дѣлъ въ продолженiи двадцапи лѣтъ. Она усѣяла наши храмы прекрасными образцами свяпыхъ, копорымъ покланялся бы и самый

Пропешпантъ , она наполнила наши будуары картинами милыми и очаровательными ; пѣми головками , на которыхъ съ такою жадностію смоприть гоповящаяся быль маперью ; она придала картинамъ Историческимъ свое прекрасное лице и прелесныя руки.

Ея благодѣтельное вліяніе долго было оцупищельно въ масперскихъ нашихъ художниковъ : присупствіе Жени въ масперской было уже залогомъ успѣха.

Жени пренебрегала искусствомъ посредственнымъ , но по призыву знаменитаго художника , она спѣшила распускать свои волосы , ввѣрляла милое лице свое полько генію и полько ему одному вѣрила.

Когда одобряемый художникъ былъ бѣдень , Жени охотно вѣрила ему въ долгъ. Милая дѣвушка ! она одна поощрляла искусство болѣе , нежели Медицисы въ Италіи. Но увы ! искусство потеряло Жени , потеряло прекрасный образецъ — и безвозвратно.

Жени , измѣня искусству , чпобы быль вѣрною мужу , вышла за прекраснаго и богатаго дворянина , который преждевремен-

но зналъ ей цѣну, зналъ сколь цѣломудренна ея нагоша, сколь существенна ея предель безъ покрыва. Съ этого времени искусство оставлено самому себѣ, безъ добродѣтели, безъ силы, безъ будущности, безъ счастья, безъ идеала.

Вы спрашиваете, что сдѣлалось съ Жени? Она сдѣлалась шѣмъ, чѣмъ дѣлаются всѣ прелестныя и красивыя женщины: счастлива и богата, она сдѣлалась теперь подобно всѣмъ добрымъ женщинамъ — любима, уважаема, привѣщиваема; знашная госпожа сохранила художническую любовь и преданность: она осталась художникомъ.

Правда, она бросила свою бѣдную одежду, свой простой фуляръ и овою случайную шаль; теперь брилліанты украшаютъ ея шею, ткань Нашемира покрываетъ ея плечи, платье ея вышито, ея шелковые чулки еще прозрачны, но теперь ихъ издырявили роскошь и прихоть; для ея бѣлыхъ рукъ теперь есть у нее Венеціанскія перчатки, и благовонія Воспока для нѣжной и мягкой кожи; теперь она имѣетъ званіе и прислугу.

Но не бойтесь, приближьтесь: знашная дама, все также — Жени, Жени цвѣ-

почница , Жени образецъ . Если вы великій художникъ , если вы Ингресъ , Деларожъ или Вернепъ , Декампъ или Жоаннопъ , — идите смѣло , скажите ей : Жени ! мнѣ надобна женская рука — и Жени броситъ вамъ въ глаза свои Венеціанскія перчашки . Скажите ей : Жени ! мнѣ надобны бѣлыя и нѣжныя плечи , мнѣ надобна препенущая грудь : — Жени сброситъ кашемиръ и обнажитъ предъ вами грудь и плеча . Скажите ей : Жени ! я пишу Апаланпу , мнѣ надобна нога Апаланпы , и Жени , знатная госпожа , какъ прежде Жени — цвѣточница , выкажетъ вамъ свою ногу ! Добрая дѣвушка ! просшая , опкровенная и преданная искусству ; любя красоту свою , потому что любитъ искусство , или употребляя красоту для искусства , ею любимого , она чистосердечно радуется своей красотѣ , потому что она хороша вездѣ : на полотнѣ , на камнѣ , на мраморѣ , на мѣди , на сѣнной глинѣ , на гипсѣ , всегда хороша . Пусть же искусство не съспуетъ о благополучіи Жени : она всегда будетъ принадлежноспію искусства — она его dospoяніе , она все его счастье . Искусство охотно отдаетъ ее въ супруги знатному человѣку ; но это только ссуда : надобно чпобы онъ всегда

былъ готовъ возвращать ее художнику, это послановленіе таинственно написано въ ихъ брачномъ условіи.

II. Кр. ва.

III.

ПРЕДИСЛОВІЕ СААДИ А) КЪ КНИГЬ , ИЗВѢСТНОЙ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ГЮЛИСТАНА (ЦВѢТНИКА).

Во имя Бога милосердаго и благаго.

Хвала Богу всемогущему и великому !
Повиноваться законамъ его — значить со-

а) Шейхъ Муслимъ единъ Саади , родившійся въ Ширазѣ въ шестомъ столѣтіи по Геджирѣ или двѣнадцатомъ по Р. Х. , принадлежитъ къ числу тѣхъ Персидскихъ авторовъ , которые сплужали безсмертную славу не только на Востокъ , но и между просвѣщенными народами Европы ; сочиненія его написаны прекраснымъ Персидскимъ языкомъ , и особенно отличаются тѣмъ , что въ нихъ не такъ много иперболъ , какъ въ другихъ произведеніяхъ Азіатскихъ писателей . Поучительныя испины Саади — плоды долговременной его жизни — облечены въ форму повѣстей , представляющъ много назидательныхъ уроковъ , относящихся къ разнымъ званіямъ людей . Сии повѣсти живо изображаютъ добродѣтели и пороки жителей Востока , и могутъ быть примѣнены къ нашему времени : человекъ всег-

единящся съ нимъ ; превозноситъ его похвалами — умножаетъ благодѣянiя , кото-

да былъ человѣкомъ , хотя главныя пружины его дѣйствій принимали различныя формы , смотря по духу времени и другимъ обстоятельствомъ. Разумѣется , судя по Европейскимъ понятиямъ , въ сихъ повѣстяхъ находилъ много испинъ обыкновенныхъ и странныхъ : но въ этомъ случаѣ всегда должно соображаться съ духомъ времени и народа , среди котораго жилъ Саади , и смотряшь на сего автора какъ на оригинальнаго , который не имѣлъ ни какихъ образцовъ , а слѣдовалъ собственному гению , не такъ какъ Европейскіе писатели , наспроиеніе свой умъ на ладъ древнихъ. По этому одному Саади заслуживаетъ вниманіе: ибо каждому просвѣщенному императору прiятно и полезно слѣдить за самобытнымъ развитіемъ ума человѣческаго , особенно между такимъ народомъ , который чуждъ намъ по религiи , образу правленiя и обычаямъ : мы весьма несправедливо поступимъ , когда изберемъ мѣриломъ одну Европейскую императрицу , и все проповорѣчающее ей и несогласное съ нею , будемъ считать смѣшнымъ и нелѣпымъ. Каждая литература , какъ выраженіе извѣснаго быта народа , имѣетъ свою физиогномію , которою гордится , какъ своею собственностію. Лучше видѣть оригинальное , хотя смѣшенное съ посредственнымъ , нежели рабское подражаніе иноземному , уничтожающему национальность. Такъ я мыселилъ , приступая къ переводу Гюлиспана — книги , котораго , надѣюсь , доставилъ прiятное и полезное чтеніе соотечественникамъ , весьма мало знакомымъ съ Азіатскою литературою. Я старался , сколько можно ближе къ подлиннику , передать оную на Русскій языкъ. Здѣсь предлагаю одно только предисловіе , имѣя цѣлю — показать

рыя онъ намъ ниспосылаешъ. Воздухъ, которымъ мы дышемъ, распространяешъ жизнь нашу и разливаешъ силу и бодрость по всему нашему существу. Каждое дыханіе наше имѣетъ сіи два благопворныя дѣйствія, за которыя мы должны благодарить Творца вселенной.

Прославляя Бога уснами и просирая къ нему длани, можемъ ли мы воздать ему должную благодарность? Почитайше и хвалите Господа, о потомки Давыда! Ибо не многіе изъ васъ признапельны къ его милостямъ. Тотъ чпитъ Бога, кто, сознаваясь въ грѣхахъ своихъ, проситъ помилованія передъ престоломъ его: ибо, какимъ другимъ способомъ, болѣе достойнымъ, можно прославишь его?

Дождь безчисленныхъ благодѣяній Бога оплодотворяешъ всю землю, безпредѣль-

методъ, по которому всѣ почти Азіяскіе писатели сочиняють свои предисловія.

Самый же Гюлистанъ, изъ котораго у меня уже много переведено, постараюсь издать въ концѣ сего или въ началѣ слѣдующаго года съ разными замѣчаніями, относящимися къ обычаямъ Персовъ и къ языку ихъ. Тогда изложу подробнѣе мнѣніе свое о достоинствѣ Гюлистана. *Перев.*

ное милосердіе его приготавливаетъ вездѣ роскошное пиршество. Онъ не раздираетъ завѣсы, скрывающей нечестивыя дѣла смертныхъ, и не лишаетъ ихъ пропитанія, не смотря на то, что они безпрестанно впадаютъ въ пресупленія.

О милосердый Боже! Твоими окрышными и неизчерпаемыми сокровищами пользуются даже чиптели огня и идоловъ. Какимъ образомъ ты лишишь милостей друзей своихъ, когда ты сохраняешь и защищаешь непріятелей?

Ты повелѣлъ, чтобы зефиры расплали по землѣ изумрудовые ковры, весеннія облака, подобно кормилицѣ, пипали бы распенія — дѣтей своихъ, въ лонѣ земли, какъ ихъ колыбели; ты повелѣлъ, чтобы деревья облекались въ величественную одежду зелени и украшались бы цвѣтами въпви ихъ, подобно дѣтямъ убирающимъ вѣнками головы свои во время приближенія весны; ты повелѣлъ, чтобы сокъ проспника изливалъ обильный сахаръ, и зерно пальмы производило бы величественное и гордое дерево.

Облака, вѣперъ, луна, солнце и сводъ небесный, все дѣйствуетъ для того, чтобы ты, человекъ, собиралъ хлѣбъ и вкушалъ

бы его съ благодарностию. Все приходитъ въ движеніе для тебя и исполняешь велѣнія Бога. Будешь ли справедливо, если ты одинъ содѣлаешься непокорнымъ симъ велѣніямъ?

Такъ гласитъ преданіе, сообщенное Мухаммедомъ Муспафою (да будетъ миръ надъ нимъ!), который есть утѣшеніе и слава всего существующаго, милосердіе смертныхъ, совершенство рода человеческого и идеаль вѣковъ.

Онъ есть чпимый нами посредникъ, чудесный пророкъ, раздаватель милостей Бога, сильный, великій и славный.

Какая печаль постигнетъ народъ нашъ, когда мы имѣемъ такого покровителя? Можно ли бояться волнъ морскихъ, когда Ной правитъ кораблемъ?

Посредствомъ совершенства онъ постигъ самую высшюю пайну, и блескомъ своимъ разсѣялъ густой мракъ невѣжества. Онъ украшенъ всѣми превосходными качествами. Прославляйте пророка и семейство его.

Грѣшникъ, при несчастныхъ обстоятельствахъ обращается къ престолу всемогущаго и великаго Бога, въ надеждѣ, что Онъ выслушаетъ его молитву; но Творецъ не

внемлеть ей. Онъ снова прибѣгаетъ и снова бываетъ опвергнута его молитва. Когда же въ прерпій разъ съ плачемъ и спенаніемъ возносися къ небу; тогда милосердый Богъ восклицаетъ : о Ангелы ! Я спыжусь сего раба ; но онъ не имѣеть другаго Бога , кромѣ меня : и шакъ я принялъ его молитвы , просшилъ его грѣхи и оказалъ ему вспомошествованіе ; ибо я спыжусь опвергнувъ спонъ и вопли сего смершнаго.

Смотри , какое милосердіе и благоспъ Господа ! человекъ грѣшипъ , а онъ за него спыдился.

Люди благочеспивые , находясь безпреспанно въ блиспапельномъ храмѣ Мекки , сознаюшя въ недоспапкъ служенія своего и говорятъ : о Боже ! мы не чспимъ шебя съ шакимъ пламеннымъ усердіемъ , какого пы достоинъ ! Тѣ , которые желаютъ изобразипъ величеспвенную красопу его , пораженныя изумленіемъ восклицаютъ : мы не знаемъ шебя , какъ должно знать !

Если бы кто-нибудь попросилъ меня описать Бога , то я , глупый , какъ могу изобразипъ Сущеспво неизобразимое ? Пламенные любипшели содѣлываюшя жертвами

своихъ любимыхъ предметовъ , а таковыя жерпвы не въ силахъ издашь голоса,

Одинъ умный человекъ , разсматривая совершенства Бога , склонилъ голову и погрузился въ море таинственныхъ размышленій. Когда онъ вышелъ изъ эшаго соспоянїя , по другой весьма благосклонно спросилъ у него : „сколько чудесныхъ плодовъ ты собралъ для насъ въ томъ саду созерцаній , гдѣ ты находился?“ — Вошедши въ садъ , отвѣчалъ первый , я хопѣлъ цѣлую полу розъ нарвань для друзей моихъ ; но когда благовонный запахъ ихъ доспигъ до меня , по прїяпностїю своею такъ очаровалъ мои чувства , что пола невольно выпала изъ рукъ моихъ.

О соловей! научись истинной любви у мопылька : онъ стараетъ , прельспясь блескомъ свѣта и не издаеть жалобнаго вопля. Ты не знаешь Бога , которые щещславляпся , что поспигли его ; кто истинно позналъ Бога , пошь не въ силахъ обнаружить своихъ познаній. О Боже! Ты выше нашего воображенія , мыслей , всѣхъ понятїй и всего того , что мы слышали и чипали. Созерцанія наши прекращающся , жизнь приходитъ къ концу , а мы оспаемся на первоначальной ступени познанія себя.

Похвала Государю Мусульманъ (да содѣлаеть Богъ вѣчнымъ царство его!)

Если превосходная молва о Саади гремитъ въ устахъ народа и звуки спройной рѣчи его раздаются по всему пространству вселенной, если всѣ наслаждаются чтеніемъ пріяшныхъ его повѣстей, какъ сахаромъ, и листы сочиненій его хвапають съ такою же жадностію, какъ паленлы, написанные золотыми липерами, — по нельзя опнеспи такой славы къ совершенству дарованія его и силѣ краснорѣчія: онъ всѣмъ эпимъ обязанъ владыкѣ міра, полюсу печенія времянь, намѣстнику Соломона, защипнику правовѣрныхъ, великому кровопелю, пѣни Бога на землѣ, Ала-Бека Музафферу - Едину Абу - бекеру, сыну Саада, сыну Зенги. О Творецъ небесный! Будь милоспивъ къ нему и ниспосли на него блага свои: ибо онъ на меня, Саади, излилъ величайшія благоволенія, похваливъ сочиненія и изъявивъ мнѣ испинную признательность. Слѣдуя его примѣру, вельможы и проспой народъ начали пощипать и любилъ меня: ибо народы дѣйспвуютъ по образцу своихъ Государей.

Съ того времени, какъ пы на меня бѣднаго осклабилъ свой взоръ, памяшники

славы моей заблещали свѣплѣе солнца. Хотя бы въ самомъ дѣлѣ во мнѣ, невольникѣ, были все пороки; но всякой пороку, копорой нравится Государю, ешь уже добродѣпель. Однажды въ купальнѣ, благовоный кусокъ земли достался мнѣ изъ рукъ любимца Государя; я спросилъ у него: „мускусъ пы или амбра? ибо опъ пріятнаго запаха пвоего чувсва мои сдѣлались упоенными.“ — Я, опвѣчалъ кусокъ, сначала былъ дурною землею; но, подружившись съ розою, усвоилъ себѣ пріятныя ея качесва.

Я Саади, не былъ ли сначала подобнымъ сему куску земли? Великій Боже! осчасливь Мусульманъ: продли жизнь ихъ Государя и излей на него обильныя милоспи свои и благодѣянія. Вознеси на спепень величія друзей его и вельможъ. Испреби враговъ его и непріятелей, внемли стихамъ, копорые читаются въ Куранѣ: *о Боже! сохрани страну его и потомковъ его!* Миръ облагодѣпельсвованъ Государемъ нашимъ; да продлился могущесво и счаспіе его! Да даспъ Богъ въ руки его знамя помощи, и да созрветъ опъ него такая же опрасль, каковъ самъ ко-

рень: ибо хорошія семена производятъ прекрасныя растенія.

О Боже всемогущій и благій! Огради благословенные предѣлы Ширази важностію судей правосудныхъ и великодушіемъ людей мудрыхъ; сохрани государство сіе до конца міра въ пишинѣ и спокойствіи!

Я провелъ нѣсколько времени въ чужихъ земляхъ, избѣгая жестокости Турковъ: ибо тогда весь міръ былъ возмущенъ и находился въ безпорядкѣ, подобно волосамъ Еѳіопа. Всѣ люди были подобны кровожаднымъ волкамъ. Внутри города находились жипели крошкіе нравами, какъ ангелы; внѣ онаго Турецкое войско, подобное свирѣлымъ львамъ. Когда я возвратился въ свое отечество, то нашелъ его спокойнымъ: не было людей, похожихъ на пигровъ. Сполъ ужасное и бѣдственное было состояніе Персіи, когда я ее ославилъ. Но во время Государя правосуднаго Алабека Абубекера Саади, сына Зенга, воспослѣдовала счастливая переменна. Никакое несчастіе опъ ударовъ рока не постигнетъ Персіи до тѣхъ поръ, пока ты, государь, подобно тѣни Бога, будешь проспирать власъ свою надъ главою ея. Во всемъ пространствѣ вселенной, нигдѣ нѣтъ такого

спокойствія и благоденствія , какъ при порогахъ дверей пвоихъ. Твой долгъ покровительствовать несчастнымъ , на насъ лежиль обязанность — прославляль тебья , а Богъ будель награждать тебья. О пворецъ небесный ! Сохрани Персію опть бурь возмущеній , до пвхъ поръ , пока міръ будель существовать !

О причинѣ сочиненія Гюлистана

Въ одну ночь , разсмапривая прошедшее время и жизнь , мною проведенную , я весьма опечалился ; камень грусти , лежавшій на моемъ сердцѣ , я просверлилъ алмазомъ слезъ , и сказалъ слѣдующіе стихи , согласные съ моимъ состояніемъ : „Всякая минуша жизни уходитъ невозвратно. Какъ мало оспается жизнь , когда посмотришь на время. О пы , который въ безопасности провелъ бо льпъ ! Ужели не хочешь воспользоваться оспалкомъ своей жизни. Да будель пому спыдно , кпо много прожилъ , не совершивъ никакого дѣла ! Барабанъ въ походъ пробили , а онъ не готовиль ещѣ дорожной копмки. Сладкій сонъ во время упра мѣшаель спраннику продолжалъ пупъ. Родился человекъ , спроилъ новое зданіе и умираель ; другой принимается за его работу , но также не окончивъ зданія , под-

вергается той же участи; и такъ оно ощущается не допроеннымъ. Не считай поспояннымъ другомъ здѣшній міръ: эпошь обманчикъ не допроинь пвоей дружбы. Добрые и злые равно должны умереть. Счастливь пошь, который заслужилъ добрую славу: онъ уноситъ съ собою въ могилу хорошей запасъ для будущей жизни. Самъ заботься о будущемъ, когда никто послѣ смерти пвоей не можетъ помочь тебѣ. Жизнь наша какъ снѣгъ таетъ, а знойнаго мѣсяца Іюля не много оспалось, но ты все безпечень въ отношеніи къ Богу. О ты, который съ пустыми руками пошелъ на базаръ, я боюсь, что ты возвратишься безъ чалмы. Кто съелъ хлѣбъ свой, не давши созрѣть ему, пошь во время жатвы долженъ собирать колосья. Выслушай со вниманіемъ совѣтъ Саади; онъ соспоинь въ пошь: содѣлайся испинно челоувкомъ и спуй въ будущій міръ.“ Послѣ такихъ размышленій о своей жизни, я счелъ самымъ лучшимъ дѣломъ, чтобы избрать уединенное жилище, удалившись отъ обществва людей, загладивъ симъ прежнее пустословіе, и не говорить впередъ ничего нелѣпаго.

Сидящій въ углу уединенія глухимъ и нѣмымъ , какъ бы съ опрѣзаннымъ языкомъ , лучше того , кошорый болнаеть пусное.

Такимъ образомъ я спалъ веспи жизнь уединенную ; но одинъ изъ друзей моихъ , бывшій поваричемъ и собесѣдникомъ моимъ во время путешествія на поклоненіе въ Мекку , пришелъ ко мнѣ , и , по старому обыкновенію , началъ шутить со мною и говорить мнѣ оспрыя и пріяшныя слова ; я ничего не отвѣчалъ ему и не поднималъ головы , склоненной къ колѣнамъ для совершенія молитвы. Онъ , обидѣвшись такимъ невниманіемъ , посмотрѣлъ на меня и сказалъ :

Теперь , пока есть возможность говорить — говори , другъ мой , ласково и пріянно. Завтра , когда посланники смерти явятся предъ тобою , по неволѣ не спанешь говорить.

Одинъ изъ пріятелей моихъ , продолжалъ онъ , извѣстивъ меня , что ты рѣшился остатокъ жизни своей провести въ уединеніи , благочестіи и молчаніи. Если ты можешь , сказалъ онъ , по послѣдуй его примѣру и избери также жизнь уединенную. Услышавъ сіе , я поклялся всемогущимъ Богомъ и старою нашею дружбою ,

что до стѣхъ поръ не выду опъ шебя, пока ты не сѣпанешъ говоришь по дружески, какъ прежде водилось: ибо оскорбляшь друзей естъ невѣжесство, нарушаешь кляпву — въпренность. Двъ вещи проповивны людямъ здоровымыслящимъ и умнымъ: Алію держаешь мечъ въ ножнахъ, а Саади прилъпишь языкъ къ нѣбу.

Языкъ безъ разговора, что значить, умный человекъ! Онъ естъ ключъ къ сокровищамъ у людей краснорѣчивыхъ. Когда двери лавки заперты, то кто знаетъ, продаются ли въ ней драгоценныя перлы или простой камень?

Хотя молчаешь передъ умными естъ учтивость, однако въ случаѣ нужды лучше говоришь.

Двъ вещи приводятъ въ затрудненіе умнаго: умѣлъ молчаешь, когда говоряшь, и говоришь, когда молчаешь.

Послѣ шаковыхъ увѣщаній поварища моего, я не могъ болѣе удержаться, что бы не говоришь съ нимъ, и не имѣлъ силы опвергнушь его просьбы: ибо онъ былъ истинный и любезный мой другъ.

Когда сильный бываетъ въ спорѣ съ какимъ нибудь человекомъ, то или про-

сидишь у него пощады или обращаешься въ бѣгство.

Однимъ словомъ я началъ говорить съ нимъ. Попомъ мы пошли гулять, чинобы насладишься пріятностію весны: ибо погода суровость зимы прошла и наступили времена владычества розъ.

Деревья облеклись въ зеленую одежду, подобную плащамъ, въ копоры наряжаются богатые во время праздниковъ. Это было въ первые дни пріятнаго мѣсяца Апрѣля, когда соловей пѣлъ на вѣтвяхъ деревъ; роса блистала на розахъ, подобно перламъ или выступившему попу на щекахъ пламенныхъ красавицъ въ жару ихъ страстей.

Въ это же время случилось мнѣ ночевать въ саду съ однимъ изъ друзей моихъ. Восхитительное мѣстоположеніе и деревья, увлекающія сердца, пакъ были прекрасны, что всякой подумалъ бы, что долины сего сада убраны были разноцвѣтными камнями, и деревья украшены не плодами, а созвѣздіемъ плеядъ.

Въ саду текли источники, струясь живописными водами; на деревьяхъ раздавалось согласное пѣніе птицъ, подобно звукамъ гармонической музыки; различные цвѣ-

пы ипенцрjali всѣ излуцины сада, а плоды украшали деревья, подѣ пѣнію коихъ весенній вѣперокъ распилалъ разноцвѣтные ковры.

Упромѣ, когда я выходилъ изъ сада, увидѣлъ, что другъ мой нарвалъ цѣлую полу розъ, васильковъ, гiациншовъ и другихъ цвѣповъ; онъ несъ ихъ въ городъ. — „Эти розы, сказалъ я ему, какъ ты знаешь, не долго цвѣшутъ и жизнь розовыхъ долинъ скоро исчезаетъ; мудрецы не совѣшуютъ прилѣпляться къ пѣмъ вещамъ, копорыя не прочны и не постоянны.“ — Что же съ сими цвѣшми дѣлашь? Спросилъ онъ у меня — „Я могу написать книгу, ошвѣчалъ я, подѣ названіемъ Цвѣшникъ (Гюлишанъ), копорая досшавишь удовольствіе чшпащелямъ и займешъ ученыхъ. Осенній вѣперъ не разнесешъ лшшовъ изъ моего цвѣшника и перемѣны времянь юную весеннюю жизнь его не превращашъ въ обнаженную осень.“

На что тебѣ эти пышныя розы? Сорви лучше изъ цвѣшника моего одинъ лшпокъ; цвѣшь розъ швоихъ не болѣе пяти или шести дней продолжашся, а мои всегда цвѣшутъ и бывающъ прекрасны.

Едва я кончилъ сіи слова, какъ другъ мой пересыпалъ розы изъ своей полы въ мою и сказалъ: честный что общаетъ, то исполнишь. Послѣ сего чрезъ нѣсколько дней я написалъ двѣ главы: одна *о пріятномъ обращеніи*, а другая *объ учтивомъ и скромномъ разговорѣ*. Я облекъ ихъ въ изящную одежду, которою украшаютъ свои сочиненія знаменитые и славные писатели. Однимъ словомъ, Цвѣтникъ мой былъ конченъ, хотя и оспались еще розы; но онъ тогда будетъ совершенно оконченъ, когда понравится Государю Саади, сыну Апабеку, который есть убожище міра, пѣнь Творца, блескъ божественнаго покровительсва, безцѣнный даръ времени, пристанище вѣры, утвержденной небомъ, опора блистательнаго величія, свѣшило знаменитаго народа, украшеніе разныхъ племенъ, слава Ислама, — самый знаменитый Царь Царей, великій Государь, начальникъ правителей Арабовъ и Персовъ, владыка земли и моря, наследникъ Царя Соломона, Музафферъ - Эддинъ. Да продлишь всемогущій Богъ счастье его и да увѣнчаешь успехами всѣ его предпріятія! Опъ благосклоннаго возрѣнія сего государя на мою книгу будетъ зависѣть окончаніе ея.

Когда государь обратилъ вниманіе на мою книгу; по она содѣлается столь же прекрасною, какъ карпины Кипайскихъ домовъ и живопись книги Ерзенчи а). — Я надѣюсь, что не сморщится лице его отъ скуки; ибо цвѣтникъ не есть мѣсто непріятное, особенно когда планъ предисловія его украшена величественнымъ именемъ Саади, сына Зенги.

Похвала великому Эмиру Абу - Бекеру, сыну Абу Наэру.

Какъ невѣста, неуверенная въ своей красотѣ, сидитъ съ попушенными глазами и среди прекрасныхъ подругъ своихъ не имѣетъ шакой прелести, какою она заблещитъ въ глазахъ супруга своего, когда сей послѣ свободы сниметъ съ нее покрывало и удостоитъ ее улыбкою б); такъ и книга моя тогда только содѣлается прекрасною, когда она благосклонно будетъ принята великимъ Эмиромъ, ученымъ и правосуднымъ Абу - Бекеромъ, сыномъ Абу-

а) Ученый Кипаецъ, книга коего заключаетъ въ себѣ разныя статьи о философіи, магии, религии и проч. и проч.

б) На Воспокъ женщина не видитъ лица своей будущей жены до самаго окончанія свадьбы: мучительная неизвѣстность!

Наэръ, который естъ сильный побѣдитель непріятелей, опора царскаго престола, мудрый совѣтникъ въ дѣлахъ государственныхъ, пещера для бѣдныхъ, пристанище странниковъ, благодѣтель ученыхъ, покровитель благочестивыхъ, слава Персовъ, сила государсва, честь вельможъ, блескъ власпи, поборникъ Ислама и правовѣрныхъ, швердая подпора Государей и Сулпановъ. Да продлилъ Богъ жизнь сего Эмира, увеличилъ могущество его, просвѣпилъ ему сердце и да удвоилъ ему благодѣянiя свои: ибо онъ естъ самый достохвальнѣйшій изъ всѣхъ вельможъ мiра и вмѣщаетъ въ себѣ всѣ великодушныя качества.

Кпо находится подъ пѣнію его милостей, порокъ пого счищается добродѣтелью и непріятели дѣлаются шому другомъ.

Всѣ миниспры и приближенные къ Государю имѣють опредѣленныя должности, а если они позволяютъ себѣ оплошность или нерадѣніе въ опшравленіи оныхъ, то получаютъ выговоры и непріятности. Но Дервиши не принадлежатъ къ сему числу: они благодарятъ шолько вельможъ за ихъ милости, прославляютъ прекрасныя ихъ качества и просятъ Бога о низпосланіи имъ благъ. Сiи обязанности въ опшествiи

вельможъ лучше исполнять, нежели въ присуществіи ихъ: въ первомъ случаѣ не нужно прибѣгать къ искусству льстить, а во второмъ упопреляютъ хилрость и прихворство, а такая молива прошивна Богу.

Согнутый сводъ небесный сдѣлался прямымъ ошъ радости, когда судьба, машь время, произвела тебя на свѣтъ. Особенный даръ неба, что Творецъ вселенной, по милости своей, назначилъ тебя министромъ для блага народа. Тотъ спяжалъ вѣчную славу, кпо оставилъ по себѣ доброе имя: ибо по смерти его доброе имя ослиается безсмертнымъ. Хвалишь тебя или не хвалишь — все равно: лице красавиць не имѣеть нужды въ украшеніяхъ.

ОПРАВДАНИЕ И ПРИЧИНА ПРЕДПОЧТЕНІЯ УЕДИНЕННОЙ ЖИЗНИ ПРИДВОРНОЙ СЛУЖБѢ.

Я избралъ уединенную жизнь и удаляюсь ошъ службы при дворѣ Государя. Оправдываю себя въ этомъ случаѣ шѣмъ, что многіе мудрецы Индіи, разсуждая о превосходномъ умѣ Бузурджумгура, сказали: онъ одинъ шолько имѣеть недоспанокъ, что немедленно говоритъ и долго заспавляетъ дожидаться своихъ доказательствъ. Бузурджум-

гурь, услышавъ о себѣ такое мнѣніе, сказалъ: прежде должно подумашъ о томъ, что я намбрень говорить, дабы послѣ не раскаявашься, для чего я такъ сказалъ.

Опытныя и свѣдущіе спарики прежде подумаютъ, а потомъ скажутъ. Не произноси безъ размышленія ни одного слова; говори хорошо, хопя и медленно, какая нужда? Прежде размысли о предметѣ, а потомъ уже говори объ немъ свое мнѣніе. Умѣй кончить рѣчь свою прежде, нежели скажутъ тебѣ: довольно. Человѣкъ даромъ слова превосходитъ живописныхъ, но сіи превосходящъ его, когда онъ говоритъ что либо недѣльное и глупое.

Въ присущствіи вельможъ Государя (да возвеличилъ его Богъ!), окруженнаго людьми умными и сославляющаго ценпръ мудрецовъ глубокомысленныхъ, если бы я сказалъ какое либо слово дерзкое или глупое, по мнѣ было бы стыдно. Всѣ мало-важныя и недѣльныя слова въ присущствіи Государя ничего не значатъ, почно такъ, какъ проспой камень между драгоценными перлами не имѣетъ даже цѣнности ячменнаго зерна, или какъ лампада передъ солнцемъ не обнаруживаетъ блеска, или какъ высокой минареть при подошвѣ Ливана бываетъ почти невидимъ.

Кто опъ честолюбія и щеславія голу вверхъ поднимаетъ, того непріятель со всѣхъ споронъ преслѣдуетъ. Саади, какъ упавшій, свободенъ опъ нападеній: ибо никшо не захочетъ вести войну съ лежащимъ. Я сперва обдумалъ, а потомъ началъ сочинять: основаніе предшесивуетъ словамъ. Я собралъ цвѣты, но не въ саду; я красавецъ, но не въ Ханаанъ (*).

У мудреца Локмана спросили: опъ ко-го ты научился мудрости? — Опъ слѣпыхъ, отвѣчалъ онъ: потому что они до тѣхъ поръ не спущаютъ, пока не оцупаютъ мѣста. Подумай о выходѣ прежде входа.

Хотя пѣтухъ храбръ въ боѣ, однако не въ силахъ побѣдить ястреба съ острыми когтями. Кошка, какъ левъ, хватаетъ мышъ, но мышъ входитъ въ споръ съ леопардомъ.

Полагаясь на великодушныя качества вельможъ, которые обыкновенно прикрываютъ пороки своихъ подданныхъ и не обращаютъ вниманія на малые ихъ недостатки, — я написалъ краткія повѣсти, заключающія въ себѣ занимательныя произшествія, историческія событія, разные рассказы въ прозѣ и стихахъ о древнихъ

(*) Ханаанъ почитается на Востокѣ землею красавицы.

государяхъ и помѣспилъ все эпо въ Гюлистанъ, на сочиненіе коего я употребилъ лучшую часпъ моей жизни. Вотъ причина сочиненія Цвѣтника.²

Сія книга будель сущеспивоватъ нѣскольکو спольпшій послѣ шого какъ мы преврапимся въ прахъ. Желаніе мое было увѣковѣчипъ имя свое, оспавивъ по себѣ пампашникъ: ибо мнѣ не много оспалось живпъ на свѣпѣ. Да почпешъ пампашъ мою умный человекъ, способный принимапъ участіе въ дѣлахъ бѣдныхъ и сопровождапъ ихъ благословеніями!

Я употребилъ всевозможное спараніе, чпобы, какъ можно лучше, расположипъ цвѣтникъ свой и сдѣлапъ къ нему входы: я поспроилъ восемь воропъ, ведущихъ въ мой прекрасный и благоухающій садъ, подобный раю, имѣющему также восемь воропъ. Цѣль моя была та, чпобы доставипъ удовольствіе чипашелямъ.

Я сочинилъ сію книгу во время споконной жизни, въ 656 году опѣ Геджиры.

Намѣреніе мое — сказапъ людямъ полезныя совѣпы, и я сказапъ; поручивъ книгу свою всемогущему Богу, я кончилъ ее.

Съ Персидск. Н. Коноплевъ.

IV.

ИСПЫТАНІЕ КИПАЩЕЮ ВОДОЮ.

(въ 700 году).

Самая варварская и самая ужасная изъ всѣхъ нелѣпостей, коими были ознаменованы Средніе вѣка, безъ сомнѣнія, естъ та, кошорая могла доводить до гибели людей невинныхъ, какъ будто бы виновныхъ, и лишать ихъ болѣе, нежели жизни; ибо ихъ память оспавалась запятанною въ глазахъ потомства. Однакожъ, шакowymъ часпо долженствовало бытъ свидѣствіе гибельнаго употребленія элихъ судебныхъ испытаній, освященныхъ, въ древнія времена, названіемъ *Божьяго суда*. Изобрѣшенныя варварствомъ, принятыя невѣжествомъ, поддерживаемыя изувѣрствомъ, онѣ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, оскверняли собою юридическія лѣпописи Галловъ. Когда грубый и фанатическій Кельтъ хотѣлъ удостовѣриться въ вѣрности своей супруги, то клалъ на щипъ свое дитя, черезъ нѣсколько дней послѣ его рожденія, и шакимъ образомъ предавалъ его на волю волнъ въ полной увѣренности, что Шельда или Рейнъ поглопили бы плодъ незаконной любви и непременно возвратили бы закон-

ное дѣля нѣжності цѣломудренной матери, которая съ поскою ожидала его въ нѣкопоромъ распояніи на рѣкѣ. Таковъ былъ самый древнѣйшій *Божій судъ* въ Сѣверныхъ странахъ. Салическій законъ, введенный Франками, допускалъ и другіе, между которыми стоишь въ первомъ ряду испытанію *кипящею водою*, которымъ преимущественно мы должны здѣсь заняться (а).

(а) Самые употребительнѣйшія судебныя испытанія были семи родовъ: 1 е *Дуелью*, 2 е *Крестомъ*, которое состояло въ томъ, что обоимъ противникамъ заставляли, стоя на ногахъ, держать руки въ проспертомъ положеніи передъ крестомъ, и упавшій прежде терялъ свой процессъ. 3 е *холодною водою*, въ которую повергали обвиненнаго, совершенно связаннымъ; онъ былъ объявляемъ невиннымъ, если уходилъ на дно, и виновнымъ, когда всплывалъ на верхъ. Аббать де Флери (de Fleury) говоритъ, что это былъ вѣрный способъ находить всѣхъ невинными, а Вольтеръ думаетъ, что это было истинное средство погублять, какъ виновныхъ, всѣхъ пѣхъ, которыхъ легкія заключали въ себя столько воздуха, сколько было нужно онаго для того, что бы сдѣлать ихъ пѣло легче количества той воды, въ которую ихъ погружали. 4 е *горячею водою*. 5 е *огнемъ*; это испытаніе дѣлалось различнымъ образомъ: то должно было держать въ рукѣ раскаленное желѣзо, то проходить по горячей желѣзной полосѣ; иногдаже надобно было надѣвать на руки желѣзные перчатки, вынутыя изъ горлячей печи. Отъ этого то испытанія произошла пословица: *я готовъ положить руку въ*

Это испытаніе производилось просто: обвиненнаго заспавляли опускашь руку въ большой копель, наполненный кипящею водою, что бы доспавть кольцо, гвоздь или камень, который шуда клали. Всѣ эти вещи долженспвовали предварипельно бышь освящены. Были причины, для коихъ погружали руку до кисти; самый важнѣйшій грѣхъ заспавляль ее опускашь до локтя; а въ Формулахъ de saint Dunstan даже сказано, что иногда руки погружались въ воду на цѣлый аршинъ (*de la longueur*

oeonъ. 6 e Клятвою. 7 e Причастіемъ; подвергавшійся сему послѣдному испытанію, принимал дары, былъ обязанъ сказать громкимъ голосомъ: *да будетъ мнѣ тѣло Господа моего испытаніемъ*. Эта формула послужила также началомъ поговоркъ, употребляемой въ народѣ: *да будетъ мнѣ это ядомъ*. Были и другіе роды судебныхъ испытаній, которые употреблялись очень рѣдко, каковы: испытаніе лчменнымъ хлѣбомъ, горькими плодами, освященнымъ сыромъ и проч. Всѣ эти обычаи — продолженіе невѣжественной жеспокости и фанатическаго изувѣрства — почти совершенно уничтожены, по крайней мѣрѣ въ святыхъ мѣстахъ (*dans les lieux saints*), предписаніемъ четвертаго Латранскаго собора, бывшаго въ 1215 году. Но можно сказать, что *обыкновенные и чрезвычайные вопросы*, въ которыхъ наши прибуналы подвергали испытаніямъ, были варварспвомъ и сумасбродствомъ, почти спольже великимъ, какъ судебныя формулы, въ конхъ упрекають Среднія Вѣка

d'une aune). Когда преступникъ вынималъ изъ кошла руку , тогда , въ присутствіи священниковъ и народа , судья завязывалъ ее въ сумку , къ которой прикладывалъ свою печать , и ежели , по прошествіи прехъ дней , на испытываемомъ членѣ не оказывалось никакого знака обжоги , по обвиненнаго провозглашали невиннымъ .

Привилегіи всегда соединялись съ невыгодами : люди нисшаго класса , въ случаѣ испытанія , должны были подвергаться оному сами , дворяне же могли производить его черезъ другихъ ; и , не смотря на свою увѣренность въ Божіемъ правосудіи и собственнѣйшей невинности , они всегда избѣгали онаго : ничто не ускользаетъ отъ изобрѣтательности . Тогда были паціенты по званію , которые жглись за богатыхъ , также какъ въ древности находились плакальщицы по найму , которыя , за извѣстную плату , брали на себя обязанность оплакивать родственниковъ знашныхъ людей .

Такъ какъ испытаніе кипящею водою было слишкомъ жестоко , то законъ смягчилъ суровость онаго . Онъ позволилъ обвиненному *выкупать свою руку* съ согласія его обвинителя . Обвинитель , получивъ извѣстную сумму , назначенную

закономъ, могъ удовольствоваться присягою нѣсколькихъ свидѣтелей, копорые объявляли, что обвиняемый не учинялъ пресупленія. Это средство было употреблено для того, что бы объ партіи, одна отъ страха, возбуждаемаго ужаснымъ испытаніемъ, а другая въ надеждѣ полученія вѣрнаго и наспоющаго удовлетворенія, прежде суда оканчивали свои ссоры и взаимную ненависть.

Это испытаніе кипящею водою было особенно назначаемо при обвиненіи въ нарушеніи цѣломудрія. Около 860 года Королева Тилберга, невѣстка Императора Лопаря, Карломанова внука, обвиненная въ любовной интригѣ съ своимъ брапомъ, бывшимъ монахомъ и под-діакономъ (sous-diaque), наименовала сподвижника, копорый подвергся за нее испытанію кипящею водою въ присуствіи многочисленнаго двора. Онъ вынулъ благословленное кольцо, не претерпѣвши никакой обжоги, и королева снова начала пользоваться почестями, свойственными царскому сану, и вступила въ права своего супружества. Спустя шестнадцать лѣтъ послѣ сего, когда умеръ *Людвигъ Германскій*, оставивши Германию Людовику, своему второму сыну, то Карль Лысый, думавшій, что его братъ

не могъ располагать Германією, хотѣлъ захватить ее себѣ. Людовикъ пытался преклонить и убѣдить своего дядю; не успѣвши въ этомъ, онъ доказалъ свое наследственное право проиннымъ *Божіимъ судомъ*. Десять человекъ подверглись испытанію холодною водою, десять другихъ кипящею водою и десять разкаленнымъ желѣзомъ: всѣ они выдержали ихъ съ равнымъ успѣхомъ.

Эти два факта, взятыя изъ тысячи, ясно доказываютъ, что пайны, нынѣ вообще употребляемыя фиглярами, которые показываются народу въ пылающихъ печахъ или съ разкаленнымъ желѣзомъ въ рукахъ а), были уже и тогда из-

а) Г-жа де Севинье приводитъ въ своихъ письмахъ одинъ очень примѣчательный фактъ въ семь родѣ: „Сюда пришелъ вчера мальчикъ изъ Випре. Я потомъ узнала въ немъ бывшаго лакея Г. Гулянкъ. Онъ показалъ мнѣ бумагу, въ которой изложено было все, что онъ могъ дѣлать посредствомъ огня: онъ владѣлъ секретомъ того человека, о которомъ вы слышали въ Парижѣ. Изъ тысячи вещей, которыя всѣ равно чудесны, и которыя я не понимаю какъ допускаютъ, по причинѣ ихъ послѣдствій, я остановилась только на одной маленькой, которая очень скоро дѣлается: это искусство, съ концомъ онъ бралъ въ ротъ десять или двѣнадцать капель сурьмы, совершенно распла-

вѣспны , и чѣмъ болѣе дѣлались необходи-
мыми, тѣмъ въ большую приходили извѣст-
ность. Таково , по крайней мѣрѣ , мнѣніе
Вольпера ; Монпескье думалъ иначе : „кто
„не видѣлъ , говоришь онъ , что грубая и
„мозолистая кожа рукъ такого народа , ко-
„порый безпрестанно занимался оружіемъ ,
„не должна получать отъ горячаго желѣза
„или кипящей воды такого сильнаго впе-
„чатлѣнія , которое бы могло сохранишься
„черезъ три дня послѣ испытанія ? Что
„же касается до женщинъ , то онѣ под-
„вергались испытаніямъ только за неимѣ-
„ніемъ сподвижниковъ ; руки женщинъ ра-
„бочихъ могли сопротивляться горячему
„желѣзу ; дамы же никогда не имѣли недс-
„спанка въ рыцаряхъ , которые бы взялись

„наго , съ такимъ же спокойствіемъ , какъ будто
„бы это была вода , и безъ малѣйшей гримасы на
„лицѣ ; а его языкъ послѣ этой операціи оспался
„въ такомъ же положеніи , въ какомъ находился и
„прежде оной. Я очень много слышала объ немъ ,
„но видѣть это такъ близко и у себя въ ком-
„натѣ — это привело меня въ большое удивле-
„ніе. . . Понимаете ли вы , что есть родъ мази ,
„кою можно напереться и съ увѣренностію лишь
„себѣ въ рошъ сургучъ , глотать кипящее масло и
„ходить по раскаленнымъ полосамъ желѣза ? Что
„же послѣ сего всѣ наши чудеса ? .“ (Lettres ,
„t. 5 e).

„защищать ихъ ; а въ націи , въ которой
„не знали роскоши , вовсе и не было сред-
„няго сословія.

Къ мнѣніямъ эпитхъ двухъ знаменитыхъ
людей мы рѣшаемся присоединить преліе,
которое кажется и проще и справедливѣе :
дѣло въ томъ, что всякій разъ, когда поль-
ко осужденные выходили побѣдителями изъ
испытаній, они были благопріятствуемы
людьми, на коихъ лежала обязанность
приводить въ исполненіе экзекуцію. Въ са-
момъ дѣлѣ, обряды судопроизводства, дол-
женствовавшіе предшествовать испытанію,
чудеснымъ образомъ способствовали обману:
никто не могъ войти въ церковь, какъ
скоро туда приносился огонь для вскипѣ-
ченія воды, или раскаленія желѣза, кромѣ
священника, обязаннаго присутствовать при
испытаніи, и того, который подвергался
оному. И пакъ только одного человека на
добно было подкупить ; благосклонность,
или корыстлюбіе превращали предостро-
жностіи для воспрепятствованія обмана,
въ приготовленіе къ свершенію онаго.
Все то, что выдавали за превосходящее
силы природы, было утверждено безъ

основанія, принято по суевѣрью, разпространилось по суепности и глупости, а иногда по изувѣрскому благочестію. Очень просвѣщенъ и очень смѣлъ былъ попъ, который отказался отъ испытанія огнемъ, опговариваясь тѣмъ, что онъ *ни шарлатанъ, ни колдунъ*, и отвѣчалъ своему Архіепископу, дѣлавшему ему самыя усиленыя просьбы: „что онъ охотно понесетъ „раскаленное желѣзо, если полько его Вы- „сокопреосвященство, облаченный въ свою „эпипрахиль, подаситъ ему оное въ руки.“ Прелатъ не оказалъ ни малѣйшей готовности къ сей церемоніи, говоря, что *не должно искушать Бога*, и испытаніе не состоялось.

Не смотря на то, горе, горе обвиненнымъ, которыхъ преслѣдовали сильные враги! Испытаніе въ такомъ случаѣ исполнялось во всей его жестокости и подкупъ тогда способствовалъ только къ тому, чтобы сдѣлать мнимый Божій судъ еще рѣшительнѣйшимъ и убійственнѣйшимъ. Сколько невинныхъ погибало тупъ! Сколько поспыдныхъ пожертвованій плодовъ происковъ или заблужденій! Мы могли бы въ семь случаевъ привезти множество примѣровъ, но мы ограничимся слѣдующимъ, который достоинъ большаго участія. Онъ

извлеченъ изъ одной хроники XIII вѣка, найденной и переведенной однимъ любителемъ Французскихъ древностей, и копорую ученый А. Троньонъ (Trognon), бывшій Профессоръ Испоріи, имѣлъ намѣреніе издасть въ свѣтъ а). Эпопль - историческій опривокъ опносятся не только къ нашему предмету, но и къ той прекрасной странѣ, копорая служила вмѣстѣ и колыбелію Французской Монархіи и гробомъ ея первыхъ Королей (б).

Пипинъ полспый, царствовалъ подь именемъ Палапнаго Мера, въ Неспріи и Авспразиі; онъ держалъ подь опекою Государей Франкскихъ, копорые опъ своего монархическаго сана пользовались только однимъ именемъ и шѣнью владычества. Тьерри I (Thierry) оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Клодовика III (Clovis) и Хиль-

а) Опривокъ изъ эпои любопытной хроники былъ помѣщенъ въ *Globe* въ 1824 году.

б) *Хильдерикъ* умеръ и былъ погребенъ въ Турне въ 485 году; его гробъ былъ опкрытъ 27 Мая 1653 года; это самый древнѣйшій Французскій памятникъ изъ всѣхъ извѣстныхъ. *Тьерри I* былъ погребенъ въ 690 году въ Saint-Vaast d'Arras, копорый былъ имъ основанъ; а *Хильдерикъ*, послѣдній изъ Меровинговъ, окончилъ свое поприще въ Аббатствѣ de Saint Bertin, de Saint-Omer подь монашескимъ клубкомъ.

деберша III (а), которые, подобно ему, пользовались только пустым королевским дипломом. Хильдебертъ был прешимъ призракомъ царской власти, надъ коимъ, Пипинъ оказывалъ верховное могущество. Эпошъ молодой и несчастный Король жилъ зашворникомъ въ нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ Королевскихъ домовъ, которые, во время владычества Государей первого поколѣнiя, покрывали собою прекрасныя поля плодородной Бельгiи. Тамъ проводилъ онъ въ бездѣйствiи свои дни, окруженный рабами и прислужниками, коихъ главная должность безъ сомнѣнiя состояла въ томъ, ипобѣ бытъ шпионами при своемъ повелителѣ и отдавать отчетъ въ самыхъ малѣйшихъ его поступкахъ. Пипинъ не удовольствовался тѣмъ, что похищилъ у него власть: онъ лишилъ его даже и эпошъ вели-

а) Хильдеберта III, Мезерай (Mezeray) и многiе другiе называютъ Хильдебертомъ *Вторымъ*. Онъ умеръ въ 711 году, 28 лѣтъ отъ роду, и былъ погребенъ въ Saint-Etienne de Couscy. Здѣсь очень къ сожалѣнiю замѣтили, что имена нашихъ первыхъ Королей весьма неправильно пишутся; должно ставить почку между двумя первыми буквами: С. Hilderic, С. Lovis, С. Hildebert, С. Hilperic; ибо предшествующая буква С есть начальнiй звукъ Германскаго слова *Conig*, Король. Анцикварiи, объясняя древнiя надписи и хартии, почли за должное соединить эту литеру съ именами Королей.

колѣпной свиты, которая поражаетъ воображеніе полуобразованнаго народа и возбуждаетъ въ немъ уваженіе къ верховному главѣ, когда сей показывается передъ нимъ. Въ его царствованіе придворные сановники пересѣдали сопровождавъ Короля: подлые льстецы могущества — они спановились въ ряды свиты Палапнаго Мера. Хильдебертъ являлся въ народъ только одинъ разъ въ году; его всегда старались показывать народу не иначе, какъ въ шельгѣ, везомой быками, въ экипажѣ, копорый былъ предоспавленъ однѣмъ женщинамъ и возбуждалъ смѣхъ въ эпомъ вѣкѣ, когда сами цари выѣзжали только верхомъ на лошади. Однакожъ Хильдебертъ въ своемъ уединеніи поселилъ глубокое уваженіе и любовь къ себѣ, въ маломъ числѣ окружавшихъ его служителей, которые дали ему названіе *справедливаго*. Одна молодая дѣвушка, по имени *Клодзинда*, пакъ привязалась къ нему, что возбудила къ себѣ подозрѣніе въ придворныхъ сановникахъ. Эпа прекрасная Неспрійка (*Neustrienne*), которую помѣспили къ нему для того, чтообы еще болѣе обезсилилъ его, напрошивъ покушалась воскресить его упавшій духъ. Одаренная душою высокою и

благородною, она питала мысли, гораздо возвышеннѣйшія, нежели какія дозволяли ей ея полъ и соспояніе; посреди любовныхъ наслажденій она спаралась оживлять преждевременно увядшее сердце своего царственнаго любовника и напомнить ему священныя обязанности его сана. Можеть быть она была уже близка къ успѣху въ своихъ намѣреніяхъ, какъ безпокойный Пипинъ приказалъ наблюдать за нею: онъ вскорѣ совершенно узналъ всю истину. Съ сей минуты ея погибель была рѣшена; Гислемаръ, Палапный Графъ, получилъ приказаніе обвинить ее въ помы, что она *разерзала и околдовала Короля Франковъ*. Ее предали власти духовенства, въ домству коего принадлежало все, что относилось до волшебства. Случай показался важнымъ: провозгласили *Божій судъ* и испытаніе кипящею водою было опредѣлено. Въ сосѣдствѣ печальнаго Хильдеберто ва двора возвышался богатый монастырь de Blangiacum а), Теруанскаго епископства

а) *Blangiacum*, нынѣ *Blangi*, лежащій на рѣкѣ Тернуазской (de Ternoise) въ Артуа, между городами Сент-полемъ, Бетюнемъ (*Béthune*) и Лиллерами (*Lillers*), заключалъ въ себѣ женскій монастырь, основанный въ 685 году одною набожною

лежавшаго на границѣ земли Атребатовъ (des Atrebat) и Мореновъ (Morins); это мѣсто было назначено для судебного испытанія, день котораго былъ торжественно возвыщенъ во всѣхъ земляхъ, подвластныхъ Пипину а).

Этотъ день, говоритъ вышеупомянутая хроника, ожиданный съ большимъ не-

госпожею, по имени *Берта*. Послѣ смерти своего мужа она посвятила себя здѣсь Богу съ двумя дочерьми своими, Герпрудою и Деотилою. Это аббатство было разрушено Норманами и снова восстановлено для монаховъ въ XII столѣтїи.

- а) Не въ одномъ только Артуа употреблялись судебныя испытанія; они были въ силѣ во всѣхъ земляхъ Сѣверной Франціи и Южной Бельгіи. Законъ 1111 года, установленный Вандономъ á la Nache, двѣнадцатымъ Фландрійскимъ Графомъ, гласилъ: „раны и „ушибы должны наказываться казною возмездія, „если только обвиненный защищаясь не былъ избитъ „по его слову, что онъ обязанъ доказать испытаніемъ водою и горячимъ желѣзомъ.“ Находясь еще регламентъ Туринской общины (de la commune de Turin), 1187 года, которымъ повелѣвается, „что если кто либо будетъ обвиненъ въ убійствѣ, и сего обвиненія не могли бы „доказать вѣрными свидѣтельствами, то таковой „обязанъ доказать свою невиновность испытаніемъ холодною водою.“

пердѣніемъ , наконецъ наступилъ . Обширный дворъ , чрезъ который былъ входъ въ монастырь , былъ избранъ мѣстомъ , на которомъ долженъ былъ изрѣчься достопамятный приговоръ небеснаго правосудія : пространство , вѣроятно , очень тѣсное для безчисленной толпы , которая со всѣхъ сторонъ стеклась на это зрѣлище . Въ самомъ дѣлѣ , рѣдко случается , чтобы народу удавалось быть свидѣтелемъ столь любопытной сцены , и чернь , всегда жадная къ новостямъ , въ этотъ разъ была привлечена сюда еще и тѣмъ , что было торжественнѣйшаго въ судѣ , нисходящемъ , такъ сказать , изъ прибунала самаго Бога . Сверхъ того молва , какъ обыкновенно , всегда недѣлая и дерзкая , распустила на счетъ Клодзинды спранные слухи ; по однимъ она была волшебница , пришедшая изъ Гуннскихъ лѣсовъ , роспомъ вдвое выше обыкновенной мѣры , и съ глазами василиска ; по другимъ она происходила отъ гнуснаго жидовскаго племени , и покушалась , съ однимъ единоплеменнымъ съ нею медикомъ , обрѣзать молодого Короля Хильдеберта и обратиться его въ жидовскую вѣру ; иныя , соспрадая къ ней , тихо говорили , что она была невинною жертвою

знатныхъ людей, попому что Герцогу Пипину было предсказано его аспрологами, что она была бы впокою Брюнегильдою, и что съ нею возспало бы снова могуществе Королей изъ дома Клодовика. Эти и подобныя симъ слухи, занимая умы людей, заспавляли ихъ спекапсья въ Влангисит не только изъ мѣспечекъ и окружныхъ городовъ, но и изъ за-сорока миль распоянїя. Туда шли даже нѣкоторыя жипели Тюроньенскихъ и Ремуазскихъ земель, привлекаемыя любопытствомъ; они не спрашились ни прудноспей пупи, ни жестокаго зимняго холода и спремилсь увеличевать собою безчисленное множество сбѣжавшагося въ сїи мѣста народа.

„Въ монастырскїй дворъ впустили сполько народу, сколько могло памъ помѣспинься; но гораздо значительнѣйшее число оспавалось снаружи, усилясь войши, или, по крайней мѣрѣ, глазами и ушами узнать что нибудь о производящемъ въ оградѣ. Нѣкоторыя вскарабкались на деревья, опкуда они могли видѣть, хотя и не ясно, часть сего дослопримѣчательнаго зрѣлища. На самомъ же дворѣ

были распавлены скамьи изъ дубоваго дерева, на коихъ должны были засѣдать епископы сосѣдственныхъ энархій съ прочимъ духовенствомъ, равно какъ и знашныя люди, долженствующіи бытъ свидѣтелями *Божіаго суда*. Между сими почетными сѣдалищами и деревянными сваями (*des pieux*), которые были тѣсно сжаты въ видѣ палисада, для воспрепятствованія напору многлюдсва, простиралось довольно широкое пространство, которое было мѣстомъ, назначеннымъ для Клодзинды. Подъ коломъ, въ который обвиненная должна была погружать свою руку, былъ наваленъ хворостъ для поддержанія огня; при этомъ видѣ нѣкоторые отворачивали взоры свои, другіе же напротивъ того усердствовали ихъ труда съ жадностію и любопытствомъ.

„Послѣ довольно продолжительнаго ожиданія звукъ колокола возвѣстилъ, что началась обѣдня. Монастырская церковь, смежная со внутренностію монастыря, не могла бытъ отворена для народа: туда впустили только духовныхъ и дворянъ, кои сославили собою не маловажную толпу. Аббатисса Амальбержъ, могла одна изъ всѣхъ женщинъ *Blangiasum*, показаться

глазамъ публики и присутствовать при эпой церемоніи. Она заняла мѣсто недалеко отъ ступеней алтаря, на возвышенномъ сѣдалищѣ, а Клодизнда была поставлена на колѣна въ смиренномъ положеніи ниже ея.

Церковь, наша августѣйшая мать, въ своей нѣжной предусмотрительности постановила нѣсколько церковныхъ обрядовъ и частныхъ молитвъ для обѣдни, которая должна была совершиться передъ Божиимъ судомъ. Епископъ Камеракумскій (de Cameracum), которому надлежало отправлять службу по его Митрополиитскому сану, началъ оную, обратившись къ Господу съ премо молитвами, въ коихъ, напоминая ему о слабости грѣшника, просилъ, что бы онъ укрѣпилъ ее своимъ всемогущесивомъ; потомъ, пропѣвши священныя слова церковнаго устава и показавши всѣмъ присутствующимъ тѣло агнца безъ пятенъ, онъ подозвалъ обвиненную, и прежде нежели допустилъ ее къ причастію, произнесъ слѣдующія слова: „Именемъ Святыя Троицы, Святаго Евангелія и Святыхъ мощей, обрѣшающихся въ сей церкви, я заклинаю тебя не приближаться къ сей

прапезѣ Христа и Искупителя нашего, ежели ты сдѣлала или посовѣщывала по, въ чемъ тебя обвиняють.“ И пакъ какъ она молчала и оспавалась на спупеняхъ алпаря, по онъ далъ ей вина и хлѣба съ сими словами: „Да будущъ тыло и кровь Господа твоимъ испытаніемъ.“ И когда обѣдня была кончена, всѣ въ поржеспвенномъ порядкѣ приблизились къ мѣсту суда.

„Въ ту самую минуту, когда духовенство и знашь заняли свои мѣста, при восклицаніяхъ шолпы, показалась ша, которую всѣ ожидали, и внезапно настало безмолвіе, какъ будто бы всѣ пожелали молчаль, чпобъ лучше разсмотрѣшь осужденную. Ея видъ не взволноваль присутствующихъ никакимъ непріязненнымъ впечатлѣніемъ, и хопя многіе возбуждены были прошивъ нея ненавистію, но, не смотря на шо, въ сію минуту, казалось, почпи всѣми овладѣла жалость. Клодзинда была одѣша въ бѣлую тунику изъ шолстаго льна, изъ подѣ коей выказывались ея обнаженные руки. Ея длинныя и черныя волосы, не утвержденныя ни на какомъ мѣстѣ, спускались многочисленными косами гораздо ниже пояса. Ея чело было блѣдно, но спо-

койно , и ея лазурные глаза блиспали почти ангельскою чистотою. Наконецъ промежутокъ времени , болѣе прехъ мѣсяцовъ , почти заживилъ рану , причиненную ей на щекъ горячимъ желѣзомъ , и каждый сознавался , что незадолго передъ симъ временемъ ея красота долженствовала бытъ чудесною. Въ такомъ видѣ Клодзинда приблизилась медленными шагами , что придадо ея высокой палии нѣкоторый видъ величія. Чернь , увидѣвъ ее , забыла нелѣпыя слухи , далеко разпространенныя молвою , и преклонилась къ другимъ , болѣе благопріятнымъ для осужденной. Въ самомъ дѣлѣ , говорили , что ночью , наканунѣ сего дня , какая-то старая женщина тайно посѣщала ее и предлагала ей мази и эссенціи , которыя предохранили бы ея руку отъ дѣйствія кипящей воды; къ этому присовокупляли еще , что многіе , а между ними одинъ ерепикъ-церковнослужитель , были уже спасены этимъ средствомъ ; но что Клодзинда рѣшительно опровергнула сію хитрость , которая и въ самомъ дѣлѣ заставила бы почесать ее колдуньею , и чрезъ которую она обманула бы и Бога и людей.

„Когда Клодзинда дошла посреди тѣснаго круга до мѣста испытанія , то не-

вольникъ , приспавленный къ кошлу , подложилъ подъ него новую вязанку хворосту , копорый пошчасъ и запрещаль съ великимъ шумомъ . Услышавъ сіе , многіе почувствовали , чпо ледяной холодъ пробѣжалъ по ихъ членамъ , и даже сама молодая дѣвушка , по видимому , испытывала нѣчто подобное , шакъ чпо эпо выказалось на минушю на ея челѣ . Но сіе впечатлѣніе исчезло съ быспрошою молніи , и она пошчасъ съ шихимъ выраженіемъ благоговѣнія преклонилась предъ благочеспивымъ Епископомъ , копорый приближался къ ней , чпобы произнесши священныя слова заклинанія бѣсовъ . Держа въ своей рукѣ Распятіе и Евангеліе , онъ пропѣль сначала короткую липанію , коей впорили многіе изъ церковнослужителей , пошомъ благословилъ и заклалъ воду , копорая начинала кипѣшь . Послѣ сего онъ произнесъ молитву , коей , какъ обыкновенно погда водилось , призывалъ Бога , освободившаго невинную Сусанну опъ позорнаго обвиненія и спасащаго опъ пылающей печи прехъ Израильскихъ опроковъ ; за симъ заспавилъ молодую дѣвушку приложиться къ Распятію и Евангелію , и бросивши въ мѣдный копель маленькое колечко , копорое обвиненная должна

была вынупъ , воропился къ своему сѣдалищу. Тогда послышалось какое-то спенаніе, какъ будтобы пробѣжавшее между зриателями.

„Епископъ подалъ знакъ съ своего мѣста , и Клодзинда , произнеся пихимъ голосомъ *Отче нашъ*, и осѣнивши свое чело знаменіемъ креста, сдѣлала шагъ къ коплу. Взоры всѣхъ въ эту минулу были успремлены на нее ; всѣ едва могли переводить духъ.... Если бы Самъ Богъ изрекъ въ Своемъ всемогуществѣ собственнымъ своимъ голосомъ свой судъ , то бы и Онъ былъ выслушанъ не съ бѣльшимъ безмолвіемъ, исполненнымъ ужаса. Наконецъ испытаніе началось: рука молодой дѣвушки погружается въ кипящую воду; нѣсколько минулъ она ищетъ кольца, которое по своей малости ускользаетъ отъ пальцевъ , спарающихся схватить его и пошчасъ вдругъ вынупъ. По неподвижному лицу Клодзинды всѣ думали , что Господне чудо гоповилось свершиться надъ нею , и что вода не жгла ея ; но когда она показала свою руку , въ половину поврежденную , тогда крикъ ужаса раздался по всему собранію и каждый опворопилъ голову. Однакожь она , не изъвая ничѣмъ другимъ своихъ спраданій , какъ еще боль-

шею блѣдностію на челѣ, попчасть возвысила
голосъ, и — хопя погда и не было въ обы-
кновеніи, чпо бы женщина випійспвовала
передъ народомъ — вся эпа толпа замолчала,
какъ будшо бы по единодушному желанію
внимаць словамъ ея. „Благородные мужи,
„сказала она, нѣпшь, я не удоспоилась
„пого, чпобы Господь совершилъ въ мою
„пользу чудо; но я была доспойна пого,
„чпобы Онъ вложилъ въ меня бодрость къ
„перенесенію сего испытанія. И пакъ я не
„скажу, чпо бы эпа вода не обожгла ме-
„ня; нѣпшь: она обожгла меня, и я спра-
„даю, и я погибаю. Но какой же здѣсь надо
„мною судъ Божій? Невинною или пресуп-
„ною онъ объявляетъ меня? Послушайте
„меня, благородные мужи, я скажу вамъ
„испину, ибо полько одни подлецы и пруж-
„сы умбюпшь лгать. Король Шильдеберпъ
„увидѣлъ меня и насильно привлекъ на
„свое ложе; онъ хопшь сдѣлалъ меня своею
„супругою, и я, видя, чпо онъ есть не-
„чпо оное, какъ дия, хопъла, чпобы
„онъ былъ мужемъ; видя его рабомъ, я хо-
„пъла, чпобы онъ былъ королемъ. Развѣ
„я оправила его, шолкуя ему, чпо вели-
„кому Клодовику не прилично проводить

„свою жизнь въ одномъ занятіи водою и
 „спаньемъ? И воптъ, однакожь, все мое
 „колдовство! За эту вину злые люди похи-
 „тили меня и обезобразили такимъ обра-
 „зомъ. Кто подослалъ ихъ? Это знаетъ
 „Богъ да Герцогъ Пепинъ. За эту вину
 „я была увлечена въ судъ, какъ какая ни-
 „будь распутная женщина или колдунья. На-
 „зовеша ли вы меня эфимъ и менемъ шеперь,
 „видя какъ я шверда сердцемъ и исполне-
 „на довѣренности къ Божию правосудію?
 „Я невинна! я невинна!...“ И когда она
 хопъла повпорить эфоптъ воптъ въ шрепій
 разъ изо всей своей силы, — ея голосъ
 вдругъ прервался и она упала безъ чувствъ.
 Аббаписса Амальберасъ принуждена бы-
 ла приказать перенести ее во внушрен-
 ность монастыря, когда уже никакая по-
 мощъ не могла возвращить ее къ жизни.

„Собраніе, особенно епископы и дво-
 ряне, было различно колеблемо происшед-
 шимъ. Нѣкоторыя, повѣривъ словамъ мо-
 лодой дѣвушки, и пронувшись жалостію къ ея
 спраданіямъ, говорили, что Господь оправдалъ
 ее, снабдивъ силою перенести столь без-
 шрепелно такую ужасную боль; другіе ушвер-
 ждали, что объ эфоптъ не должно судить

такимъ образомъ и что испытаніе было пропивъ нея, потому что ея рука была повреждена горячею водою. Особенно Палатный Графъ, Гислемаръ, кричалъ громкимъ голосомъ и съ величайшимъ негодованіемъ, что она своей припворной добродѣшью играла Богомъ и людьми, что осмѣлилась ложными рѣчами обносить блиспапельнѣйшаго Герцога Пешина, что она была волшебница, разврапная пварь и совсѣмъ эшимъ клеветница, доспойная всего гнѣва свяпыхъ епископовъ. „И, присовокупилъ онъ, я не знаю, что преляпспвуешь намъ побить ея каменьями.“ Многие, казалось, раздѣляли эту ярость и съ воемъ требовали, чтобы виновная была имъ предана для исполненія надъ нею Божіаго правосудія. Уже началъ подниматься ропоть, безпреспанно увеличивающійся, какъ Аббашесса Амальбересь объявила епископамъ, что она никогда не допуспитъ, чтобы были нарушены права ея монастыря, и чтобы изъ ея покрова была изпоргнуша глава, предоспавленная покровицельспву папрона сего мѣста. „Если Графъ Гислемаръ — прибавила она — хочешь учинить въ нашемъ жилищѣ насиліе, то пусть не позабудеть того, что случилось съ Эброинотъ и его оруженосцами, когда они угро-

жали своими руками до сполочненной Анспрюдъ, Аббаписсъ Лодюнюма.“

„Однакожь благочесливый Епископъ Камеракумскій, переговоривши нѣсколько минушь съ своими собратами, вспалъ и объявилъ, что Божій судъ не можетъ совершиться въ сей день надъ умирающею женщиною; что она должна бытъ предоспавлена власти Аббаписсы Амальберасъ, которая держала ее въ своемъ судѣ и наказала бы ее сообразно съ ея преспуленіями, низведя въ рабское сословіе и осудя вершѣль жерновъ, или опредѣливъ на другія низкія службы, если только она возвратится къ жизни и что такимъ образомъ было бы удовлетворено правосудіе Божеское и человѣческое. Когда это было сказано, то всѣ начали расходиться; и нѣкоторые злые люди, надѣясь, что осужденная будетъ предана мученіямъ и поражена смертію, удалились недовольными. Но гораздо большее число веселилось тѣмъ, что ей было дано время заглавить свои грѣхи и окончить жизнь въ покаяніи.

„Пророкъ говоритъ намъ, что Богъ оказываетъ жалость къ юному агнцу, котораго только что оспригли, смягчая для

него жестокоспѣ зимняго въпра: не благоволишь ли Онъ въ своей безконечной благоспѣ сдѣлать поже самое для неуспѣшной Клодзинды! Такъ какъ для нея въ семь мѣрѣ оспалось только спенать и плакать, по Онъ постѣшилъ извлечь ее изъ онаго и переселилъ въ мѣрѣ лучшей. Въ самомъ дѣлѣ, силы, ея ослабѣвшія опѣ долговременнаго спраданія, потчасъ испоцились, и послѣдній часъ наспушилъ для нея на другой же день послѣ ужаснаго суда. Хотя ея душа и все еще была занята оболъщеніями земной любви, хотя она все еще изъявляла сожалѣнія о Королѣ Шильдебертѣ, за котораго возсылала обѣпы, чпобы онъ превозмогъ своихъ враговъ, — однакожь умерла съ испицнымъ и ревностнымъ благочестіемъ; и шакъ какъ она проспала всѣмъ, причинявшимъ ей зло, и принесла въ даръ Господу все, чпо могла ему опдалъ, по еспѣ: свои слезы и молипы, — по позволипельно думать, чпо она была приобщена къ вѣчному блаженспву. *Многіе, по заслугамъ въ своей жизни, были святѣе ея, но мало было столь несчастливыхъ, какъ она: въ шакомъ родѣ написалъ я ей эпитафію, которая, къ сожалѣнію, изгладилась шеперь изъ моей памяти.*“

Таковъ обыкновенно былъ печальный конецъ пѣхъ обвиненныхъ, копорые не принадлежали къ привилегированному классу; а число первыхъ было гораздо значительнѣе числа послѣднихъ! Если бы мужественная Клодзинда была благородною и могущественною принцессою, то чудо совершилось бы, и ея невинность была бы провозглашена съ торжествомъ; но, часно говоря, человѣческіе законы всѣхъ вѣковъ похожи на работу паука: мѣлкіе мухи въ нее попадаются, а большія свободно пролетаютъ сквозь нее...

Съ Франц. В. Б.

V.

Л Ъ Т О П И С И

ОТЪЧЕСТВЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

حکایت دختر پادشاه روس قازان ۱۲۳۸

Die Schöne vom Schlosse, Muhammed Nisameddin dem Gendischer nachgebildet, von Franz von Erdmann dem

а) Получено при слѣдующей запискѣ: „Я хотѣлъ было, какъ Сидъ Гамедъ Бенежелли, въ el ingenioso Don Quixote de la Mancha, сказать перу моему: „Любезное перо мое! я тебя „оставляю и приковываю мѣдною цѣпью, чтобы какой ни- „будь бумагомаратель, взявъ тебя опянь, не помрачилъ мо- „ей славы...“ Но появленіе книги, по часли Восточной словесности, въ Казани, и упрямое молчаніе объ оной

Ludwigskuster. Kasan, in der Universitäts Typographie. 1852. *Красавица замка, или повѣсть о Русской Царевнѣ, подражаніе Мугаммеду Низаммеду, уроженцу Генджа, Францомъ Эрджаномъ. Казань, въ Университетской Типографіи, 1852 года, въ 4ю долю листа, 145 страницъ, съ литографированною картиною, на Нѣмецкомъ языкѣ, съ Персидскимъ текстомъ, варіантами и примѣчаніями.*

Въ одномъ изъ дешувчихъ листковъ *Молвы* приглашаемы были просвѣщенные чипаптели подписаться на книгу *Красавица Замка*, переведенную съ языка Персидскаго, извѣстнымъ въ Европѣ учеными изысканіями и Воспочно - Литературными трудами своими, Профессоромъ Казанскаго Университета Г. Эрджаномъ. Свѣдѣніе о семъ изданіи сообщено было въ видѣ извѣстія, и пошому написано слишкомъ бѣгло и кратко. Мы думали, что будемъ говорить о семъ переводѣ съ большею подробностію, когда издася въ свѣтъ самая книга. Она явилась въ началѣ прошедшаго года, и — надобно оидашь справедливостъ почтенному переводчику, или подражателю, — изданіе сіе выполнено съ возможною въ Казани роскошью, на прекрасной бумагѣ, пре-

журналовъ, вспроевожили конѣкъ мой. Оставля кейфъ, я, какъ повый Хаджи-Баба, взялъ въ зубы трубку кривки, и приподнявшись съ дивана ошдохновенія, надѣлъ широкіе сапоги самоходы, чинобы на досугъ прогуляться по чистому полю православной Русской журналистички. Удоснойте помѣститься въ *Телескомъ* Вашемъ замѣлки страницка.“

Делибюрадеръ.

краснымъ Пшвецкимъ шрифтомъ и довольно чистымъ Персидскимъ. Сверхъ того приложенъ къ ней литографированный рисунокъ, представляющий Падишаха Берама въ Гаремъ Русской Царевны, бесѣдующаго съ ней на коврахъ разноцвѣтныхъ, межъ тѣмъ какъ невольницы играютъ въ ногахъ ихъ на разныхъ инструментахъ. Кто знакомъ съ манерою Персидской рисовки, пошь съ перваго взгляда замѣшитъ, что картинка сія не есть Европейскаго изобрѣтенія, но вѣрная копія съ рисунка Восточнаго манускрипта а).

Долго ожидали мы, чшобы ктонибудь изъ Русскихъ журналистовъ обратилъ вниманіе читающей публики на книгу, столь достойную всякаго уваженія; но ни въ Петербургской *Съверной Пчелѣ*, разсмапривающей крапко; ни въ журналахъ Московскихъ, посвящающихъ особенный, довольно толстый ондѣлъ для библіографическихъ извѣстій, ни слова не было сказано о *Красавицѣ Замка* при поголовной переключкѣ вышедшихъ въ печеніи года книгъ. Сочиненіе сіе, подобно яркой, упренной звѣздочкѣ блеснуло, и мгновенно, ни кѣмъ незамѣченное, исчезло съ туманнаго свода нашего литературнаго неба; между тѣмъ какъ уродливья пропзведенія Гг. Сигова, Пуговошникова и компаніи, не разъ обращали вниманіе почтенныхъ издашелей журна-

а) Мы имѣли случай видѣть у почтеннаго Профессора одинъ экземпляръ сей книги, назначенный имъ для отсылки въ мѣсто его родины; картинка при ономъ прехоходно ондѣлана красками, и не одна бы красавица Гарема пожелала имѣть ее на своемъ уборномъ столикѣ. Д.

ловъ, представляя богатое поприще для популяри-
 заци журналистики! — Явись подобное изданіе
 въ Англіи, Франціи, или Германіи: всѣ бы жур-
 налы давно были его эхомъ; но въ нашей безлич-
 ной словесности, незрѣлой до классицизма, бѣд-
 ной впечатлѣніями для поэзіи романшиковъ, и
 пресыщенной до оскомины историческими романа-
 ми, заимствованными изъ всѣхъ временъ, не толь-
 ко опечистившей исторіи, но даже и доопол-
 нившей, по которой неустрашимо разгуливаетъ
 глубокомысленный краснобай Брамбеусъ — сіе
 изданіе ушло безъ возврата. Ни блестящее,
 восточное происхожденіе, ни самое названіе *Краса-
 вицы Замка*, или *Повѣсти о Русской Царевнѣ*,
рассказываемой Персомъ, ничто не заинтересовало
 ни одного рецензента. Такое равнодушіе
 непостижимо, и только развѣ шѣмъ однимъ объ-
 яснено бытъ можешь, что книга издана на язы-
 къ Нѣмецкомъ, и что она не Европейскаго со-
 зданія!

Дѣйствительно, разсматривать сочиненіе
 восточнаго писателя невозможно безъ предвари-
 тельныхъ взглядовъ на вѣкъ, въ коемъ онъ жилъ,
 на его современниковъ, на степень погданней
 образованности, и другія отношенія, которые
 только однѣ могутъ дать сочиненію восточнаго
 поэта надлежащій свѣтъ, и опредѣлить его до-
 стоинство и заслугу. Но и этого будетъ недо-
 статочно! Духъ ориентализма, яркій и фанта-
 стическій, какъ переливная радуга; сильный,
 какъ гигантъ въ метафорахъ; свѣжій и роскош-
 ный, какъ сонная одалиска, въ своихъ удоблені-
 яхъ, съ трудомъ, и едва ли даже можешь быть

перенесенъ въ шѣсную рамку Европейскихъ попя- шій. Самобытность его исчезнетъ подъ нашею образованною, вылощенною полишурою вкуса; бурныя метафоры уступаютъ мѣсто какимъ-то Ипальянскимъ *castrati* слова, и самыя сравненія, взятыя по большей части изъ предметовъ намъ мало извѣстныхъ или слишкомъ извѣстныхъ, но низкихъ въ мнѣніи нашемъ, испорченныхъ лож- ною щекотливостію, перяются, или замѣща- ются другими при переводѣ. Справедлива ли бу- дешъ, спросимъ мы послѣ этого, оцѣнка писа- теля въ шакомъ или обезображенномъ, или чрезъ мѣру украшенномъ видѣ? Нашъ вѣкъ по- ропится жить; нынѣ вѣкъ энциклопедическихъ полузнаній, и Казавбоны, Генціи и Скалигеры уступили мѣсто людямъ, предъявляющимъ пра- во на безсмертіе въ литературурѣ, или мѣлкою спашейкою въощемъ журналѣ, или толстымъ, многопомнымъ романомъ — векселемъ на зѣваю- щую публику.

Сія-то, полагаю, причины могли удержатъ каждаго рецензента, непосвященнаго въ быль оріентальный, отъ разбора книги, переведенной съ восточной рукописи. Мы сами не рѣшились бы принять на себя эпою обязанности, сколько при- ятной, столько вмѣстѣ и трудной, если бы не имѣли подъ рукой сочиненій людей, могущихъ быль намъ свѣточами, указателями въ обшир- номъ поприщѣ криптицизма; если бы не были увѣрены напередъ въ спяскожденіи чипателей просвѣщенныхъ, для которыхъ единственно пи- шущая сія спроки!

Тотъ , кшо ознакомлень съ дѣписателями и словесниками восточными ; кшо бесѣдуетъ съ ними на языкъ имъ природномъ , для того много будетъ здѣсь излишняго ; но такихъ читателей надѣмся мы встрѣтити немного ; и не для нихъ помѣщаемъ крашкѣй очеркъ вѣка Низаміева , заимствованный нами , большею частію , изъ Антологіи Гаммера ; ибо только послѣ этого можемъ мы говорить о сочиненіи и переводѣ предлагаемой книги.

Первобытная чистота *дери* или древняго языка Персовъ , ярко сохранившаяся въ знаменитомъ швореніи Персидскаго Омира , *Фирдуси* , начинала теряться отъ поспешеннаго усвоенія языка Арабскаго. Не столько бѣдность языка Иранцевъ , сколько могущественное вліяніе религіи Ислама и владычество Халифовъ были тому причиною. Это могутъ подтвердить самыя слова , получившія у нихъ право гражданства : онѣ остались неприкосновенными въ своей основѣ и только въ окончаніи приняли форму Персидскую. Такія заимствования , въ послѣдствіи были дѣланы и отъ другихъ народовъ. Такъ въ Персидскомъ словарѣ *Фертенги-Шури* находимъ мы слова Индійскія , Монгольскія и Ташарскія ; послѣднихъ больше двухъ предыдущихъ ; но никогда въ такомъ значительномъ числѣ какъ Арабскихъ. Причина сему весьма естественна : владычество Арабовъ впервые смяло роскошный цвѣтъ Ирана ; а науки ихъ были первыми , необходимыми свѣшльниками этого побѣжденнаго народа. Озаренныя ихъ свѣшломъ понятія , приняли новое развишіе , и слова побѣдителей внеслись въ скрижаль языка — не-

обходимые къ выраженію новаго проявленія мысли, дошолъ незамѣченной а). До великаго Махмуда, повелителя Газны, Персидской языкъ не употреблялся, ни въ государственныхъ кабинетахъ, ни въ дипломатикѣ. Считали послѣднимъ опправляль на немъ какую либо дѣловую переписку. Вездѣ и во всѣхъ сношеніяхъ правительственныхъ употреблялся языкъ Арабскій. Но въ царствованіе сего высокаго покровителя ученыхъ и поэтовъ, Персидскій языкъ снова вступилъ въ свои права. Бѣдный и обезсиленный долгимъ пренебреженіемъ могъ ли онъ достойно выдержавъ состязаніе съ своимъ блестящимъ соперникомъ? Только гораздо послѣ, когда эмиры и визири начали соревновать другъ передъ другомъ въ образованіи и совершенствованіи эшаго языка; когда осыпаны были дарами поэты; тогда явилась и та блестящая, звучная поэзія, передающая попоминуву и пѣвцовъ, и покровителей.

Высокій примѣръ благоволенія, оказываемаго наукамъ и искусствамъ повелителемъ Газны и Сельджугидами нашелъ многихъ послѣдователей. Сенджаръ, наследникъ Султана Мелекшаха въ Хоразанѣ, одинъ изъ знаменитыхъ Государей Воспока, прославилъ свое царствованіе, щедро

а) Руссо не согласенъ съ симъ мнѣніемъ. Въ своемъ *Flowers of Persian Literature*, онъ говоритъ, что Персидскій языкъ смѣшался съ Арабскимъ не отъ того, что чистый языкъ вышелъ изъ употребленія; но потому что между Персами вошло въ обыкновеніе, вставлявъ Арабскіе стихи и цѣлыя періоды въ свои произведенія, не подъ видомъ указанія на ошибку, но какъ существенную часть изящества въ слогѣ. Д.

осыпая почестями и наградами ученых и поэтовъ. Тотъ же самый духъ любви къ просвѣщенію одушевлялъ племянника его Берамъ-Шаха, даже до послѣдняго изъ Сельджуидовъ — Мессуда. Династія Ашабеговъ, занявшая послѣ нихъ престолъ Персидскій, сохранила въ себѣ сіе отличительное свойство. Первый основатель ея Ильдигезъ и сыновья его Ашабегъ Пегливанъ Мугаммедъ и Ашабегъ Кизиль-Арсланъ были истинными друзьями поэтовъ. На престолахъ Ширвана и Ховарезма царили образованнѣйшіе государи, покровители ученых; и когда, по низверженіи династіи Ховарезмской, принялъ владычество Иларсланъ; то и онъ не менѣе предшественниковъ своихъ былъ великодушенъ, не менѣе щедръ къ поэтамъ. Время это, соснавливающее по раздѣленію Гамме-ра, вторую эпоху Персидской литературы, было самое блистательное для Персидскихъ поэтовъ, если принять въ уваженіе великія награды ими получаемыя; но его далеко нельзя назвать славнымъ для поэзіи. Стихотворцы сей эпохи, по большей части были купленные хвалители Шаховъ, коихъ обожаніе, пресыщенное благоуханіемъ лести, жаждало новыхъ, болѣе изысканныхъ хвалебныхъ благовоній, ни во что вмѣняя высокую цѣну, которую могло бы стоить приобрѣтеніе оныхъ. Такимъ образомъ суещность влещителей и низость панегиристовъ довели поэзію до унижительной обязанности рабыни!

Сей періодъ времени могъ быть по справедливости названъ панегирическимъ. Первою, важнѣйшею цѣлю поэзіи почиталась хвала Шахамъ. Знаменитѣйшіе панегиристы: *Эвері*, *Гахани*,

Сахиръ-Фаряби и *Акештеги*, жили въ это время. Опъ щедрыхъ награды повелителей щцеславныхъ, опъ безчисленнаго множества стихотворцевъ малодушныхъ, опъ ограниченности главнаго предмета и языка, опъ ненасытности щедродателей и дароёмниковъ, скоро прейдены были границы хвалы обыкновенной; гиперболы сдѣлались единственною фигурою, кошорою, однакожь, и позднѣйшіе послѣдователи пользовались съ немалымъ успѣхомъ. Такъ возникли извѣснѣйшія похвальныя стихотворенія, въ конхъ воображеніе, возлешая за границы хвалы человѣческой, возносишь своихъ героевъ на степенъ идоловъ язычества. Явленіе шѣмъ болѣе замѣчательное, что владычество Ислама запрещаетъ всякое идолообожаніе, и что пінты правовѣрные дерзнули обнародовать таковыя апофеозы! Правда, громко возсцавали противъ этого спроегіе нравоучители и аскетники; но лешъ и жадность къ корысти попирали законы здравой крипки и вкуса. Шаходя мало яркихъ красокъ въ мїръ видимомъ для изображенія своихъ героевъ, они исхищили оныя изъ области духовъ, изобрѣженныхъ фантазією. Предметы ихъ хваленія не только обладали всѣми силами природы; но даже силы сія получали опъ нихъ и законы и направленіе. Они указывали пущъ и мѣсяцу и солнцу; разумъ и воля были въ ихъ вѣдѣніи, и даже самый рокъ, какъ покорный рабъ, зависѣлъ опъ ихъ мановенія!!

Кромъ упомянутыхъ нами выше, знаменитыхъ панегиристовъ, въ сію достопамятную эпоху униженія поэзіи установлено было званіе

Князя или Короля Поэшовъ. Мѣсто сіе при дворѣ Ширванскомъ занимали поэты *Абулола* и *Фелеки*; при дворѣ Апабеговъ поэтъ *Сефердехъ*; а у повелителя изъ династіи Сельджугидовъ *Тоганшаха* поэтъ *Эзраки*. Сей послѣдній не только посвящилъ стихотворный свой даръ на безумное хваденіе, но и самая проза его исполнена безнравственными карпинами, возбуждающими чувственность. Сопадическіе рассказы его замѣнили для пресварѣлыхъ Сулпановъ сильно возбуждающія средства и несравненно могущественнѣе оныхъ дѣйствововали. Онъ написалъ также много прекрасныхъ, и въ Европѣ извѣстныхъ повѣстей, какъ на примѣръ: *Путешествіе Синдбада и Гиндбада*, и, какъ сказочникъ, шелъ по слѣдамъ поэта *Расти*, сочинителя *Тысячи Повѣстей* а).

Проза и стихотворство въ сей второй періодъ литературы Персидской подведены были подъ точныя правила сочиненіями словоупотребителя *Рагида Ватвата*, придворнаго поэта Ховарезмскаго Шаха Итсиса. Подъ именемъ *Гадаикезъ-Зира* или *Волшебнаго Сада*, составилъ онъ меприку и піишику, уважаемая даже и до нынѣ. Сей писатель оставилъ также письменникъ, для котораго служилъ ему примѣромъ *Кабусъ Шемоль-Маали*.

а) Notice sur le Shah-Namé р. 52 Сія *Тысяча Повѣстей* должны быть не что другое, какъ 1001 *Ночь*, кои поэтъ Расти передѣлалъ съ древняго Персидскаго. При Халифахъ Гарунѣ и Мамунѣ они переданы были на языкъ Арабскій, а съ него уже на языки Европейскіе. *Гаммеръ*.

Сашира, которой первый образецъ показалъ ошець Персидскаго стихотворства Фирдуси, уязвленный во глубинѣ своей души неблагодарностью Султана Махмуда, сашира имѣла и въ сію панегирическую эпоху поборникомъ своимъ *Сузенія*; но должно думать, что произведенія его были не столько въ родѣ саширъ, сколько пасквили; пошому что ни Девлешахъ, ни Джами не сочли приличнымъ помѣстить что-либо изъ нихъ въ свои сборники.

При улучшеніи и большей обработанности языка, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ; при обогащеніи его новыми заимствованіями изъ языка Арабскаго, необходимо должны были придти въ упадокъ прежніе переводы классическихъ швореній съ языковъ чужеземныхъ; слѣдствіемъ этого было, что басни Бидпая, переведенныя по повелѣнію Абуназра, изъ династіи Сассанидовъ, визиремъ его *Балаами* прозою и поэтомъ *Рудеги* стихами, снова были переведены съ языка Арабскаго прозою *Гамдеддиномъ Назроллагомъ*, по повелѣнію Газневидскаго Султана Берамшаха, которому и посвящены были, какъ сей переводъ, такъ и *Увеселительный Садъ* — миспическое швореніе *Сенайлъ*.

Между великими Персидскими учеными сего времени, которые однакожь писали на языкѣ Арабскомъ, *Рагисъ* изъ Испагани и *Секеріа* изъ Казбина, оставили шворенія удивительнѣйшія, которыя, какъ единственныя въ своемъ родѣ, сохранили свою славу и до позднѣйшихъ спольтій. Первый изъ сихъ ученыхъ былъ издашелемъ огромнаго *Могазерата* — Аншологія въ стихахъ и про-

зѣ, кошорую всего ближе можно сравнить съ Эклогами Спобея; второй, натуралистъ — Аристопель и Платонъ Арабовъ — оставилъ космографическое сочиненіе о природѣ, коего отрывки, переведенные Г. Шези, помѣщены въ хриспоматиі Сильвестра де Саси и недавно еще, уваженія достойными трудами Г. Иделера, обратили на себя вниманіе Европейскихъ ученыхъ. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ изящною липпшерапурою подвигались рука объ руку и языкословіе и природовѣденіе.

Но въ сей періодъ панегирическаго лиризма началъ развиваться и лиризмъ мистическій, кошорый только въ позднѣйшее время достигнулъ полной своей зрѣлости. *Сенайя*, о кошоромъ упоминали мы выше; предшественникъ *Аттара* и *Джеллаледина Руми*, образующій съ сими двумя писателями родъ мистическаго прилиппшника, равно какъ *Энвери Хакани* и *Сахиръ Фаряби* составляли подобную происшвенность панегиризма — *Сенайя* жилъ въ эпоху періодъ. Книга, имъ сочиненная, подъ названіемъ *Гедика* или *Увселительный Саѣ* — образецъ для позднѣйшихъ писателей — есть аскепическое твореніе высокаго достоинства. Откровенность одного дервиша, явно порицавшаго ласкашельство панегиристовъ, испоргла его изъ потока времени, коимъ онъ уже былъ увлекаемъ, и обратила къ мистическимъ оспровамъ блаженныхъ. *Сенайя* является почти первымъ мистическимъ стихосворцемъ, хотя въ послѣдствіи *Аттаръ* и *Джеллалединъ* превзошли его. *Низами*, первый поэтъ романшиковъ, сохранилъ навсегда первенство

свое; ибо никто изъ позднѣйшихъ его послѣдователей, ни *Хозру* изъ Дельги, ни *Джами*, не могли приблизиться къ его совершенству. Хотя родъ сочиненія, имъ избранный, былъ давно извѣстенъ; хотя древнѣйшіе стихотворцы воспѣвали любовныя приключенія *Вамика* и *Азры*, *Рамина* и *Вейсе*, и даже въ самую сію эпоху *Амикъ* изъ Бокхары, избралъ предметомъ своихъ пѣснопѣвнй Египетскую исторію *Юсуфъ и Зюлейка*; а поэтъ *Рашидъ* изъ Самарканда издалъ книгу; *Миръ и Вефа*, т. е. *Любовь и Вѣрность*; но, какъ предшественниковъ, такъ и современниковъ и послѣдователей своихъ далеко превзошелъ *Низами* изъ Генджа — величайшій изъ Персидскихъ романистовъ, по смерти коего собраны были воедино пять лучшихъ изъ его стихотворныхъ повѣстей, подъ именемъ *Хамзе* или *Пятикнижія*, служившія образцами для знаменитѣйшихъ романтическихъ поэтовъ, которые, по большей части, избирали одинаковый предметъ для обработыванія, и давали ему тоже названіе *Хамзе* а).

Объемъ нашей статьи, и безъ того уже проспиранной, слишкомъ бы увеличился, если бы мы вздумали изложить здѣсь жизнь поэта *Низами* изъ Генджа, котораго ошюдь не должно смѣшивать съ *Низами Арузи*. Мы имѣли въ виду изобразить только вѣкъ *Низами*, направленіе духа того времени, имѣвшія вліянія и на произведенія нашего поэта. Любопытные могутъ почерпнуть о немъ подробныя свѣдѣнія изъ самаго источни-

а) Hammer, Geschichte der schönen Redekünste Persiens
Wien, 1818.

ка: въ сочиненіяхъ Девлепшаха, или въ выпискѣ изъ онаго, помѣщенной въ ученое изданіи Г. Профессора Эрдмана: *De Expeditione Russorum Berdaam versus Casani 1826*. Мы ограничимся здѣсь однимъ указаніемъ, что знаменитый Шейхъ Низамеддинъ умеръ въ царствованіе Тогруль-бен-Арслана въ 576 году Геджры (1180 отъ Р. X.) и похороненъ въ городѣ Геджѣ — мѣстѣ своей родины.

Но спросятъ насъ, какія повѣсти заключаешь въ себѣ его *Гамзе*? — Сія повѣсти суть: *Хозру и Ширинъ*, *Лейла и Меджнунъ*, *Семь Красавицъ*, *Книга Александра*, и одно сочиненіе нравственнаго содержанія: *Сокровищница Таинствъ*. Лучшая изъ всѣхъ повѣстей есть *Хозру и Ширинъ*, написанная имъ для Сельджугида Кизаль Арслана; Изъ *Лейлы и Меджнунъ*, переведенной на Французской языкъ Г. Шеви, помѣщены были нѣкошорые отрывки въ русскихъ журналахъ Г. Ботьяновымъ. Книга *Александра* или *Искендернаме* издана была въ Пешербургѣ Г. Профессоромъ Шармуа во Французскомъ переводѣ юнаго Шпиценегеля, споль рано похищеннаго смертію у музъ Восточныхъ; сверхъ того она переведена и на языкъ Лашинской въ Казани Профессоромъ Эрдманомъ. Изъ *Максеноль-Эзрара* или *Сокровищницы Таинствъ*, помѣщены нѣкошорые отрывки въ Персидской Антологіи Гаммера. Но, не распространяясь о прочихъ, мы изложимъ только содержаніе пятой повѣсти: *Семь Красавицъ* или *Гесфтъ Пейгерѣ*, изъ кошорой заимствована повѣсть о *Русской Царевнѣ*. Содержаніе сіе изложено съ бодьшею подробностію въ книгѣ Г.

Эрдмана, разсматриваемой нами, отколовъ часіію оное извлекаемъ.

Персидскій Падшахъ, Берамгуръ а), сынъ Гезиджерда изъ династіи Сасанидовъ, вспутившій послѣ несчастной кончины своего отца въ 421 г. отъ Р. Х. на престолъ Ирана, есть герой *Гесфтъ Пейгера* (هفت پیکر) или *Повѣсти Семи Красавицъ*. Низами искуснымъ образомъ пришкалъ въ ней къ исторіи Берамга семь другихъ прекрасныхъ повѣстей. Вотъ что образовало основу сей шкани. Берамгуръ, будучи еще наследнымъ принцемъ посѣпилъ однажды дворецъ Шавернакъ, выпроенный по повелѣнію его отца знаменитымъ архитекторомъ Сенамаромъ; тамъ приказалъ онъ распоритъ одну запертую, заповѣдную комнату, гдѣ нашелъ поршреты семи славнѣйшихъ въ мірѣ красавицъ. Описаніе сихъ красавицъ замѣчательно, и пошому здѣсь помѣщаемъ оное: „Тамъ была дочь Индійскаго Райя Фуркъ, прелеснѣе полнаго мѣсяца; дочь Хаkana, именемъ Наманасъ, красота коей волновала и Джинъ и Терасъ; дочь Короля Харезмскаго Наспери, важною поступью подобная куропапкъ; дочь повелителя, или Шаха Славянскаго И-

а) Репидъ Тебибъ приписываетъ сему Государю основніе знаменитой Дубешской спѣвы между землею Хозарь, Дештъ Кничакомъ и справою Ирана, которую въ послѣдствіи докончилъ Нуширванъ:

صیان بلاد خزر ودشت قیچاق و بلاد ایران

зринкумъ, въ Кипайско - Греческой одеждѣ; дочь Шаха Маврипанскаго Арзипунъ, кошорая подобно солнцу служилъ свѣшилкомъ для дней; дочь Короля Греческаго Гуман, уже однимъ именемъ своимъ олицетворяющая величїе; наконецъ Дурусси, дочь Хозроя изъ династїи Кейкауса, въ красотѣ павлину неуступающая.“

Берамгуръ влюбился вдругъ во всѣхъ семерыхъ; но о бракѣ съ ними нельзя было и подумать; пошому что опасности и враги окружали пресполь, на который онъ самымъ рожденїемъ былъ призванъ. Какъ скоро, однакожь, по храбромъ рашоборствѣ, онъ получилъ желанный миръ и достигъ высшей степени своего благополучїя; то немедленно отправилъ пословъ къ опцамъ семи красавицъ, испрашивая ихъ руку. Посольство его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Каждая изъ семи красавицъ была къ нему прислана съ значительными подарками. Но негдѣ было помѣстить царевенъ. Въспъ на одномъ зимнемъ празднествѣ, случайно встрѣчаясь Шаху знаменитый архитекторъ, по имени Шида. Онъ предлагаетъ ему построить дворецъ для семи царевенъ, съ семью башнями, сообразно вліянію семи планетъ, семи дней недѣли, расписанный семью различными красками, украшенный семью драгоценными камнями. Архитекторъ изъявилъ готовность выполнить желанїе Берамгура и построилъ эпошь дворецъ семибашенный — de sette camerelle. Когда онъ совершенно уже былъ готовъ, и красавицы въ немъ поселились, то Берамъ въ субботу вечеромъ посѣщала *герную* башню, посвященную Сашурну, гдѣ обитала

Индійская Царевна; въ воскресенье *желтую*, обреченную Солнцу, гдѣ жила Царевна Мавританская; въ понедѣльникъ *зеленую*, цвѣтъ Луны, назначенную для Ташарской Царевны; во вторникъ *красную*, планеты Марса, принадлежавшую Царевнѣ Славянской; въ среду, *голубую* планеты Меркурія, жилище Принцессы Хоразанской; въ четвертокъ, *сапфировую*, планеты Юпитера, воздвигнутую для Царевны Китайской; въ пятницу, *бѣлую*, посвященную Венерѣ, мѣстопробываніе Царевны Греческой. Берамгуръ до того простиралъ свою внимательность къ симъ Царевнамъ, что посѣщалъ ихъ всякой разъ, не иначе какъ въ одеждѣ любимаго ихъ цвѣта. За то и каждая красавица была къ нему снисходительна; каждая изъ нихъ занимала его разговоромъ какой-либо повѣсти, которая обыкновенно заключалась похвалою посвященному ей цвѣту а).

Такъ, на примѣръ, Царевна Индійская рассказываетъ повѣсть о *корзинкѣ*, известную изъ Кайдусова перевода Турецкой повѣсти *Лалия*. Другая изъ Царевенъ повѣстивуешь объ одной суровой женщинѣ, убивавшей всѣхъ своихъ любовниковъ жеспокостію; претя о нѣкоемъ праведномъ мужѣ, по имени Бешеръ, который влюбляется въ женщину, завѣщенную покрываломъ. Четвертая рассказываетъ повѣсть о Русской Ца-

а) Такую же похвалу разнымъ краскамъ находимъ мы и въ одной предѣстной сказкѣ новаго продолженія 1001 *Ночи*, омысканной Г. Гаммеромъ, известной подъ именемъ *Слоръ шести Иволжницъ*.

ревнѣ, кошорая имѣла много жениховѣ, но не хотѣла слышать ихъ предложеній, пока кѣпо-либо изъ нихъ не выполнитъ всѣхъ наложенныхъ ею условій. Сюю то повѣсть и перевелъ Г. Эрдаманъ. Описаніе неприступнаго замка, избраннаго красавицею для своего мѣстопребыванія; различныя средства и шалисманы, употребленные ею для защиты; несчастная участь многихъ искателей ея руки; отважная предпріимчивость одного юнаго Князя, пиршество. . . Всѣ это написано широкою восточною кистію, блестящею сравненіями, рѣзкою, метафорическою, своеобразною манерою; однимъ словомъ, это прекрасный восточный арабскъ, плѣняющій неподдѣльною свѣжестью красокъ! Мы не принимаемъ на себя обязанности рассказывать подробно содержаніе повѣсти. Канва, легко брошенная нами, обозначила только нѣкоторыя узоры — немногія *данныя*! Если она могла возбудить вниманіе публики, то самый переводъ Г. Эрдамана полнѣе, отщепистѣе удовлетворитъ каждаго, и наша цѣль будетъ совершенно достигнута.

Мы бы желали сказать нѣсколько словъ о переводѣ, вообще ясномъ и чистомъ; но боимся что это завлечетъ насъ слишкомъ далеко. По сихъ поръ еще въ ученое свѣтѣ раздѣлены мнѣнія объ обязанностяхъ переводчика. Одни пребываютъ буквальнаго, и если уже не-буквального, то весьма близкаго перевода съ подлинника; желаютъ чтобы подлинникъ опразился въ переводѣ, какъ въ зеркалѣ, забывая, что подобное отраженіе имѣетъ много несообразностей: правое всегда дѣлаешь лѣвымъ, и на оборотъ. Дру-

тіе хотишь видѣшь въ переводѣ одинъ духъ подлинника, представляя на волю перелагателя облакашь оный по собственному его произволению, и такъ сказашь пересоздать для него шѣло — всю матеріальную часть оригинала. Мы, съ своей стороны, весьма далеки отъ того чшобы назвать который либо изъ сихъ двухъ способовъ совершеннымъ, и односторонность ихъ въ особености обнаруживаешся въ предложеніяхъ съ Восточнаго. Примвровъ далеко искашь не надобно. Возьмемъ начало одной оды Гафиза, изъ *Дивана* его, книга *Даль*:

چو آفتاب می از مشرق پیاله برآید
زباغ عارض ساقی هزار لاله برآید

Буквальное предложеніе сихъ строкъ будетъ:
„Если солнце вина взоидетъ изъ востока чаши,
тысяча тюльпановъ расцвѣтешъ на ланишъ чашника.“

Джонъ Пошъ перевелъ это слѣдующимъ образомъ:

When from the goblet's lastern brim shall rise
The gladd'ning sun-beams of our sparkling wine;
To grace the maid, tulips of richest dayes
Shall on her cheek's empurpled garden shine.

Гаммеръ:

Wenn die Sonne des Weins vom Osten des Bechers
heraufkempt,
Sieh! wie im Rosenbeet des Schenken die Tulpe
herauskومت.

Переводъ Гаммера буквальный; но онъ менъ и не живописенъ; переложеніе Поша гораздо

щеголеваше, и не взирая на свою невѣрность, полше выражаель мысль Гафица, копорый хотель сказать: „Если вино, подобное солнцу, успремился изъ чаши, какъ изъ воспока, то ланипы чашника зарумянишея подобно шюльпанамъ.“

По нашему мнѣнію полше полшко переводъ можель назвашься изящнымъ, копорый, сохраняя красоты природнаго языка, передаетъ на оный чужеземный подлинникъ, въ помъ разительномъ сходствѣ, въ кошоромъ, какъ въ искусно снятомъ поршрешѣ, всякой узнаель лице, служившее оригиналомъ, не взирая на то, что кудри набросаны на полотно безъ счета, и не каждая морщинка, скользящая по лбу, аккуратно выведена. Игра физиогноміи схвачена; лице полшко что не говоритъ и не дышетъ: — чего желать болше!

Чтобъ познакомиться нашихъ читателей съ расказомъ *Низами* и отчасти съ переводомъ Г. Эрдмана, мы помещаемъ краткое всшупленіе и начало расказа *Красавицы Замка*. Просимъ напередъ извиненія у почтеннаго перелагашеля, если не вполне, и не близко передадимъ на языкъ Русскомъ шѣ красоты, какія представляель намъ его ученое переложеніе. Передаемъ какъ умѣемъ:

.
И какъ вчера, въ такой же лсный день, —
Въ Тирь мѣсяцъ а) чшель зрима ноци птѣя —
Въ прекрасный день, во вторникъ, — оль изъ дней

а) Мѣсяцъ Тирь, — нашъ Іюнь.

Какъ перлъ блеститъ въ вѣнцѣ седмицы всей,
 Берама въ день; его посящій цвѣтъ,
 Могучій Шахъ, чьей славы мѣры нѣтъ,
 Въ чалмѣ какъ огонь, весь краснымъ облеченъ,
 Въ свой красный дворъ вступаетъ, упоенъ,
 Гдѣ блескъ зари — Царевны Русской ликъ . .
 Къ ея устамъ въ восторгѣ оиъ привикъ;
 Оиъ приласкалъ сей мѣсяцъ молодой;
 Оиъ слился съ ней, какъ солнца лучъ съ волной.
 Предъ нимъ раскрытъ черпогъ во всей красѣ,
 Ему служишь — ея желанія всѣ!
 Лишь только ночь широкій свой навѣсъ
 Накинула на ясный сводъ небесъ,
 Красавицу, чей свѣжій блескъ ланинъ,
 Какъ яблоко душистое манишь,
 Склонилъ Шахъ качая ему разказъ,
 Чтوبъ усладить свиданья свѣтлый часъ.
 Послушная любви на сладкій зовъ,
 Она ему лишь крупныхъ жемчужовъ
 Даетъ изъ устъ, пураурныхъ какъ рубинъ:
 „Врата небесъ — дворецъ пивой, власпелинъ!
 „Блескъ мѣсяца и солнца — пивой шаперъ,
 „Модъ стѣнь его дерзаетъ ли хоть одинъ?
 „Дерзаетъ ли кто на Гурій бросилъ взоръ?“
 Такъ свой разказъ, начавши похвалою,
 Разсыпала она рубиновъ рой.

Послѣ этого слѣдуетъ самая повѣсть: вотъ ея начало:

Въ моей Руси, въ странѣ моей родной,
 Былъ свѣтлый градъ, какъ дѣва красной;
 Его избралъ столицей Падшахъ,
 Делѣя дочь въ возвышенныхъ стѣнахъ,
 Она была одна лишь у онца.
 Прелестный взглядъ легко скользилъ въ сердца;
 Огнелетѣй розъ былъ цвѣтъ ея ланинъ;
 Какъ спройный кедръ былъ тонкій снагъ развитъ;

И что предъ ней ликъ мѣсяца молодой!
 Сахарныхъ усть алкаль влюбленныхъ рой!
 Кто могъ быть твердъ разъ въ жизни встрѣпясь съ ней!
 Ахъ, жизнь безъ ней, была лишь жизнь пѣней!
 Она вѣжливѣй душистаго млека;
 Съ ея кудрей, въ дыханьи вѣтерка,
 Духъ москуса на грудь моску свѣвалъ;
 Въ ней розъ цвѣшникъ; но шипъ ихъ уязвлялъ;
 Свѣжѣй весны былъ блескъ ея лица,
 И съ чѣмъ сравнишь? — Нѣтъ краскамъ образца!
 Дремалъ Нарцисъ въ увлажненныхъ очахъ,
 И пламя розъ — диргежъ въ ея чертахъ! а)...

Любители просвѣщенія найдутъ много любопытныхъ свѣдѣнй, о нравахъ и обычаяхъ востока, въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ Немецкому переводу Г. Эрмана. Мы, по необходимости, старались избѣгать сихъ подробностей, чтобы не увеличить нашу статью. Эта же самая причина побуждаетъ насъ отказать себѣ въ удовольствіи заняться полнымъ разборомъ перевода. Не беремъ на себя прудной обязанности произнести о немъ рѣшительное мнѣніе. Входя въ тонкости Персидскаго языка, показать какъ близко достигнулъ переводчикъ предположенной имъ цѣли; наконецъ, опредѣлить мѣсто сему переводу между подобными, являющимися на горизонтѣ, усвоеннаго Европою ориентализма... Все это, сознаемся охотно, было бы выше силъ на-

а) *Диргежъ* — серебряная монета. На Востоку существуетъ обыкновеніе украшать ими грудь и голову. Здѣсь авторъ хотѣлъ выразить, что она розовою нежностью лица своего составляетъ себѣ счастье, т. е. можетъ надѣяться значительнаго калыма.

шихъ. У насъ есть Іакинѣы, Болдыревы, Сенковскіе, Френы, Шармуа, Шмиты, и другіе, извѣстные своими учеными трудами, своими глубокими познаніями языка и лишшерашуръ Востока; имъ предстоить произнести мнѣніе о книгѣ, появленіе которой могло только исполнить сердце наше радостію, какъ блестящая заря, предвѣстница новыхъ, прекрасныхъ трудовъ высоко уважаемаго нами Казанскаго Оріенталиста.

ДЕЛИВЮРАДВРЪ.

Декабря 13.
1835.

VI.

ЛИСТКИ ИЗЪ ПРОВНЫХЪ ЛИСТКОВЪ ДЛѢ СОСТАВЛЕНІЯ ИСТОРИИ РУССКИХЪ СКАЗОКЪ.

VII.

Что началъ, то продолжаю.

Безсмертный Кацій, кромѣ уже сказаннаго о немъ а) было существо весьма презрительное; это скупецъ, подлецъ, безобразный сластолюбецъ и при томъ *скелетъ*, основъ носившій только *какой-то* образъ челоуѣка!...

а) О безсмертномъ Каціѣ было говорено выше.

Мальчикъ съ пальчикъ и *Старикокъ съ ноготокъ* объясняютъ свой характеръ также, какъ и *Кашій*, сами собою. Оба они волшебныя, но благоприсшойныя диковинки. Впрочемъ, по сказанному разсказу явствуетъ, что наши красавицы всегда благосклоннѣе бывали къ мальчикамъ съ *пальчикомъ*, а опъ старичковъ съ *локотокъ* ожидали только рабскихъ услугъ. Но это дѣло давнее, былина сказочная. . . .

Вихорь, или *Вихрь*, Русскій Борея, или что-то такое Борею подобное; онъ одинъ только изъ всѣхъ Русскихъ боговъ проказничаетъ въ Русскихъ сказкахъ по-Юппиерски. Онъ вездѣ лѣзаетъ и что ему приглянется, все похищаетъ; молодець, удалецъ, но нешакъ *скороменъ*, какъ Юппиерь! Вѣрная подмога *Вихрю* волшебный жезлъ, или палица. Она неприсупна, она недошрога; но, однакожь, вдохновенные любовью хилпрещицаревичи, нерѣдко и ее лавливали, вырывали у Вихря и сами пользовались ею, какъ собственностію. А безъ палицы и Вихрь терялъ свою силу!

Не упомяну о *Лпшихъ*, довольно извѣстныхъ намъ по чудному свойству равняться съправою, когда бѣгушь они по лугу, и съ самыми высокими древами, когда идушь по лѣсу. Нѣтъ больше повтореній о *Видьмѣ* шреклѣтой, принимающей обыкновенно образъ сороки; о *Кикиморѣ*, ночьюъ страшилищѣ, всегда неопрятномъ, бродящемъ съ густыми, нечесаными, сваленными, какъ войлокъ, волосами; она или оно занимаетъ у насъ должность Мореея и разсыпаетъ на сонныхъ мечпы всякаго рода! Что сказать мнѣ о *Посвистѣ*, гласомъ, котораго (*молодецкимъ посвистомъ*) коман-

довали наши вишязи; о *Русалкахъ*, или, какъ кто-то ихъ называлъ, *Рус-ваалкахъ*, мстящихъ за подсмопръ ихъ очаровательныхъ прелесшей смертельной щекотаньемъ? При нихъ счастливы были только тѣ, которые, не боясь щекотки, не могли умирашь со смѣха. Злодѣйки! . . .

VIII.

Безъ повтореній сказка не въ сказку.

Начинается, починается опъ сивки, опъ бурки, опъ вещняго каурки . . . Да, да, говоря о сказкахъ, какъ не выпорить за сказкою жъ? И шакъ продолжу опять о томъ же, о чемъ, можешъ бышь, намѣкаль уже не однажды:

Наши кладязи спуденцы были святы своею водою и опъ того ихъ звали *святыми* спуденцами. Нынѣ никшо не укажешъ, въ которомъ изъ нихъ важивалась *живая* вода, а въ которомъ *мертвая*; а вѣдь важивалась?.. По время чего не изгладить?

Нашъ *Царь Морской* былъ шже, что Непшунъ, а у него въ командѣ были *Чуды-Морскія*; иные изъ нихъ *Чуды-Юды* о двѣнадцати главахъ; случалось (когда они серживались), что никакой пловунъ (пловець) опъ нихъ не убирался: бывало опъ пойдетъ на дно, да и пузырь въ верхъ! Царь Морской, какъ и всѣ позапрошлые боги, великій былъ лакомка до красавиць и вопъ *Чуды-Юды*, паскивали ихъ къ нему по цѣлымъ десяткамъ. Ушацишь и, сидя милая, вѣкъ въ водиць, кушай пину! . . .

Райская птица *Жаръ*, мы уже знаемъ, привлекательна была какъ солнце, знаемъ, что она почиталась одной изъ первоклассныхъ нашихъ божественныхъ принадлежностей; но всѣли помнятъ то, что она пѣла только *пѣсни Царскія* а), что она, имѣя даръ пророчества, служивала онымъ только людямъ испытанной добродѣтели; а на *злыхъ*.... бывало надешивъ другая птица *Гагана*, (о которой мы уже говорили) да какъ *понесетъ* клевать своимъ *посищемъ съ загугулиной*, шутъ ужъ злой-врагъ держи ухо востро, а то ни зуба во ршу, ни глаза во лбу, заразъ не будетъ!

Полканъ или *Полежанъ* существовалъ полуконемъ и получеловѣкомъ. Въ честь его, еще и нынѣ, нѣкоторые изъ Рязанскихъ и Владимірскихъ простолюдиновъ имѣютъ какое-то торжество. Оно бываетъ, кажется, около Ильина дня, въ другихъ мѣстахъ ранѣе, именно, тогда какъ совсѣмъ уберется сѣно.

Наконецъ вопъ еще нѣсколько словъ о *сивкѣ буркѣ, вешней кауркѣ*. Это чудный конь, къ нему въ одно ушко спойло только влѣзть, а въ другое вылѣзть, то и будешь такимъ молодцемъ, о которомъ ни въ сказкѣ не скажешь, ни перомъ не опишешь.

Какъ много здѣсь Воспока! Съ такими картинами наши сказки и послѣ тысящелѣсій, и послѣ всѣхъ ужасныхъ переменъ, случавшихся

а) Изреченіе древнихъ Россіянъ: *Птицы райскія поютъ пѣсни Царскія!* Это самое сохранилось и на дубочныхъ картинахъ.

съ нашими стариками, переходя изъ устѣ одного народа въ уста другаго, все еще пахнутъ Гангомъ, или Гангесомъ... Далекю, конечно, а Индія, воля ваша, была намъ роднею.

IX.

Подробности встрѣчь Сѣверныхъ Русскихъ сказокъ съ Южными Русскими Сказками.

Но въ тоже время, какъ мы и видѣли, когда къ намъ съ Юга шли и доходили повѣсти названныя воспочными или испинно воспочныя, отъ Сѣвера начали съ ними встрѣчаться и встрѣтились пѣсни, повѣрья и сказки ихъ предшественниковъ. Тѣ и другія уже не узнавали другъ друга; паспущескіе посохи жителей Юга переломлялись сами собою, или пересѣкались желѣзомъ, уже вооружавшимъ ихъ сѣверныхъ собратьевъ; но языкъ Славянъ-Нордмановъ, хопя и сильно оварварившійся Нордманизмомъ, скоро помирилъ брапски и шѣхъ и другихъ между собою. Есть сказочники а), которые полагаютъ, что эта же самая встрѣча отдѣлила навѣки нѣкопорохъ сѣверныхъ могучихъ Славянъ отъ изнѣженныхъ дѣтей Юга; сіи послѣдніе, посредствомъ своей полуденной гибкости и еще несовсѣмъ завѣтренной, отъ суровости климата, красоты, весьма проворно нашли путь къ сердцамъ женъ Сѣвера. „Сердце женщины, какъ замѣтилъ тогда одинъ Арабскій сказочникъ, всегда женское; если холодно, то грубо и неприступно; но зарони

а) У Черногорцевъ. Свидѣтельство Майора *Е. М. Маркова*.

ты въ него хощя одну искорку *пламени*, это же сердце вспыхнешь и уже ничто не зальешь въ немъ ужаснаго пожара!" Такимъ образомъ оскорбленные Славено - Нордманы вынуждены были объявить самую непримиримую вражду и Южнымъ своимъ брашьямъ и Сѣвернымъ женамъ своимъ. Пасшыри спадъ пошчасъ покорились народу воинственному; за то измѣнившія-Сѣвернымъ мужьямъ жены, а большею частію, не были ими побѣждены: онѣ, составивъ изъ себя (баснословное племя) Амазонокъ, избрали надъ собою изъ среды себя военачальницу, непобѣдимую Царь - Дѣвицу (вѣроятно она была повтореніе древнѣйшей южной Царь - Дѣвицы)?

Овладевши нѣкоторыми берегами морей Чернаго, Азовскаго и даже Каспійскаго, жены-героини, на степяхъ и долинахъ, наносили страхъ не только народамъ Славянскимъ, но въ послѣдствіи, какъ говоришь басня, даже Грекамъ и Римлянамъ! Пріятно было нѣсколько времени пожить въ плѣну Амазонскомъ; но какъ недолго бывало это время для плѣнника - муцины! Послѣ всѣхъ его воспоргонъ и послѣ всѣхъ ласкъ несравненныхъ, законъ Амазонокъ строга предписывалъ каждому плѣннику или мечъ или огонь: его непременно или умерщляли или сожигали.

X.

Новости въ Русскихъ сказкахъ и Рамсодисты.

Можно полагать, что въ послѣдствіи время Кіевъ и Новгородъ были главнымъ мѣстомъ средопочія всѣхъ соединившихся Славянскихъ родовъ (достигавшихъ Россіи). Тушь образовались ихъ первыя республики. Новгородъ, ближай-

шій городъ къ Сѣверу, сильнѣе Кіева дѣйствовалъ надъ умами сѣверныхъ народовъ, впрочемъ, хотя и немногочисленныхъ, но еще не умершею отъ нѣги, своею Сѣвальною храбростію, для жителей Юга, весьма убѣдительныхъ. Таковы напр. собственно Новгородцы, дикіе Древляне, Дреговичи и проч. Князья и полководцы Сѣверные также преимуществовали предъ самыми сильнѣйшими князьями и полководцами Южными. Посреди южныхъ народовъ, изнѣженныхъ и слабыхъ, когда появлялся крѣпкій Норманъ, по прошивъ него не было ни спорщика, ни сопротивщика: ему все покорялось; его молодецкая поступь, взглядъ богатырскій тотчасъ бывали царями!

Въ это - то самое время показались первыя сказки или *были* о Рурикахъ и Вадимахъ, Аскольдахъ и Дирахъ, Асмусахъ и Свенельфахъ и проч. Тутъ смѣшались сказанія Славянскія съ выдумками, или *былинами* Исландцевъ, Бриговъ, Поруссовъ, Свеевъ и проч. и вошь тогда же породились у насъ Яр-ус-Лавы (*Ланды?*), или Рус-Ланды, Бала-Міры, исполины Спер-На-Туры и Тур-Бѣл-Сы; тогда только они всѣ слились съ роскошью восточною и составили въ себѣ отъ всего *Сѣверо-Южнаго* нѣчто особенное. Жаль, что многіе изъ сихъ преданій, новѣйшими издашелеми оныхъ совершенно уновлены. Весь эпошъ періодъ *перваго* смѣшенія нашихъ сказокъ продолжается, можетъ быть, до 1056 года, то есть, до рожденія Нестора а)

а) Въ другомъ отношеніи это уже замѣшка старал! Наприм. почтеннѣйшій нашъ ученый Профессоръ М. Т. Каченовскій и нѣкоторые другіе археографы и археологи уже худо вѣрять Нестору и почти всему тому, что касается до Нестора.

И почно шолько предъ рожденіемъ Нестора, или по крайней мѣрѣ шолько за нѣсколько лѣтъ до него уже *самобытныя* Русскіе рапсодисты начали воспоминашь о дѣлахъ и пиряхъ солнышка-Владимира, о судѣ и правдѣ мудраго Ярослава, о дивной, удалой дружинѣ того, или другаго Князя и проч. Тогда-шо появились пѣсни о Муромцахъ, Поповичахъ, Пленковичахъ, мужикахъ Заольшанцахъ, Князяхъ Богуславцахъ и проч.

XI.

Извѣстность Славяно - Русскихъ рапсодій и сказокъ.

Всѣ вышеупомянутыя сказки и поэмы (рапсодіи) равно, какъ на прим. и слѣдующія: *Иванъ богатырь, сынъ крестьянскій* (христіанскій), *Смиреникъ мужъ и брюзгуха жена* а) далѣе: сказки о *Буривоемъ витязѣ, о Сампсоемъ Лукьяновѣ сынѣ, сильномъ могуемъ богатырѣ и о Судьбѣславѣ царевнѣ* и проч., будучи взяты вообще съ первоупомянутыми сказками, къ кошорому именно племени принадлежатъ изъ племенъ Славянскихъ и гдѣ рождены: на берегахъ Днѣпра, или Дуная, на Черномъ, или Средиземномъ морѣ, близъ озера Ильменя, или гдѣ въ другой спранѣ нынѣ или когда либо обитавшей Славянами, о шомъ вѣрныхъ угадокъ нѣтъ! Такъ, по крайней мѣрѣ замѣчаетъ одинъ изъ сѣдожелтыхъ дѣдовъ, большихъ охотниковъ до сказокъ.

а) Сю послѣднюю нѣкогда распѣвали и Молдаванскіе цыгане. Вотъ Русскій переводъ нѣсколькихъ стиховъ изъ *Смиреника-мужа*:

Жоногыка лапушка,

Цельзя, однакожь, не утвердишь того, чтобы къ массѣ многообразныхъ Русскихъ повѣстей не присоединялись иногда такъ же выдумки сосѣднихъ народовъ, такъ на примр: сказки и повѣсти Болгарскія, розказни жипелей Трансильваніи и Вельховъ, Далмашовъ и Сербовъ, Босняковъ, Венгровъ, Молдавцевъ и другихъ *сусѣдей*, болѣе или менѣе на Славянъ имѣвшихъ вліяніе своимъ косвенными и прямыми сношеніями. Къ особенному роду сихъ сказокъ, по догадкѣ, можно причислить диковинныя сказки: *О Петръ Королевицъ*, *о Силь Царевичъ*, и даже многіа другія, почии такія же.

Сказки, повѣсти и пѣсни (рапсодіи) Русскія не только во времена Владимира, но и во времена междоусобій и послѣ оныхъ, смѣшивались между собою и съ *иностранными* почно такъ же, какъ и переходящія на Русскую землю народы. Кромѣ

Въ головѣ шумяць!
 Жюнычка сердышко,
 Пашрупилъ се
 Рыбій гребень пивой!
 Жюнычка душечка,
 Вся гололушка
 Отъ гребня болилъ!
 Жюнычка лапушка,
 Не чеши гребнемъ
 Мяѣ головушка!
 Жюнычка сердышко,
 Годова мол
 Какъ у козлища!
 Жюнычка душечка,
 Повилъ виной
 Ты одну себя —
 Я бодаць хочу!

шого, всякой изъ Славяно-Россскихъ Князей, возвращаясь съ воинской или съ удалой добычи, привозилъ съ собою не однѣ богатыя наживы, состоявшія въ разныхъ имуществвахъ, но плѣнниковъ, плѣнницъ, а съ ними и сказки.

ХІІ.

Конечное измѣненіе характера Индо-Славянскихъ или Русско-Восточныхъ сказокъ.

По самой испытанной догадливости нѣкоторыхъ ушопченныхъ криптиковъ Русскихъ сказокъ (каковы на прим: Пѣвцы), замѣчено (это же и для насъ очевидно), что опъ время *Владимирскихъ*, шо есть еще не вступно лѣтъ чрезъ тысячу послѣ Рождества Христова, наши Русскія сказки сдѣлались уже шакъ пестры и разнообразны въ своихъ характерахъ; шо безъ особенной привычки угадывать и объяснять ихъ произхожденіе не было никакой возможности. Чисты были только лѣшописи Неспоровы. Въ нихъ жилъ духъ Варяжскій, въ нихъ видна какая шо правда; но до сей поры, ни одинъ еще ученый криптикъ не дерзнулъ коснуться и до нихъ перомъ своимъ, чшиптели сшивныхъ нашихъ лѣшописей грозили и не перестаютъ грозить имъ своими, хошя и письменными, но перѣдко, сполько же недоказанными, какъ и словесные, фактами. Для нашей исторіи еще не родился другой Шлецеръ, ученый, отважный, благородный! . . .

Между многими Русскими сказками остаются многія, въ кошорыхъ весьма ясны выдумки Арабовъ, Грузинъ, Грековъ, Ташаръ и проч. Можно даже замѣчать въ нихъ, какъ и чѣмъ искажали

ихъ другіе народы, какъ въ послѣдствіи къ нимъ же привязались новѣйшіе Германо - Италіяны, Французо-Германцы и проч. и проч. Сіи послѣдніи быстро вбѣгали къ нимъ чрезъ Польшу и Венгрію, и особенно при помощи Генуезцевъ, болѣе другихъ народовъ, знакомившихъ Россію съ прелестными Италіи.

ХІІІ.

Славяно-Русскія Сказки и Рапсодіи преимущественно сохраняютъ свой характеръ. Рапсодіи христіянскія. Новѣйшіе собиратели Славяно-Русскихъ рапсодій. Бѣдственна яугасть самыхъ первыхъ нашихъ рапсодическихъ собраній.

Къ настоящимъ или къ подлиннымъ Славяно-Русскимъ сказкамъ всего смѣлѣе можно причесть Славяно-Русскія рапсодіи, или повѣсти о богатыряхъ, людяхъ извѣстныхъ силою и храбростью (виписяхъ) а) и такъ называемыя *духовныя Русскія стихиры* передѣланныя уже во время нашего христіянства навѣрное изъ древнѣйшихъ языческихъ молитвословій; наши сельскіе, пожилые слѣпцы ихъ распѣваютъ еще весьма охотно. Въ числѣ сихъ самыхъ стихиръ съ удовольствіемъ видимъ пѣсни объ удалыхъ походахъ *Добрыни Никитича*, о павздничествѣ и храбрости *Ильи Муромца* или собрата его *Алеши Поповича*, о пагубномъ королевствованіи *Григорья Растрги Отрепьяна*, и наконецъ чисто библейскія припѣчи — о бѣдномъ и богатомъ *Лазаряхъ*, о *Св. Челю-*

а) *Витязь* оиъ глагола *витаю*.

пѣль Божіемъ Алексіъ и проч. Нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ мы находимъ въ древнихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ *Ф. П. Ключаревымъ* а) и *К. Ф. Калайдовичемъ* б); въ книгѣ *Русскаго Национальнаго Пѣснопѣнія* (съ большими недоспапками) въ 1809 году изданной мною. Но съ большею пріятностію прочтешь ихъ же въ журналѣ *Отечественной Музыки*, изданномъ съ голосами или съ музыкою *Д. Н. Кашинымъ* в).

Н. И. Новиковъ и нѣкоторые другіе предшественники упомянутыхъ писателей, при изданіи Русскихъ Сказокъ также (какъ я догадываюсь) пользовались древними рапсодіями и стихерами, еще до Ключарева и Калайдовича имъ уже извѣстными; но они, при выработываніи ихъ въ чистую прозу, во многомъ почпи совершенно ошпали отъ подлинниковъ. Именно сіи поправки послужили во вредъ глубокой древности нашей; а къ пуцему сожалѣнію, трудолюбивый Новиковъ, здѣсь поперялъ уже все право равнялься съ Ключаревымъ и Калайдовичемъ; здѣсь его труды были на пагубу долговѣчной жизни рапсодіи и сказокъ Русскихъ!

ХV.

Пѣсни и Рапсодіи, упоминающія Князя Владимира и его Героевъ.

Пѣсни о Князѣ Владимірѣ и его герояхъ, какъ рассказы о достопамятномъ прошедшемъ

а) Изданіе 1804 года. М. въ Т. Селивановскаго.

б) Изданіе 1818. М. въ Т. Селивановскаго же.

в) Издавался въ Москвѣ 1808 и 1809.

принадлежать или къ позднѣйшимъ днямъ его княженія ; или, какъ думаютъ иные, начало появленія сихъ пѣсенъ относится ко времени правленій удѣльныхъ. То и другое можетъ быть весьма справедливымъ; ихъ берегала народъ Русскій, какъ *былыя* поэмы о прежнихъ славныхъ и любимыхъ ему подвигахъ. Дальнѣйшее доказательство ихъ древности: онѣ никакъ и никогда не указываютъ на настоящее время; большею частію, вездѣ и говоряшъ и поютъ только о прошедшемъ. Въ нихъ самое употребительное слово: *быль* и *было*.

Во славномъ *было* городѣ во Кіевѣ,
запѣваетъ речитативомъ рапсодисшъ или хаджій
а) и продолжаетъ въ одномъ и томъ же прошедшемъ времени: *было*...

Было пированье великій пиръ,

Было шолованье великій споль и проч.

Иногда они пѣвали и такимъ образомъ :

Ужъ далече, далече *было* въ чистомъ полѣ,

А еще — то шого подалѣи по раздольеѣ,

Что не бѣлая березышка къ землѣ клонится,

Не шелковалъ въ полѣ травушка расплается :

Молодешенекъ, зеленешенекъ добрый молодець,

Свѣтъ Алешенька, свѣтъ Поповичъ свѣтъ, поклоняется

Предъ своей родной матушкой, свѣтъ Левмеею Александровной и проч.

И вотъ уже послѣ сихъ вступленій открываются всѣ дѣйствія начатой рапсодическою поэмой.

а) *Хаджии* принадлежали, какъ извѣстно, къ особой сектѣ *бродячей*, о которой мы упоминаемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

Въ другихъ пѣсняхъ разскащикъ были указываешь на чужое спороннее, и хопя онъ измѣняетъ означенію времени словами: *было*; но за то оканчиваешь свое пѣніе почти всегда подобнымъ стихомъ:

„То старина, то и дѣянье.“

Между нами Русскими, сихъ пѣсней или поэмъ сбереглось не много не много, говорю, по ихъ отношенію, къ употребляемымъ пѣвцами; но у Славянъ Южныхъ, менте другихъ заплоненныхъ силами Монголовъ, говорю о Славянахъ всегда жившихъ вблизи покровительсва Германскихъ или другихъ западныхъ народовъ а), тамъ еще, и понынѣ слышимъ какія то пѣсни и сказки весьма близкія къ извѣстнымъ намъ пѣснямъ и сказкамъ древнихъ Славяно - Руссовъ. Удивительно, что тамъ говорятъ гораздо больше, нежели у насъ, о нашемъ Владимірѣ Князѣ Красномъ - Солишникѣ б).

Вошь одно изъ доказательствъ того, иъкогда сообщенное мнѣ Рязанскимъ помѣщикомъ Маіоромъ Е. М. Марковымъ в), жившимъ около

а) Каковы да прим. Словаки, жшпелл Кроація, Силезія, Моравія, Черногорія и проч. Впрочемъ Славяне и Черногорці гораздо менте другихъ обиталилились или огерманилились.

б) Нельзя опвергать существованія и Савъ Сѣверныхъ, упоминавшихъ о Владимірахъ, Владимірочахъ, или о другихъ нашихъ герояхъ. Савы, какъ дещучія ихъ современницы, чего не могли знать? А если что знали и по своему, то за то сердиться *неподобаеть*. Давай шлько намъ больше смѣшлвыхъ масшеровъ, ученыхъ кришниковъ!

в) Бывшимъ Капитаномъ Козловскаго пѣхоншаго полка. О немъ было упомянуто въ одной изъ книжекъ журнала *Вѣстникъ Европы*, издаваемого Профессоромъ М. Т. Каченовскимъ.

двухъ лѣтъ въблизи Словаковъ и Черногорцевъ. „Жена Князя Володиміра Галиційскаго (ишетъ Г. Марковъ) была дочь Греческаго вѣдьможи, какого-то Евпраксія. Она, заупавшись въ непо-
зволительныхъ связяхъ съ однимъ изъ придвор-
ныхъ чужеземцевъ (Урманіномъ), подвергла себя
ужасной и до полѣ никому неизвѣстной болѣзни.
Князь Володиміръ Галиційскій прибѣгнулъ сперва
къ молитвѣ, а потомъ къ ворожбѣ; но ничто не
помогало болящей и красавица обречена была на
гибель. Вдругъ проходитъ мимо Галича (тогдаш-
няго мѣстопребыванія Володиміра) *калика*, неиз-
вѣстный богатырь-опшельникъ. Онъ возвращался на
родину со многими поварищами съ богомолья изъ
св. града Іерусалима а). На всемъ пути, гдѣ
только шель онъ, уже слава предшествовала
его святости И вотъ Володиміръ ожидалъ его,
яко дара небеснаго. Между шѣмъ онъ сомнѣвалъ-
ся, что мужъ праведный не посѣтитъ упо-
шихъ во грѣхахъ адовыхъ. Но сверхъ всякаго чая-
нія, однажды, подъ окномъ гридни Володиміровой,
раздается голосъ сладкій:

„Гой еси Государь Володиміръ Князь!

„Здравствуйте ли Княгиня Апраксѣвна?“

Володиміръ Князь еле вымолвилъ :

„Ужь недѣлю къ ней не ходимъ мы!“

Повѣсть продолжается! но — очень скоро :

Молода Княгини Апраксѣвна

а) *Калики* — закалившіе себя на молитву. Вслѣдствіи, около времени Великаго Князя Іоанна Васильевича, они замѣнены были (по свидѣтельству путешественниковъ Слосина и Пяпуца Зимковича) *хаджами*, поклонниками также свѣщныѣ. Но эта секта переобразовала себя въ уничижительное имя *ханжы*. Повторю, что о путешествіи *хаджей* мы скажемъ лѣтъ особое.

Вышла изъ кожуха, какъ изъ пропастей,
 Скоро попомъ она убиралася,
 Убиралася, паржалася
 Со своими плышками и мамками
 И съвными красивыми дѣвушками, и проч.

Подобныхъ распадѣній у Славянскихъ племенъ еще очень много. Какъ не пожелать дознаться, о какихъ Володимірахъ въ нихъ идетъ дѣло? Иногда невольно думаешь, что весь бытъ Южныхъ Славянъ перенесенъ ошибочно нашею сѣверною исторіею къ намъ на Сѣверъ съ Юга и что опъ того-то именно въ нашей древней исторіи такъ много сбивчивостей, недоразумѣній и проч. а). Впрочемъ, если уже лишимъ нашу исторію всѣхъ дѣяній принадлежащихъ фактамъ Южныхъ Славяно-Руссовъ, чтожь тогда будетъ содержать въ себѣ одна наша *холодная Сѣверная Исторія*?

XVI.

Ближайшіе товарищи древнихъ Индійскихъ сказокъ и еще повтореніе о Русскихъ сѣверныхъ сказкахъ.

Въ моихъ первыхъ листкахъ я упоминалъ, что повѣсти или саги, переходившія къ намъ

- а) Въ 1796 и въ 1808 годахъ, какіе-то Англичане (это почти повтореніе примѣчанія къ III листку), путешествовавши по Индіи нашли тамъ, въ какихъ-то горахъ, остатокъ народа, говорящаго почти однимъ языкомъ съ Русскими. Одинъ изъ путешественниковъ замѣчаетъ, что отсюда (изъ Индіи), какъ изъ расадника народовъ, двинулись къ западу Азіи, между прочими, и первый племена народа, названнаго въ послѣдствіи Славянами (Tholowin); они сначала поселились на берегахъ Чернаго моря, въ Галлиціи, Лузаціи, Моравіи и проч. сѣверились междуусобіями и скоро двинулись (слабѣйшія части) къ Сѣверу. Тамъ обоготырѣвши въ снѣгахъ и морозахъ, они уже вслѣдствіемъ

изъ Индіи, сушь однь изъ самыхъ глубокихъ древностей намъ принадлежащихъ ; къ нимъ ближе всего подходятъ своею древностію сказки и повѣсти Арабскія, Грузинскія и, наконецъ, совершенно особыя своимъ характеромъ , но гораздо ближайшія однимъ и тѣмъ же предметомъ самой повѣсти, сказанія или саги Нордманскія; онѣ столькоже чудесны , какъ и всѣ первыя ; но въ нихъ пошчасъ замѣчаешь какую-то жесткость , что шо особое *сѣверно-богатырское*. Тушь уже дѣйствующіе — Эймунды, Ингвари, Торворы, и проч., диковинки не на землѣ, а въ морѣ, на рѣкахъ, на озерахъ. Но и земное ихъ сколько чудно , сполькоже ужасно : ихъ лѣса дремучи , безконечны ; ихъ горы — обнаженныя скалы ; на сихъ горахъ вышачиваются богатырскіе мечи-кладенцы Нордмановъ ; орелъ желѣзокоготый , воронъ черный съ перьями закалеными какъ сталь — райскія ихъ птицы ! Всѣ поля людей желѣзныхъ вѣчно скованы льдами , въ самое жаркое лѣто , кошорое почитается шамъ рѣдкимъ ; на поляхъ Нордмановъ растутъ и цвѣтуть шолько *горькал* полынь и черное быліе. У грозныхъ сѣверныхъ богатырей нѣтъ и признаковъ солнца , ни даже чего либо близкаго солнцу. Но вѣка сихъ и вышеупоминаемыхъ южныхъ сказокъ (кпо въ томъ поспорить ?) слилися между собою въ какое-шо (но въ одно и тоже) время на Руси.

какъ невольниковъ, послѣдующихъ выходцевъ своихъ со-
братій. Легко спашенся , что всѣ прежніе (древнѣйшіе)
враги Славянъ, Азіатцы, узнавъ оѣспахъ ихъ убѣжищъ,
по закону мщенія, объявили себя навсегда ихъ врагами; та-
ковыми были Ичченеги и всѣ Ташарскія племена.

Позднѣйшій центръ ихъ сходбищъ былъ Повгородъ, или, можетъ быть, не въ вѣкахъ ли погибшая славная пристань Нормандскихъ удалцевъ — Ладого? . . .

XVII.

Сказки Грузинскія. Русскіе сказоѹники называютъ себя Бовами.

Къ числу Грузинскихъ сказокъ, хопя съ *Ивашкою бѣлою рубашкой*, принадлежащимъ къ выдумкамъ Индійскимъ, я смѣло отношу извѣстную на руси сказку (разсказъ) о *Царевичѣ Силѣ*. Имперійскій владыко Сило (Сіло), какъ баснословный богатырь (въ родѣ историческаго Искандера), по свидѣтельствѣ многихъ разсказиковъ о Грузіи, былъ извѣстенъ за самаго храбраго, сильнаго, непобѣдимаго спранствующаго воина. Онъ даже подходилъ къ предѣламъ міра и и посылая свою дружину на одну желѣзную, высочайшую — гору осмошрѣшь отдѣлъ хаоса отъ земли, пошерлъ шамъ двоихъ изъ самыхъ опличнѣйшихъ своихъ героевъ, а претяго выручилъ, но увидѣлъ его, уже навсегда, безъязычнымъ. Эшо вотъ какъ было: первые два посланные, входившіе одинъ за другимъ на гору, взглядывали въ неизвѣстность за горою, вскрикивали, хлопали въ ладони и погружались безвозвратно въ хаосъ! . . . Тоже бы случилось и съ претымъ посланникомъ Сиднымъ; но эшого соглядаташ привязавши канатомъ удержали; а за шо онъ, лишившись упошребленія языка, не могъ уже никогда объяснишь никому, чшо шакое было за горою. И вотъ удачный прежде вездѣ Импре-

пійскій Царевичъ Силó пошелъ, пеперь опть чудной горы, *какъ несоломо похлебавши*. Сію же повѣсть расказываютъ и Греки, какъ мы Русскіе; но и тѣ и другіе по своему. Въ Грузинской сказкѣ о Царевичѣ Силó закрадывается расказъ о *Сарацинской* шляпѣ. Это не мудрено: сей Турецкій мнѣзъ принесенъ въ Грузію, какъ диво сосѣднее. Турки всегда были коренные Азіяпцы, дикари, долго нарушавшіе мирную жизнь Индійскихъ, Персидскихъ и другихъ образованныхъ Азіятскихъ народовъ.

Между прочими сказками принадлежатъ къ Грузинскимъ же выдумкамъ сказка о *весьма гудныхъ и прекрасныхъ гуслихъ самогудахъ* и многія другія. Въ стихотворномъ расказѣ о *гуслихъ* воспѣвается красота Египетской Царевны *Огиды* и къ ней любовь знаменишаго Ташарскаго Царевича *Астараха*, сына премудрѣйшей изъ Царицъ *Халтурги*.

По преданію, сохранившемуся между нѣкоторыми народами Азіятскими, замѣтно, что ихъ древнія гусли весьма близки были къ извѣстной Эоловой арфѣ; на нихъ игрывалъ *втеръ*; онѣ гудѣли сами собою и опть того назывались *гуслими самогудами*.

Въ скорописной шепрадкѣ разныхъ почерковъ XVII вѣка, принадлежавшей бывшей Библиотекѣ Графа Ф. А. Толстого (№ 442), находилась также извѣстная въ Грузіи повѣсть о *дщери Иверскаго Царя*, *дъвицѣ Динаръ Царицѣ*; къ ней присоединенъ эпипешъ: *душеполезна зп-ло!* Тамъ же есть и другая, подобная же Грузинская выдумка о *Царѣ Аггелѣ*, како онѣ по-

страдаше гордости ради, повесть преславна и душеполезна зъло! Но этого Грузинскаго Царя Аггея, едвали не должно счесть за одно съ Греческимъ Царемъ Эгеемъ? Впрочемъ переписчикъ разныхъ Россійскихъ рукописей, дьячекъ Василій Ивановъ *Бова* на сей послѣдней изъ упомянутыхъ повѣстей опмѣшилъ, что эта повѣсть: *не самогудамъ чета; ее Цари Миликійскіе (Имеретійскія) читаютъ, а Царицы имъ подсказываютъ.* Сей переписчикъ, дьячекъ *Бова* (какъ значился въ описаніи рукописей Графа Толстого), былъ еще живъ въ 1697 году; слѣдовательно онъ, говоря о *гусляхъ самогудахъ*, почиталъ ихъ, какъ уже вѣсѣмъ извѣстныя, древнѣйшими повѣстемъ о *Царицѣ Динарѣ* и объ *Царѣ Аггее*, которыхъ, равно какъ и первую повѣсть, именовалъ онъ сказками или сказаніями Иверскими; что подтвердилъ и внукъ, или правнукъ его Василія *Бовы*, Симіонъ *Бова*, долговязый шкачь, великій сказочникъ и рапсодиствъ, жившій, сколько я помню, въ Переславле-Залѣскомъ уѣздѣ, около 1794 года. Замѣчательно, что и многіе изъ славнѣйшихъ Русскихъ сказочниковъ, едвали не съ той поры, какъ пролилась на Руси сказка о славномъ и храбромъ *Виплзѣ Бовѣ*, въ честь его назывались *Бовами!*

Обращаясь къ Грузинскимъ сказкамъ можно заключить шѣмъ, что и онѣ такъ слиты съ переходившими въ Россію черезъ Грузію Индійскими сказками и потомъ такъ перепорчены изъ шѣхъ и другихъ Славяно-Сербскими опдумками, придумками и выдумками, что уже большіхъ

трудовъ и большой привычки споншь дознаніе ихъ подлиннаго произхожденія!

XVIII.

Сказки Арабскія и Греческія. Мифологическіе Греческіе Герои съ смѣшеніи съ обрусѣвшими Индо - Нормандскими выдумками.

Гораздо менѣе у насъ затрудненій — оплечить, между другими повѣстями, чисто Арабскія повѣсти. Таковы на примѣръ: Царевичъ *Мулла-Адрахъ Ибрагимовичъ* съ Царевною *Салла-Лех-Амлей*; Мавришанскій Королевичъ *Абахай*, или вѣрнѣе *Абысъ* (у иныхъ *Ибисъ*) *Ханъ*; сказка о *говорящей пташкѣ, поющемъ дровъ* и проч. Эта послѣдняя сказка есть и на Нѣмецкомъ языкѣ. Повѣсть о *бѣднякѣ Арабѣ* (на Рускомъ о *крестьянинѣ*) и *услужливой сумкѣ*, до нынѣ еще, какъ диво *Арабское* (по свидѣтельству нѣкоторыхъ нашихъ воиновъ, бывшихъ въ Турціи), рассказываютъ Болгары. Сказка о *яхонтовомъ перстнѣ*, кошорый *Зулима* дарить, какъ волшебный охранительный талисманъ своему любимцу *Мирзѣ*, у насъ также рассказываютъ по своей Русской передѣлѣ; но она, какъ и многія другія, принадлежатъ къ Арабскимъ же сказкамъ.

Впрочемъ тогда же, какъ спекались къ намъ чудныя или правдоподобныя выдумки Сѣверныхъ Европейцевъ, и съ другой стороны, вмѣстѣ съ ними же, розказни всякихъ Азіятцевъ; изъ Греціи, приспани всѣхъ разнородныхъ изобрѣтеній разума человѣческаго, еще до просвѣщенія наше-

го вѣрою во Христа, мощно впоргались къ намъ басни и придумки. Онѣ, подъ шайнспвеннымъ типомъ исторій, сохранялись въ видѣ чего-то особенно священнаго разсказами: о *Мелентесѣ и Аріаннѣ*, о *Паламедесѣ и Епихарисѣ*, объ *Аполлонѣ Богѣ*, *Королѣ Турскомѣ* и проч. Мы, Русскіе, съ изумленіемъ извлекали отсюда своихъ боговъ, а въ послѣдствіи, когда поняли грамоту, даже и подвиги ихъ, какъ нѣчто драгоцѣнное, хранили въ особыхъ книгахъ. Одинъ изъ шаковыхъ сборниковъ былъ еще переписанъ въ началѣ XVIII вѣка на 345 листахъ и находился въ Библиотекѣ Графа Ф. А. Толстого.

Притчи Эзоповы, а всего чудите даже *Диалектика Аристотеля*, также съ давнихъ временъ начали быть извѣстны *Славяно-Руссамъ*. У насъ есть той и другой рукописи гораздо старѣе XVII вѣка!

Сколько можно замѣчать, Греческіе мнѣн чрезвычайно нравились намъ Русскимъ; но они однакожъ не могли оспаваться въ своемъ чистомъ видѣ, ибо потчасъ, почти на первомъ ихъ шагѣ въ Русь, всегда савались съ нашими *Делями*, *Поделями*, *Ладами* и проч.

Это заимствование нами Греческихъ мнѣовъ, если вѣришь нѣкоторымъ глубоко-догадливымъ ученымъ, было первою побудительною причиною нашего заимствования и Хрисіянской религіи, не отъ другихъ народовъ, а именно отъ Грековъ, первыхъ и давнихъ намъ знакомцевъ даже по самому язычеству.

МАКАРОВЪ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

О ВЛІЯНІИ ФАНТАЗИИ НА ЦѢЛОСТНОЕ ОБРАЗОВА-
НІЕ НАУКИ ВООВЩЕ. а)

Мыслипели, живущіе въ міръ суще-
ственности, приковывающіе взоръ свой къ
однимъ формамъ предметельно-реальнаго
бытія, обращающіеся духомъ своимъ поль-
ко въ безграничной сферѣ общности, а
спихію недѣлимости почитающіе для се-
бя всегда тѣсною, обыкновенно говорятъ,
что въ наукѣ всегда долженъ играть глав-
ную роль одинъ только разумъ. Здѣсь глав-
ный моментъ внутренней, свободной дѣя-
тельности разума состоить въ томъ, что-
бы принимать разнородные матеріалы, до-
спавляемые ему извнѣ и извнутри, изъ

п) Спашья сія принадлежатъ одному и тому же автору съ
статьей *о психическомъ происхожденіи теловтеска-
го слова*, помѣщенной въ N 19 *Телескопа* за сей годъ.
Издатель получилъ какъ ту, такъ и другую, безыменно
черезъ почту, съ штемпелемъ Сергіева Посада. Это
дастъ право заключать, что онѣ принадлежатъ од-
ному изъ членовъ Московской Духовной Академіи, гдѣ
Философія процвѣтаетъ издавна. Изд.

дольней области міра чувственнаго и изъ горней области міра идей, разрѣшають ихъ въ себѣ на простѣйшія спихіи понятій, перегоняють ихъ, такъ сказать, чрезъ продолженныя опвлеченія, отдѣляють отъ всякой поспоронней примѣси, каждому изъ нихъ давають свою индивидуальную форму и сливають ихъ въ одно живое, органическое цѣлое, дабы такимъ образомъ создасть истинный міръ знанія, во всѣхъ часяхъ своихъ совершенно подобный себѣ самому. Наука, симъ путемъ поспроемая разумомъ, образуеть собою реальный, самостоятельный, единымъ зиждительнымъ духомъ оживляемый организмъ, коего всѣ члены спольстѣсно между собою сросшены и соединены, что совершенно не доступно для враждебнаго вліянія внѣшнихъ, разрушительныхъ силъ. Поелику всѣ знательные моменты разума, опображаемые имъ въ наукѣ и сводимые въ ней въ одинъ фокусъ суть не иное что, какъ опраженія подлежаельво-реальнаго бытія, мысленныя возсозданія міра дѣйствительнаго; всѣ они обосновывающя на стѣсномъ соотношеніи и какъ бы нѣкоемъ взаимномъ сопрониканіи и гармоническомъ вліяніи познающаго съ познаваемымъ, суть необходимыя результаты сихъ двухъ противоположныхъ факторовъ,

ихъ дѣйствія и пропивудѣйствія. Такимъ образомъ наука, получающая исходное начало свое единственно изъ реальной жизни разума, находящагося въ ближайшемъ средствѣ съ обласцію дѣйствительныхъ бытій, есть малый міръ, въ коемъ сокращенно отражается необъятная неизчерпаемая идея общаго, реального міра, мысленная копія безпредѣльной системы природы. Міръ же дѣйствительный, его коренныя силы, вѣчные, непреложные законы и цѣли суть перво-опшечанки творческихъ вѣчныхъ идей безконечнаго ума божественнаго, который самъ въ себѣ есть чистѣйшая, опрѣшенная истина; идеальное съ реальнымъ, возможное съ дѣйствительнымъ въ немъ нераздѣльно и сосущественно. Такимъ образомъ поклонники разума, почитающіе его единымъ главнымъ движителемъ въ мірѣ науки, не даютъ фанпазіи никакого права на гражданство въ ономъ. Фанпазія, по ихъ мнѣнію, только разрушаетъ основныя условія организаціи науки, а не скрѣпляетъ ихъ; подъ ея вліяніемъ наука перялетъ свою реальность, всѣ главныя звенья ея превращаются въ скоропреходящіе транцендентальные призраки, неимѣющіе и пѣни подлежательнаго бытія; поелику родная

оптична фантазія есть не міръ дѣйствительный, а возможный, въ которомъ реальное бытіе движется, какъ нѣкій исполинскій призракъ, по безконечной линіи, нигдѣ не останавливаясь на опредѣленныхъ центрахъ. Такъ эксцентрической мыслитель — Фихте, предавшись порывамъ исполинской своей фантазіи, вопреки всемъ свидѣтельствамъ внѣшняго и внутренняго опыта, покусился изъ собственной своей конечной субстанции развить такую планку мышленія, въ которую включилъ не только подлежательный міръ, но и самое Божество. Онъ хопталъ на крылахъ своей фантазіи вознеситись на недосызаемую для него самую высоту, гдѣ бы онъ могъ изъ нѣдръ своего духа произвести идею всеобщую и такимъ образомъ свое ограниченное, недѣлимое *Я* содѣлать опрѣшеннымъ центромъ всего существующаго. Основная мысль всей системы Фихте, математически имъ развитой, есть слѣдующая: *Я* безусловно утверждаетъ себя въ бытіи и существуетъ только чрезъ самопослание, и *Я* есть неизмѣнимо. Далѣе: наше *Я* полагая себя въ бытіи, полагаетъ вмѣстѣ и то, что не *Я*, какъ необходимый свой полюсъ. Нельзя при семъ не удивляться понюности ниней и искусству, съ

которымъ онѣ проведены и сращены; но поелику при составленіи сей многохудожной ткани не взято въ пособіе ничего подлежащельно - реального, къ чему могли бы прикрѣпляясь главныя нити, по и неудивительно, что сіе искусное созданіе фантазіи не было прочно и скоро распалось само собою. Такъ Гегель, покушавшійся въ пропивоположность Канту и Фихте, основавшимъ идеализмъ подлежащельный, и Шеллингу, проповѣдывавшему идеализмъ подлежащельный, создать идеализмъ опрѣщенный, по внушенію пламенной своей фантазіи, всю безпредѣльную обласнь бытія сосредоточилъ въ одной идеѣ, которую разсмащривалъ съ прехъ почехъ зрѣнія: въ ея самопогруженіи или въ самой себѣ, въ исхожденіи ея изъ себя самой, или въ ея разнородности, и наконецъ въ возвращеніи въ самую себя. Онѣ даже хощель своимъ свѣтлосолнечнымъ, но все человѣческимъ взоромъ проникнуть въ непрозрачныя глубины единого абсолюта, разоблачить всѣ таинства необьяпнаго организма природы, сорвать всѣ мрачныя покровы съ эпого таинственнаго лица Изиды, узнать всѣ пружины духовной жизни человѣческа, развивающейся въ многоразличныхъ недѣлимыхъ формахъ, и такимъ образомъ совер-

шенно изчерпавъ идею бытія, проявляющуюся въ двухъ главныхъ сферахъ: конечнаго и безконечнаго. Но создавъ такую идеальную познающую и осуществивъ ее въ действительности можетъ только умъ безконечный, который все сотворенныя вещи объемлетъ единымъ нераздельнымъ мысленнымъ актомъ опрѣшенно опъ всѣхъ формъ пространства и времени, предъ взоромъ коего прошедшее и будущее сливаются въ одинъ моментъ непреходнаго насющаго и все частныя центры вселенской жизни обнажены, а не предѣльный умъ человеческій, хотя бы брать его въ смыслъ собирательномъ. Подлинно нельзя не жаловаться на подобныя, пагубное иногда вліяніе имѣвшіе на современниковъ, опыты нѣкоторыхъ мыслителей, которыми расколагала фантазія со всемъ анархическимъ своеволіемъ; не смотря однакожъ на сіе, нельзя совершенно изгонять ее изъ области науки. Она важную, значительную оказываетъ услугу наукъ. Для подтвержденія сей мысли покажемъ: 1) опличительный характеръ фантазіи и 2) ближайшее отношеніе ея къ наукъ вообще.

I. Фантазія есть оправа вещественно-идеальнаго организма. Дѣятельность ея проявляется въ формѣ двойственности. Съ

одной стороны фантазія обращается въ области недѣлимыхъ чувственныхъ образовъ, кошорые соспавляются изъ разнообразной матеріи, разсыянной по различнымъ царствамъ дѣйствительной природы, и въ семъ отношеніи она всегда прикована къ формамъ пространства и времени, съ другой стороны фантазія въ высшемъ полетѣ своемъ воспаряетъ надъ міромъ дѣйствительнымъ, распоргаетъ связующіе ее оковы пространства и времени, совпадаетъ, такъ сказать, съ безпредѣльностью, приближается къ свѣтлой области идей ума, гдѣ все дышетъ чистѣйшимъ воздухомъ вѣчности. Дѣятельность фантазіи, какъ силы, привязанной къ формамъ пространства и времени, раскрывается въ двухъ главныхъ моментахъ. Она или принимаетъ въ недра свои образы разнородныхъ чувственныхъ предметовъ, полученные душою отъ прираженій міра внѣшняго къ различнымъ краямъ плѣснаго нашего организма, или при содѣйствіи памяти, въ кошорой, какъ въ общей сокровищницѣ всѣхъ умственныхъ богатствъ, сохраняющся чувственные образы, вновь производитъ оные въ той самой связи и въ томъ порядкѣ, въ какихъ они были получены изъ міра внѣшняго. Во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ фантазіи никакого

не усмаприваеця слѣда свободы, здѣсь она связана узами всеобщаго физическаго механизма. Фантазія въ семь отношеніи есть не болѣе, какъ фокусъ, сосредоточивающій въ себѣ внѣшній многоразличный свѣтъ напурь, разливающійся по безконечно различнымъ направленіямъ въ сферахъ пространства и времени. Міръ дѣйствительный служитъ для нее высочайшимъ первообразомъ, съ котораго она рабски снимаетъ разнородныя черпы недѣлимости для образованія какой-либо цѣлостной картины, ни мало не выступая изъ тѣсныхъ рамокъ того порядка, въ какомъ онѣ представляются оку ея сквозь пусклое стекло чувственнаго опыта: формы реальнаго бытія совершенно оковываютъ ея внутреннюю дѣятельность. Фантазія является здѣсь не болѣе, какъ благоговѣнною служительницею во святилищѣ міра внѣшняго, дѣйствительнаго, на жертвенникѣ коего свободный произволъ ея совершенно, такъ сказать, закаляется. Фантазія разсматриваемая съ сей точки зрѣнія, какъ сила чисто справедливая, находящаяся подъ вліяніемъ эмпирическихъ условій дѣйствительности, называется *воображеніемъ*; и покуда она получаемые изъ міра чувствен-

наго недѣлимые образы вновь производить при содѣйствіи памяти, называется воображеніемъ *воспроизводительнымъ*. Дѣятельность фантазіи, какъ силы не связывающейся условіями внѣшняго бытія, воспоргающей надъ міромъ дѣйствительнымъ и взирающей на него не болѣе, какъ на вмѣстимости разнородныхъ матеріаловъ, изъ коихъ она свободно созидаетъ свой собственный міръ, проявляется также въ двухъ главныхъ моментахъ. Во первыхъ: фантазія понятіемъ разума, коего главная функція состоятъ въ томъ, чтобы все недѣлимое, предносящееся взору его въ сферѣ опыта, возводитъ къ высочайшему, основному началу обобщенія, множественное, разнозненное, являющееся ему въ предѣлахъ пространства и времени, объединяетъ въ сознаніи, сообщаетъ вещественность (*realitatem*), низводя оныя въ область міра дѣйствительнаго. Посредствомъ сего акта фантазіи, общее, составляющее главную стихію разума, соединяется съ недѣлимымъ, овлеченное съ опытнымъ, и одно другимъ взаимно проникается и оживляется, что собственно составляетъ оплительную физиономію науки. Ибо наука въ своей сущности есть не иное что,

какъ фокусъ , въ коемъ отражаются и сосредоточиваются разнообразныя лучи чистѣйшаго свѣта , испекающаго изъ двухъ различныхъ міровъ мысленнаго и дѣйствительнаго , центръ , въ коемъ , подобно радіусамъ , гармонически сливаются знаменныя , формальныя моменты съ эмпирическими , матеріальными моментами предметно-реальнаго бытія. Фантазія здѣсь является какъ бы посредницею между сими двумя противоположными мірами. Даже самыя формы разума , по которымъ онъ проводитъ каждый индивидуальный актъ мышленія и которыя сами въ себѣ , въ опвлеченіи онъ всѣхъ условій проявленія ихъ въ міръ опыта , суть не иное что , какъ первообразы , еще неразоблаченные въ своей внутренней , таинственной сущности , наибольшую получаютъ вещественность отъ дѣйствія фантазіи , какъ силы , находящейся въ тѣснѣйшей связи съ міромъ дѣйствительныхъ бытій. Во вѣсѣхъ , фантазія идеи ума , которыя сами въ себѣ суть только преждеопытныя , неопредѣленныя , никогда совершенно неизчерпаемыя опредѣленными понятіями разума представленія о безконечномъ , отражающіяся въ темномъ , пророческомъ предчувствіи челоуѣка , во-

площаетъ въ чувственныя недѣлимыя формы и такимъ образомъ сообщаетъ имъ характеръ конкретнаго, опытнаго бытія; поелику форма недѣлимости есть не иное что, какъ совокупность внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній, ограниченій, которыми бытіе какого-либо предмета въ мірѣ конечномъ, реальномъ пакъ опредѣляютъ, что онъ существуетъ какъ нѣчто цѣлое, отъ другихъ отличное, какъ полный, само-состоятельный организмъ. Въ семь-то купно-дѣйствіи фантазіи и ума совпоитъ таинственный актъ осуществленія высшихъ, недомыслимыхъ идей въ мірѣ опытномъ, въ формахъ пространства и времени. Единичный, безпредѣльный, самъ въ себѣ безкачественный идеальный свѣтъ изливаясь изъ области ума въ мірѣ фантазіи и отражаясь въ сознаніи, окачествляется, разлагается на составные свои элементы и получаетъ опредѣленные цвѣта. Здѣсь непостижимо и непреложно вѣчное овременяется, безконечное заключается въ предѣлы, духовное оплотворяется, необразное заключается въ образъ, безвидное получаетъ видъ, и такимъ образомъ пространство идеи разрѣшается въ многоразличныя частныя бытія по закону недѣлимости.

Здѣсь-то собственно происходитъ, по выраженію Шеллинга, гармоническое сліяніе высочайшей свободы съ высочайшею необходимостію и самое творческое Я объективируется, вращается вокругъ себя, какъ главнаго своего средопочія. Фантазія является здѣсь пророчицею, повѣдающею намъ о таинствахъ высренняго міра идей, художницею, облакающею въ прозрачные чувствительные покровы числѣйшія спихія ума, а умъ какъ бы нѣкимъ богомъ, изрекающимъ внутреннѣйшее слово свое — идею, и повѣдающимъ о Богѣ внѣ и выше насъ, заждипельнымъ духомъ, живоопворяющимъ дыханіемъ своихъ идей мерпвое тѣло, массу, художественною рукою фантазіи образованную, ш. е. форму. Здѣсь художникъ, поэтъ, философъ, объятый живоноснымъ пламенемъ своихъ идей не удовлетворяется созерцаніемъ совершенства, усмаприваемыхъ имъ сквозь призму чувствительныхъ возрѣній въ различныхъ недѣлимыхъ, испоргается изъ тѣсныхъ предѣловъ действительнаго, возносітся въ высшую, числѣйшую область безконечнаго и творитъ собственный міръ идеаловъ, въ коемъ Божественныя идеи истиннаго, благаго и излцнаго предъ духовными очами его какъ бы

разобличаются, обнажаются. На такой высшей степени дѣятельности, фантазія упоевается сладостною свободою: она независимо ни отъ внѣшняго, физическаго, ни отъ внутренняго, духовнаго механизма, разнородныхъ, недѣлимыхъ чертъ, снятыхъ чувствами съ предметовъ міра дѣйствительнаго, многоразличными способами соединяетъ, разделяетъ и паки совокупляетъ, дабы такимъ образомъ составить изъ нихъ прекрасную форму, плѣло, и вліять въ оное прекрасную душу — идею ума. Фантазія, разсмаприваемая съ сей высшей точки зрѣнія, называется собственно, въ плѣснѣйшемъ смыслѣ, *фантазією*, и поколику она низводя идеи ума въ область чувствъ и облекая ихъ въ соотвѣтственные недѣлимые формы, какъ бы порождаетъ изъ нѣдръ своихъ новое, небывалое въ мірѣ мысленномъ существо, шворитъ, называется, воображеніемъ *производительнымъ, творческимъ, идеализирующимъ*. Не смотря однакожь на сіе, воображеніе воспроизводительное и воображеніе производительное не суть двѣ реально отличныя способности души нашей, совершенно одна отъ другой отдѣляющіяся сферами своей дѣятельности, совершенно независимо

одна. опть другой разыгрывающія свои роли. Это суть шолько два символа единой, нераздѣльной, коренной перво - силы духа нашего, созидающей внѣшніе, ощущимые образы для выраженія незримой, неизчерпаемой полнопы внушренияго міра идей и понятій. Общая, характерическая физиономія, какъ воспроизводительнаго, пакъ и производителнаго воображенія та, что шо и другое привязано къ формамъ дѣйствительности и мышленія. Объяснивши опличительный характеръ фантазіи, покажемъ опношеніе ея къ наукъ вообще.

II. Въ наукъ вообще надобно различать два главные момента, образующіе собою цѣлостное, органическое бытіе ея, конорые сливаются съ непосредственнымъ возрѣніемъ на нее: производящее и производимое. Изъ идеи производимаго произникаетъ идея производимаго. Производящее въ наукъ есть человекъ. Человекъ пославленъ на прахъ двухъ міровъ: видимаго, чувственнаго, и невидимаго, духовнаго; онъ есть живая цѣпь, соединяющая двѣ противоположныя сферы бытія: подлежательную и подлежательную. Человекъ къ міру видимому прилежитъ своею внѣшнею, чувственно - ограническою спороною. Въ его

частномъ плѣсномъ организмѣ въ миніа-
пюрѣ опражаеясь весь мїръ видимый, въ
немъ сосредоточиваются всѣ силы, разлія-
нныя по различнымъ царствамъ природы;
онъ символъ ея, прекраснѣйшій цвѣтъ ви-
димаго творенія. Съ мїромъ выспремимъ,
духовнымъ челоѣкъ граничитъ своимъ раз-
умно - свободнымъ духомъ. Сей духъ — живое
опоблисаніе первообразной, творческой
идеи безконечнаго, будучи заключенъ въ
плѣсной хранилѣ и связанъ условіями ве-
щественнаго бытія, въ самой конечности
проявляется безконечно. Подъ его животно-
нымъ вліаніемъ самая чувственная споро-
на челоѣка упончается, просвѣпляется,
и, пакъ сказано, одухотворяется. Такъ
напр. у животныхъ есть способность про-
изводить слипные звуки, но въ челоѣкъ
сія способность превращается въ даръ слова,
въ могущественное орудіе, посредствомъ
коего внутренній, мысленный мїръ его из-
ливается въ рѣку исторіи въ звукахъ спрой-
ныхъ и членораздѣльныхъ. Побужденіе за-
щищать свой вещественный организмъ отъ
внѣшнихъ, разрушительныхъ вліаній рас-
крываетъ челоѣку также внутренній мїръ
его: духъ его, выражаясь въ плѣсныхъ
формахъ, сосредоточиваетъ раздробленные

силы людей въ одно органическое единство и такимъ образомъ созидаетъ полипическое тѣло. Внешнюю сторону человѣческаго духа составляетъ смыслъ, внутреннюю — разумъ. Здѣсь человекъ еще болѣе или менѣе находится подъ вліяніемъ условій пространнаго и временнаго бытія. Но есть въ духѣ нашемъ управитель смысла и разума или общность, гдѣ сіи двѣ стороны внутренней жизни нашей гармонически сочетаются. Это есть умъ, предсавитель безконечнаго и самосознательный образъ идеи всеобщей, опрышенной, въ себѣ самой почіющей міровой жизни, простирающейся за границы всѣхъ вещественныхъ и мысленныхъ явленій. Въ этой высшей области духа предѣлы пространства и времени не связываютъ человека; волны міра чувственнаго, въ копорыхъ поглощается дѣятельность прочихъ силъ человека, здѣсь болѣе уже не обуреваютъ его. Онъ воспротается надъ всѣмъ видимымъ и преходящимъ и возносится туда, гдѣ вѣчная опчизна всѣхъ достожелаемыхъ идей и первообразовъ для всѣхъ частныхъ разумичныхъ устремленій духа его, гдѣ вѣчно — юный день безъ утра и безъ вечера. Сей двойственный характеръ существа человѣческаго

необходимо долженъ оппечатлѣваться какъ на всѣхъ недѣлимыхъ умспвенныхъ создани-яхъ его, такъ и на цѣлыхъ рядахъ ихъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ науки, какъ опкровенія во внѣшнемъ конечномъ мѣрѣ пѣ-снящихся, полпящихся, волнующихся во глубинѣ духа человѣческаго безпредѣльныхъ идей, какъ самоспояпелные организмы, развивающіеся изъ единаго, неиспощимаго въ своемъ раскрытіи сѣмени, безконечной идеи о безконечномъ, которая въ природѣ внѣшней является, какъ абсолютное един-ство необъяпной, положительной сущно-спи, раскрываемой безсознательно въ сферѣ проспранспва и времени общеміръными ея дѣяпелами, въ человѣчеспвѣ, какъ единый, вѣчный, живой духъ, движущійся въ цар-ствѣ самосвѣднія. Сущность каждой науки слагается изъ двухъ основныхъ элементовъ: *матеріи и формы*. Матерію науки составляютъ предметы мыслимые, познаваемые, и пѣ опдѣльныя, разобценныя свѣднія, которые опражаются въ зеркалѣ нашего духа, болѣе или менѣе чистомъ или пущкомъ, судя по его индивидуальности. Ибо истина, сама въ себѣ чистая, при переходѣ своемъ сквозь призму субъектив-ной недѣлимости, обыкновенно слабѣтель

въ своемъ напряженіи, исходящъ изъ состоянія своего первоначальнаго вещества и какъ бы не удерживаетъ того первообразнаго свѣта, копорымъ она сіяетъ въ первосознаніи ума божественнаго, источномъ своемъ началѣ. Форма науки есть пошъ способъ, по коему частныя, разединенныя познанія связуются въ одно спройное, гармоническое цѣлое, и такимъ образомъ составляютъ собою полный, живой организмъ, коего функціи, сливаясь одна съ другою, служатъ взаимнымъ дополненіемъ и отражаютъ на себѣ одну и ту же идею. Посему познанія, входящія въ составъ науки и облакающіяся формою ея, не должны быть чисто чувственными возрѣніями, и недоспапочны погда, когда совершенно разобщены съ міромъ чувственныхъ представленій. Въ первомъ случаѣ, мыслящій духъ былъ бы жалкою игрою многоразличныхъ, скоропреходящихъ явленій, взоръ его прикованъ бы былъ къ частнымъ, отдѣльнымъ моментамъ бытія и никогда не возвышался бы къ созерцанію идей, дышущихъ въ каждомъ міровомъ явленіи и оживляющихъ собою мертвыя формы вещества. Во второмъ случаѣ, мыслящій духъ обращаясь только въ

міръ умопоспигаемомъ, въ области чистыхъ ошвлеченныхъ понятій, и не внимая гласу внушренняго и внѣшняго чувства, не имѣлъ бы для познаній своихъ доспапочнаго криперія подлежапельной, аподикпической испины. Познанія наши тогда только образуютъ полный организмъ, когда частное, недѣлимое познается въ всеобщемъ и обратно всеобщее въ частномъ, недѣлимомъ, когда духъ и природа въ самосвѣдѣніи, которое новѣйшіе философы называютъ позжесствомъ былія и знанія, подлежапельнаго и подлежапельнаго, не разлучаются, не разъединяются между собою, но дѣлаются единымъ нераздѣльнымъ органомъ. Слѣдовательно нужно, чшобъ въ безпредѣльномъ міръ познаній разумъ и фантазія дѣйствовали спройно и совокупно. Разумъ же и фантазія дѣйствуютъ совокупно тогда, когда дѣйствуютъ нераздѣльно. И вопервыхъ когда разумъ дѣйствуетъ, не какъ только сила ошвлеченныхъ понятій и всеобщихъ представлений, но какъ живой духъ, находящійся въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ областью внщественносшей и дѣйствительныхъ былій. Съ другой стороны фантазія приближается къ сферѣ понятій, и какъ сила привязанная къ формамъ дѣйствительной

природы, не нарушая простоты понятій, облекаетъ оныя въ чувственныя, недѣлимые образы, сообщаетъ имъ характеръ конкретности или образы чувственные возвышаетъ и одухотворяетъ, озаряя ихъ свѣтомъ мысленнаго, разумнаго. Посредствомъ такого спройнаго и совокупнаго дѣйствованія разума и фантазіи, наука достигаетъ полнаго своего совершенства и удовлетворяетъ всѣмъ существеннымъ потребностямъ матеріально - духовной человеческой природы. Во всякомъ же случаѣ, когда или разумъ дѣйствуетъ отдѣльно отъ фантазіи и проводитъ свои понятія по однимъ голымъ формамъ мышленія и такимъ образомъ изъ чистыхъ, живыхъ вещественностей составляетъ одни мертвые основы, или фантазія выходитъ изъ подѣ вліянія разума и предается всѣмъ необузданнымъ порывамъ, наука, какъ плодъ совокупной дѣятельности сихъ двухъ способностей, совершенно теряетъ свою органическую цѣлость. Въ первомъ случаѣ, разумъ бываетъ игролищемъ сухихъ, отвлеченныхъ понятій, которыя своимъ дыханіемъ сокращаютъ и умерщвляютъ жизнь внутренняго чувства, и поглощаются, такъ сказать, въ своей собственной спихіи. Во второмъ случаѣ,

фанпазія, свергнувъ съ себя оковы законовъ разума, носится въ ея самой сотворенномъ мірѣ, который имѣетъ цѣну и важность только подлежательную и который однакожъ она выдаетъ за истинный міръ вѣдѣній. Такимъ образомъ фанпазія содѣлывается матерью мечпательности, ученаго фанатизма и другихъ призраковъ знанія. Отсель открываея ближайшее отношеніе фанпазіи къ наукѣ вообще, которое состоить въ томъ, что фанпазія, воплощая общія предпавленія и опвлеченныя понятія разума въ недѣлимыя формы и сближая ихъ съ міромъ реальнымъ, опытнымъ, возводитъ науку на степень полного, архипеклоническаго единства.

Далѣе всѣ науки, какъ внѣшнія самовыраженія духа человѣческаго, какъ проявленіе въ конечныхъ формахъ безконечныхъ идей его, въ коихъ онъ, какъ въ собственныхъ своихъ стихіяхъ живетъ и движется, суть органическіе члены единой безпредѣльной науки. Всѣ онѣ различными путями стремятся къ осуществленію единого высочайшаго идеала, истины, и всѣ онѣ истекають изъ единой основной, первообразной идеи о высочайшей, самосущей Первоинѣ, благоволившей опразить Свой боже-

спвенный образъ въ мірѣ существъ дѣйствительныхъ, конечныхъ. Посему всѣ науки носятъ на себѣ печать единства, хотя въ частныхъ формахъ между собою и различуются. Предметъ ихъ есть одинъ и тотъ же міръ реальный. Міръ же реальный въ области вниканія является подѣ формой двойства. Онъ имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю, видимую, и внутреннюю, невидимую. Внѣшнюю сторону реального міра составляютъ многоразличныя, непрестанно разнообразяющіяся явленія. Здѣсь бытіе конечное, развиваясь въ формахъ пространства и времени, находится въ непрестанномъ приливѣ и опливѣ, такъ что истинную, неизмѣняемую сущность его никакъ уловить нельзя; ниодно существо не выражаетъ здѣсь вполне своей идеи. Но мыслящій духъ, какъ отблескъ творческихъ идей божественнаго ума, который составляетъ форму всей внутренней, свободной его самодѣятельности, порываясь создать истинное знаніе, не останавливается взора своего на скоропреходящихъ явленіяхъ, въ которыхъ вѣчная сущность вещей вполне не выражается; здѣсь онъ видитъ только, что высренній полетъ его къ безконечному, котораго онъ, какъ высочайшаго своего

первообраза, ищеть вездѣ, и во глубинахъ природы внѣшней и въ областяхъ самопознавательнаго человѣчества, непрестанно окочывается формами пространства и времени. Мыслящій духъ нашъ, подъ вліяніемъ идеи безконечнаго, спремится опкрыть въ мірѣ предлежательно-реальномъ основные законы и цѣли, къ коимъ, какъ къ всеобщимъ центрамъ, сводились бы всѣ видоизмѣненія бытія конечнаго, установили единый всеобщій взоръ на бытіе природы, въ коемъ бы сливались и разрѣшались всѣ индивидуальные взгляды, опрѣшившись опъ узъ пространственности и временности, создавъ опрѣщенную идею сущаго, изъ коей, какъ изъ сѣмени, развивались бы всѣ частныя представленія и понятія въ видѣ легкой, гармонической игры, сквозь всѣ внѣшнія, чувственные оболочки проникнувъ въ самое внутреннее существо, въ ту таинственную, совершенно недоступную для эмпирическихъ наблюдений глубину, гдѣ почиють коренные силы всего сотвореннаго, и такимъ образомъ за предѣлами феноменальнаго міра опкрыть для себя другой міръ вѣчный и неизмѣняемый, міръ субстанціальный. Здѣсь только мыслящій духъ находить свое искомое, свой высочайшій идеаль. Ибо субстанціальный

міръ, сокрытый подъ завѣсою скоропреходящихъ явленій, естъ опображеніе вѣчныхъ идей безконечнаго шворческаго ума. Благоусплаждаеться созерцаніемъ сихъ идей, лучей премірнаго солнца, оковываетъ ихъ въ своемъ сознаніи, естъ высочайшій, первожаемый предметъ всѣхъ мыслей, желаній и чувствованій духа человеческого. Каждая наука особеннымъ образомъ разоблачаетъ сей таинственный міръ шворческихъ божескихъ идей, проявившихся высочайше созерцательнымъ образомъ въ многоразличныхъ живыхъ недѣлимыхъ формахъ. Такъ логика не останавливается на частныхъ актахъ мыслящаго духа нашего, какъ они являются въ сферѣ опыта: она, опвлекая опъ всѣхъ условій подлежательнаго бытія человеческой природы, опкрываетъ самые основные, первообразные законы, коимъ подлежатъ всѣ разнообразные мыслительные процессы духа нашего, стараеться разгадать самую шворческую божескую идею, копорая своєю невидимою сущностію оплилась въ мыслящемъ духѣ нашемъ и такимъ образомъ идеально воссоздать внутрешній міръ нашъ со всѣми главными стихіями его. Но умъ, постигшій идею, будетъ ли она опсіивать въ подлежательномъ мірѣ, или въ соб-

спвенномъ нашемъ подлежащемъ, переводя ея на собственнй языкъ, въ слѣдствіе естественнаго стремленія своего — проявляя свою внутреннюю, неисчерпаемую сущность въ царствѣ природы, сопоставляя свои созданія съ бытомъ дѣйствительнымъ, порываея сію идею извести изъ себя въ міръ внѣшній, чувственный, опредѣливъ ея, осуществивъ въ наукѣ. Но сей благороднѣйшій по потребности своей умъ никакъ удовлетворить не можетъ, если не низойдетъ съ высшей высоты благоговѣйнаго созерцанія идей въ область фантазіи. Фантазія собственно есть предсавительница внутренней, идеальной жизни ума, такъ какъ она одна облачаетъ идеи ума въ недѣлимые формы, даетъ вещественность имъ и какъ бы оцувстввляетъ ихъ. Безъ содѣйствія фантазіи, сей пластической силы духа нашего, идеи оставались бы одними схемами, существами невидимыми, неоцупимыми для насъ, гражданъ двухъ міровъ, видимаго и невидимаго, и только терялись бы въ безпредѣльной области возможности. А опселя сколько важныхъ, основныхъ моментовъ недоставало бы въ наукѣ, которая болѣе или мѣнѣе должна быть сооружаема на идеяхъ!

Внутренняя организація ея погда была бы ушлою , слабою , неимѣющею въ себѣ зидипельной , одушевляющей ея силы. Предметъ науки , неоживленной идеями , есть одинъ только міръ быспропечныхъ , до безконечности разнообразящихся явленій ; она никогда не воспаряетъ выше пространственнаго и временнаго. Міръ вѣчный , неизмѣняемый , міръ сущностей , первообразовъ , единственнаго назнаменующій собою идею безконечнаго , абсолютнаго , сокрытъ отъ ней подъ непроницаемою завѣсою. Припомъ во внутренней области науки погда опглашались бы пѣже пропиворѣчія , пѣже несогласія , копорыми обыкновенно раздраетъ внѣшній , опытный міръ , и копорыя исчезаютъ только при появленіи чистѣйшаго свѣта идей , точно также какъ при появленіи на горизонтѣ солнца разрѣжающагося и исчезающаго мраки , облежавшіе природу и сокрывавшіе отъ взоровъ нашихъ ея неподражаемая красота. Правда , наука , разлученная съ фантазіею , какъ съ главнымъ орудіемъ , посредствомъ коего она можетъ сдружаться съ свѣплымъ міромъ идей , имѣетъ еще вѣрнаго вожапая , разумъ , копорый не попустилъ ей спрансповоать по различнымъ распушіямъ при-

роды, но поспавипть ее на прямую спезю, не оставипть ее въ несродной для ней спранть разнообразныхъ явленій міра чувспвеннаго, но спведесть ее къ единспву. Ибо главный акпть разума единспвенно соспоипть въ помь, чпобы все недьлимое, часпное, являющееся ему въ двухъ главныхъ сферахъ бытія: въ сферь подлежапельности и въ сферь предлежапельности, обобщасть, множеспвенное и разнообразное сочспавасть въ единспво сознанія. Но разумь, сей жипель міра дольняго, объемоуцій поняпїями своими, какъ бы нькими духовными перспами, одно проспранспвенное и временное бытіе, часпныя, разрозненныя чувспвенныя предспавленія пополуку полько можеспть связывасть живую, органическую цьпю, оппоргасть себя опъ непреспаннаго прилива и оплива вньшнихъ впечатльнїй и свое единовидное, всегда съ собою пожеспвенное *Я* пропивополагасть многообразному не-*Я*, поколику во внуспренней природь ума лежипть идея объ абсолютной единиць, копорая, опражаясь въ сознаніи и переходя въ сферу разума, заспавляетъ всь прочія силы наши не разспявасться въ множеспвенности и разнообразіи вещей, но искасть единспва какъ вну-

при, такъ и внѣ себя, хопя не безусловнаго. Припомъ самыя понятія разума, носяція на себѣ оппечатокъ единства и полжества, получають предлежапельную вещьспвенность посредствомъ фантазіи, какъ мы уже сказали выше. Ипакъ здѣсь опкрываепся новое опношеніе фантазіи къ наукъ вообще, которое состоиптъ въ томъ, что фантазія, сблизая науку съ безпредѣльнымъ міромъ идей и такимъ образомъ опкрывая вѣчныя начала (субспрапы) быпія, возвышаептъ ее надъ сферою чувспвенныхъ явленій, надъ всѣмъ опытнымъ, быпнымъ.

Наконецъ, если разобциптъ въ наукъ умъ съ фантазіею, то въ мірѣ умспвующаго человечества совершенно погасептъ испинная геніальность, шолько необходимая для науки. Ибо геній, какъ даръ пворчества, составляепся изъ гармонического сліянія сихъ двухъ основныхъ спихій: силы недѣлимыхъ чувспвенныхъ формъ, или фантазіи, и силы идей, непосредспвенныхъ предспавленій положительной сущности вселенной и ея вѣчнаго перво-начала, или ума. Тогда всѣ науки опличались бы одною мертшвою неподвижноспію, прикованы были бы къ условнымъ, единожды предспавленнымъ пункпамъ, никогда не раздвигали бы пѣхъ

границѣ, въ которыя вписаны онѣ рукою несамородныхъ мыслипелей, никогда не совлекались бы вепхой свой одежды и не являлись бы въ лучшемъ, яснѣйшемъ свѣтѣ. Духъ человѣческой, не приемяющей посредствомъ органа фантазіи превыспреннихъ опкровеній ума, вѣчно поимися въ оковахъ рабскаго подражанія; высшія познавательныя силы его погружены въ глубокій мерпвый сонъ; и такимъ образомъ жидишельная дѣяшельность его, происходящая отъ недовольства наспоющимися формами знанія и отъ неподавимага желанія, сколько можно, выражаять и осущеспвляять въ опытъ идею безконечнаго, каждый разъ вепрѣчаесть послѣдній предѣль свой. Опселе произойдесть то, что ни въ одной наукѣ нельзя будесть найти идеала, первообраза, которому можно было бы уподоблять свою индивидуальную форму дѣйспвованія или познаванія, что совершенно несобразно съ поняшіемъ о ходѣ развитія какъ частнаго, недѣлимага, такъ и всеобщаго, собирашельнаго ума человѣческаго, который непrespанно поспуаесть впередъ. Все различныя моменты раскрытія умспвенной жизни человѣчества суть не иное что, какъ неизгладимыя слѣды почки, движущей-

ся въ безпредѣльность. Геній собственно есть обновитель міра умственнаго, олицетворитель самопознанія того вѣка, въ которомъ онъ воздвигнувъ рукою міродержавнаго Промысла, одуховилъ мерзлыхъ массъ народа, общность, въ которой недѣлимости, особности разрѣшаются. Онъ въ безпредѣльной области умозрѣнія открываетъ новые, для современниковъ невѣдомые пути, темныя почки въ ней озаряетъ яснымъ свѣтомъ, созидаетъ новыя идеи, даетъ наукѣ новое направленіе и такимъ образомъ производитъ совершенно новый круговоротъ въ системѣ міра умственнаго. Таковы великіе самобытныя мыслители: Платонъ, Кантъ, Шеллингъ, Гегель, Бахманъ, которые изъ вѣрхнихъ, мерзлыхъ стихійъ могущественною силою своего генія создали совершенно новый міръ философическихъ идей. Подъ живошворнымъ вліяніемъ сихъ солнцевъ, пославленныхъ вседержавною десницею Промысла на горизонтъ умствующаго человечества, духовная жизнь его какъ бы воскресла. Отсель открывается новое ближайшее отношеніе фантазіи къ наукѣ вообще, которое состоитъ въ томъ, что фантазія, дѣйствующая подъ вліяніемъ ума, производитъ геніевъ, которые ею двигаютъ дале-

ко впередъ человѣчество на пупи умственной его жизни и возносятъ науки на высочайшую точку полного, идеальнаго совершенства. Таково происшедшее отношеніе фантазіи къ наукѣ вообще и отсюда производящее ближайшее вліяніе ея на цѣлостное образованіе оной, которое теперь я хощу, сколько можно, изобразить въ ясныхъ и опредѣленныхъ чертахъ. Доспигъ ли я своей цѣли, о томъ будущъ судить мужи благородные, воздоенные идеями новѣйшей философіи, вдохновляющіеся всегда прямою любовію къ просвѣщенію и неувлекающіеся враждебнымъ духомъ паррій.

— * * * * * —

II.

ПОЖИЩЕНІЕ ПАПЫ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЦЕНА РИМА

въ XI вѣкѣ.

(изъ Вилльмена).

Въ то время, какъ Григорій VII гремѣлъ на Сѣверъ своими ужасными анаемами, собственное его положеніе въ своей Церкви не было совершенно безопаснымъ: и это не одинъ изъ маловажныхъ кон-

спрасноу его жизни, когда мы видимъ, какъ нападають онъ съ такою гордостію на власнителя Германіи, какъ заставляють Вильгельма Завоевателя плачить себѣ дань, а самъ находишся посреди Рима, подвергну-тый первымъ ударамъ врага. Но причины сихъ безпорядковъ скрываются гораздо да-лее, въ преждебывшихъ событіяхъ; онъ про-изходили не столько отъ грубаго своеволь-ства среднихъ вѣковъ, сколько отъ самаго свойства Папскаго владычества, этого могущества, совершенно основаннаго на воображеніи и вѣрѣ, безъ всякой матеріаль-ной силы, этого кумира, обожяемаго издали, слабаго и беззащитнаго въ своемъ храмѣ.

Въ минувшихъ вѣкахъ, Римскіе Бароны, по есль Готтескіе или Ломбардскіе дворяне, владѣли какихъ-нибудь замковъ въ окрест-ностяхъ Рима, или какихъ-нибудь укрѣ-пленныхъ развалинъ въ городѣ, часно обма-нывали церковь, припѣсняли главу оной, или оспоривали его избраніе. Съ тѣхъ поръ, какъ не спало болѣе Императоровъ, ни Феодорика, піарою располагалъ какой ни-будь Тосканельскій или Тибурскій Графъ, вспомоцествуемый нѣсколькими воинами; и мѣстная зависимость Римскаго Престола увеличивалась въ то самое время, какъ его

имя получило большую важность въ пусто-
стѣ , оставленной паденіемъ Имперіи. Кар-
ломанъ освободилъ отъ сего послыднаго
ига первосвященническую кафедру , и , воз-
вышая ее для того , чшобы получить отъ
нее корону, сдѣлалъ ее могущеспвенною въ
Римъ и въ Италіи. По смерти же его ,
когда снова начались безпорядки , она была
слаба во внушренности, владычеспвующа извнѣ.
Она заставила Императора Людовика су-
дипсья чрезъ Епископовъ , а между тѣмъ
сама снова сдѣлалась цѣлю для нѣкопор-
рыхъ хищныхъ каспеланъ Римскихъ окресп-
ностей. Отпоны , Генрихъ , приходи не-
чаянно, какъ владышпели, болѣе могущеспвен-
ные и припѣснишпели , болѣе славные , не
разрушили совершенно эпой феодальности
Римскихъ Бароновъ: она снова показывалась
по временамъ , по удаленіи Нѣмецкихъ войскъ.
Иногда она продавала свои услуги Имперіи,
подкрѣпляла Нѣмцевъ , вводила насильспвен-
но Епископовъ въ Римъ и укрощала народъ,
ревностный къ правамъ Церкви ; иногда же
соединялась съ нимъ пропивъ Нѣмецкаго
владычеспва. Только изъ эпого - по дво-
рянспва избирался всегда Префектъ Ри-

ма (1), двусмысленный градоначальникъ, которъй воздавалъ почести Папѣ и получалъ отъ Императора инвеституру и мечъ. Однако могущество этихъ фамилій начало ослабѣвать съ тѣхъ поръ, какъ знашныя фамиліи, совершенно ужасныя другимъ образомъ, а именно фамиліи Матильды и Герцоговъ Нормандскихъ, начали возвышаться въ Тосканѣ и Калабріи.

Въ продолженіи долгихъ возмущеній, предшествовавшихъ вступленію на престолъ Григорія VII, одинъ изъ сихъ Римскихъ дворянъ, Чинчи, сынъ Стефана, древняго Префекта Римскаго, приобрѣлъ себѣ извѣстность своею дерзостію и разбоями. Воспользовавшись должностію своего отца, онъ наспроилъ въ городѣ множество укрѣпленныхъ припоновъ и привлекъ къ себѣ всѣхъ Римскихъ негодяевъ и *еретиковъ*, говоритъ Хроника. Какъ убійца одного изъ своихъ дядей, у котораго силою взялъ домъ и разрушилъ его, онъ былъ преданъ анаѣмѣ еще Папою Але-

1) Urbis praefectus de sua dignitate respicit utrumque, videlicet domnum papam, cui facit hominum, et domnum imperatorem a quo accepit suae potestatis insigne, scilicet exertum gladium. *Gerohus Reichperg. apud Baluz. miscell.*, III. V.

ксандромъ, по приказанію Гильдебрандта, который уже управлялъ всею. Обращившись въ бѣгство съ двумя своими парпизанами, Берпраномъ и Николаемъ, онъ явился ко двору Генриха. Попомъ поддерживалъ дѣло Анпипапы Кадалоуса, вошелъ съ нимъ въ Римъ, гдѣ и принялъ его въ своемъ домѣ, и сражался за него по улицамъ. Когда Кадалоусъ былъ побѣжденъ и умеръ, Чинчи, блуждая долгое время и подкрѣпляемый посредничествомъ нѣкоторыхъ Римскихъ дворянъ, пощаженныхъ Григоріемъ VII, по восшествіи его на престолъ, возвратился въ Римъ и далъ Папѣ кляпву сохраняя миръ.

Введенный во владѣніе одной башни, которая была имъ прежде сего построена при входѣ на мостъ Святаго Петра, онъ засадилъ въ нее доспашочное число вооруженныхъ людей, и тотчасъ, подъ предлогомъ права пошлины, началъ обирая всѣхъ проходящихъ, которые шли или возвращались, обремененные какими нибудь поварами (1). Григорій VII, раздраженный симъ

(1.) Sicque factum est ut in ipsa turri, quam miraculorum magnitudinis supra pontem S. Petri construxerat, viros sicarios poneret, qui ab omnibus introeuntibus et exeuntibus ex iis quae ferebantur praedam caperent. *Paul. Bernr. apud act. sanct.*

безпорядкомъ , хотѣлъ поразить въ Чинчи одного изъ послѣднихъ оспапковъ эпихъ мяшежническихъ Бароновъ и разбойниковъ, которые нѣкогда своевольно располагали Папствомъ. Испощивши религіозныя убѣжденія и угрозы анаѣемого, онъ далъ приказаніе Префекту Рима захватить сего мяшежника проливъ Бога и Церкви. Эпощъ Префектъ одного и того же имени и, безъ сомнѣнія, изъ одной и той же фамиліи съ Чинчи, былъ человекъ благочестивый, котораго усердіе къ религіи простиралось столь далеко, что онъ, гражданинъ и воинъ, не одинъ разъ проповѣдывалъ народу въ церквахъ. (1) Самые кардиналы упрекали его въ излишней ревности къ религіи, и въ нерадѣніи о своей свѣтской власти. (2) Но Григорій VII очень хорошо цѣнилъ неуспрашимую преданность сего человека. Не смощри ни на

(1) *Heri plane in ecclesia B. Petri apostolorum apostoli de praesentis tunc Epiphaniae solemnitate . . . ita locutus est, non ut praefectum reipublicae, sed potius ut sacerdotem decebat ecclesiae. Petri Damiani Epistolae, т. 1 стр. 354.*

(2) *Cave ergo, ne propter peculiaris orationis studium, cui insistere forte contendis, disciplinam tam immunerabilis populi, qui tibi commissus est, negligas. Ibid. т. 1, стр. 356.*

свое родство, ни на рокопъ Римскаго дворянства, Префектъ силою задержалъ Чинчи и посадилъ его въ темницу. Пораженные симъ смѣлымъ ударомъ, многіе Римскіе дворяне спали погда умолишь Папу, и Григорій VII, испребовавши ошь Чинчи кляпву надъ мощами Святаго Пепра въ помь, что онъ исправился въ своемъ поведеніи, и, взявши ошь него заложниковъ, возвратилъ ему свободу, конфисковавъ главную его крѣпость, копорая и была до основанія разрушена осадными машинами, при великихъ кликахъ народа, копорый въ сей борьбѣ внушренно держалъ спорону Папы прошиву *Кастелловоѳ*.

Приведенный въ опчаяніе симъ позоромъ, копорый ослабилъ его партію въ Римѣ, Чинчи повсюду искалъ союзниковъ и мщенія. Онъ обратился сначала къ значившимъ изъ оплученныхъ ошь церкви: посѣпилъ Герцога Гискара въ Калабріи, и послалъ одного изъ своихъ сыновей въ Равенну, чтобы заключилъ договоръ съ Архіепископомъ Гиберомъ. Нормандскій Принцъ, хотя и былъ съ Папою въ рѣшищельной враждѣ, не почелъ за грѣхъ собственными своими руками поколебать эпою каеедры Святаго Пепра, ошь копорой онъ ожидалъ благословс-

нія для своихъ завоеваній, Гильберъ, не смотря на свою ненависть, ничего не могъ предпринять открытою силою пропивъ Папы. Однакожь Чинчи довѣрилъ имъ свой проектъ — взять и убить Григорія VII, и написалъ въ Германію къ Генриху, обѣщая привести къ нему, съ связанными ногами и руками, Папу, его врага. (1) Неизвѣстно, какія были опивъшы и поощренія со стороны Генриха.

Пропекло около года послѣ изгнанія Чинчи. Подъ покровительствомъ Нормандскаго Принца и Гибера, онъ употреблялъ это время на то, чтобы соединить бродягъ и приготовить себѣ случай и сообщниковъ въ Римъ; онъ сулилъ грабежь и свободу. (2) Однакоже еще ничего не показывалъ, и Григорій съ безопасностію отправлялъ священныя церемоніи, часно показывался народу и исполнялъ всѣ обязанности Государя и Первосвященника.

Наканунѣ праздника Рождества Христова, онъ пошелъ, по обыкновенію, въ

(1). Statuitque cum ipsis tempus opportunum, quomodo dominum papam caperet et occideret, . . . promittens eundem patrem regio conspectui repraesentandum *Paul. Bernr. Apud. Act. Sanct.*

(2). Promittens eis ineffabilia, libertatem futuram, quaestum sine mensura. *Ibid.*

церковь Пресв. Маріи, на Эсквилинской горѣ. Эпопль соборъ, возвыщавшійся около развалинъ Діанина храма, въ помѣ мѣспль, гдѣ находились нѣкогда сады Меценатовы, впорой изъ папріархальныхъ соборовъ Рима, былъ особенно дорогъ для набожности народа. Кромѣ свяпыхъ мощей, тамъ покланялись древнему образу Св. Дѣвы, съ Божеспвеннымъ Младенцемъ на лѣвой рукѣ. Говорили, что это изображеніе, привезенное съ Воспока, было написано Свяпымъ Евангелистомъ Лукою: (1) оно пворило чудеса, и рассказывали, что, когда его носили по городу, оно внезапно оспановило бичъ моровой язвы, во время Папы Григорія. Возвеличенная и украшенная во время Папы Сикста III, (2) икона Свяпой Маріи, съ V вѣка, ежегодно была посѣщаема на Рождество множеспвомъ народа, который, шолпяся при службѣ Первосвященника, проводилъ шупь всю ночь въ пѣніи и молишвахъ. Но на эпопль разъ Папа былъ сопровождаемъ въ церковь Свяпыхъ Маріи шолько небольшимъ числомъ священниковъ. Продолжительная и жеспо-

-
- (1). *Imago G. V. Mariae in quadam grossa tabula, cum imagine Filii in brachio sinistro, quam depinxit S. Lucas Evangelista. Basiliae S. Mariae Majoris descriptio.*
(2) *Diarium italic.*, стр. 106.

кая буря, которая казалась умамъ, предубѣжденнымъ антихристомъ, провозвѣстницею новаго попопа, (1), эта буря многихъ удержала дома. Сосѣды почти посѣщали другъ друга въ продолженіи этого дня, и немногія изъ православныхъ совершили путешествіе, этою дождливою и мрачною ночью, къ Святой Маріи, находившейся въ отдаленной и пустынной части города.

Однакоже Папа, облеченный въ свои священныя украшенія, стоя у алтаря, служилъ всенощную. Только успѣлъ онъ принять Святыхъ Таинъ, съ духовенствомъ; оспапокъ присушествовающаго народа еще причащался; и Папа еще не сказалъ послѣдней молитвы (2), какъ вдругъ церковь при великихъ крикахъ, наводняемая, множествомъ людей, покрытыхъ оружіемъ. Съ мечами въ рукахъ, ниспровергая все на своемъ пути, они бѣгутъ къ алтарю, ранивъ нѣкоторыхъ право вѣрныхъ, защищавшихъ входъ въ него, разбиваютъ перегородку и налагаютъ свои окровавленные руки на Первосвященника. Это Чинчи съ

(1) *Ipsam primi temporis imminere diluuiam omnibus videbatur. Paul. Bernriedens., стр. 122.*

(2) *Antequam post-communialem orationem finiret Eucharistatus. Berthold. Const., Chronicon, стр. 29.*

своею шайкою покусился на сей свято-папспвенный поступокъ; онъ былъ предвѣдомленъ и вспомошествоемъ сосѣдственными жипелями, и имѣлъ на головѣ лошадей, ожидавшихъ его у дверей церкви.

Въ ярости одинъ изъ нихъ ранилъ Папу въ голову; попомъ они оппоргаюють его опъ недокончанной службы, и, съ ругательствомъ и побоями, увлекаюють его, безмолвнаго, несопропивляющагося, непросящаго помилованія, спокойнаго, безпрепепнаго, съ глазами, обращенными къ небу (1). Наконецъ, содравши съ него омофоръ, ризу и подризникъ, и оставивъ его только что не нагаго, бросаюють на лошадь позади одного изъ своихъ сообщниковъ, какъ будшобы какого нибудь связаннаго разбойника, копораго ведують въ судилище (2). Попомъ, со всею поспѣшностію, какую только дозволяли быспропа и сила ихъ лошадей, добъжавъ до одной изъ часней города, гдѣ Чинчи

(1) De missa nondum finita, violentis manibus, abstraxerunt, caedentes et percutientes. *Paul. Bern. cnp. 123.* — Non reclamavit, non reluctatus est. *Ibid.*

(2) Ut furem tractum, post dorsum cujusdam sacrilegi posuerunt, *ibid.*

владѣль еще укрѣпленною башнею, они заперлись въ ней съ своимъ плѣнникомъ.

Однакоже священники и богомольцы, вышедши изъ оцѣпененія, наполняютъ городъ криками и ужасомъ. Народъ выбѣгаетъ изъ домовъ: попоки дождя и жестокая буря упишились; небо снова сдѣлалось яснымъ; улицы и площади въ одну минуту освѣпились пысячами факеловъ.

Съ ужасомъ рассказываютъ о ночномъ покушеніи: объ оскверненіи церкви Святыя Маріи, о плѣненіи или и смерти Первосвященника; ибо еще не знали, чего должно было опасаться. Священники бѣгаютъ изъ церкви въ церкву, обирая алтари и скрывая священныя ушвари. Казалось, спрашились всеобщаго оскверненія Святыни. Прочіе жители принимаются за оружіе. Въ продолженіе остатка ночи звучать трубы, раздаются крики спорожей; назначаются пѣсмы, сперегущся градскіе выходы, изъ опасенія, чпобы Первосвященникъ, если онъ еще живъ, не былъ выведенъ изъ города своими похищателями (1).

(1) Totâ nocte, signis tubisque sonantibus, militibusque omnes aditus lustrantibus, ne aliquo portaretur extra urbem ingenio.

Въ самое это время толпа несется въ Капитолій, копорый, по какому-шо инстинкту воспоминанія, былъ еще во всѣхъ Государственныхъ кризисахъ сборнымъ пунктомъ народа и мѣстомъ его совѣщаній. Тамъ узнають наконецъ, ошъ различныхъ свидѣтелей, что Папа живъ, и что онъ заключенъ въ одной изъ городскихъ башенъ.

При семъ извѣстїи народъ испускаетъ крики радости. День показался, и все сдѣлалось извѣстнѣе и удобнѣе. Идутъ въ вооруженїи къ назначенной крѣпости, копорую со всѣхъ сторонъ называютъ *притономъ антихриста*. Нѣкоторые изъ воиновъ Чинчи защищаютъ оную ошъ первыхъ приспуповъ; но они апакованы, обращены въ бѣгство и опспупаютъ назадъ къ своимъ поварищамъ. Тогда народъ начинаетъ формальную осаду: приносятъ военныя машины; поражаютъ слѣны ужасными ударами; зажигаютъ огонь у дверей. Осаждающіе сражаются съ жаромъ; никто не щадитъ себя для лакаго священнаго дѣла. Внѣшняя ограда успупаетъ и разрушается, и народъ уже у самой башни (а).

(а) Ignis appositus est; allatisque machinis et arietibus, rumpitur murus. *Paul. Bern.*, стр. 123.

Въ продолженіе приступа, Григорій VII, брошенный сначала въ одну изъ комнатъ эпой башни, въ одно и позже время получалъ въ ней и необыкновенныя угожденія и необыкновенныя оскорбленія. Одинъ житель города и женщина благороднаго происхожденія прошли сюда съ похищителями, и трупъ, забытый въ безпорядкѣ сраженія, эпою челоуѣкъ мѣхомъ прикрывалъ Первосвященника, спрдавашаго отъ ночнаго холода и на своей груди согрѣвалъ оледенѣвшія ноги старца (1).

Женщина, еще съ нѣжнѣйшею ревностію, промывала и перевязывала его рану, проклиная враговъ Божіихъ, свящопапстственныхъ убійць, которыми она была окружена: попомъ, проливая слезы, она съ благоговѣніемъ любызала грудь, волосы и одежды Первосвященника. Эпо зрѣлице напоминало воображенію Магдалину у ногъ Спасителя (2). Но въ позже самое мѣсто и

(1) Vir ille, taedio detractionis et algore hibernalis noctis afflictum allatis calefecit pellibus; pedesque ejus in sinu suo composuit. *Ibid.*

(2) Matróna vero ipsa, fomento medicaminis sui, Patris nostri plagam, nimio sanguinis rosei proflusio tabidam, deplorando mulcebat, . . . Altera nimirum Maria effecta, caput pectusque deosculans lacrymis rigabat. *Ibid.*

въ пошъ же: самый часть, другая жѣнщина, сеспра Чинчи, приходила обременять Первосвященника проклятіями и ругательствами (1).

Самъ Чинчи, съ ужасными угрозами, хотѣлъ испоргнуть у Папы повелѣніе — выдать ему опобранныя имъ у него сокровища и замки; но Григорій пребывалъ непреклоннымъ (2). Одинъ изъ служивпелей Чинчи, подражая своему господину, клялся съ богохульствомъ, что опрубилъ Папѣ голову прежде захожденія солнечнаго. Случай, во время бипвы, вскорѣ наказалъ оспервененіе сего человѣка: показавшись на зубцахъ спѣны, онъ упалъ, смертельно раненный въ горло дропикомъ, брошеннымъ извнѣ. Его смерть, даже въ глазахъ его поварищей, казалась знакомъ небснаго гнѣва.

Чинчи, приведенный въ замѣшательство опъ своего дѣла, и спрашась, чтобы крѣпость не была попчасть взята приспу-

(1) Traditoris soror Patri maledicere non formidabat.
Ibid, стр. 124.

(2) Ibi diu, gladio super collum illius furialiter stricto, torvus, minax et omnifuriam terrificus, thesaurum et firmissimi S. Petri castella in beneficia sibi extorquere non cessavit ab eo; sed omnino non potuit. *Berthold. Constant. Chron.*, стр. 29.

помъ разъяреннаго народа, спѣшишь бросишь-ся къ ногамъ Папы, (1) и, съ сокрушеніемъ злодѣя, споль легкимъ и споль общимъ въ суевѣрныхъ и варварскихъ нравахъ, онъ умоляетъ Папу — сняшь съ него грѣхъ и дашь ему разрѣшеніе: „Я опщубійца, святошатець! говоришь онъ. Я наругался надъ свяпилицемъ Божіей Матери и яслями Спасителя: я оппоргнуль опъ нихъ шебя, мой опецъ и господинь апостолическій. . . Защиши меня; окажи мнѣ милосердіе, наложи на меня какое нибудь наказаніе и усмири; какъ умѣешь, народъ, воздвигшійся прошивъ меня по справедливому суду Божію. Совершенно оскверненнаго, каковъ я пеперь, прими меня въ свои свяпшыя руки, и нынѣшній же день наложи на меня покаяніе!“ Говоря сіи слова, эполъ человекъ лежалъ распроспертый у ногъ Папы.

Тогда Григорій съ спрогостію напомнилъ ему, сколько совѣповъ подавалъ онъ ему нѣкогда черезъ людей благочеспивыхъ, и сколько упрековъ обращалъ къ нему самъ съ такимъ долговременнымъ перпѣніемъ. „Однокожь, сказалъ онъ ему, врапа вѣчной

(1) Procidit ad pedes beatissimi papae. *Paul. Bernried.*

жизни еще могушь для тебя опворитьсѣ , если ты раскаяешьсѣ чистосердечно.“

Тогда Чинчи снова бросаетсѣ на землю, исповѣдуясь, что онъ былъ виновенъ и несчастенъ , и обѣщая безъ оплагательсва исполнить наказаніе, которое будетъ на него наложено. (1).

Тогда Григорій сказалъ ему : „какъ ошець, я прощаю тебѣ оскорбленіе, которое ты нанесъ мнѣ лично; но по, что учинилъ ты прошивъ Бога , Божіей Матери и Апостоловъ, или, лучше сказать, прошивъ цѣлой Церкви, ты долженъ такъ загладить, какъ я велю тебѣ. Впервыхъ , ты пойдешь въ Іерусалимъ; а потомъ, ежели будешь живъ и возвратишьсѣ опшуда, ты подчинишьсѣ моему руководству и моимъ совѣпамъ , дабы снова обрѣспи такимъ образомъ милоспъ всемогущаго Бога , и , бывши доселѣ примѣромъ погибели для всѣхъ сыновъ Церкви, съ этого времени быть примѣромъ раскаянїя.,

Этотъ человекъ , все еще распроспертый у ногъ Папы, обѣцалъ ему выполнитьъ все роды наказанїя. Тогда Григорій , приближась къ одному изъ оконъ башни , по-

(1) *Mox ad terram corruens, verum se reum miserumque confessus est. Ibid.*

казался глазамъ осаждающихъ , и , съ рас-
просперпыми руками , сдѣлалъ имъ знакъ
успокоиться и прислать къ нему нѣкоторыхъ
изъ своихъ предводителей.

Восторженные при этомъ видѣ , почти
всѣ подумали , что Первосвященникъ при-
зываетъ ихъ къ себѣ на помощь . Они удвоя-
ютъ усилія , чтобы дойти до него ; смѣ-
лѣйшіе изъ нихъ влезаютъ на окошки ,
оставленныя оробѣвшими разбойниками ;
выторгаются къ Первосвященнику — и онъ ,
на рукахъ своихъ избавителей , представ-
ляется народу , проливающему слезы радо-
сти . Но когда всѣ увидѣли на немъ зна-
ки насилія (1) , кровавую пятну , то при-
шли въ новую ярость и испустили тысячи
плачевныхъ воплей .

Въ семь смущеніи , въ семь волненіи
чувствъ , происшедшихъ отъ опасности и
освобожденія , у Папы была одна мысль , одно
желаніе — прежде всего идти въ церковь Св.
Маріи , изъ которой онъ былъ изпоргнутъ , и
 снова начать службу , прерванную покушені-
емъ Чинчи . Безчисленное множество народа

(1) *Cernebatur enim totus crucoris magnitudine respersus*
Paul. Bernr. apud. Act. Sanct.

слѣдуешь за нимъ къ алтарю, и онъ оканчиваетъ шуть, уже къ вечеру, эту порже-спивенную службу, начашую имъ прежде пер-ваго часу дня, оканчивается ее испомлен-ный голодомъ, раненный, но поддерживаемый вѣрою. Попомъ онъ произнесъ благо-дарспивенный молебень, благословиль свяшую побѣду народа, и пошель успокоипсья въ Ляпранскій дворець.

Народъ, овладѣвшій башнею, пощадилъ сначала пѣлохранишелей Чинчи, по прика-занію Папы. Но потчасъ были сдѣланы спрогіе розыски касашельно соучаспни-ковъ сего покушенія. Многіе изъ нихъ были лишены носовъ и изгнаны изъ Рима; по-помъ оконфисковали ихъ имѣнія: новое доказашельспиво, что въ эпомъ заговоръ учапвовали неодни шашающіеся бандишы, но также и нѣкопорые изъ Рим-скихъ дворянъ, эшихъ соперниковъ Перво-священнической власпи.

Чинчи, защищенный въ первую минушю могущеспвомъ апосполическаго прощепія, ускользнулъ съ своею женою, сеспрою, дѣшми и брашьями въ шо самое время,

когда Папа служилъ молебень. (1) Декретомъ сената, укрѣпленные дома, которыми онъ владѣлъ въ Римѣ , были разрушены , а его имѣніе конфисковано.

Папа вскорѣ пошребовалъ , чтобы онъ явился для принятія наказанія , которое было на него возложено. Но онъ , удалившись въ одинъ замокъ около Рима , производилъ набѣги на Римскія владѣнія и жилъ грабежемъ и разбойничествомъ. Папа преимущественно предъ всѣми оплудчилъ его отъ церкви чрезъ Пренеспскаго Епископа , въ Эпархіи котораго было его новое логовище. Но эпипотъ человекъ , которому уже нечего было бояться ярости всего Римскаго народа, продолжалъ свои набѣги до того самаго времени, когда присоединился къ Германскому Королю.

Тогда какъ Чинчи , изъ заговорщика сдѣлавшійся главою разбойниковъ , производилъ нѣкоторыя грабежи въ окрестностяхъ , въ Римѣ было возстановлено спокойствіе , и власть Первосвященника казалась паче утвержденною лучше , нежели когда либо ,

1) *Ipsa vix interventu papae , cui se reum dederat , inde vivo propulsato. Berthold Chronicon , стр. 29.*

чрезъ народную преданность. Однакожь изъ сего происшествія увидѣли, какъ слабо было это могущество, споль высокое и споль ужасное въ Рима. И пакъ можно было оскорблять, даже въ самомъ его святилищѣ, это господство почти божественное и возвышавшееся надъ всеми престолоами! Покушеніе Чинчи, возбуждая даже негодованіе, могло издалека ослабить въ умахъ мысль о священной неприкосновенности Первосвященника. Этимъ-то, безъ сомнѣнія, должно объяснять молчаніе, которое Григорій VII сохранялъ о семъ спраннымъ приключеніи. Онъ не велѣлъ распроспраивать въ христіанствѣ на сей счетъ никакихъ жалобъ, никакихъ анаемъ. Онъ никого не обвинялъ въ наущеніи или соучастничествѣ съ Чинчи.

Это намѣреніе особенно замѣпно въ письмѣ, которое Григорій VII писалъ къ Генриху, 8 Генваря, 1076 года, чрезъ принадлецать дней послѣ этой роковой ночи на Рождество Христово, и когда еще раны его не могли быть залѣчены. Ни одно слово въ семъ письмѣ не обнаруживаетъ, чпобы въ Римѣ произошелъ хоть малѣйшій беспорядокъ. Первосвященникъ продолжалъ увѣщавать Короля съ по-

величельною важностію, и собираль на него новыя громы; но для него было пріятнѣе совсѣмъ молчать объ оскорбленіи, нанесенномъ ему Чинчи, нежели обвинять въ ономъ Генриха.

Съ Франц. — скій.

III.

ФАКЕЛЬ.

МОРСКАЯ СЦЕНА.

„Господинъ Шпурманъ, видѣли ли вы эпошь приближающійся валь?”

— Тысяча громовъ! Да, я вижу его.

— Береги корму!,,

Едва онъ сказалъ эпо, едва успѣли ему опвѣчать, какъ капящаяся и зыблющаяся гора, исполински низвергнувшись на корму, залила корабль. Надобно было видѣшь, какъ развергнулась эша зеленая, прозрачная, спруистая масса, какъ она завывала, разхлынулась и все наполнила своимъ влажнымъ сполбомъ, какъ увлекала и отбрасывала вмѣстѣ людей, живописныхъ, мореходные инструменшы, кананы, весла и снасти.

Я вспалъ, вповолину задушенный шоржеспвующею волною. Одинъ изъ эпихъ желъзныхъ флагшпоковъ, копорые служатъ къ ошварпыванію шлюбокъ, полкнуный съ яроспію водянымъ валомъ и успремленный имъ на меня, долженъ былъ попасъ въ лъвый глазъ; я опвелъ ударъ рукою, чрезъ что ранилъ ее слегка. Шлюбки, сорванныя пошпокомъ, сами собою пуспились въ море. Было видно, какъ мѣшалась и полкалась безъ проводника эша эскадра, какъ бились онѣ своими боками подлѣ корабля и какъ дюжина барановъ, раздѣлившихъ учасъ шлюбокъ, жалобнымъ и продолжипельнымъ блеяніемъ свидѣшпельспвовала о запруднипельности своего положенія. Когда эпи бѣдныя живошпныя увлеклись волною и когда ихъ уплыя ладьи очупились на самой вершинѣ оной, до насъ доходили ихъ спенанія, смѣшанныя съ глухимъ воемъ волнъ и бури.

„Знаешь ли ты, что говорятъ намъ эпи бѣдныя живошпныя? “Вскричалъ Шшурманъ одному малпросу.

Малпросъ покачалъ головою.

— Не видайъ намъ больше бараньихъ коплешъ, дѣши мои! Вопъ что повшоряютъ они намъ на своемъ языкѣ.

Покуда достигали до моего слуха шупки мапроса, море вздулось. Приготовили насосы; руки всѣхъ попчасъ принялись за дѣло, и ведра, безпрестанно наполняемые и опорожняемые, освободили корабль отъ воды, которая обременяла его. — Опасность была очевидна; но наша увѣренность въ прочности *Факела* поддерживала въ насъ надежду. Тщепно въшеръ дуль съ бѣльшею жеспокоспїю: мапросы съ обнаженными руками, смѣялись и перекидывались веселыми эпиграммами. Эпа беззаботность, эпа дѣлпельность, эпо презрѣніе погібели, эпа бодрость, произходящая отъ всегдашней веселости, неизмѣнно смѣющеіся надъ опасностями и смертїю, — какое любопытное зрѣлище! Какой предметъ для наблюденїя!

Но небо и океанъ попчасъ перемѣнили свой видъ; самые безспрашные зашрепепали; ихъ дыханіе не споль уже легкое, ихъ слова, уже болѣе коропкіе, ихъ мрачное молчаніе, пророчествовали о великой опасности. Все пошемнѣло; горизонтъ, поспепенно сзуживавшїйся, окружилъ насъ собою, какъ бы шемницею; море почернѣло; въшеръ упалъ; всѣ было пихо. Казалось, смерть парила надъ нашими головами, ок-

ружала и пѣснила насъ. Облака, поспешенно увеличиваясь, опускались, громоздились, наполняли своими огромными массами небесный сводъ, и наконецъ коснулись своими пухлыми оконечностями верхушки нашихъ мачтъ. Безмолвіе, глубокое безмолвіе! Ни малѣйшаго проблеска молніи, ни малѣйшаго шума, ни одной капли дождя, лишь одинъ какой-то шорохъ!

Пока продолжалось это ужасное молчаніе, во сто разъ ужаснѣйшее самой бури, малѣйшій шумъ, производимый снастями корабля, колеблемаго маневромъ, давалъ¹ себя слышать яснымъ, страннымъ образомъ, дѣйствіе котораго было бы трудно выразить. Скрипъ сходней и голось мачтросовъ прерывали могильное молчаніе, царствовавшее вокругъ насъ. Однакоже нашъ бригъ, котораго парусовъ не надувало ни малѣйшее дуновеніе вѣтра, съ трудомъ бродилъ высокія, густыя, зыбкія волны.

„Капитанъ, сказалъ Лейтенантъ Триналь, посмотрите!

— Я ничего не вижу, кроме ужасныхъ тучъ.

— Сюдь — Сюдь — Вестъ!„

Лица всѣхъ обратились къ этой сторонѣ горизонта. Составляя контрастъ съ мрачною глубиной остальной части перспективы, представлявшейся нашимъ взорамъ, пѣна рисовалась и блестѣла на краю горизонта бѣловатая линія. Она растягивалась, увеличивалась, развертывалась, между тѣмъ какъ глухой вой, который начиналъ дѣлаться слышимѣе и слышимѣе, удвоилъ и безъ того сильную дѣятельность. Влажная пыль, густой туманъ, выходя изъ той же самой спороны, разразился надъ нами; его мѣлкія и пронзительныя капли проникали тѣло, какъ будто бы безчисленное множество иглокъ.

„Это дождь? Спросилъ Штурманъ.

— Это морская вода, возразилъ Лейтенантъ, это авангардъ бури! Да сохранишь васъ Богъ, мои дѣти!

И она въ самомъ дѣлѣ пришла, эта буря, она пришла одна, безъ грома, безъ молній и тѣмъ еще ужаснѣйшая. Верхушка бѣловатыхъ волнъ, разносимая, взбрасываемая, разрываема въпрямь, который пробѣгалъ по нимъ, какъ разъяренный конь, сравнивалась подъ этою ужасною силою. Ты сказали бы, что колесница съ бронзовыми колесами, сокрушая эти бразды, на-

полняя собою всё эпи бездны, перемѣняя ихъ поверхность, покрываетъ бѣлою пѣною эпи водяныя горы. Наши веревочныя и желѣзныя укрѣпленія лопались или гнулись какъ проволока между пальцами рабоника. Канаты, райны, снаспи, веревки уступали яроспи урагана, и разсѣвались въ воздухъ подобно легкимъ облакамъ, копорыхъ ткань образуютъ лѣпніе пары и копорыхъ длинныя покровы разсѣваетъ упреній въперъ. Что же касается до нашихъ мачтъ, связка сухаго проспника ломается не съ большею легкостію. Меньше, нежели черезъ минушу карабль очутился безъ мачты.

Самый слабѣйшій парусъ, если бы мы попробовали поднять его, былъ бы унесенъ въ одно мгновеніе. И такъ не для чего было помогать этому великому несчастію; чтобы привеспи въ дѣйствіе насосы, поправить поврежденія, управлять рулемъ, — претовались попеченія всего экипажа. Всѣ были на своихъ мѣстахъ. Никто изъ насъ не потерялъ бодрости, когда старый десятиникъ, морякъ, посѣдѣвшій въ службѣ, храбрѣйшій и опынѣйшій между нами, вышелъ на палубу. Его лице было блѣдно; его долгиѣ сѣдые волосы, воздымаемыя въпромъ,

развѣвались въ одномъ направленіи, напряженные и влажные. Онъ ничего не сказалъ намъ и пошелъ прямо къ Капишану, который былъ, по своему приказанію, привязанъ поясомъ къ кабеспану. „Вода запопляетъ насъ, сказалъ онъ. Нѣтъ возможности оспановить ее. Обломокъ нашей мачты ударился прямо о корму; мы упоаемъ.“

— Скорѣе парусовъ, смолы! Законопашпъ дыру. Кельсонъ, не пугайте машросовъ!,,

Но при первомъ валѣ, поднявшимъ насъ, каравль, шатаясь подобно пьяному человѣку, погрузился въ бездну. Всѣ его сходни задрожали и запрещали. При видѣ его неправильнаго движенія и ужаснаго преска, вы почли бы себя за осужденнаго, идущаго на казнь. Въ самомъ дѣлѣ приговоръ былъ произнесенъ; казнь предъ нашими глазами, и часъ насталъ.

„Бросайте пушки въ море.

— Слишкомъ поздно! Сказалъ старый десятикинъ — Ахъ!,,

Это продолжительное *ахъ!* эпошь крикъ цѣлаго экипажа — кто бы могъ забыть его?

Я упонулъ, я задохнулся, я не видѣлъ ничего, кромѣ хаоса, облаковъ, воды, мерп-

выхъ , умирающихъ , кругомъ себя , подлѣ , вверхъ , внизу ; кромѣ посинѣлыхъ лицъ , взоры блистающихъ въ нестерпимой поскѣ , пальцевъ , сисящихся схватились какой нибудь обломкомъ , рукъ сжатыхъ и сжимающихъ какой нибудь опломкомъ отъ судна . Это была сцена ужасная , сцена адская ; самъ Дантъ не воображалъ ничего ужаснѣйшаго . Какіе-то крики отчаянія взывали , просили о помощи , какъ будто бы кто нибудь могъ намъ помочь . Я умираю , я болѣе ни о чемъ не думалъ , какъ вдругъ почувствовалъ угрызеніе какихъ - то сильныхъ зубовъ , перервавшихъ мою шею сзади ; я пришелъ въ себя . *Снизерьъ* , моя собака изъ Новой Земли , схватила меня за шею , и опшатила отъ обломковъ погибшаго корабля .

Что пыпались сохранить усилія господина и его собаки , обоихъ въ половину задушенныхъ волнами ? Жизнь , жизнь всегда драгоценную ! Наконецъ мы достигли одной изъ шлюбокъ опорвавшихся отъ нашего корабля и носимыхъ бурей .

Я оставался въ продолженіи прехъ дней , почти нагой , съ открытою головою , безъ пищи , безъ воды для утоленія жажды , безъ защиты отъ солнечнаго жара , въ уплой ладѣ . При видѣ этого свѣшила , копо-

рое блиспало и горѣло въ небѣ какъ щипъ, скованный изъ пылающаго желѣза, умирая отъ голода и жажды, я сложилъ руки въ умоляющемъ положеніи, и поднявъ ихъ къ небесной пверди, вскричалъ въ испусленіи: „Боже! Боже! не дай мнѣ болѣе видѣть восхожденія эшого солнца, которое пожираетъ меня!“, Благородное живописное, спасшее меня, спонало и умирало, распроспершись на днѣ лодки. Прошелъ еще день; мною овладѣло бѣшеное безуміе. Я схватилъ своими убійспвенными зубами шею собаки. Уже текла ея кровь; я увидѣлъ, какъ остановились на мнѣ ея сѣрые и пускые глаза; я не могъ продолжатъ, я снова упалъ въ безпамятспствѣ, и не знаю, что послѣ происходило, что сдѣлалось съ лодкою и какъ я былъ изпоргнутъ изъ челюстей смерти.

Я увидѣлъ себя въ низкомъ шалашѣ; постель изъ свѣжихъ лиспьевъ поддерживала меня. Моя собака лизала мнѣ руки. На полспыхъ брусьяхъ пополка висѣлъ индійскій челнокъ съ веслами. На спѣнѣ были прицѣплены сѣпи и прочія рыболовныя орудія и испанское ружье, которое такъ легко узнать по его пушечнымъ размѣрамъ.

Возлѣ меня лежалъ пруть, обвернутый парусиною и щцательно связанный веревкою. На зло плохому правописанію и неправильнымъ буквамъ, я разобралъ эпю наивную эпипафію: „здѣсь пѣло ивана *Дидейя*, начальника брига ево брипанскаго величештва, *фанела*.“

На землѣ посреди жижины были навалены дрова; чешверть барана жарилась на эпомъ очагѣ, огонь котораго поддерживалъ Индіецъ, сидѣвшій на подогнутыхъ колѣнкахъ, въ положеніи лягушки, находящейся въ покоѣ. Пропивъ него споялъ лейтенантъ Сплинтеръ, въ одной рубашкѣ, съ босыми ногами, до крайности изнеможенный. Полуотворенная дверь позволяла мнѣ видѣть голубое небо, блѣдную луну, которая отражала на волнахъ длинный слѣдъ своихъ палевыхъ лучей, и водяные валы, которыхъ меланхолическій ропотъ поразилъ мой слухъ и напомнилъ всѣ мои бѣдшвія.

„А! вы очнулись! вскричалъ Сплинтеръ, увидѣвъ, что я открылъ глаза. Товарищъ! мы съ вами соснаваемъ весь экипажъ. Исключая эпихъ господъ, присовокупилъ онъ, указывая на барановъ, которые жались въ углу шалаша, всѣ наши погибли.“

Прощай, *Факель!* онъ уже погасъ. Я захватилъ капитана и принесъ его сюда, при помощи моего человѣка, или моего бронзоваго живошнаго, котораго вы видите сидящимъ у огня Завтра, если вамъ будетъ лучше, мы опдадимъ послѣднюю почестъ нашему храброму Напишану.“

Я еще не имѣлъ силы говорить. Въ то время какъ Сплинтеръ относился ко мнѣ съ сими словами, Снизерь, измученный голодомъ, не могъ побѣдись искушенія, которое предспавлялось ему; онъ бросился на кусокъ мяса, котораго пріятный запахъ, возбуждая аппетитъ, приглашалъ его позавпракать, и, схвативши его, не смотря на сопротивленіе Индійца, со всѣхъ ногъ ударился бѣжашъ.

“Снизерь, вскричалъ Лейпенантъ, подай эпо, подай скорѣе!,,

И покорное живошное, не смотря на свой ужасный голодь, положило кусокъ баранины на золу очага.

.

Я заснулъ глубокимъ сномъ, и проснулся уже на разсвѣтъ. Снизерь тихо ворчалъ, и по временамъ лаялъ; крикъ кошки-шигра и сопѣніе жабы упихали, *береговой* въшеръ, дуящій по упру, спо-

налъ , попадаая въ кустарникъ , а широкія листьа кокосоваго дерева , сопрясаи съ себя росу , которая съ шумомъ упадала на землю. Вскорь сцена еще болѣе оживилась. Изъ лѣсу доходили до насъ крикъ *макива* а) , продолжителный и пріятный свистъ горнаго павлина , мѣрный спукъ зеленаго дяпла , долбившаго своимъ носомъ дуплистое дерево. Дикая курица или *gallinosa* описывала вокругъ шалаша быстрые круги ; гвинейскій пѣпухъ начиналъ свое чириканье ; попугай болтали вдалекѣ ; *красный гусь* прогуливался у берега болопа , гдѣ отдыхалъ американскій крокодилъ. Толпа пеликановъ , садаясь на оспапки нашихъ шлюбокъ , занимались своимъ шуалепомъ , намѣреваясь лепѣшь ; лазурь неба постепенно воспламенялась , звѣзды умирали , одна Венера блеспила ; нѣсколько пурпуровыхъ лучей , предвѣспниковъ солнца , которе начинало показываться , пересѣкали дождливыя облака своими длинными огнистыми полосами , облипыми серебромъ. Амбра и каминь , которыми горитъ пропическая заря , перемѣнились въ шарлахъ и макъ ; наконецъ свѣпидо показалось.

а) Родъ обезьяны.

Ружейный выстрѣлъ!“ Вскричала Лей-пенантъ.

— *Los Espanoles!*,, Прошепталъ тихо Индіецъ. Сказавши это, онъ подползъ къ двери, ушкнулъ подбородкомъ въ землю и закрылъ ладонями свои уши. Послышались многіе выстрѣлы; за ними послѣдовалъ погребальный звукъ паспущескаго рожка. Сплинперъ хотѣлъ выйдти. Индіецъ схватилъ его за ногу и повпорилъ:

“*Los Espanoles!*,,

Въ эту самую минуу спремипельно вбѣжала въ шалашъ молодая Индіянка, почти нагая и съ ребенкомъ на рукахъ. Эпо сине - багровое пятно, видимое на ея груди, было слѣдствіемъ ружейнаго выстрѣла, настигшаго ее: двѣ или три капли черной крови сверкали на немъ; попка была написана на ея обезображенномъ лицѣ; она съ ужасомъ посмопрѣла вокругъ себя, и вскричала:

“Escara, Ogeeqe, escara: paga tu, sou tuertu ya. Бѣги, Орееке, бѣги: что же касается до меня, я уже мертва!,,

Свистипѣ въпорая пуля, поражаепъ дитя и сквозь его маленькое шѣло проходипѣ во внутренность матери. Мнѣ показалось, что я еще услышалъ пронзитель-

ный крикъ младенца, смѣшанный съ смертныимъ хрипѣніемъ матери. Они оба упали.

Уже Испанскіе солдаты окружають шалашъ. Одинъ изъ нихъ, спавши на колѣно, прицѣливается своимъ корабиномъ въ Индѣйца, который только что увидѣлъ, какъ упали къ его ногамъ жена и сынъ. Индѣецъ продолжалъ сидѣть на землѣ подобно лягушкѣ. Онъ плакалъ.

„*Maldito!* Вскричалъ онъ. Проклятый!“

Онъ выстрѣлилъ въ солдата изъ дугообразнаго пистолепа и повергъ его мертвымъ къ ногамъ своимъ. Потомъ оставилъ свое любимое положеніе, выпрямился, обнаружилъ ростъ въ шесть фузовъ, поднялъ къ небу свои дрожащія руки и произнесъ, или, лучше сказать, провылъ эти слова, которыхъ были его послѣдними словами:

„*Venya la muerte; ya soy listo!* Приди смерть! Я совсѣмъ готовъ.“

Онъ снова съежился. Двѣнадцать пуль пробили шалашъ; но ни одна изъ нихъ не попала въ насъ. Сплинперъ изъ всѣхъ силъ кричалъ на Испанскомъ языкѣ: „Мы Англійскіе морскіе офицеры, претерпѣвшіе кораблекрушеніе.

— *Mentira*, опвѣчали Испанцы, *piratus son ustedes*. Ложь: вы пираты; заж-

жемь въ берлогу; пусть они сторяшь шуть!»

Я бросился и, вспомоществуемый Сплинперомъ, пытался пробиться сквозь вражескую толпу. Насъ опбили назадъ ружейными прикладами; мы упали опчаянные, убитые.

«Ежели вы Англійскіе моряки, сказали намъ предводитель, по гдѣ же вашъ видъ?

— Въ моръ, вмѣстѣ съ нашимъ кораблемъ.

— А вашъ мундиръ?

— Мы люди, претерпѣвшіе кораблекрушеніе.

— Неси сухихъ сучьевъ, и пусть они жарятся съ Индійцемъ.,

Въ одну минушу куча смолистыхъ дровъ возвысилась вокругъ жилища; огонь запрещалъ, дымъ окружилъ насъ густымъ облакомъ. Орееке продолжалъ лежать на землѣ скорчившись. Намъ оставалась одна надежда: разрушить шалашь и вырваться. Сплинперъ мнѣ помогъ; послѣ двухъ или трехъ минушъ ужасныхъ усилій крышка обрушилась; я бросился. Сплинперъ, котораго длинныя волосы были въ огонь, бросился на шею первому попавшемуся ему солдату, зажегъ его папиронную сумку и задушилъ его. Я не зналъ, что сдѣлалось съ Сплинперомъ. Вскорѣ я увидѣлъ его вышедшимъ изъ шалаща; онъ шащилъ за собою лругъ капитана.

„Выслушайте меня, кричалъ онъ, выслушайте меня: вопль свидѣтель.“

Онъ развернулъ парусину, копорою было обвернуто пѣло; загнившій пруть показался наружу, въ мундиръ англійскаго моряка. Одинъ молодой Испанскій сержантъ, пораженный ужасомъ при семь видѣ, упалъ безъ памяти.

„Это былъ нашъ капитанъ. Вы можете убить меня; но я клянусь его душою, что говорю правду; а ежели лгу, пусть его пѣло вспанеть и уличить меня во лжи.“

— *Es verded*, вскричали испанцы; *son de la marina inglesa*. Это правда: они Англійскіе моряки.

Тогда эти дикіе Испанцы сдѣлались услужливыми и вѣжливыми. Насъ окружили, и, неизвиняясь въ шомъ, что хотѣли подвергнуть такому импровизованному авподате, снова положили съ старательностію въ парусину пруть, который распроспранялъ вокругъ себя ужасный запахъ.

„Не прое ли васъ было въ этомъ шалашѣ? спросилъ начальникъ.“

— Да, съ нами былъ Индіецъ.“

Попробовали разрыть пепель, куча копораго была единственнѣмъ признакамъ, оспавшимся олъ бывшаго жилища. Все было,

пожрано огнемъ. Усиливаясь разгресць эту кучу сьрой пыли, принудили показаться несчастнаго Орееке. Рука, почернѣвшая отъ пламени, попомъ голова, попомъ плечо показались нашимъ глазамъ. Бока Индѣйца были обнажены и окровавлены. Вся кожа на его пѣлъ была взорвана и обожжена. Съ самаго черепа до ногъ, вы назвали бы его деревянною спатуею, копорая, будучи брошена въ огонь, почернѣла, не загорѣвшись. Ореека находился въ споячемъ положеніи; надобно было видѣть, какъ онъ вспалъ посреди блага пепла, какъ геній, или, лучше сказаць, какъ демонъ пожара. Онъ не сдѣлалъ никакого усилія, чптобы вырваться; но шапаясь, какъ пьяный, попчасть опянь упалъ, и его паденіе подняло вихоръ искръ, пепла и дыма, въ копоромъ онъ и исчезъ.

Солнце своими лучами освѣпило эту разрушенную хижину, печальный гробъ Индѣйца, его жены и сына. На другой день Испанскіе солдаты опдали послѣднюю почестъ нашему капитану; и они обходились съ нами съ вѣжливостію споль холодною, споль церемонною, споль равнодушною, акъ будцо бы между нами ничего не было.

(Blackwood's Magazine).

IV.

БОГАТЫЙ И БѢДНЫЙ.

изъ записокъ медика. а)

Богатые и бѣдные! Какой пятгопѣющій уровень бросаешь на васъ смерть! какъ исчезають предъ болѣзнію всѣ ваши поддѣльныя опличія! Какое ужасное равенство возспановляется погда въ первый разъ! Никогда не наблюдалъ я съ бѣльшимъ любопытствомъ и удивленіемъ этого контраста и этого сходства, какъ въ одинъ день 1819 года, въ Февраль мѣсяць. Этотъ день занимаетъ важное мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ. Бѣдствіе на связкѣ соломы и бѣдствіе, пьющее нектаръ изъ золотыхъ чашъ, попеременно поражаю мои взоры въ продолженіи двадцати чепырехъ часовъ. Здѣсь — умирающій, кошораго послѣдній смертный вздохъ былъ ускоренъ излишествомъ роскоши; тамъ — бѣднякъ, выпускающій дыханіе опъ недоспапка въ кускѣ хлѣба; и эти два существа, рожденныя съ одинаковыми способностями

а) Мы нѣсколько разъ имѣли случай представлять нашимъ читателямъ статьи изъ *Записокъ Медика*, постоянно помещаемыя въ *Blackton's Magazine*; записки сін не такъ давно изданы особеными книжками на Англійскомъ языкѣ; мы слышали, что одинъ молодой линттераторъ переводитъ ихъ на Русской языкъ съ *подлинника*. *Изд.*

и одинаковыми правами, идущь въ одинъ и попь же день опдашь опчепь своему Создапелю въ споль несходной жизни и въ споль общихъ обоимъ имъ спраданіяхъ!

Эпи двѣ карпины не будуць имѣпь ни перипепіи, ни развязки; ихъ поспепенное развипіе возвышаепь ихъ цѣну, главное доспоинспво которой соспоинтъ въ дѣйспивительности нимало не украшенной. Къ тому же эпо сушь никакого рода сцены, копорья на каждомъ шагу попадаюпся въ эпихъ большихъ городахъ, въ копорыхъ крайнее изнеможеніе и крайнее полнокрое, крайность въ наслажденіяхъ и крайность убожеспва, безпреспанно другъ съ другомъ спалкиваюпся.

Давнищній палачъ знаменипаго Герцога ***, бичъ богатыхъ, казнъ счастливыхъ, эпиа болѣзнь, копорая проникаепь даже въ мозгъ нашихъ костей и грызепь ихъ — подагра, въ первой половинѣ зимы 1819 года, изсушала скелепь и пожирала кровь шого, о коемъ я намекнулъ вначаль, и кпо въ продолженіе своей юности велъ веселую жизнь. Напряженность и продолжительность припадковъ ослабили весь его организмъ: его характеръ сдѣлался раздражительнымъ; чрезвычайная вспыльчивость

и несносная злость соспавляла мученіе всего окружавшаго его. Какъ человекъ, преданный удовольствіямъ и принадлежавшій къ парпії, онъ вмѣшался недавно въ какое-то полигическое преніе, котораго пеапромъ была Палапа Перовъ, и котораго слѣдспвіе его инпересовало. Эпо неблагоразуміе было наказано усугубленіемъ спраданій. Онъ возвратился домой едва живъ: вліяніе сѣвернаго вѣпра, опъ котораго не лзя защипись въ время переѣзда, усугубило его боль, и эпопъ бѣдный Лордъ, возвратившись въ свое великолѣпное жилище и на свою шелковую поспель, не могъ ни говорипъ, ни двигатъся.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, ему вздумалось возложипъ всю вину на своего докпора, и посему онъ уволил его опъ себя. Я былъ позванъ къ нему.

Герцогъ * * * жилъ въ Индіи, и обширными счастливыми спекуляціями умножилъ безмѣрное богатспво, перешедшее ему опъ предковъ. Онъ привезъ съ собою съ Воспока склонность къ великолѣнію и блеску, съ которыми могли равнятъся только его эгоизмъ и гордость. Сказатъ по правдѣ, эпо былъ образчикъ сей мало уважаемой частп нашей аристократіи, пишъ богатспва безъ благошворипельности, гордости безъ щедрости,

взыскапельности безъ доброты. Своенравный, угрюмый, помѣшанный на своей личности, неспособный не только жертвовать собою для другаго, но даже и выходить изъ пѣсныхъ границъ своего эгоизма, онъ дошелъ до того, что всѣхъ заславилъ себя ненавидѣль, даже и людей обязанныхъ имъ, не смотря на его богатство и могущество. Самымъ свѣжимъ примѣромъ этого сердитаго и сварливаго характера былъ грубый отказъ его послѣдному медику: по сему я не безъ нѣкоторой боязни явился на его приглашеніе.

Это было въ Февраль. Зима продолжалась; дуть сѣверный вѣтеръ; снѣгъ покрывалъ землю; но печальнѣе всего этого былъ видъ его дома, споявшаго на одной изъ самыхъ уединенныхъ улицъ Лондона. Мостовая была пщапельно усплана соломой, что бы ничто не дѣлало на улицѣ спуку. Опъ мѣспа до мѣспа служители, споявшіе для охраненія спокойствія своего господина, предупреждали проходящихъ, пребуя у нихъ молчанія. Молошокъ у двери былъ обшитъ сукномъ; всѣ колоколчики были сняты; и двери безъ скрыпа и безъ шума отворялись на смазанныхъ масломъ петляхъ. Словомъ, всѣ предосторожности были взяты, что бы спокойствіе благороднаго боль-

наго ни на минупу не было возмущено. Моя коляска двигалось медленно и глухо. Ворота опворились какъ бы посредспвомъ какого нибудь чародѣйства; служители получили приказаніе спояшь на порогъ и не давашь постъпипелямъ времени поднимать молотка; двойные ковры покрывали полъ и лѣспницы, съ часовъ были сняпы боевые приборы, и вѣрная собака, копорой лай могъ бы докучашь ея господину, была уведена на задній дворъ. Наконецъ, двери опворялись и запворялись не иначе, какъ на песемкахъ, чпобы не хлопались о приполки; замки были опъ нихъ опняпы и замѣнены деревянными задвижками, упадавшими на бархашъ. Болѣзнь! смерть! ужась! горести! не входите! богатство запрещаешь вамъ это! оно умножаешь предосторожности, оно вооружаешь противъ васъ пысячью щиповъ.

Слуга, обуый въ фланелевые башмаки, спросилъ меня объ имени; его вопросъ былъ сдѣланъ шопопомъ, на копорый и я опвѣчалъ шопопомъ.

„Госножа Герцогиня желаешь имѣшь честь поговорить съ вами, Милоспивый Государь, прежде нежели вы войдете къ Его Знашности а).

— Доложи обо мнѣ.

а) His Lordslis.

Я прошелъ чрезъ галлерей , украшенную спануями и вошелъ въ будуаръ , гдѣ Герцогоня пила кофе съ двумя своими дочерьми , изъ коихъ одной было лѣтъ шестнадцать , а другой лѣтъ восемнадцать . Было девять часовъ ; выходили изъ за сполы . Какой - то молодой человекъ , блиспѣвшій краснымъ военнымъ мундиромъ , болпалъ съ дамами ; Герцогиня была блѣдна и , по видимому , спрадала .

„Господинъ докторъ , сказала она мнѣ послѣ первыхъ привѣспствій , я боюсь , чпобы , пригласивши васъ пользоваться Его Знапностью , не дали вамъ таково пруда , которъ бы могъ вамъ не нравиться . Мы распочаемъ ему всѣ возможные услуги , а онъ жалуется , что онъ немъ худо пекупся ; ему все пропивно , ни что не можетъ его удовольспивовать . Дурное расположение духа , которое имъ овладѣло , осприпъ и усугубляетъ его болѣзнь . Повѣрите ли вы , что единспвенною побудительною причиною опказа вашему собрату , было то , что онъ приписывалъ плачевное соспоянїе своего болнаго послѣднему засѣданїю въ Палатѣ Перовъ ?

— Я исполню мою обязанность , Герцогиня ; и ежели не буду счастливецъ моего предшеспвенника , то , по крайнїй мѣрь , по-

спараюсь поступать такъ , чтобы мнѣ не чѣмъ было упрекать себя.

— Его Знапность выходитъ изъ перепѣня , сказалъ тогда въ полголоса напудренный сухощавый и одѣтый въ черное платье слуга , который , какъ показалось мнѣ , долженсповалъ быть приближеннымъ комердинеромъ ; Господинъ Герцогъ пребуешъ Господина доктора.

— Ради Бога , помѣните , прервала Герцогиня ; не говорите о помѣ , что я вамъ сказала : сдѣлайте милость , ни слова о докторѣ * * * и объ опказѣ ему . Можетъ быть я сама пойду за вами ; но , сударь , пожалуйста будьте осторожны : опъ эшого зависпть спокойспвіе всѣхъ насъ .“

Такимъ - то образомъ болѣзнь одного человека наводила ужасъ на все семейспво : но не одной только смерти его спрашились , но его характера , но спой пыпки , которымъ онъ подвергалъ всѣхъ приближавшихся къ нему : умирая , онъ волновалъ ужасомъ пѣхъ , которые зависли опъ него . Я дѣлалъ эпи размышленія , болѣе философическія , нежели благоприяпныя для предрасудковъ рожденія и богатспва , идя за напудреннымъ лакеемъ который служилъ мнѣ проводникомъ . Молва , льспившая почти , царскому великолѣпію , которымъ окружалъ

себя Герцогъ * * *, ничего не увеличила. Лѣспница изъ бронзы и золота; яшма и аллебастръ, щедро разсыпанные и щцатель-но обрабопанные; рѣдкія расштвнїя въ дре-внїхъ урнахъ; повсюду блескъ, обнаружива-ющїй изящный вкусъ; повсюду изысканность щегольства, соединенная съ блескомъ пыш-ности. Самое щегольское шипье украшало эпу драпировку; фестоны играли вокругъ за-навѣсовъ, украшенныхъ Мехельнскимъ и Брис-сельскимъ искусствомъ. Бѣдное человѣчество! сполько издержекъ для того, чптобы скрыть свою слабость! Сполько вычуръ для того, чптобы доказать этому сыну Лорда, что онъ не человѣкъ! Эпоть одръ спраданїя былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ тройной волною апласа, копораго складки собиралъ и поддерживалъ золотой орель, парившїй надъ поспелью. Самые сосуды, въ которыхъ со-держались произведенїя Фармаціи, и въ ко-порыхъ спраданїе ищеть облегченїя сво-имъ болѣзнямъ, были изъ драгоценнаго ве-щества. Каждое изъ кресель, расстав-ленныхъ въ спальнѣ, приковывало къ себѣ взоръ чрезвычайною тонкостью рѣзбы, а прозрачность самыхъ дорогихъ и самыхъ отборныхъ красокъ на стекляннот посудѣ затемняла блескъ ночной лампы. Никогда не видывалъ я, даже у Принцевъ, внушен-

ности дома, которая была бы болѣе способна заставляя человѣчество забывать о своей ничтожности, и осуществляя мечту о волшебныхъ замкахъ.

Какое существо скрывается на этомъ ложѣ, на которомъ долженъ бы опдыхать какой нибудь ангелъ съ золотыми крылами? Подойдемъ. Мой спудъ, сдѣланный изъ слоновой кости и тебена, дотрогивается до богатаго одѣяла, вышитаго золотомъ, и я съ прудомъ могу открыть обладателя сполькихъ богатствъ; онъ упалъ въ пуховикъ; блестящія матеріи покрывали его съ ногъ до головы. Однакоже онъ сдѣлалъ движеніе, и сукно, поньше шолка, позволило мнѣ замѣнить желтую, покрывую морщинами фигуру, какую-то маленькую сухую голову, костлявые углы которой были обточены и упонены, а впадины и всѣ морщины углублены вліяніемъ болѣзни и нещепѣливости; два сверкающіе и любопытные глаза, которые, повидимому, болѣе скользили по предметамъ, нежели наблюдали ихъ; руку, подобную рукѣ скелета, держащую плапокъ, вышитый à jour, и употребляемый ею по временамъ для спирания поща, которымъ было покрыто это умирающее лице. Я готовъ былъ опспузить назадъ, — какъ

ужаснуло меня эпо привидѣніе своимъ контрастомъ съ обмѣблировкой комнаты.

Благородный Герцогъ испустилъ продолжительный крикъ; новая конвульсія его нервной системы, заставила хрустѣть его суставы, разломала его кости, лишенные пѣсоки, и его черпы, искаженные эпилептическимъ припадкомъ, сдѣлались еще опротивительнѣе. Безъ всякой ироніи и безъ всякаго преувеличенія я сравнилъ бы ихъ съ чертами старой обезьяны, которую давятъ. Пароксизмъ и пронзительные вопли пациента продолжались нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ; его голосъ былъ сухъ, грубъ и почти оскорбительнъ. Онъ говорилъ опривиспо, переводилъ духъ послѣ каждыхъ двухъ словъ и нахмуривалъ брови.

„Вы видѣли Герцогиню? Вы говорили съ нею? . . . докторъ! Вы пробывали внизу . . . по крайней мѣрѣ . . . по крайней мѣрѣ . . . пять минутъ . . .“

Я отвѣчалъ подтвердительнымъ знакомъ и почтительнымъ поклономъ. Онъ опять началъ:

„Вѣдь я . . . по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется . . . я пригласилъ васъ придти къ

себѣ... докторъ... Герцогинѣ не должно было....

— Ваша Знапность, меня извините безъ сомнѣнія...

Онъ грубо прервалъ меня, и пономъ, исполненнымъ горечи, продолжалъ:

„Да... вамъ рассказали... испорію доктора, вашего предшественника... Гмъ?... Вамъ все рассказали... Разказъ Герцогини долженъ быть любопытенъ... Будете ли вы такъ снисходительны... Чшо перескажете мнѣ эту испорію?...“

— Милоспивый Государь, я узналъ только, чшо мой собратъ, докторъ * * *, переспалъ васъ пользовашь.“..

Больной возразилъ съ насмѣшкою:

„Переспалъ меня пользовашь!... А! въ самомъ дѣлѣ?“

Вся эта злоба, вся эта горечь приводила меня въ печаль: я спарался перемѣнить разговоръ и направилъ его къ предмету менѣ неприяшному.

„Осмѣлюсь ли я спросить у Вашей Знапности, сильно ли вы теперь спражете?“

— Да... въ нижней части моего желудка какое-то ужасное, холодное ощущение, какъ будто бы кусокъ льду“...

Я пощупалъ его пульсъ; резульшиапомъ моихъ наблюдений, моихъ вопросовъ и его ошвѣповъ было то, что онъ находился въ величайшей опасности. Я попышался намекнуть ему искуснымъ, незамѣтнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ понятнымъ для него образомъ о положеніи, въ которомъ онъ находился. Онъ припворился, что не понимаетъ. Я зналъ, что онъ былъ не лишень нѣкоторыхъ медицинскихъ познаній, и потому надѣялся, что назначеніе лекарствъ, которыхъ бы могли его поправить, дастъ ему знанье о важной опасности, постигшей его. Онъ съ живоспїю ко мнѣ оборопился.

„А! сказалъ онъ мнѣ, не нужно вонючихъ медикаментовъ, какія прописывалъ мнѣ докторъ * * *

— Ваша Знапшность такъ блогоразумна, что не пожертвуете своимъ здоровьемъ, а можетъ быть и самую жизнь пустой разборчивости.

— Пустой разборчивости! Я не дозволю оправить себя, какъ хотѣлъ это сдѣлать вашъ гнусный предшественникъ.

— Что же вамъ прописывалъ докторъ * * * ?

— Все, что только есть сквернѣйшаго въ мїрѣ. Запахъ самого чеснока ничто

въ сравненіи съ эшимъ запахомъ... Онъ хотѣлъ меня убишь... онъ хотѣлъ меня убишь...

— Позвольте мнѣ...

— Онъ хотѣлъ меня убишь, говорю я вамъ... я принужденъ былъ провести два дня, закутавшись въ фланель, намоченную оде-колономъ и мускусомъ... Извергъ!

— Прикажете вашему слугѣ показать мнѣ медикаменты, которые прописывалъ мой собратъ."

Мнѣ принесли составъ изъ *assa foetida* и мускуса. Я увидѣлъ, что докторъ *** думалъ о болѣзни герцога совершенно одинаковымъ со мною образомъ.

„Ваша Знапность будете удивлены моею дерзостью: но можете быть...

— Можете быть? вскричалъ онъ, приподнимаясь съ усиленіемъ.

— Можете быть я буду обязанъ продолжать лекарства доктора ***.

— Пусть я буду осужденъ на смерть, если позволю вамъ это... невѣжды... ослы!... — бормоталъ любезный больной, на слова котораго я не обращалъ ни малѣйшаго вниманія — они не знаютъ даже своего кодекса...

— Ваша Знапность, неужели откажетесь также и отъ употребленія нашатырной соли, или камфоры?

— Дьявольскія снадобья...

— Но должно лечись... а эти медикаменты только одни....

— Я только одного изъ нихъ хочу. Мой племянникъ прислалъ мнѣ большую миску кабаньяго мяса, копорое говорятъ, превосходно; пусть мнѣ подадутъ ее!

— Я долженъ рѣшипельно воспронивись этому... Жирное мясо вамъ вредно.

— Сказки!

— Ваша Знапность находитесь въ положеніи... очень крипическомъ... Я не долженъ скрывать отъ васъ этого...

— А! очень крипическомъ!... Вы такъ думаете!... Брр!... Докпоръ, вашъ собратъ тоже самое говорилъ мнѣ назадъ тому восемь дней...

— Я не могу опровергать этого, и прибавляю, что опасность увеличилась.

— Чортъ побери!... И такъ это не шупочное дѣло... Не угодно ли вамъ уведомить меня, какіе новые симпномы кажутся вамъ такъ ужасны?

— Самый худшій изъ всѣхъ... Это холодное, ледяное ощущеніе, копорое вы

сей часъ описывали. Подагра поднимается
жизненные органы скоро подвергнутся ея
вліянію: я вамъ совѣтую...

— Вздоръ... Эпо прошло; эпо кон-
чилось... Эпо было ничто иное какъ не-
рвическое ощущеніе... пусляки, почти ни-
чего... Я теперь такъ хорошо себя чув-
ствую! Только я слишкомъ много гово-
рилъ... Вы заставили меня говорить...
вы измучили меня...

— Ну такъ отдохните.

— Пепръ... спаканъ водки!"

Служитель взорами спрашивалъ моего
совѣта.

„Спаканъ водки, говорю я тебѣ!"

Я молчалъ: слуга принесъ спаканъ во-
дки. Больной проглотилъ его разомъ и по-
требовалъ другаго.

„Ради Бога не дѣлайте эпого!"

— Я хочу эпого, я хочу эпого!"

Холодной пошъ покрывалъ его лице;
рошъ изказился; члены окостенѣли.

„Пепръ! Пепръ! проклятый слуга!"

Благородный Герцогъ не сущесствовалъ
больше.

Такимъ - по образомъ надменный Гер-
цогъ, наслѣдникъ древнихъ феодальныхъ
шефовъ, испустилъ послѣдній вздохъ съ

спаканомъ водки въ рукахъ, съ проклятіемъ на успахъ, недовольный всѣми и всѣми ненавидимый. Я возвратился домой глубоко опечаленный и даже съ чувствомъ омерзения отъ зрѣлища, поразившаго мои взоры. Я нашелъ мою жену у камина и всю въ слезахъ. Спросивъ ее о причинѣ слезъ, я узналъ, что ея горничная сей часъ разказала ей объ одной печальной сценѣ, копорая распрогоала ее. Одна бѣдная женщина, упошребляемая на услуги въ домѣ, сдѣлалась больна въ это суровое время года и першѣла во всѣмъ недоспапокъ.

Спухайте, мой другъ, сказала мнѣ Эмилиа, вы совсѣмъ одѣпы; подите къ эшимъ несчастнымъ: холя они живутъ и довольно далеко, но я увѣрена, что ваше сердце согласо съ моимъ, и что вы не будете колебашься.“

Я распросилъ у горничной о почномъ адресѣ женщины Гюрдль; она жила въ кваршалѣ Сень Гиля (Saint-Gilles), эпомъ вмѣспилищѣ всей Лондонской нищепы. Холодъ былъ такъ силенъ, что я, полько что вышедши на улицу, принужденъ былъ воропиться домой, что бы повязать шею и

уши двойною шелковою косынкою а). Эмилиа воспользовалась эпимъ случаемъ , что бы всыпать въ мой кошелекъ всю мѣлкую монету, копорая была у ней.

„Другъ мой, сказала она мнѣ, я не имѣю нужды сказывать тебѣ, для какого употребленія назначаю я это.“

Я благословлялъ въ глубинѣ души моей судьбу , копорая свела меня съ сердцемъ споль благодѣтельнымъ и соспрадапельнымъ , и копорая дала мнѣ его въ соупника моей жизни. Краснорѣчіе соспрадапельности такъ сладостно въ устахъ женщинъ !

Я пошелъ быспрыми шагами , и скоро дошелъ до лабиринта темныхъ и узкихъ аллей , откуда испаряется вонючій запахъ , и гдѣ обитають порокъ , бѣдность и горесль. Улицы были пусты ; густой и холодный туманъ едва позволялъ различать тусклый свѣтъ фонарей ; воры бывають не рѣдки въ этихъ паркахъ , и я былъ не совсемъ спокоенъ , когда ночной спорожь прошелъ мимо меня, крича, или, лучше сказать, воя: *двенадцать часовъ съ половиною; холодно; ночь темна.* Я оспановилъ его.

а) Эта другая зимняя косынка поанглійски называется comfortable.

„Не знаете ли вы, гдѣ живетъ въ кварталѣ Сентъ-Гиля одна женщина, по имени Гюрдль?“

Ночной спорожь, въ половину пьяный, доставилъ свой фонарь на сполбикъ и началъ со вниманіемъ разсмапривать меня. Когда убѣдившись, что я былъ человекъ порядочный, и что ему можно надѣяться отъ меня какой нибудь подачки, онъ оповѣчалъ: „Ахъ! мой дженпельмень! Гюрдли? клянусь чешью, проклятые паузы! у этого народа нѣтъ ни шиллинга.“

— Да, мнѣ извѣстно, что они очень бѣдны.

Такъ бѣдны, что иногда воруютъ доброе у другихъ. Я именно задержалъ вчера одного изъ этихъ разбойниковъ, спаршаго сына, Томаса Гюрдля. Онъ будетъ оправдленъ съ Вотану - Вау; эша же участь ожидаетъ ихъ всѣхъ.“

Эшо неожиданное извѣстіе было мнѣ слишкомъ не по сердцу.

„Посмотримъ, сказалъ я ночному спорожу, но не въ помъ дѣло; покажи мнѣ ихъ жилище.“

— Вотъ сюда, Милоспивый Государь, вотъ сюда, особенно берегите ваши карманы.

Я пошелъ за нимъ; фонарь его бросалъ слабый свѣтъ на неровную мостовую одной изъ эшихъ неопрятныхъ улицъ, копорыя дѣлають спыдъ всемъ богатымъ столицамъ.

Домъ, передъ копорымъ мы опановились, былъ безъ воровъ; я перешелъ черезъ узкую и грязную аллею, и поднявшись на двѣ ступеньки изломанной лѣспницы, напнулся на грубую деревянную дверь, копорую ночью спорожь съ силою попрясъ своею аллебардою.

„Гей, проснитесь же; васъ спрашиваютъ; ну же! вѣдь холодно, не заспавляйте такъ долго ждашь васъ!“

Послѣ сего хриплый и грубый голосъ, опозвавшійся въ домъ, вдругъ смягчился, понизился и даже перешелъ въ самый покорный шопотъ, и я услышалъ слѣдующія слова, едва вяпныя: а, мой добрый дженпельмень, я надѣюсь, что вы не оставите меня; нынѣ времена прудныя, ночь холодна. Я вышью за ваше здорovie.“ Я далъ нѣсколько монеть этому споль безкорыстному служилелю правосудія, и услышалъ, что мнѣ идупть опворить.

Благодарю, ваша честь, сказала уходя ночью спорожь, но, присовокупилъ

онъ въ пол-голоса, будыше оспорожнѣе; эпо мѣсто не безопасно.“

Признаюсь : услышавъ глухой попошь его желѣзныхъ башмаковъ , я почувсшво-валъ себя не очень спокойнымъ , и гошовъ былъ уступитъ желанію ворошишься на-задъ. Дверь въ половину опворилась , и женскій голосъ спросилъ меня грубымъ по-номъ на Ирландскомъ нарѣчїи: „Кто шупъ?

— Медикъ. Нытъ ли у васъ шупъ ка-кого нибудь больнаго? Беспи Джонесь, гор-ничная моей жены, говорила мнѣ объ васъ.“

Дверь опворилась совершенно , и меня впустили.

Тѣ , копорые чипаюпъ сочиненїя та-кого рода , ни мало не привыкли къ сце-намъ нищепы , къ зрѣлищамъ гореспи и ужаса , копорыя предспавилъ мнѣ эпошь вечеръ. Свѣтскїе люди, упоая въ нѣдрахъ роскоши и удовольсшвій, осудяпъ мои опи-санїя, какъ невѣрояпныя и будупъ упрекапъ меня въ томъ , что я упошребляю опвра-пительныя краски , въ справедливоспи ко-порыхъ ихъ ничшо не увѣряепъ, и испин-носпъ копорыхъ никогда не поражала ихъ ума. Такъ пусть же они узнаюпъ , что моя слова еще слишкомъ далеки опъ дѣй-сшвишельноспи , пусть узнаюпъ , что бѣд

ствія, копорымъ подвергается человекъ въ большихъ городахъ, превосходящъ всѣ границы вѣроятности, всѣ вымыслы, самые преувеличенные.

„Подождите немножко, сказалъ мнѣ шопъ же самый голосъ. Я поищу вамъ свѣчки.“

Въ самомъ дѣлѣ показался слабый свѣтъ, и я увидѣлъ, при его помощи, высокую, косплявую и сухую женщину, съ бупылкою въ рукѣ, въ копорую была вопкнула восковая свѣча. Едва успѣлъ я взглянуть на эпу опврапительную фигуру, на эпи свирѣтые глаза, на эпи оцепенившіеся волосы, на эпо рубище, распрепанное на скелетъ, какъ порывъ вѣпра, выбивши на середину комнапы осколки уже разбиныхъ спеколь въ окончинѣ, погасилъ свѣчку. Запахъ болѣзни, ощущеніе бѣдствія и поношенія произпекали еще изъ эпой видимой шемнопы, въ копорой сверкали два или три погасающіе угля.

„Милоспивый Государь, имѣйте снисхождение постоянь на одномъ мѣстѣ нѣсколько минуць, не двигаясь. Иначе вы задавите малюпокъ, копорыя шунтъ спяць.“

И такъ я оспался на шопъ же мѣстѣ, боясь задавишь *малютокъ*. Женщина начала вздувать огонь на угляхъ очага, ко-

порый тщетно пыталась она раздуть. Восковая свѣчка упала и не оставила намъ никакой надежды увидѣть опять свѣтъ посреди этихъ мраковъ.

„Проклятіе! вопъ тебѣ и огонь, а у насъ нѣтъ ни копѣйки, чтобы купить свѣчу.

— Вопъ на свѣчу, сказалъ я ей, ища въ темнотѣ ея руки, чтобы подать ей шиллингъ.

— Благодарю, ваша честь, Сали, Сали, вставай! скорѣе!“

Я услышалъ шорохъ соломы, и хриплый голосъ, вышедшій изъ угла комнаты, за споналъ, подобно двери опворяющейся на заржавленныхъ петляхъ.

„Что вамъ угодно отъ меня?“

— Встань я поди същи свѣчку: вопъ шиллингъ.

— Мапушка! вы лучше бы сдѣлали, еслибы купили фунтъ хлѣба.

— Ежели Господину доктору это угодно, присокупила мать, вѣдь шиллингъ его.

— Охотно, охотно, возразилъ я, шиллингъ вашъ; манера и тонъ этой женщины пронула меня. Въ ея голосъ была какая-то перемѣна: она закричала гораздо громче и съ нѣкопрыхъ родомъ радости:

„Сали, ты сходишь также купить и хлеба: господинъ тебѣ позволяеть это.

— Хлеба! хлеба!,, возразила несчастная дѣвушка; я увидѣлъ, какъ вспало, бросилось и перепрыгнуло черезъ порогъ что-то похожее на неопредѣленную пѣнь, рискуя сбить меня съ ногъ. Я слышалъ ея поспѣшные шаги, которыхъ сильная быспропа довольно ясно говорила мнѣ, сколько важности и интересу придавала бѣдная дѣвушка покупкѣ, которую гововилась сдѣлать.

„Извините, сударь, сказала мать, у насъ нѣтъ спула. Вотъ какъ мы бѣдны! у насъ есть только сундукъ, вонъ - тамъ, подлѣ печки; если хопите, я доведу васъ до него, и вы посидите на немъ, пока Сали принесеть свѣчу.

— Гдѣ хопите, моя милая.“

Въ самомъ дѣлѣ, я сѣлъ на сундукъ и предложилъ нѣсколько вопросовъ женщицѣ Гюрдлѣ; какъ вдругъ споны ребенка прервали меня.

„Ну же, ну молчи, малюпка! ты разбудишь отца, молчиже!

— Это опшого, что такъ холодно... такъ холодно, мамушка...“

Я взглянулъ на окошко, подъ копорымъ, казалось, лежало скорчившійся говорившее дитя. Въ комнаѣ было холоднѣе, чѣмъ на улицѣ. Въперъ впоргался въ опверспія разбитой окончины, и снѣжными вихрями входилъ въ печальную канурѣ, служившую намъ убѣжищемъ. Бѣдная малюпка замолчала на голось своей мащери; но я слышалъ, какъ спучались другъ о друга ея зубы, и какъ дрожали ея руки.

„Вопь, сударь, сказала мащ, съ самаго упра мы ничего не ѣли, совершенно ничего.

— Сколько васъ здѣсь?

— Ахъ! Боже мой! маленькій мальчикъ и его опецъ: вопь и всѣ, попому чпо, какъ вамъ извѣстно, сударь, Сали пошла за свѣчею и хлѣбомъ. Боби собираетъ милосщину на улицѣ; Тимъ вчера былъ взящъ полиціею, копорая хочетъ опсправить его въ Вотану-Вау... Ахъ! Эпо очень несправедливый приговоръ. Но опецъ спить, не должно его будить.

— Онъ болѣнь?

— Одышкою, сударь. Бѣдняжка! какъ онъ спрадаетъ! Сжался надъ нимъ, Господи! Вопь уже цѣлый часъ онъ спить, чего давно уже съ нимъ не было. Однако

маленкій мальчикъ , котораго онъ держитъ въ своихъ рукахъ , что-то очень шумитъ ; онъ удивленъ , что его отецъ не просыпается . Это послѣдній , сударь , котораго я кормлю грудью : уже цѣлые восемь дней у меня нѣтъ молока ; несчастное твореніе ! лучше бы ему было не родиться !“

Послышался шумъ шаговъ : Сали вошла , неся восковую свѣчу , которую она защищала одною рукою отъ вѣтра . Тогда эта комнаша , которой опшврапительный видъ я предугадывалъ заранѣе , показалась мнѣ во всемъ ея ужасѣ . Какая сцена ! Какое жилище ! Невозможно было споясть прямо подъ эпимъ пополкомъ , который перестѣкался оспрымъ угломъ кровли . Пыпались зашкнупть спѣнья прещины и разбиыя окна прлпьемъ , лоскушьями и спарою бумагой . Не было ни одного цѣлаго стекла . Нѣтъ ни постели , ни спюла , ни спула , ни подушки , ни шабуреша , ни маптраца : хозяйка все распродала .

Небольшая связка соломы , брошенная на землю , служила постелью убогому семейству . Сѣверной вѣтеръ проходилъ чрезъ разбитое и изломанное окно . Я дрожалъ отъ холода и ужаса . Недавно я видѣлъ богатаго больного , который умиралъ на шокѣ и по гордоспи опказывался отъ по-

мощи медицины — и вопль я очутился на другомъ полюсѣ общеспвенной жизни. Вопль скорбь, копорой прудно повѣришь, вопль бѣдность, копорая превосходитъ всякую, идею.

Женщина, съ копорою я разговаривалъ, была покрыта грязными лохмотьями; она дрожала всемъ тѣломъ, голодь и гореспь выражались на ея лицѣ. Полунагой ребенокъ жался къ ея изсушенной груди. Ея дочь Сали, съ поникшею къ плечу головою, и какъ бы спыдаясь того, что ея видать, соперничала съ своею матерью въ нечистотѣ и безобразіи. Надобно было видѣть, какъ она сидѣла на соломѣ въ углу комнаты и съ жадностію пожирала хлѣбъ, копорый только что былъ ею купленъ, и копорый другое маленькое и совершенно нагое пворенъице пылалась у ней вырвать. Несчастный отецъ бѣднаго семейспва сидѣлъ у печки, опершись спиною о спѣну, и пропаянувши на полу ноги. Онъ, казалось, былъ въ глубокомъ снѣ; не слышно было даже дыханія, и дитя, копорое переспали поддерживать его руки, повисло у него на шеѣ. Сѣрая блуза, копорую носилъ отецъ, сдѣлала бы спыдъ послѣднему нищему, а вмѣсто шляпы — крышка изъ спарой бумаги

покрывала его голову и скрывала волосы.

Всѣ чувства мои взволновались, обращеніе и состраданіе смѣшались во мнѣ. Женщина уведомила меня, что ея мужъ былъ каменщикъ, и что неимѣніе работы и сильная одышка довели его до этого несчастнаго состоянія. Старшій сынъ, Тимъ, обвиненный въ воровствѣ, въ копоромъ мать объявляла его невиннымъ, былъ посаженъ въ пюрьюму. Чшобы заплашить адвокату, его бѣдные родители лишились хлѣба.

„О бѣдные мы, бѣдные! сказала женщина, это маленькое дитя, копорое обнимаетъ своего отца, спраждаетъ корью, и его брата, копорого пеперь нѣтъ съ нами, не замедлишь также получить ее. Сказавши эти слова она заглушила свои рыданія, боясь разбудить мужа. Я замѣпилъ, что дитя, вися на шеѣ своего отца, необыкновенно качалась.

„Что такое съ вашимъ ребенкомъ?

— Что такое съ нимъ? Онъ голоденъ и иззябъ; ахъ! Я желала бы, чшобъ мы всѣ умерли.“ Въ самую эту минуту мы услышали топотъ обнаженныхъ ногъ, копорыя бѣжали чрезъ корридоръ и входили

на лѣспницу. Жалобныя спенанія смѣшивались съ эпимъ попомомъ.

„Ахъ! Боже мой, эпо возвращается Боби, котораго мы послали собирать милоспыню. Отчего онъ плачетъ?“

Она бросилась къ двери, отворила ее и впустила бѣднаго несчастливца, всего покрыпаго кровью и дрожавшаго отъ служи. Одною рукою онъ поддерживалъ свои лохмопья, а другою прикрывалъ свою окровавленную щеку. Онъ оспановился, и, увидѣвъ меня, отспунилъ назадъ; попомъ вручилъ своей мащери при или чепыре мѣдныя монеты, и сказалъ ей, что одинъ господинъ, которому онъ слишкомъ наскучилъ, прося у него подаянія, ранилъ его палкою. Въ самомъ дѣлѣ, кровь спруилась съ его щеки. Я желалъ бы позабыть печальное и раздрающее выраженіе, съ которымъ мать, обнимая своего сына, и опирая своими губами его кровь, произнесла сіи слова: „Боби, мой бѣдный Боби!“

Попомъ она указала ему на брата и сестру, съ жадностію пожиравшихъ купленный имъ хлѣбъ; Боби бросился къ брату, вырвалъ у него изъ рукъ часть хлѣба и съ жадностію съѣлъ ее.

„Но, моя милая, сказала я ей, вѣдь они вамъ ничего не оставяшь!

— О, что нужды, отвѣчала она, опирая слезу, я долѣе ихъ могу перпѣль голодъ.

— Моя милая, я пришелъ сюда предложивъ вамъ мои услуги въ качествѣ медика. И такъ васъ прое больныхъ?

— Больныхъ? Мы всѣ больны. Здѣсь цѣлая больница безъ жизненныхъ припасовъ и безъ медикаментовъ.

— Я постараюсь быть вамъ полезнымъ. Сперва займемся вашимъ мужемъ.“

Опець все еще спалъ; диня спаралось вложить въ его полуоткрытый ротъ кусочекъ своего хлѣба, и сильно хлопотую, не будучи въ состояніи разбудить своего опца.

„Посмотрите какъ плутишка мучаетъ опца! Переспанешь ли ты?

— Мнѣ надобно поговорить съ вашимъ мужемъ.“

Я подошелъ къ нему; его голова склонилась на грудь. Жена сняла съ печки восковую свѣчу и спала передъ мужемъ на колѣна, спараясь разбудить его.

„Фелимъ, другъ мой, вопшь медикъ, который желаетъ съ побою поговорить.“ Она толкала его локтями и колѣнкою; но Фелимъ не двигался съ мѣста; ребенокъ

продолжалъ играть съ своимъ спящимъ опцемъ; лучъ ужасной испины проблеснулъ въ умъ моему.

„Поднеси свѣчу, сказала я женщинѣ. Мужъ твой умеръ.“

Прошло по крайней мѣрѣ съ полчаса, какъ онъ изпустилъ дыханіе. Его лице и руки совершенно охолодѣли. Слабый свѣтъ въ комнатѣ и положеніе мертваго скрыли опть насъ это происшествіе. Ужасно было видѣшь эту пруповую блѣдность, эти неподвижные глаза, эти распавшіяся челюсти, и сравнивать все это съ розовыми щеками ребенка, равнодушнаго къ жизни и смерти, игравшаго съ прупомъ своего опца!...

(BLACKWOOD'S MAGAZINE).

У.

О ВЛІЯНІИ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ ГРАНИЦЪ ГОСУДАРСТВЪ НА ПРОЧНОСТЬ И СУДЬБУ ОНЫХЪ.

Выраженіе — *естественныя границы* въ Политикѣ можетъ бытъ принимаемо различнымъ образомъ: и такъ намъ слѣдуетъ показать значеніе, какое мы даемъ этому выраженію.

Разумъ и природа всегда согласны между собою, такъ, что все, сообразное съ однимъ, не можетъ бытъ противно другой. Чѣмъ же касается до человѣка, то безъ опасенія можно сказать, что если постановленія его не доставляютъ ему счастья, то они противны разуму и вмѣстѣ природѣ. Высокія способности — даръ Творца роду человѣческому, — суть средства къ достиженію счастья, которыми онъ долженъ умѣть пользоваться: таково назначеніе человѣка на земли; но сіи способности ни гдѣ не могутъ бытъ изощрены и проявлены съ такою удобностію, какъ въ обществѣ, хорошо устроенномъ подъ благотѣпелнымъ правленіемъ. Ипакъ нужно знать условія, которыя должны исполнять каждое государство, дабы имѣть хорошее управленіе.

Но мы еще не дожили до того времени, когда это предпріятіе будетъ по силамъ нашимъ, не можемъ даже предложить вопросовъ для рѣшенія; мы не приобрѣли достаточныхъ свѣдѣній, не совершили никакихъ дѣяній поучительныхъ; что же принадлежитъ до теоріи, то она не вну-

шаешь и сколько довѣренности, чтобы оппашись слѣдовать подобному руководству. Ж. Ж. Руссо поступилъ не благоразумно: родившись въ маленькой республикѣ, и провождая жизнь въ большомъ Королевствѣ, кото правленіе не могло служить образцемъ, онъ не былъ чуждъ предубѣжденію въ пользу маленькихъ государствъ; не внималъ гласу разума, говорившаго ему, что это — неблагодарное отечество, и подписывался Гражданиномъ Женевскимъ, хотя прежде отказался отъ сего титула. Онъ не видѣлъ Америки; но великолѣпное зрѣлище освобожденія Новаго Мира ласкало, воспаменяло его гений; ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ не утверждалъ, что наука правленія можетъ дѣлать оппкрытія и усовершенствованія, подобно другимъ изобрѣшеніямъ человѣческимъ. Если кто -нибудь захочетъ изслѣдовать, какія границы были бы приличныя для извѣстнаго государства, и посоветуется съ *Contrat Social*, то пусть лучше закроетъ книгу, ибо магическій слогъ ея можетъ увлечь съ прямиаго пути разсудка.

Почти всѣ народы сохранили память своихъ переселеній, движеній, смотря по силамъ, болѣе или менѣе быстрыхъ, сопровождавшихъ нашествія, или борьбу ихъ. Между сими подвижными массами, которыя спалкивались между собою, или слѣдовали одна за другою, видны мѣста, гдѣ не чувствовали никакого безпокойства, куда извилистый пошокъ переселеній не могъ даже проникнуть, не только причинить какія нибудь оппущенія. Сии мѣста, имѣющія сколько выгодное положеніе, суть также

естественныя границы. Причины долговременнаго спокойствія, копорымъ они наслаждались, не должно искаать ни въ конституціи, ни въ законахъ, ни въ самомъ могуществѣ нравовъ: горы, скалы, рѣки, болота, суровый климатъ — были единственною защипою ихъ опть всѣхъ нападений. Жители сихъ странъ давали у себя убѣжище пришельцамъ, защищали ихъ, но никогда не были подъ игомъ чуждой власни. Въ спаромъ свѣтѣ Кавказъ, и нѣкоторыя опрасли высокихъ Андоевъ въ Америкѣ, доказываюптъ существованіе сихъ неподвижныхъ націй, окруженныхъ народами, коихъ движенія не разъ были ошпанавливаемы неприсупными ихъ границами.

Другіе народы оставляли въ большомъ числѣ свою родину, и покоряя новыя страны, шѣнили природныхъ жителей до шѣхъ поръ, пока не были удержаны естественными препоами. Вотъ преній родъ *естественныхъ границъ*, который и есть собственно предметъ нашего изслѣдованія. Разсмапривая, въ Исторіи, неизмѣримую каршину государственныхъ переворотовъ, ихъ возвышенія и упадка, едва можно замѣшптъ нѣкоторыя причины, объясняющія сіи явленія. Большая часть государствъ, опть коихъ не оспалось ничего, кромѣ воспоманія и нѣкоторыхъ памяшниковъ, имѣли границы открытыя, доступныя со всѣхъ споронъ; пакъ что путешешвенникъ, не вида никакой перемѣны ни въ почвѣ, ни въ нравахъ, ни въ языкѣ, различалъ ихъ только по деревяннымъ столбамъ: природа не спаралась ошдѣлить сіи

государства отъ сосѣдей, съ коими они рано или поздно должны были соединиться, поддаться имъ, раздробиться, пока наконецъ совершенно исчезли.

Итакъ границы дѣйствительно сохраняютъ индивидуальность государства и политическое раздѣленіе земнаго шара, которое способствуетъ къ поддержанію мира между народами и служитъ залогомъ того прочнаго благоденствія, котораго можетъ достигнуть общество, ничѣмъ не возмущаемое напуши своемъ къ совершенству. Природа положила сія границы съ тѣмъ могуществомъ, которое видно во всѣхъ дѣлахъ ея: ни время, ни труды человѣческіе не могутъ ихъ разрушить. Честнолюбіе, спарающееся достигнуть ихъ, достойно похвалы и вмѣстѣ имени патриотизма, а гордость, которая хочетъ преодолѣть ихъ, заслуживаетъ казнь, опредѣленную Европою знаменитѣйшимъ древнимъ завоевателемъ. Государственные люди должны знать ихъ, не теряя изъ виду не только главнаго устройства правленія и политики, но и всего того, что относится къ подраздѣленію страны: извѣстно, сколько зависятъ благоденствіе отъ разграниченія, сообразнаго съ положеніемъ мѣстъ. Вотъ причина того, что со времени завоеванія Сиціліи Римлянами, даже до сихъ поръ, раздѣленіе сего острова не измѣнилось, при всей переходчивости господства надъ нимъ. Итакъ, бросимъ взглядъ на сія естественныя границы, изслѣдуемъ ихъ свойство и вліяніе, о которомъ говоритъ Исторія.

Подъ границами не должно разумѣть линіи, проведенныя между народами по договору, но предѣлы,

отдѣляющіе ихъ другъ отъ друга, какъ-то: горы, моря, озера, пустыни. Эпихъ преградъ достаточнo, чпобы произвести и сохранить различіе въ нравахъ, языкѣ и народахъ. Но безъ сомнѣнія, народное единство не должно бытъ спрогимъ условіемъ для государствъ, потому что они всегда будутъ имѣть средства противостоять нападенію. Сначала, каждый народъ постановилъ у себя управление для сохраненія внутренняго порядка и для сопротивленія нашествіямъ непріятелей онъ тогда еще не думалъ налагать на своихъ сосѣдей нго своихъ постановленій и законовъ. Тогда люди со всею свободою расселялись въ страны, никѣмъ не занятой, и были оспанавливаемы одною только невозможностію далье распроспраниться; инакъ всѣ народы приближались къ своимъ естественнымъ границамъ. Во время Юлія Цезаря Гельвеція занимала почти тоже пространство, какое занимаетъ нынѣшняя Швейцарія: „сама природа положила предѣлы страны, занимаемой Гельветами: широкая и весьма глубокая рѣка Рейнъ отдѣляетъ ее отъ Германіи; съ другой стороны великая цѣль Юры лежитъ между ею и Секванами, наконецъ озеро Леманъ составляетъ границу ея со стороны нашихъ провинцій.“ (Цезар. Ком.). Если взглянуть на карту древней Географіи, то съ перваго разу можно замѣтить, что въ главнѣйшемъ политическомъ раздѣленіи земли не произошло никакой перемены, по прошествіи болѣе тысячи лѣтъ.

Счастливы родъ человѣческій, что границы, взгроможденныя природою, воспрепятствовали деспотизму покорить всю землю. Государя Евро-

пы ужасающа при одномъ имени Французскаго либерализма, и берутъ большія предосторожности, чтобы сей опасный врагъ не проникнулъ въ ихъ государсва; но народы не раздѣляются съ ними этой боязни: они знаютъ, что сіи либералы, столько страшные, не думаютъ о завоеваніяхъ, и даже не опредѣляютъ выгодъ своего отечества отъ пользы другихъ націй, и вообще отъ всего человѣчества. Опасно чтобы Франція, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, не ослѣпилась блескомъ побѣды и не сдѣлалась завоевательницею въ борьбѣ съ симъ философомъ и великими ихъ мирошворцами; сія мечпа, хотя бы и продолжалась нѣкоторое время, но шѣмъ съ большею жестокостію исчезла бы: и безъ пронцапельности можно видѣть несчастливый конецъ сихъ воинственныхъ нашествій.

Въ самомъ дѣлѣ, если прочиташъ исторію славнѣйшихъ завоеваній, то можно увѣришься, что они блискали подобно метеорамъ, и рассыпались прежде, нежели образумились ослѣпленные народы; они похожи на то вниманіе къ модной лкани, которое, будучи начертанно на лицѣ вмѣстѣ съ удивительной живостію, вдругъ исчезаетъ, оставляя послѣ нее впечатлѣніе блеска, который она распространила. Войско Сезоспри-сово во многихъ мѣстахъ воздвигло памятники, свидѣтельствующіе о шрудномъ его походѣ: „Двадцать разъ, говоритъ одинъ знаменитый Географъ, кочующія племена Средней Азіи, покидая обширныя свои пастбища, нападали на земледѣльческіе народы, испровергали троны, раззоряли въ нѣсколько минутъ просвѣщенныя страны, и между шѣмъ

политическое раздѣленіе оставалось въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ и теперь еще находится.“

Карлъ Простой уступилъ храброму Роллону Герцогство Нормандское; одинъ изъ потомковъ сего предводителя Дакчанъ сдѣлался завоевателемъ Англій, но между двумя владѣніями сего Государя не возможно было утвердить искренно сии и продолжительнаго союза. Единственнымъ слѣдствіемъ долговременныхъ войнъ между Франціею и Англіею, причиненныхъ сею политическою ошибкою, было рѣшительное опреченіе послѣдней отъ всѣхъ приписаній на часть земли, занимаемой первою.

Исторія представляетъ намъ въ Александрѣ завоевателя, изумляющаго и покоряющаго мысль, разумъ не обвиняетъ его, но сожалеетъ объ немъ; когда гений его пересталъ управлять обширными своими предпріятіями; что тогда стало съ государствомъ, пріобрѣтеннымъ побѣдами? Преемникъ его царствовалъ не болѣе двухъ лѣтъ, подвластные народы возстали, и послѣ войнъ, приносящихъ лѣтъ продолжавшихся, возвратили себѣ прежнюю независимость. Карломанъ, завоеватель не столь славный, но превосходящій Александра мудростию, позналъ, что естественныя границы всегда будутъ непреодолимою преградою къ соединенію народовъ, а потому не желалъ, чтобы Французы, Испалінцы и Нѣмцы составляли одинъ народъ! Онъ раздѣлилъ Имперію между своими сыновьями, назначивши каждому Государству предѣлы, которыхъ время и до сихъ поръ почти не измѣнило. Честнолю-

бивый Наполеонъ покорился одному только закону границъ и повиновался ему, какъ полипической необходимости: подражая Карломану, онъ взялъ на себя обязанность блюстителя преновъ, воздвигалъ новые и раздавалъ ихъ своимъ родственникамъ и друзьямъ, между шѣмъ, какъ Франція получила самую малую часть изъ его завосваній. Когда воинственный Монархъ соединилъ подъ своею властію многіе народы; по смерпъ его всегда бываешъ знакомъ къ раздробленію Государства.

Въ покоренной странѣ оставляютъ гарнизонъ: онъ пошчасъ смѣшиваешся съ народомъ, который онъ долженъ содержать въ повиновеніи; вліяніе климата дѣлаешъ его болѣе и болѣе похожимъ на туземцовъ; все способствуешъ къ разлученію его съ опечесшвомъ, и великій законъ границъ исполняешся въ точности и оснаешся во всей своей силѣ.

Спросяшъ, можешъ быть: величина Государствъ, и слѣдовательно положеніе ихъ границъ, не имѣешъ ли какого-нибудь необходимаго отношенія къ образу правленія? Сей вопросъ требуетъ самаго внимательнаго изслѣдованія, котораго нельзя сдѣлать безъ помощи Исторіи. Известно, что между Монархіями и Республиками не рѣдко случались войны, и что побѣда часто раздѣлалась на знаменахъ республиканскихъ: но если царства были покоряемы, если Царя, взяшы на полѣ сраженія, или на проиѣ, дѣлались плѣнниками республики, если богатства ихъ были раздѣляемы между побѣдителями; то и нравы республиканскіе скоро поршились, и государешво рано или поздно измѣняло

прежнюю свою форму на другую, болѣе сообразную съ новыми обычаями народа. Но сіи перевороты не имѣюшъ никакого вліянія на границы, коими народы раздѣляются другъ отъ друга. Граждане, или подданные — они сохраняюшъ свое народное единство, и не смѣшиваются ни съ кѣмъ изъ сосѣдей. Ипакъ, формамъ почвы, образующимъ сіи границы, нельзя не приписать того положительнаго вліянія, которое сохраняетъ отличительный характеръ каждаго народа. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности о тѣхъ формахъ почвы, которыя особенно нужно знать.

Рѣки. Два сопредѣльные Государства — по общепринятому мнѣнію — должны избирать для своихъ границъ большія линіи, проведенныя природою; топчасъ представляются рѣки, какъ болѣе замѣшныя на землѣ и на картахъ. Онѣ могушъ бытъ хорошею военною границею — чего нельзя не брать съ разсчетомъ, при стратегическихъ соображеніяхъ — и всегда бываюшъ полезны въ войнахъ оборонительныхъ. Пусть же онѣ всегда оспанутся границами, какъ и прежде. Но должно замѣшить, что посредствомъ рѣкъ народы не раздѣляются другъ отъ друга, напротивъ рѣки способствуюшъ къ ихъ соединенію, дружественнымъ сношеніямъ и договорамъ, взаимно полезнымъ. — Безъ помощи плаванія по рѣкамъ два народа, живущіе въ одной странѣ, но далеко одинъ отъ другаго, весьма поздно познакомились бы между собою, и, можетъ бытъ, мѣстомъ перваго ихъ свиданія было бы поле сраженія. Предлагая удобныя, вѣрныя и обширныя средства

къ сношеніямъ, плаваніе по рѣкамъ способствуетъ къ распространенію торговли и просвѣщенія.

Рѣки въ мирное время могутъ приносить пользу государству тогда только, когда начало ихъ и конецъ заключаются въ его предѣлахъ. Область Новаго Йорка процвѣтаетъ отъ исключительнаго владѣнія Гудзономъ; Коннектикутъ доставляетъ также большія выгоды провинціи, извѣстной подъ его именемъ; напротивъ область Новаго Жерсея, прилежащая съ одной стороны къ Гудзону, а съ другой къ Делавару, находящаяся въ самомъ худомъ состояніи; жилища ея, раздѣленные торговыми интересами, рѣдко бывають согласны между собою въ политическихъ отношеніяхъ; ходъ правленія ея часто бываетъ запущанъ, сомнителенъ и шруденъ.

Рѣка, въ теченіи своемъ образующая многіе рукава, не можетъ составить опредѣленной границы: раздѣлъ слѣдуетъ за раздѣломъ такъ, что рѣка, проходя всѣ сіи политическія раздѣленія, сохраняетъ миръ между народами, и способствуетъ обмѣну, выгодному для всѣхъ. Если же разсматривать рѣку, какъ военную границу, то польза ея зависитъ отъ успѣховъ въ военномъ искусствѣ; впрочемъ нужно замѣтить, что успѣхи сіи полезны болѣе при нападеніи, нежели при оборонѣ. Ипакъ наступаетъ время, когда рѣки потеряють сіе свойство, принадлежащее имъ даже до сихъ поръ. Довольно о споспѣшествованіи ихъ защитѣ государству, коихъ границу онѣ составляютъ.

Моря. Если есть народы, коихъ опасней мореплаванія, то море есть

самая лучшая преграда ихъ нападенію ; но покушеніемъ народа, упражняющагося въ мореплаваніи, должно пропивополагать другія средства. Народъ - мореплаватель распространяетъ свое владычество съ удивительною быстротою ; но падаетъ также скоро, какъ и возвысился. Венеціанъ уже нѣтъ. Владѣнія Португальцевъ въ Индіи были на высшей степенн славы: армія, исполненная мужества, подъ предводительствомъ искусныхъ Генераловъ, обладающая превосходными крѣпостями, имѣющая вѣрныхъ союзниковъ, казалось, положила прочное основаніе могуществу Португалии въ сей части свѣта ; но явились Голландцы — и все измѣнилось. Судьба Британскихъ владѣній въ сей же самой странѣ сокрыта въ будущемъ : мы видимъ ихъ теперь во всемъ блескѣ ; 10,000 Англійскихъ солдатъ и 100,000 Ципаевъ содержатъ въ повиновеніи 110,000 тысячъ подвластныхъ Индійцевъ. Этой силы было бы слишкомъ мало, если бы нѣкоторое нравственное вліяніе не вознаграждало сего недостатка; но всегда ли сіе вліяніе будетъ также полезно, какъ теперь? Уже начинается волненіе, угрожающее прочности сихъ владѣній; извѣстно, что духъ не покорности распространился въ плуземныхъ войскахъ компаніи. Придетъ время. Индоспанъ будетъ свободенъ ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ самомъ себѣ найдетъ средства къ освобожденію, и воспользуется помощію, которую можетъ получить изъ какой-нибудь Азіатской страны, или даже изъ Европы.

Нѣкоторые публицисты утверждаютъ, что мѣстное положеніе острововъ преняспивуетъ

гражданскому ихъ усовершенствованію ; что народъ , живущій среди океана, отдѣльно отъ другихъ, поздно и по не совѣсть узнаеть благодѣтельныя дѣйствія просвѣщенія ; что варварское государство его можетъ существовать здѣсь гораздо долѣе , нежели на твердой землѣ. Рейналь говоритъ , что одинъ внимательный наблюдатель нашелъ нѣкоторыя слѣды варварства даже въ самой Великобританіи. Сему мнѣнію противорѣчить исторія. Древнѣйшіе памятники, существующіе въ Ирландіи, доказываютъ , что сей островъ никогда не отспавалъ въ просвѣщеніи отъ прочихъ странъ Сѣверной Европы; при самомъ открытіи Мадагаскара нашли въ немъ владѣніе, совершенно подобное владѣніямъ твердой земли Африки. Чтоже касается до спрововъ Средиземнаго моря, то извѣстно, что они занимають почетное мѣсто въ исторіи рода человеческого. Итакъ моря не могутъ назваться преградой къ общенію между народами; они предохраняють государства сильныя отъ нападеній непріятельскихъ ; но тѣмъ народамъ , которые щущь безопасности въ неприслупныхъ оградахъ , не даютъ никакой защиты.

Горы. Сей родъ естественнымъ границъ, для занимающихся Политической Економіею , есть предметъ , требующій основательнаго изученія ; но и военный человекъ не долженъ пренебрегать знаніемъ тѣхъ пособій , которыя могутъ онѣ доставить при оборонѣ , и препятствій , которыя могутъ противоположить нападенію. Горы раздѣляютъ народы и государства , останавливаютъ духъ національный такъ же легко, какъ

и законная власть правительсва. Если бы можно было воздвигнуть подобныя укрѣпленія между всѣми спранами земнаго шара, то войны были бы очень рѣдки. Сколько разъ Французскія войска были въ Нидерландахъ и на берегахъ Рейна, за Альпами и Перенеями! Вѣрхнія Анды всегда будутъ препятствовать Восточной и Западной Африкѣ соединиться подъ однимъ владычествомъ, составивъ одно государство; и потому-то предпріятіе Гонзаго Пизарро было несчастливѣйшее изъ всѣхъ, коихъ память сохранилась въ Исторіи.

Жишели равнинъ иногда изъ любопытсва посѣщаютъ горы, но никогда не переселяются туда. Между великимъ числомъ Американскихъ земледѣльцевъ, у копорыхъ безпрестанно находясь предъ глазами вершины самихъ горъ, едвали найдется изъ тысячи одинъ, который бы достигъ оныхъ. Между Новою Англією и Канадою тянется цѣпь горъ, коихъ посредственная высота составляетъ границу, весьма способную къ тому, что бы сохранивъ раздѣленіе сихъ двухъ областей; его не можетъ сдѣлать рѣка Св. Лаврентія.

Весьма рѣдко случается, чтобы вокругъ вершины высокихъ горъ жили народы, коихъ характеръ, нравы, вкусъ и мнѣнія не представляли бы весьма замѣльныхъ противоположностей. Пусть, какъ хопитъ, изъясняютъ сіе вліяніе мѣстоположеній, формы почвы, климата и проч., но оно необходимо и многими явленіями доказано столь ясно, что въ немъ уже нельзя сомнѣваться. Доказательсва сія шараясь собираешь даже въ совѣтахъ нѣкоторыхъ областей нашего

союза. „Я зналъ одного члена законодательнаго сословія Пенсилваніи — говоритъ Г. Фаншъ — члена, которъй, при множествѣ вопросовъ, назначенныхъ къ разсмотрѣнію, вналъ напередъ, какое подадутъ мнѣніе депутаты восточныхъ или западныхъ горъ.“ Въ Виргиніи дѣлалъ такое жъ наблюденіе надъ жителями двухъ противоположныхъ покатошпей Синихъ горъ. Раздоры между *Старою и Новою* Виргиніею часто угрожаютъ внутреннему спокойствію. Вообще между всеми почти областями союза царствуетъ скучное соперничество Востока съ Западомъ: и такъ какъ послѣдній занимаетъ всю внутренность страны, по онъ весьма обширенъ, плодороденъ, силенъ числомъ жителей, и потому старается сосредоточить въ себѣ правленіе, съ ущербомъ для восточной части. Въ области новаго Жерсея есть маленькій округъ, который ясно доказываетъ, что вліяніе горъ и рѣкъ, какъ границъ государствъ, весьма различно. Сей округъ, имѣющій тридцать миль длины и три мили ширины, лежитъ между Долаваромъ и Синими горами. Нѣкоторые политическія происшествія соединили его съ новою областію, отъ которой онъ былъ отдѣленъ чертою, имѣющею болѣе тысячи фузовъ высоты. Онъ былъ бы совершенно забытъ, если бы жители его не прислали просьбы законодательное сословіе объ открытіи сообщенія между областію и своими согражданами. Такимъ образомъ завелись между ними торговля сношенія, болѣе и болѣе отдѣляющія жителей округа отъ области, къ которой они принадлежатъ;

они переправляютъ свои произведенія чрезъ Дела-варъ и выгружаютъ ихъ въ Пенсилваніи.

Нѣкоторыя горы, лежащія близко одніи отъ другихъ, образуя плодоносныя долины, или груды, доставляютъ пропитаніе многочисленному народу, и сущь пространныя крѣпости, жилища конхъ составляютъ гарнизонъ. Инженерное искусство ничего не въ состояніи предпринять противъ сихъ оградъ, воздвигнутыхъ природою. Горцы, пользуясь выгодами мѣснаго своего положенія, всегда будутъ сосѣдями опасными и самыми безпокойными. Швейцарцы сдѣлали вокругъ себя нѣкоторыя завоеванія, но Испаніискими своими уѣздами управляли шоль же худо, какъ австрійскіе губернаторы Швейцаріею. Извѣстно, что жители Кавказа и до сихъ поръ не оставили своего обычая нападать на жителей равнины и грабить тамъ все встрѣчающееся имъ. Было время, когда предводители Горцевъ присвоивали себѣ власть надъ землями, простирающимися миль на двадцать вокругъ скалъ ихъ; со всѣхъ шамошнихъ жителей брали подать, отъ платежа которой не льзя было отказать; часто избѣгали отъ налоговъ, опредѣленныхъ законнымъ Государемъ, но никогда не осмѣливались отказать отъ тѣхъ, которыхъ пребывали Nighlanders.

Стени. Изъ всѣхъ преградъ къ взаимному сообщенію между народами — какова бы ни была цѣль сего сообщенія — ни одна не можетъ достигнуть своего назначенія такъ удобно, какъ обширныя стени. Египетъ представляетъ намъ самый разительный примѣръ сего отдѣленія, предписаннаго природою. Не разъ Цари его покоряли Іудею;

и Государи Еврейскіе, взятыя въ плѣнъ; были трофеями сихъ побѣдъ; но Палестина никогда не была Египетскою провинціею. Египеть не могъ овладѣть сосѣдними странами, но въ замѣну того былъ богатъ оборонительными средствами, которыхъ находилъ въ мѣстномъ своемъ положеніи. Отъ того-то и исторія его независимости продолжалась столько вѣковъ. Онъ покорился однимъ Паспырямъ и Камбизу; но когда Гуссейнъ, сынъ Магомеша-Али-Паши, подражая симъ завоевателямъ, вступилъ въ него съ войскомъ, то осажденные имъ нѣкошорые города погреблись подъ своими развалинами.

Степи раздѣляли двѣ Имперіи, коихъ столицами были Константинополь и Персеполь. Одинъ изъ преемниковъ Константина приучилъ своихъ солдатъ нападать на Персію: Сіи нападенія были счастливы: Римскіе орлы были перенесены на другую сторону Тигра, многіе города непріятельскіе взяты, и казалось, что вся страна была покорена; но между тѣмъ побѣдоносная армія могла держаться тамъ только одинъ годъ; и съ тѣхъ поръ частыя предпріятія противъ Персіи со стороны малой Азіи совершенно прекратились.

Людовикъ XIV покорилъ Лотарингію и Францъ-Конте: нравственность осуждаетъ сіи завоеванія, а политика оправдываетъ. Чрезъ присоединеніе сихъ провинцій Франція пріобрѣла границу, весьма удобную для защиты, и съ тѣхъ поръ не страшится войнъ наступительныхъ.

Природа положила степь Анапамскую между Хили и Перу, степь, длиною въ шыслу двѣ-

опи миль, составляетъ западную границу соединенныхъ Штатовъ. Сии мѣстныя положенія по необходимости имѣютъ вліяніе на судьбу народовъ, живущихъ въ сихъ странахъ. Моженъ ли спастись, чтобы Американцы, рожденные на берегу Тихаго моря и привязанные къ своему отечеству всѣмъ, что для нихъ драгоценно, согласились во всякое время перейти представляющіеся имъ горы, высокою въ десять тысячъ фузовъ, степи, пространствомъ въ пять сотъ миль, всего пройши три тысячи миль для того, чтобы вдали отъ родины изучить правила правленія и узнать, что для нихъ выгоднѣе въ отношеніяхъ внѣшнихъ, миръ или война?

Повспоримъ вкратцѣ сіи разсужденія для того, чтобы видѣть слѣдствія, изъ нихъ вытекающія.

На земляхъ есть страны, коимъ границы положила сама природа. Если страны сіи не довольно обширны и окружены сильными соседями, то они не могутъ сохранить своей независимости. Отъ того-то Франція заключила въ своихъ предѣлахъ Лотарингію, отъ того Данія владеетъ соседними островами; отъ того-то Англія покорила Шотландію и Ирландію, и проч.

Флорида представляетъ примѣръ, доказывающій, что такія приращенія государствъ предписываетъ природа. Во время переговоровъ касательно уступки сей Испанской колоніи, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ сказалъ Испанскому Королю: „Невозможно, чтобы Флорида не была частію союзныхъ Штатовъ: нѣтъ нужды, будете ли вы смотрѣть на нее, какъ на колонію, или

составише изъ нее особое государство: въ томъ и другомъ случаѣ судьба ея не раздѣльна съ нашею.“

Изъ двухъ острововъ, составляющихъ область Нью-Йоркскую, одному приличнѣе было бы принадлежать къ области Новаго Жерсея, къ коей онъ гораздо ближе, а другому, жители коего не производятъ никакой торговли и ведутъ жизнь совершенно патриархальную, лучше бы составлять независимое владѣніе.

Физическая Географія опредѣляетъ естественныя границы государствъ, не только по формѣ почвы, но даже по внутреннему ея составу. При первомъ взглядѣ можно подумашъ, что природа употребила всѣ старанія для того, чтобы соединить Италіанскія провинціи въ одно государство; между тѣмъ, чтобы сіе соединеніе было возможно и продолжительно, по кромѣ власни, вливающей почвеніе, нужно еще, чтобы южной конецъ полуострова перемѣнилъ свое положеніе, и занялъ мѣсто между Римомъ и Генуею. Житель Отранпа столько оплеченъ отъ жителя Турина или Венеціи, что отдаленныя сіи страны никогда не назовешъ своимъ отечествомъ.

Между Атласомъ и Средиземнымъ моремъ, отъ океана до самаго Египта, весь Сѣверъ Африки назначенъ природою къ тому, чтобы составлять отдѣльныя государства, которыя будутъ независимы до тѣхъ поръ, пока сильная морская держава не соединитъ ихъ подъ своею властію. Это совершили въ древности Карфагеняне: мѣсто ихъ заснули Римляне, и еще

позже Сарацины основали здѣсь свое владычество. Пынѣншее господство надъ сею страню не могло бы продолжаться, еслибы ложная полиника нѣкоторыхъ Европейскихъ государствъ не поддерживала его. Западные берега Южной Америки, по положенію морей и горъ, могутъ быть сравнены съ сѣверными берегами Африки. Утвердительно можно сказать, что весь гений Боливара не въ состояніи образовать республики, кою-рая заключала бы въ себѣ Перу и Колумбію.

Пространство земли, среди коего протекаютъ большія рѣки — каковы напр. Дунай въ Европѣ и Нигеръ въ Африкѣ — имѣетъ нѣкоторое сходство съ странами, заключенными между моремъ и длинною цѣлюю горъ. Что касается до Нигера, то единственный плодъ многихъ опасныхъ путешествій, коихъ онъ былъ цѣлюю, есть свѣдѣніе, что рѣка сія протекаетъ многія независимыя владѣнія, между Конгскими горами и великою степью. Въ Европѣ Дунай также раздѣленъ между Баварією, Австрією и Турцією, и никакіе перевороты, ни счастливыя войны, ни союзы, ни договоры, ничто не можеть привести его во владѣніе одной Монархіи.

Маленькія Швецкія государства не имѣютъ и не могутъ имѣть естественныхъ границъ; и потому-то у нихъ безпрестанно возобновляютъ разграниченія. Однако должно замѣтить, что рѣки рѣдко здѣсь бываютъ общею границею, и что каждый маленькій государь владееть обоими берегами той части рѣки, кою проходитъ чрезъ его владѣнія.

Труды человѣческіе не могутъ измѣнить естественныхъ границъ Государствъ. Такъ какъ сіе положеніе проповѣдано общепринятымъ мнѣніемъ, то нужно разсмотрѣть его подробно, съ большимъ стараніемъ, и подтвердить доказательствами сильными, убѣдительными. Вотъ что мы можемъ предложить въ пользу его.

Трудами, имѣющими вліяніе на границы государствъ, называются тѣ, которые покрываютъ новыя сообщенія между народами, ш. е. дороги и каналы, пересѣкающіе естественныя предѣлы. Но пять дорогъ между Франціею и Испаніею не ослабили преграды, положенной природою между сими двумя Королевствами. Великолѣпная дорога Симпленская не произвела ощутительнаго сближенія между Французами и Италіянами. Вліяніе почвы, мѣстоположеній, климата, гораздо сильнѣе вліянія дорогъ, купеческихъ оборотовъ и сношеній между народами; первое постоянно дѣйствуетъ на все; второе не имѣетъ опредѣленнаго круга, прерывисто, и не власно измѣняетъ народнаго характера. Напрасно умножаются пакетболы между Франціею и Англіею: двѣ эти державы никогда не могутъ быть въ союзѣ.

Г. Мадиссонъ, хорошо изучившій науку управлять большимъ государствомъ — что доказалъ онъ отличными исполненіемъ высокой обязанности Президента Союзныхъ Штатовъ — Г. Мадиссонъ явно проповѣдывалъ ученіе, которое мы стараемся доказать, и изложилъ его въ письмѣ къ Г. Фаншу, Маія 1828. „Забывая прошедшее для того, чтобы заниматься будущимъ, я думаю, что всѣ

открытія въ политическихъ наукахъ, и особенно совокупленіе представившельнаго правленія съ федеральными союзами, могутъ чрезвычайно распространить свободныя государствва; что республики, имѣющія такое политическое образованіе, всегда будутъ обширнѣе монархій. Свободные народы имѣютъ ту неоцѣненную выгоду, что древнія искусствва находятъ у нихъ средство преодолѣть горы, укротить рѣки и господствовать надъ сильнымъ океаномъ. Телеграфъ для нихъ былъ бы совершенно бесполезенъ, ибо они имѣли бы столько способовъ къ сообщенію съ другими народами, что при недостаткѣ оныхъ принуждены были бы перенестись въ другое мѣсто.“

Если государства не имѣютъ естественныхъ предѣловъ, то распространеніе ихъ можетъ ли принести имъ пользу? Сей вопросъ долго останешся безъ отвѣта. Его можно разрѣшить въ частныхъ случаяхъ, коихъ ни къ чему иному нельзя приспособить.

Республика Санъ-Марино заслуживала похвалу, когда, будучи приглашена Наполеономъ назначить транспортъ земли, которую онъ хотѣлъ къ ней присоединить, она имѣла благоразуміе отказатьсь отъ вступленія въ новые предѣлы; но сей поступокъ, прославленный въ современныхъ бюллетеняхъ, такъ какъ опытъ, сполнощій довѣренности въ политическомъ разбирательствѣ, должно было лучше узнать прежде, нежели онъ былъ произведенъ въ дѣйствіе.

Окончимъ нѣсколькими размышленіями о предметѣ, коихъ не можешь прекратитъ несогласіа

между политикою и философіею. Показавши выгоды, какими пользуется государство, имѣющее естественныя границы, нужно доказать, что народъ, еще недостигшій своихъ предѣловъ, не заслуживаетъ порицанія, если старается силою оружія овладѣть пространствомъ, отъ нихъ его отдѣляющимъ. Мы уже изложили сіе мнѣніе, говоря о завоеваніяхъ Людовика XIV, такъ много способствовавшихъ къ утвержденію силы и безопасности Франціи; однако, въ той же самой Франціи старались распространить сіе, болѣе благородное, нежели мудрое, правило; *не должно щазе предпринимать войны, какъ только для защищенія своей свободы.* Наполеонъ не такъ думалъ. Исторія есть источникъ, изъ коего мы должны почерпнуть наставленія. Кшо станешь утверждать, что войны, слѣдствіемъ коихъ было соединеніе маленькихъ Королевствъ Великобританіи и острововъ ея въ одно большое государство, кшо, говорю, станешь утверждать, что сіи войны были полезны для человечества? когда Государство уже достигло предѣловъ, назначенныхъ ему природою, то ничто не можетъ прелящствовать ему наслаждаться тишиною, благоденствіемъ и славою; ибо оно хорошо знаетъ выгоды мѣстнаго своего положенія, истинныя свои нужды; печется о своей чести, не обольщаясь ложнымъ блескомъ побѣды, не дѣлаетъ завоеваній, развѣ только защищая себя; и всегда уважаетъ свободу въ тѣхъ мѣстахъ, откуда она еще не изгнана.

REVUE BRITANNIQUE,

VI.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ПИСЬМО ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

Въ No 8 издаваемого Вами *Телескопа* за 1835 годъ напечатаны Румунскія народныя пѣсни, присланныя къ вамъ изъ Харькова опъ Г. Хиждеу. Но дѣло не о пѣсняхъ. Онѣ переведены на Русскій языкъ вольными стихами и, по признанію самаго Хиждеу - не - поэта, *непостижимо въ переводѣ*. Дѣло о письмѣ, при копоромъ сіи пѣсни присланы. Въ немъ помѣщены нѣкоторыя слова, или *намекы*, неудачно избранныя Г. переводчикомъ изъ своихъ записокъ къ своду Румунскихъ лѣтописей, по счастью еще не напечатанныхъ. Если и всѣ записки шакъ вѣрны, какъ сіи отборныя слова; то изданіемъ оныхъ Г. Сочинитель окажетъ не очень важную услугу Русской словесности, для копорой онѣ познаніе Румунскаго языка почитаетъ весьма важнымъ.

Бунда. Сіе слово въ Бессарабіи, въ опеченствѣ Г. Хиждеу, вовсе не употребляется. Непокрытая шуба, шипая чрезъ верхъ, или лучше мѣхъ для шубы, называется: *блана*; а кожухъ и по Румынски: *кожокъ*, опъ слова *коже* — поря, у Италіянцовъ *кожа*. (?) Въ семъ последнемъ значеніи въ простонародіи употребляется слово *бонда*, (а не *бунда*), въ Трансилваніи и на Западной сторонѣ Молдавіи и Валахіи.

Лойца. Не *лойба*, а *лодба* у Ромыновъ значить ошколокъ опъ толстаго бревна, (напр.

буковаго) иди плаха въ длину не менѣе прехъ аршинъ; иначе называется: *деспикатура*. Лодка же однодеревка по Ромынски: *лунтри*.

Мѣтельникъ. *Мѣта* собственно значить взяпка; но слово *мѣтельникъ* въ Бессарабii не употребляется. Пошлина по Молдавски: *вѣма*, ошкуда *вѣмешъ* — собиратель пошлины.

Павъ или *Навъе*. Въ Молдавскомъ языкѣ *наѣба* значить вообще зло; опчего выраженiе: *дуге ла наѣба* — поиди къ злему, нечиспому духу.

Обежъ. Слово *обежъ* и *обжу* вовсе нѣтъ въ Молдавскомъ языкѣ, и даже нѣтъ въ лексиконѣ, изданномъ въ Будѣ 1625 года, на копорый Г. Хиждеу осылаешся.

Погонъ. Сямъ словомъ означается пространство земли, занимаемое 400 кустовъ виноградныхъ лозъ. Погонъ содержитъ въ себѣ 44 пращины, а каждая пращина имѣетъ 3 спинженя или сажени ширины и 12 длины; слѣд. въ погонѣ 1584 кв. спинженей, или почти столько же Россiйскихъ саженей; пошому что Молдавскiй спинжень 2½ дюймами болѣе Россiйской прехъаршинной сажени. Другихъ же значенiй слово *погонъ* не имѣетъ.

Покладникъ. Въ Бессарабii употребляется слово *поклѣзъ*, что значить пошникъ изъ войлока, подъ сѣдло верховой лошади подкладываемый; а слово *покладъ* шамъ не извѣстно.

Пустю значить по Молдавски: пустопорожнее мѣсто; но въ семъ значенiи оно въ Бессарабii не употребляется, а вмѣсто его обыкновенно говорятъ: *локъ стѣртъ*, *параситъ*, *параженици* — мѣсто незаселенное, брошенное, за-

росшее. Слово же *пустіе* говорится только о пустыняхъ, въ копорыхъ спасались древніе подвижники, каковы: Фивейская, Ливійская ипр.

Пробозі по Ромынки значить: дѣлать кому спрогій выговоръ, спрогое замѣчаніе; но какое сходство сего слова съ словомъ *рогозитисл*, кромѣ созвучія?

Скутъ. Въ Молдавскомъ языкѣ есть слово *скутикъ*, что значить дѣтское шерстяное покрывало; но *окутѣльникъ* не отсюда происходитъ. *Скѣате* собственно значить освобождать, откуда *скѣтъ* — освобожденный; а опъ сего *скутѣльникъ*, п. е. человекъ освобожденный опъ платежа общеспвенныхъ повинностей и поступившій въ услуженіе частнымъ мѣшамъ и лицамъ.

Смердѣ. Слово *смырдѣ* въ Трансилваніи и въ западной Молдавіи и Валахіи употребляется въ значеніи: негодный — *pequam*; а смрадный по Молдавски: *путурѣтъ* — *putridus*. *Смредуйтѣ* по Ромынки значить: зараженный чумою или другою какою либо прилипчивою болѣзнію; но вмѣсто сего слова въ общемъ употребленіи: *моливсытъ*. Слово же *смырдулѣ* вовсе не употребительно.

Ушѣ. Въ Молдавскомъ языкѣ *уша* значить дверь; а распѣніе *colchicum autumnale* называется: *брындуша*, какъ по значится и въ лексиконѣ, изданномъ въ Будѣ 1825 года.

Число. Молдавское слово *числа* значить не сборъ, а раскладку подащей, откуда выраженіе: *хай ла числа* — ступайше, сдѣлаемъ раскладку на казенныя подати.

Замѣлательнo, что Г. переводчикъ Румунскихъ народныхъ пѣсень избралъ свои *намски* изъ словаря Румунско-Латинско-Венгерско-Нѣмецкаго, изданнаго Общеслвомъ ученыхъ въ Будѣ, 1825 года; а между пѣмъ *понятіе о Латинскомъ элементѣ языка Румунскаго* почитаетъ ложнымъ. Въ семъ лексиконѣ именно говорится: *Valachica lingua est vetus lingua Latina popularis*. Въ семъ лексиконѣ Ромынскія слова писаны Латинскими буквами и почти всѣ произведены олъ Латинскаго или олъ Греческаго языка. Но дабы яснѣ видѣль слѣное пристрастіе издателя сего лексикона въ производимыя словъ, и я на удачу выпиcываю изъ него слѣдующее:

Баній — деньги, а Lat. *pecunia*, per syncopen.

Бирурѣскъ — побѣждаю, а Lat. *vinco*, mutato *v* in *b* et *n* in *r*; vel a Lat. *vir*, nam qui vincit viriliter se gerit; vel a *vires* — силы.

Брынза — сыръ, а Lat. *prandium*, id enim est pauperum prandium cum polenta (въ Бессарабіа — Мамалыга).

Бръу — поясъ, а Граесе. *Βράβειον* — procerium certaminis; vel a Lat. *brachio*.

Букуріе — веселіе, а Lat. *vigore*; vel Ital. *bon cuore*, i. e. animus bonus, serenus.

Гадина — нечисное животное, а Gr. *κίβως* — iumentum, pecus.

Дрѣждій — дрожжи, а Lat. *de et restat*, quia fex est id, quod restat a vino.

Дякъ — гора, а Lat. *tellus*, *t* mutato in *d*; vel a Gr. *δῖλος* — manifestus, quia mons est maxime conspicuus.

Испитѣскъ — испытываю, a Lat. *ex et tento*.

Корабіе — корабль, a Lat. *arca*, per metathesim et figuram auctionis, qui producitur syllabis *bie*.

Коса — коса, a Lat. *seco*, per metathesim, unde in campania falces dicuntur seculae.

Лопата — лопата, a Gr. *λέπας* — patina; vel a Lat. *pala*, per metathesim et paragogen, quasi *palata*, et per transmutationem *lapata*.

Москаль — москаль, a Lat. *musca*; et *Моссвіа*, quasi terra muscatica.

Пеминтъ — земля, a Lat. *pavimentum*.

Слава — слава, a Lat. *salve* | formula salutandi; vel a Lat. *ex*, quod apud Valachos mutari solet in *s*, et Graeco: *ἐυλαβεία* — religio, reverentia.

Хайна — одежда, a Lat. *trahitus*, *b* exmisso et *t* in *n* converso.

Часъ — часъ, a Lat. *caedo*, *caesum caesura*; quia dies in 24 partes quasi caesuras est divisa.

Чинсте — честь, Hispanis: *chiste*. Valachi Hispanico: *chiste* interponunt *n*, more solito, et fit: *cinste*.

Вошъ, Милосливый Государь, истинно обидное пристрастіе Гг. издашелей лексикона въ Будѣ! Она не пощадила ни *чести*, ни *славы* нашей. Они даже назвали насъ *мухами*. И съ сими-то издашелями Г. Хиждеу соглашается въ значеніи Ромынскихъ словъ, не соглашаясь впрочемъ съ ними въ происхожденіи Ромынского языка опъ древняго Римскаго или Лашинскаго. А мнѣ кажется, скорѣе можно согласишься съ ними въ послѣднемъ, нежели въ первомъ; сподвишь только прочитавъ нѣсколько словъ на Ромынскомъ языкѣ, — и охотно можно приписать оному Лашинское происхожденіе. Вошъ напр. сло-

на Спасителя, Матѣ. гл. 5 стр. 16., которая такъ читается по Ромынски: ашѣ се луминязе луміна вѣспре ыннайште оаменилоръ, ка вѣ вѣндѣ Фѣшпеле вѣспре чѣле бѣне, се марѣскѣ пре шѣпѣль вѣштру чѣлѣ дѣнѣ чѣрюрь.“ Кто здѣсь не видитъ сей основы Латинской?

Для любопытства прилагается при семъ цѣлый разговоръ племянника съ дядею о назаль Ромынскаго или Молдавскаго языка а).

Кишиневъ

2 Марта 1834 года.

а) Разговоръ сей отлагается до слѣдующей книжки Телескопа. Изд.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Сентября 17го дня, 1854 года.

Ценсоръ Алексѣй Болдыревъ.

М О С К В А.

Въ Университетской Типографіи.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

Р ѣ ч ь .

О ДРЕВНЕЙ СКАНДИНАВСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ.

(СОЧИНЕНІЕ АМПЕРА ^а).

Мм. Гг! Всѣ памятники Литтературы, къ которой мы приспупаемъ, писаны на языкѣ, нигдѣ шеперь неупотребляемомъ, кро-

- а) Предлагаемая Рѣчь о Древней Скандинавской Литтературѣ, любопытная во многихъ отношеніяхъ — можетъ быть иногда и въ смыслѣ *отрицательномъ* — есть ничто иное, какъ вступительная лекція, читанная въ Парижскомъ Университетѣ *Амперомъ*, занявшимъ на время мѣсто *Форисла*, на кафедрѣ Иностранной Литтературы. Амперъ, еще молодой человекъ, посвятившій себя изученію *сравнительной Исторіи Литтературъ*, много путешествовалъ по Европѣ, собирая матеріалы для составленія зданія, построенію котораго, какъ говоритъ онъ, *будетъ посвящена вся жизнь его*. Недавно издалъ онъ два тома своихъ сочиненій, подъ названіемъ: *Litterature et Voyage*; въ этихъ томахъ, посвященныхъ преимущественно
- Телеск. Ч. XVIII. 18

мѣ одного острова, почти совершенно неизвѣснаго Европѣ, почти совершенно опчужденнаго отъ свѣта. На этомъ-то, едва обитаемомъ островѣ, сохранилась большая часть сихъ памятниковъ. Въ нихъ заключающагося ученіе религіи, уже восемь столѣтій не существующей, героическія преданія, совершенно чуждыя нашему младенчеству, рассказы изъ Испоріи, копорая, по видимому, едва имѣетъ какую либо связь съ извѣстными намъ Испоріями. Какую же занимательность можетъ имѣть эта Литпература? Члѣ намъ въ этой мрачной древности, въ этой кровавой религіи, въ этихъ варварскихъ языкахъ и пѣсняхъ? Зачѣмъ испоргать ихъ изъ среды сѣверныхъ шумановъ, изъ мрака полярной ночи?

цественно Сѣверу — Германіи и Скандинавіи — со-
держится много любопытныхъ спашей для исто-
рїи литпературы Даніи, Швеціи и Норвегїи, нѣ-
сколько превосходныхъ очерковъ Сѣвера, нѣсколько
біографій и пр. Амперъ общается въ непродол-
жительномъ времени издашь еще томъ, въ коемъ
будуть содержаться: *Воспоминанія о Сициліи* и
ислѣдованія о нѣкоторыхъ частяхъ *Италіанской*
и *Испанской Литпературы*. Первые два тома
почти окончены переводомъ на Русскій языкъ: об-
разчикъ этого перевода предлагается на судъ чи-
тателей. *Перев.*

Но, Мм. Гг. если эпосъ оспровъ, бѣдный и далекой, былъ, въ продолженіи чепырехъ вѣковъ, мѣспопробываніемъ независимой республики, которая имѣла свою Липперашуру, столько же оригинальную, какъ и ея цивилизація; если глубокое изученіе языка, миеологіи, преданій Скандинавскихъ, имъ сохранныхъ, бросающъ драгоцѣнный лучъ свѣта на происхожденіе бѣдшей части эпихъ варварскихъ народовъ, возобновившихъ Европу; если онъ соединитъ Сѣверъ съ Востокомъ, времена новыя съ вѣками древними; если онъ приподниметъ завѣсу съ существенныхъ отношеній германскихъ народовъ къ Греціи и Италіи съ одной, и къ Персіи и Индіи съ другой стороны; если эта Одинова религія, при первомъ взглядѣ кажущаяся такою нелѣпою и чудовищною, заключаетъ, съ довольно правильною космогоническою и философическою системою, слѣды своей исторіи и исторіи племенъ, въ нѣдрахъ коихъ она постепенно образовалась; если героическія пѣсни *Эдды* суть остатки большаго эпического цѣлаго, большаго цикла, общаго наслѣдія германскихъ націй; если слѣды раздробленія эпического цикла найдутся почти во всей Европѣ; если сравненіе эпихъ разсѣ-

янныхъ оспашковъ съ собраніемъ . Скандинавскимъ прояснилъ вопросъ о первобытной поэзіи сближеніями съ образованіемъ эпопеи Гомеровой , сближеніями пѣвцъ болѣе разительными, чпо они почерпнули гораздо далѣе ея; если памятники особаго рода, подъ именемъ *Sagb*, представляють самое богатое развитіе изустнаго разсказа , любопытный переходъ отъ басни къ исторіи; если членіе ихъ , важное по другимъ отношеніямъ, покажетъ лучше, съ какой точки зрѣнія должно изучать Музы Геродотовы и первыя книги Тита Ливія; если лирическая поэзія, въ коей необузданное одушевленіе при видѣ битвы и смерти блистаетъ подлѣ манерной изысканности и кропотливаго педантизма, заключитъ кругъ эпой дивной Липпературы; если наконецъ, какъ восходя къ ея источникамъ , мы были приведены во глубину Востока и въ нѣдра самой отдаленной древности, такъ изслѣдывая вліяніе ея на времена послѣдующія, мы увидимъ, какъ разливалась она въ среднихъ вѣкахъ , даже переходила, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уцѣлѣла до нашихъ временъ ; однимъ словомъ , если эпа забытая почка въ Исторіи Липпературы будетъ имѣть связь съ сполькими мѣстами , эпа минута съ сполькими

вѣками, но, можетъ быть, я буду правъ въ глазахъ вашихъ, что избралъ эту Липпературу предметомъ долговременнаго изученія, цѣлю далекихъ странствованій, и содержаніемъ курса, который открываю теперь передъ вами.

Скандинавская Липпература мало извѣстна у насъ, Мм, Гг! Не приступая къ подробностямъ, я считаю обязанностію кратко изложить передъ вами главнѣйшіе факты и результаты, которые должны сплывать быть представлены и развиты въ этихъ чтеніяхъ.

Для совершеннаго уразумѣнія Липпературы, и въ особенности Липпературы первобытной, необходимо войти въ нѣсколько глубокаго рзысканія о народѣ, ее произведшемъ, о происхожденіи, языкѣ, религіи этого народа. Съ этого и мы начнемъ, Милостивые Государи! Когда узнаемъ Скандинавскіе народы сами по себѣ и въ отношеніи ихъ къ другимъ народамъ; когда ихъ частное развитіе свлжимъ съ общимъ развитіемъ человѣчества, тогда только ихъ липпературные памятники будутъ имѣть для насъ надлежащее значеніе и важность.

Скандинавія, по еспъ земли, сославляющія нынѣ при Государства — Данію,

Швецію и Норвегію, Скандинавія почти вся покрыта народами Германскаго племени. Однакожь другіе народы, чуждые сему племени, нѣкогда занимали бѣольшую часть, обитающъ еще и теперь въ нѣкопрыхъ мѣспахъ и спранспвуютъ на рубежахъ земли Скандинавской. Эти народы соспавляли часть большаго семейспва Финнскихъ націй, копорья, разсѣявшись на Воспокъ и на Западъ отъ Уральскихъ горъ, по видимому, занимали въ опдаленныя эпохи спкое большое проспранство и играли спкую важную роль въ Сѣверныхъ спранахъ Европы и Азіи. Мы сначала сппановимъ вниманіе наше на эспихъ народахъ, копорыхъ можно назваць Кельтами. Сѣвера, коего владѣніе долго спспоривали они у племенъ Германскихъ; эспихъ мнипельныхъ и мрачныхъ народахъ, кои, отъ особеннаго расположенія къ прозрѣнію, рано приобрѣли славу волхвовъ и гадапелей, копору, во многихъ мѣспахъ, они сохранили и по сіе время; племя, нынѣ исчезнувшее между другими племенами или порабопченное ими, но копорое распроспранилась по обоимъ берегамъ Балпійскаго моря, покорило Венгрію, какъ свидѣпельспвуетъ языкъ эспой спраны, основало на ледяныхъ спра-

нахъ Бѣлаго моря Государство, которое производило торговлю съ Воспокомъ, когда повары Индіи опирались по Двинѣ, въ мѣспа, гдѣ нынѣ Архангельскъ; когда Арабскія монеты обращались въ конторахъ Балтійскихъ; а) и, если вѣришь новѣйшимъ мнѣніямъ ориенталистовъ, племя, къ которому принадлежали многочисленные народы Сѣверной Азіи, между прочими Гунны, эписпашные мѣшпители за своихъ брашьевъ — Финновъ, угнѣшенныхъ или порабощенныхъ германскими націями.

Переходя отъ Финновъ, первыхъ обитателей Скандинавіи, къ Германскимъ завоевателямъ, мы увидимъ, что сіи послѣдніе представляли намъ два отдѣленія, два зародыша, такъ сказать, въ недрахъ одно-

а) Кажется, что сіи и нѣкоторыя другія мысли Амперъ почерпнулъ изъ статьи Профессора Копенгагенскаго Унверситета Н. А. Расмуссена — о торговлѣ и сношеніяхъ Арабовъ и Персовъ съ Россією и Скандинавією въ среднемъ вѣкѣ; объ этомъ разсужденіи находится нѣсколько замѣчаній въ сочиненіи Френа: *Den Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*. СПБ. 1823. Сильвестръ де Саси перевелъ его съ Англійскаго изъ *Edinburgh Magazine* на Французскій, присовокупивъ къ нему нѣсколько своихъ замѣчаній. Попомъ уже съ сего языка сдѣланъ переводъ на Русскій и напечатанъ въ 7 и 8 Но *Русскаго Зрителя*, изд. покойнымъ К. Ѳ. Калайдовичемъ. Отсылаемъ читателямъ нашихъ къ этой любопытной статьѣ. *Перев.*

го племени. Поселившіеся въ самыя отдаленныя времена въ Южной Швеціи и въ Даниі, носили имя Готевъ, имя, которое гремѣло во всей Европѣ, которое совершало печеніе свое вмѣстѣ съ солнцемъ опъ береговъ моря Каспійскаго до устья Тага. После Готевъ другая вѣщъ Германская вшорглась на полуостровъ Скандинавскій.

Эти новыя пришельцы назывались Азами, т. е. *сильные, боги*. Предводителъ ихъ назывался *Одиномъ*, именемъ одного изъ главнѣйшихъ божествъ въ системѣ религіи, общей Азамъ и Готамъ, и вѣроятно также большому числу германскихъ націй. Азы, которые, какъ кажется, зашли далѣе на Сѣверъ нежели Готы, Азы утвердили на берегахъ озера Меллара, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи времени былъ основанъ Спокгольмъ, центръ еокрапической и воинственной власти. Готы оспались владѣтелями Южной Швеціи; Азы сильно напирали на Финскія націи и вытѣснили ихъ частію на Сѣверъ въ Лапонію, частію на Сѣверо-Востокъ въ Финляндію. Опуспашельныя войны, которые Азы вели съ Финнами, наполняютъ Скандинавскія преданія: Со всемъ другое происходило у нихъ съ Готами, съ которыми имѣли они общую религію

и происхожденіе. Но Азы, копорые также приняли названіе Шведовъ, (svi thiod) кажутся, присвоили себя въ отношеніи къ Готтамъ нѣкоторую степень религіознаго и политическаго преимуществва, коего слѣды открывающіяся въ средніе вѣка, и, можетъ быть, не исчезли еще и теперь совершенно.

Теперь, откуда пришли эти Готты и Азы? Это значить спрашивалъ, откуда пришли народы Готтскіе и даже всѣ племена Германскіе. Здѣсь вопросъ о происхожденіи народовъ Скандинавскихъ спановишься обширнымъ, ибо онъ соприкасается съ вопросомъ о переселеніи варваровъ. Мы должны будемъ, Мм. Гг., заняться этимъ гигантскимъ событіемъ, мы переплывемъ, такъ сказать, этотъ пошокъ народовъ, слѣдуя по стопамъ Скандинавскихъ націй. Онъ поведетъ насъ на Воспокъ: сперва къ берегамъ Чернаго моря, потомъ въ ущелія Кавказа, врапа, черезъ копорыя прошли племена Азіатскія, родъ каравансерая на большой дорогѣ рода человѣческаго, гдѣ оспанавливались хворые всѣхъ племень, и гдѣ еще находятся какъ бы оспашки каждаго изъ нихъ; наконецъ драгоценныя указанія завлекутъ насъ еще далѣе: руководимые ими, мы увидимъ въ срединѣ и вверху Азіи, на

Сѣверъ Индіи и Персіи, яточку, откуда опсправились шѣ, коихъ мы нашли расселившимися на берегахъ Балпійскаго моря и Бопническаго залива.

Я надѣюсь, Мм. Гг., собрапъ передъ вами доказательспва эпого продолжилельнаго спранспивованія Скандинавскихъ племень по свѣшу, доказательспва, копорыя не оспавяптъ никакого сомнѣнія въ умѣ вашемъ. Но я щедерь же долженъ предупредипъ ваше удивленіе, копорое могло бы родипся при пакомъ положеніи. Какъ, скажете вы вмѣспѣ съ Таципомъ, неужели спали бы они переселяпся изъ болѣе счасливой спраны въ печальную Германію? Я предспавляю различныя исполкованія эпого факта, и на нынѣшній разъ ограничусь слѣдующимъ опвѣщомъ: знаемъ ли мы всѣ древніе переворопны, волновавшіе эши массы людей, шолпившіяся въ цейпрѣ Азіи или перявшіяся по краямъ ея? Изъ среды сего-шо океана народовъ долженспвовали возникнупъ эши великія бури, коихъ послѣднія опгулы едва замѣпили мы въ нашемъ опдаленномъ углу свѣпа; спалкиваясь, разбиваясь другъ о друга, подобно волнамъ, народы сіи въ безпорядкѣ успремлялись всюду, гдѣ шолько находили мѣспо, незабопясь о шомъ, на Югъ или

на Сѣверъ, на Воспокъ или на Западъ шли они, не имѣя опредѣленнаго пупи, опредѣленной земли, направляя свой пупъ пуда, куда были гнѣшомы поспороннею силою, занимая все, что оспавалось незанятымъ, какъ иногда въ толпѣ народа вы повинуетесь эшой безмѣрной и слипой силѣ, которая влечеть васъ въ ту или въ другую спшорону. Такимъ образомъ и народы, волнуемые неопредѣленно изъ спшороны въ спшорону, не избирали свободнымъ образомъ жилищъ своихъ; они подвигались по всемъ направлениямъ, смолпя пошому, какъ заспавляла и гнала ихъ необходимость.

Возерапившись изъ глубины Воспока на полуоспровъ Скандинавскій, мы не на долго оспановимся шамъ, ибо ни на эшомъ полуоспровѣ Скандинавскомъ, занимаемомъ Швеціею и Норвегіею, ни на оспровахъ, или Датскомъ Херсонесѣ, развилась во всей полнопѣ своей національность Скандинавская; не въ эшихъ спранахъ должны были сохранишьса самымъ вѣрнымъ образомъ языкъ, религія, поэпическія преданія племенъ, ихъ населявшихъ; Скандинавія должна была вся перенесшмсь, такъ сказать, на одинъ оспровъ; эшопъ оспровъ долженспво-валъ бышь убѣжищемъ и какъ бы ковчегомъ

генія народовъ Германскихъ, и передалъ намъ нѣкогда всѣ письменные памятники, гдѣ онъ сохранился во всей чистотѣ своей. Объ эпохѣ-по замѣчательной странѣ я долженъ говорить вамъ.

Подъ полярнымъ кругомъ, между сѣвѣрною оконечностію Европы и восточнымъ берегомъ Америки, на рубежѣ живаго свѣта, лежить одна изъ самыхъ давнихъ странъ, на которахъ люди когда нибудь обитали: — это Исландія. Представляете себѣ огромный островъ, почти весь состоящій изъ вулканическихъ произведеній, прорѣзанный въ разныхъ направленіяхъ лавою, покрытый краперами и льдомъ. Все въ этой сѣвѣрной странѣ показываетъ, что вы идете надъ горящею бездною; вы перешли снѣжную скаперу и нога понептъ въ жидкой сѣрѣ. Здѣсь перемежные водометы извергаютъ на сто футовъ вышины кипящую воду, пламя, столпы теплыхъ паровъ выходятъ изъ нѣдръ земли, и образуютъ резервуары теплаго воздуха въ лонѣ ледяной атмосферы. Исландія есть вулканъ со многими опверсіями; безъ сомнѣнія она нѣкогда вышла изъ моря, ее окружающаго; сила, которая испоргла ее, продолжаетъ работу свою, и теперь кажется, что посреди этихъ льдовъ, въ

своемъ долекомъ уединеніи, Исландіи медленно оканчиваетъ пожирать самое себя.

Ничто не можетъ быть угрюмѣе, пустыннѣе внутренности такой страны, какъ можно себѣ представить. Только одни берега обитаемы, середина же есть ничто иное какъ спелень лавы, гдѣ не встрѣпишь ни одного дерева, ни одного живаго существа. Лишь въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Исландіи можетъ сообщаться съ оспальнымъ свѣтомъ. Въ теченіи долгой зимы своей, она опдѣлена бурями, и опчаспи заграждена льдами, взгромождаемыми силою воды на берегахъ ея. Часто встрѣчаютъ бѣлыхъ медвѣдей, которые приплываютъ на эпихъ льдинахъ, бѣгущихъ съ невѣроятною быспрошою, и если вдругъ наснигаепъ погда буря, поднимающая и колеблющая эпи плавучія громады, они спалкиваются другъ о друга и разбиваются съ ужаснѣйшимъ грохотомъ. Освѣпите подобную сцену крововымъ свѣтомъ сѣверной зари, смѣшанной съ опблескомъ волакановъ, и опражающей на снѣгу; къ эпимъ бурямъ сѣвернаго океана присоедините еще движенія подземныхъ буръ, волнообразно поднимающихъ грунтъ полуоспывшей лавы, и вы будете имѣть по-

няшіе о томъ, что можеть представитъ самаго ужаснѣйшаго и самаго величественнаго сѣверная природа: такова Исландія, и любовь къ отечеству такъ слѣпа у всѣхъ народовъ, что національная пословица говоритъ: „нѣтъ подъ солнцемъ спраны краше Исландіи.“

Исландія была населена въ IX столѣтіи, въ слѣдствіе переворота, который починъ въ одно время совершился въ Даніи, Швеціи и Норвегіи. Въ то время были основаны эппи Государства; нѣсколько ловкихъ предводителей покорили другихъ власпи своей. Тѣ, которымъ эппа перемѣна не нравилась, тѣ, которые сожалѣли о прежней независимости, покинули отечество и бѣлая часть спала искать убѣжища въ Исландіи. Такимъ образомъ Исландія сдѣлалась прибѣжищемъ всѣхъ тѣхъ, кои сильнѣе были привязаны къ народнымъ преданіямъ. Сии бѣглецы унесли съ собою древнюю Религію Сѣвера, устроили родъ патріархальной республики, управляемой президентомъ, называвшимся *мужемъ закона*. Такое положеніе вещей продолжалось чепыре столѣтія. Исландецъ, въ молодости былъ купцемъ или морскимъ разбойникомъ, иногда пѣмъ и другимъ вмѣстѣ; потомъ онъ возвращался на островъ,

жилъ въ своемъ деревянномъ домѣ, своими спадами, опчаспи земледѣлемъ, шамъ, гдѣ оно было возможно, и дѣлилъ время между домашними хлопотами, мѣспиными собраніями каждой области, и общимъ собраніемъ, которое бывало одинъ разъ въ годъ, на волканической пѣской возвышенности Тингъ Валла (Thing - Valla), называвшейся также *горой закона*. Присоединиле къ эпому нѣсколько рукопашныхъ дракъ, къ которымъ подавали случай ссоры разныхъ семействъ, попомъ процессъ, и вы будете имѣть довольно полное понятіе объ образѣ жизни Исландца. Въ досуги, оспававшіяся у него опъ эпой мало занятой жизни, онъ или сочинялъ, или слушалъ рассказы и пѣсни. Благодаря различнымъ обстоятельствомъ, благопріятствовавшимъ эпой природной склонности, Исландія вскорѣ сдѣлалась главнымъ мѣспопребываніемъ Скандинавской Литпературы, и вошь опчего Литпература и языкъ, на которомъ она сохранилась, безразлично были называемы Скандинавскими и Исландскими.

Эпошь языкъ принадлежишь къ фамиліи языковъ Германскихъ. Мы опредѣлимъ мѣспо, которое онъ занимаетъ между ни-

ми, и мѣсто, которое занимаетъ въ общей системѣ языковъ фамилія, коей часть составляетъ онъ.

Здѣсь мы должны будемъ положить нѣкоторые основныя начала эпимологической науки, чтобы не увлекаться ложными мнѣніями а).

Мы рассмотримъ правила, которыми должна руководствоваться спрогая криптика въ сближеніяхъ словъ или грамматическихкихъ формъ, которыя она сравниваетъ.

Благодаря новѣйшимъ трудамъ, предпринятымъ въ Германіи и на Сѣверѣ, и съ успѣхомъ продолжающимся во Франціи, эпимологическая наука, которой слишкомъ далекія попышки придали нѣчто смѣшное, сдѣлалось нынѣ наукою философическою и вмѣстѣ положительною. Драгоценный и нерѣдко единственный свѣспильникъ, она часто озаряетъ по, что Исторія оставляетъ иногда въ тѣни — родство и колыбель народовъ. Припомъ, взяная сама по себѣ, она представляетъ занимательность,

а) Въ книгѣ Ампера помѣщена статья, на которую онъ ссылается въ этомъ мѣстѣ, именно: *Нѣсколько началъ для сравнительной исторіи языковъ*. Надеемся познакомить съ нею читателей въ слѣдующей книжкѣ Телескопа. *Перев.*

независимую опть этого рода услугъ, Испорія языковъ можешъ назваться Анапомією, или, лучше сказать, сравнительною Физиологією; ибо языкъ естъ какъ бы живое существо, коего организмъ развивается по непремѣннымъ законамъ. Мы будемъ изучать этотъ организмъ, установимъ нѣкоторыя изъ его законовъ, прежде нежели приступимъ къ сравненію идіомовъ германскихъ съ другими идіомами, на нихъ похожими. Тогда, занявшись этимъ сравненіемъ, мы будемъ въ состояніи придать ему какую нибудь методу и основанію. Результаты, которыхъ достигнемъ мы, будутъ любопытны и вмѣстѣ огромны, и слѣдовательно будутъ спольны того, чшобы приближаться къ нимъ тихо, шагъ за шагомъ, съ благоразуміемъ и оспорожностію. Не разительный ли фактъ, напримѣръ, представляешъ аналогія, существующая между Германскими языками и языками Греческимъ и Латинскимъ. Боже мой! Чшобы подумала древность, сполько презиравшая, пакъ мало знакомая со всѣмъ, принадлежавшимъ варварамъ? Чшобы спали говорить Римляне, если бы сказали имъ, чшо эти Готы, эти Франки, которыхъ они почти не считали за челоѣковъ, говорили языкомъ, коихъ главнѣйшіе корни находи-

лись въ ихъ собственномъ языкѣ, коего неизвѣстная Грамматика была ничто иное какъ довольно вѣрная передѣлка Грамматики Софокла и Демосеена, Цицерона и Виргилія?

Для опкрытія эпои истины нужно было, чпобы послѣ многихъ вѣковъ попомки эпихъ варваровъ завели библіотеки и академіи въ Херсонесъ Кимврическомъ и въ спранѣ Капшовъ.

Это еще не все, и другія аналогіи, не менѣе вѣрныя, соединяють языки Германскіе съ древними идіомами Персіи и Индіи, въ поже время пакъ пѣсно соединенными съ идіомами Греціи и Италіи; и, вопъ во второй разъ мы коснемся опдаленныхъ спранѣ Востока, опправляясь изъ Исландіи.

Наконецъ, послѣ изслѣдованій о племени и языкахъ, прешій предметъ изслѣдованія довершилъ предварительное приготовление наше къ Липцературѣ Скандинавскихъ народовъ. Я говорю объ религіи.

Въ наше время, Мм. Гг., не позволено уже видѣшь въ миеологіи одну только игру фантазіи поэшовъ; эпо значило бы вводилъ въ исторію ума человѣческаго заблужденіе, которое господствовало нѣкогда въ изученіи міра физическаго, когда приписывали игръ природы то, чего не могли подвеспи подѣ

законы ея: равнымъ образомъ по общимъ законамъ образуется и эта блестящая кристаллизація, странная по наружности, правильная въ основаніи, которую называютъ мифологіей.

Но, чтобы достичьъ этихъ общихъ законовъ, надобно тщательнымъ образомъ опредѣлить частныя факты, изъ которыхъ должны происходить они, и здѣсь представляются важныя затрудненія. Ничего нѣтъ сложнѣе и различнѣе мифологій, ибо онѣ образуются въ ту эпоху мысли человѣческой, когда неопредѣленность ея равняется ея смѣлости. Въ нихъ находишься все — и понятія, которыхъ люди, въ невѣжествѣ своемъ, стараются создать себѣ о началѣ и концѣ вещей, о естествѣ Бога и строеніи вселенной, и событія, коихъ память любопытна для нихъ, ихъ собственная исторія, которая смѣшивается въ умѣ съ исторіей ихъ религіи и боговъ. Стремленіе къ истинѣ, безумное суевѣріе, правдоподобныя преданія, баснословныя легенды, предчувствіе добра и зла, живописныя побужденія, созерцаніе безконечнаго и грубыя заблужденія — изъ всего этого и тысячи другихъ вещей образуется хаосъ, освѣщаемый ослѣпительными проблесками. Въ эпоху-то

хаосъ должно будетъ спуститься намъ, чпобы найпи въ немъ различные элементы, копорые совершають смѣшанное броженіе въ нѣдрахъ его.

Чпобы пролишь нѣкоторый свѣтъ на миеологію Скандинавскую, прежде всего я предспавлю вамъ полную картину ея. Я построю передъ вами эпопѣ міръ, или лучше сказаць, эпи міры, коихъ симметрическое *надъ-положеніе* (*super-positio*) или *со-положеніе* (*juxta-positio*) образують, по понятіямъ Скандинавскимъ, зданіе вселенной. Я разовью передъ вашими взорами эпо великую космогоническую драму, копорая опкрываепся рожденіемъ міра и оканчиваепся капаспрофою, въ коей земля, небо и всѣ боги погибають для возрожденія; плачевная драма, надъ коей носятса съ одного конца на другой воинспвенная шоска и роковое предчувспвіе. Эпо жизнь, вытекающая изъ мраковъ и льдовъ бездны, эпо вселенная, построенная изъ оспалковъ прупа, кровавый попопѣ, боги, спрадающіе и борющіеся, боги, копорые знаютъ, чпо они должны умереть; эпо Балдеръ, погибающій опъ руки брата; эпо Одинъ, коего пожираепъ волкъ: наконецъ эпо всеобщее разрушеніе сущеспвъ. Созерцая эпи грозныя явленія,

переносилъся въ средину фантомовъ Сѣвера какъ бы чувствуешь его душу, гнѣпомую хладомъ и мракомъ, исчезаешь съ эпою пуманною вселенною. Если при концѣ проблещешь передъ вами заря новой жизни, жизни болѣе тихой и ясной, эта заря — похожа на нѣ сѣверныя сіянія, которыя пылають яркой пучиной свѣта среди продолжительной зимы, не разсѣвая однакожь мрака ея.

Разсмотрѣвши сіи великіе и мрачные символы, мы попытаемся проникнуть смыслъ ихъ, не мѣлочнымъ исполкованіемъ, которое въ произвольныхъ подробностяхъ преслѣдуетъ химеру полного изъясненія; но придержаваясь какихъ нибудь основныхъ идей, мы сравнимъ главныя миѳы эпои религіи съ нѣми, которые дѣйствительнымъ образомъ могутъ имъ соотвѣтствовать въ религіяхъ Востока и Древности; наконецъ мы воспросимъ у миеологіи скандинавской ея собственную исторію, мы опшщемъ въ нѣдрахъ ея слѣды перевороповъ, коимъ она подвергалась. Мы постараемся опредѣлить ея почку опшравленія и предѣлы ея объема. Здѣсь совпаденіе результатовъ, къ коимъ приведетъ насъ эпо разысканіе съ результатами, которые доставилъ намъ подобная же работа касательно племень и

языковъ Скандинавскихъ, позволить намъ съ увѣренностию дойти до заключеній, которыя, можетъ быть, несовсѣмъ маловажны для изученія происхожденій и переселеній народовъ, и для исторіи рода человѣческаго,

Приготовившись такимъ образомъ къ изученію памятниковъ Липпературны Скандинавской, мы приступимъ къ самимъ памятникамъ.

Мы сначала будемъ говорить о самыхъ знаменитыхъ — объ *Эддахъ*.

Есть два собранія, совершенно различныя по свойству и по сочиненію, и которыя оба носятъ названіе *Эдды*. Менѣе древнее есть сочиненіе послѣдняго великаго человѣка Исландіи — Снорри Стурлезона, умершаго въ половинѣ XIII столѣтія (1241). Сія *Эдда* состоить изъ многихъ прапатовъ въ прозѣ о мифологіи и фигурномъ языкѣ, употребляемыхъ Скальдами или скандинавскими поэтами. Первая часть, въ формѣ разговорной, содержишь ученое изложеніе скандинавской мифологіи, сдѣланное гораздо послѣ того времени, когда въ нее не вѣрили уже болѣе; и съ цѣлію чисто липпературною. Эта часть *Эдды* Снорри Стурлезона есть твореніе мифографа; это нѣкоторымъ образомъ мифо-

логическій словарь. Въ другой части заключаея собраніе поэпическихъ выраженій, изобрѣпленныхъ Скальдами, перифразовъ, освященныхъ между ними, и, можно смѣло сказать, *классическихъ*, довольно сходныхъ съ шѣмъ, что находимъ мы въ какомъ нибудь *Gradus ad Parnassum*. Это собраніе имѣло цѣлю облегчить для тѣхъ, копорые любятъ читать произведенія народной поэзіи на чудесномъ языкѣ древнихъ Скандинавовъ, облегчить для нихъ уразумѣніе и употребленіе языка Скальдовъ.

Наконецъ къ эпимъ двумъ частямъ авторъ присовокупилъ начертаніе Грамматики, Репорики и Просодіи, копорая довольно педантически оканчивается странною поэмою, въ коей заключаюпся всѣ формы Скандинавскаго стихосложенія, родъ метрики въ примѣрахъ, и копорую авторъ назвалъ *Просодическимъ ключемъ*.

Такова *Эдда* Снорри, называемая такъ же *Эддою* въ прозѣ, *новою Эддою*, единственная, изъ копорой часть переведена на Французскій языкъ Маллепомъ; сборникъ драгоценный по фактамъ, въ немъ заключающимся, но безъ занимательности, безъ достоинства поэпическаго, копорый столь же мало походитъ на другую *Эдду*, на *Эдду*

въ стихахъ, на древнюю и истинную *Эдду*, какъ библіотека Аполлодора на поэтическія произведенія Гомера.

Эта древняя *Эдда* есть собраніе поэмъ и опривковъ изъ поэмъ миеологическихъ, гномическихъ, героическихъ, собранныхъ въ XI вѣкѣ однимъ Исландцемъ по имени Сеймундомъ (Semund). Сочинители ихъ неизвѣстны; время сочиненія опредѣлить трудно. Онѣ восходятъ, по крайней мѣрѣ нѣкопорыя изъ нихъ, за нѣсколько вѣковъ до времени ихъ собранія.

Миеологическія поэмы заключаютъ въ себѣ драмы эпои мрачной и воинственной религіи, о которой я говорилъ вамъ. Часто онѣ впечатлѣны, подобно ей, угрюмымъ величіемъ, высокою грустію.

Такова *Волупса* (*Volupsa*), самая выжнѣйшая изъ миеологическихъ поэмъ *Эдды*, оспашокъ поперянной космогоніи, начинающейся образованіемъ вселенной и оканчивающейся всеожженіемъ, въ коемъ она должна погибнуть; эпои пашнственной выраженіе мисперій и оракуловъ; эпои слипное видѣніе, величественное и грозное; эпои въ одно время *Книга Бытія* и *Апокалипсисъ* Съвера.

Далеко отсюда, Мм. Гг., до эпоихъ грубыхъ сапирическихъ поэмъ, копорыя также на-

ходяпся въ мифологической части *Эдды*, и гдѣ божества скандинавскіе представляюпся въ смѣшномъ видѣ, гдѣ лукавый Локи безжалостно смѣется надъ геройствомъ боговъ и цѣломудріемъ богинь, гдѣ обладапель громовъ дѣлается лицомъ глупымъ и прожорливымъ; между этими двумя родами поэзіи такоже разспояніи, какое находится между *Теогонію* Гезіода и глумленіями Лукіана.

Одна нравоучительная поэма, *Гава-Маль*, (*Hava-Mal*) содержитъ изрѣченія древней мудрости Скандинавскихъ народовъ: эпо драгоцѣнный залогъ изуспной философіи, которую собираетъ рождающаяся опытность первыхъ временъ, которую послѣдующіе вѣка передаютъ другъ другу, которая позднѣе такъ долго сохраняется, и спранспвуетъ такъ долго въ живой и народной формѣ пословицы: подлѣ этой поэмы находится ученіе магіи, этой науки объ рунахъ, которую можно назватъ кабалистикую Сѣвера.

Другая поэма *Эдды* (пѣснь Рига) содержитъ подъ покровомъ символическаго мифа, исторію происхожденія скандинавскаго общества и показываетъ въ ней рожденіе чиновположеній, опы различія колѣнъ,

что въ другихъ мѣстахъ называлось ка-спами.

Я оставляю безъ вниманія многія любопытныя часты *Эдды*, между прочимъ эпю дивную *Пѣснь Солнцу*, единственную христіанскую піесу въ ней заключающуюся; это описаніе невидимаго міра, которое, какъ говорятъ, произнесъ Сеймундъ, пробужденный на одну нинушу отъ смершнаго сна; описаніе, гдѣ самыя грозныя догматы католицизма соспавляютъ странное смѣшеніе съ мѣами единизма; гдѣ видѣтъ Исландецъ XII вѣка, можетъ быть, вдохновенный эпимъ плачевными изображеніями вѣчныхъ мученій, которыя занимали тогда южное воображеніе, Исландецъ, который изображенія эпю опщвѣчиваетъ мрачными красками своего неба, кровавымъ опблескомъ своихъ преданій, и заимствуя у двухъ религій ихъ ужасы, созидаетъ адъ, гдѣ съ воспоминаніями *Волупсы* сливается вдохновеніе Данпа.

Перехожу къ самой любопытной часты *Эдды*, къ часты героической.

Всѣ поэмы, ее соспавляющія, за исключеніемъ одной, относятся къ обширному кругу событій, въ коихъ во всѣхъ со-держатся исторія одной фамиліи, фами-

ліи Фольсунговъ, и преимущественно участь одного воина по имени Сигурда.

Сигурдъ — герой Сѣвера. Великая слава, плачевный и быспрый конецъ — такова участь его, равнымъ образомъ участь Ахиллеса, и, замѣчательно, что въ Скандинавіи, также какъ и въ Греціи, одна меланхолическая мысль неразлучна съ мыслию о храброспи и славѣ, что у обоихъ народовъ главнѣйшій герой погибаетъ во всемъ блескѣ молодоспи и поржеспива. Идеаль жизнь человѣческой равнымъ образомъ казался для нихъ блестящимъ и кратковременнымъ поприщемъ, безъ опцвѣта, безъ спароспи, оставляющимъ послѣ себя долги скорби, долгую славу; на Сѣверѣ къ этому прибавили еще долгое мщеніе.

Сигурдъ есть центръ великаго эпического цикла, о которомъ я говорилъ вамъ при началѣ этого чпенія. Исторія этого цикла есть безъ сомнѣнія одна изъ самыхъ любопытнѣйшихъ спраницъ въ льпописяхъ первобытной Литпературы. Не всегда бываетъ возможно въ такой полноспѣ разобрать различные элементы и съ такою точноспію изслѣдовать всѣ пупи, черезъ которыя переходила эпическая легенда. Свѣспѣ, проливаемый подобнымъ разысканіемъ, отражаетъ

ся на всѣхъ разысканіяхъ такого рода. Посему мы со всею подробностію займемся эпою монархіею, изъ коей можно извлечь матеріалы, которые могутъ дополнить исторію образованія эпоеи Греческой и эпоей Среднихъ Вѣковъ и Востока.

Мы разсмотримъ во первыхъ героическую судьбу Сигурда, руководствуясь преложениемъ Скандинавскимъ, заключающимся въ *Эддѣ*. Мы увидимъ Героя, на драконѣ завоевающаго роковое сокровище, опъ котораго зависяпъ его несчастія и смерть; потомъ герой эпопъ отправляется на гору, чпобы пробудить Валкирію въ ея замкѣ, окруженномъ пламенемъ; наконецъ онъ, жертва ревности и спраспи женщины, погибаетъ опъ руки одного измѣнника; и па, чья любовь претовала его смерти, убиваетъ себя, чпобы слѣдовать за нимъ. Въ это время начинаются новыя приключенія, и — странная вещь — здѣсь являюпся имена историческія; величайшія имена варварства вмѣшиваюпся въ эпю исландскую легенду: вдова Сигурда спановилась супругою Короля Гунновъ, по имени Аппи, въ которомъ нельзя не признапъ ужаснаго Аппилы. Съ этого времени ужасы слѣдуютъ за ужасами. Чпобы опмспитъ за братьевъ

своихъ , преданныхъ смерти рукою Атли , непримиримая Гудруна умерщвляетъ его , предложивши ему напередъ пиръ Априи. Наконецъ лице Германика , этого могучаго властелина народовъ Готскихъ , коего царство простиралось отъ Чернаго моря до Балтійскаго , лице Германика заключаетъ рядъ эпихъ лицъ , переданныхъ поэзи опчаспи Миеологіею , опчаспи Испоріею.

Но не въ одной только Скандинавіи , не въ однѣхъ героическихъ пѣсняхъ *Эдды* сохранились эти прагическія приключенія. Поэма Нибелунговъ , писанная въ Германіи въ XIII столѣтіи , слагается изъ ряда событій , коихъ аналогія съ вышеизложенными событіями никоимъ образомъ не можетъ быть опвергнута; это другое преложеніе того же разсказа , другое изданіе того же цикла. Какой фактъ можетъ быть любопытнѣе двухъ эпихъ воздѣльваній одной эпической почвы , у двухъ народовъ , на двухъ различныхъ языкахъ , на разстояніи многихъ вѣковъ ! Любопытно будетъ , Мм. Гр. , сравнить это преложеніе Нѣмецкое съ преложеніемъ Скандинавскимъ , показать , что въ нихъ общаго и различнаго , объяснить это сходство и различіе.

Вы можете напередъ уже предвидѣть, Мм. Гг., сколько пользы можете принести эпо изученіе для другихъ первобытныхъ поэзій. Такимъ образомъ, касательно произведеній гомерическихъ, мы имѣемъ только окончательный результатъ, мы не имѣемъ различныхъ степеней переработыванія, болѣе или менѣе продолжительнаго, болѣе или менѣе сложнаго, изъ котораго вышли они. Критика обязана оплечить прежде всего различные элементы, сплавленные вмѣстѣ для того, чтобы образовали эпическія созданія, коимъ въ продолженіи прехъ тысячелѣтій не перестаетъ удивляться образованнѣйшая часть человеческого рода. Критика спарается открытъ въ этомъ чудесномъ произведеніи героическихъ вѣковъ Греціи слѣды многихъ постепенныхъ преобразованій; но этого не иначе можете достигнуть она, какъ посредствомъ наведенія; здѣсь существуютъ памятники эпическихъ преобразованій, въ *Эддѣ* имѣемъ мы отдѣльные распадѣ, а распадѣ соединенныя въ одно шло поэмы — въ *Набелунгахъ*.

Дошедши до эпои почки, мы узнаемъ исторію цикла и двухъ главнѣйшихъ его видоизмѣненій. Мы увидимъ, какъ на древ-

немъ скандинавскомъ миѣѣ, вѣспочнаго про-
изхожденія, привилось воспоминаніе объ
Апшиль и Германикѣ, какъ попомъ въ Гер-
маніи въ средніе вѣка на эпому варварскомъ,
идолопоклонникомъ фондѣ, въ половину раз-
лилась краска рыцарская и христіанская.

Распространивши тогда кругъ нашихъ
изслѣдованій, мы будемъ въ другомъ мѣспѣ
искашь оспашковъ пого же цикла, опзвукоеъ
пой же легенды. Мы найдемъ ихъ почти во
всей Европѣ, опъ подошвы Геклы до Аппе-
нинъ, опъ береговъ Балшійскаго моря до Лоа-
ры, опъ средины Польши до сердца Англии.

Такимъ образомъ будетъ възспановле-
но бытіе поэзіи, произведенной герман-
скими народами, поэзіи, копорая вѣспрѣ-
чаелся почти вездѣ, гдѣ полько появля-
лись сіи народы. Эпо поэпическій возрастъ,
совершенно предшеспвующій эпохѣ рыцар-
ской Литпературы.

Вошъ, Мм. Гг., героическіе вѣка но-
выхъ народовъ; она имѣла также свою Илі-
аду, эпа варварская Европа, Иліаду, коей
испорію переписываелъ шеперь Тьерри,
съ швердоспію ровняющеюся его несчастію
и шаланшу, Иліаду, красками коей величай-
шій писапелъ нашего времени оппѣнилъ

нѣсколько безсмертныхъ оприлицъ *Мучениковъ* и *Изслѣдованій* (Etudes).

Мнѣ оспается сказать слова два о *Сагахъ* и *Скальдахъ*.

Саги опнюдь не поэмы, какъ многіе, кажешя, думали. Это прозаическіе рассказы, принадлежащіе къ роду сочиненій, который не бесполезно будетъ здѣсь обозначить.

Сага не есть особенная принадлежность Исландіи; это всеобщій фактъ въ ходѣ ума человеческого. *Сага*, какъ показываетъ самое слово, есть то, что говорятъ, рассказываютъ; это простодушная исторія соотвѣтствующая простодушной поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, каждому видоизмѣненію этой поэзіи соотвѣтствуетъ какой нибудь видъ *саги*. Во всякое данное время, что поютъ одни; то другіе рассказываютъ. Рядомъ съ поэзіею миеологическою, вездѣ самую древнюю, вы найдете религіозныя *саги*, священныя преданія, которые передаются въ храмахъ; когда наступаютъ вѣкъ героической поэзіи, всегда воспѣваемый, наступаютъ также и вѣкъ героическихъ преданій рассказываемыхъ, если можно такъ выразиться: таковы по большой части скандинавскія саги;

Это исторія безъ крипики, эпопея безъ формы, романъ безъ произвольнаго вымысла; это изустное преданіе, въ которое вѣрятъ и рассказывающіе, и слушающіе. Въ Геродотѣ много сагъ Греческихъ; первыя книги Тита Ливія суть саги Римскія, рассказанныя историкомъ-архиспомъ. Но если сага существовала вездѣ, гдѣ существовала первобытная поэзія, за то Исландія превосходитъ всѣ другія страны своимъ богатствомъ въ этомъ родѣ преданій. Мы сдѣлаемъ опись этого богатства; сдѣлаемъ классификацію эпихъ многочисленныхъ памятниковъ, которые, не смотря на ихъ общее наименованіе, такъ рѣзко опличаются предметомъ и качествомъ рассказа. Мы размѣстимъ въ различныхъ категоріяхъ — саги эпическія, которые воспроизводятъ въ своемъ прозаическомъ рассказѣ и во многихъ отношеніяхъ дополняютъ циклъ *Эдды* и циклъ *Нибелунговъ*; — саги героическія, которые рассказываютъ исполненную убійства и кровосмѣшенія жизнь нѣкоторыхъ семействъ, коихъ прагическая знаменитость походитъ на ту, которая въ Греціи нераздѣльна съ именами Апридовъ и Лабдакидовъ; — саги историческія, которые содержатъ по занимательныя біографіи отдѣльныхъ лицъ, по

любопытныя фамильныя лѣпописи, иногда разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ, какъ напр. о колонизаціи или переворопахъ Исландіи, объ открытіи Гренландіи или Америки, за чепыре столѣтія до Колумба, и которыя всегда представляють живую и вѣрную картину древней германской жизни, древнихъ нравовъ; наконецъ — саги романическія и чудесныя, гдѣ самовольство фантазіи и причуды народнаго суевѣрія наводняють мало по малу и наконецъ совершенно запопляютъ величественныя преданія мифологіи и просподушные разсказы исторій.

Въ заключеніе я покажѹ вамъ нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ образцовъ поэзіи *Скальдоевъ*. Эта поэзія вѣка, слѣдовавшаго уже послѣ *Эдды*, не имѣетъ величія и простоты сей послѣдней. Вы удивитесь, Мм. Гг., когда узнаете, что уже съ X вѣка наступила эпоха упадка и испорченнаго вкуса для Литтературы Исландской. Спранная вещь! Эпи разбойники Геклы просширала далеко ненависть къ собственнымъ словамъ и любовь къ перифразамъ гораздо иначе, нежели Мольеровы *précieuses ridicules*. Это служить доказательствомъ, что испорченность литтературная не всегда идетъ на

родныхъ пѣсенъ Скандинавіи новой. Мы останемся на поляхъ древней Скандинавіи.

Вы могли видѣть, что эпа Липшерапура, какъ бы започенная въ спранахъ опдаленныхъ и неизвѣстныхъ, заключаетъ въ себя цѣлый міръ, который имѣетъ свою миеологію, свою поэзію, свою исторію, и что эпошъ опдѣльный міръ не безъ опношеній къ происливенному міру Воспока, Древности и времяъ Новыхъ. Какъ ни быспръ, какъ ни неполонъ эпошъ очеркъ, онъ можетъ однакожъ дать вамъ поняіе о помъ, что въспръшися намъ на эпошъ поприщъ, на которое вы удоспоиваете меня своимъ сопуствиемъ. Милосливые Государи! Да поможетъ ваша благосклонность, на которую я не приношу другихъ правъ, кромъ постоянныхъ заняшій и усердія, да поможетъ она пройши мнѣ эпо поприще!

В. Межевичъ.

II.

Б Е А Т А.

1780.

I.

Было не болѣе двухъ часовъ, какъ больные въ городѣ Спа, водопійцы, лѣнивицы и игроки, полпились въ залъ госпиницы при ваннахъ, вдругъ дверь распахнулась на обѣ половинки. Сначала хлынулъ изъ нея густой паръ отъ чрезмѣрнаго жару, раздались грубые звуки голосовъ, показался блескъ тысячи восковыхъ свѣчь, попомъ вышелъ синій фракъ съ длинными фалдами и опложнымъ воронникомъ, шпаны изъ желтой кожи, заляпанные виномъ и пуншемъ, запыленные со шпорами сапоги, руки въ тонкихъ кружевныхъ манжетахъ; лице, сіяющее удовольствіемъ, чело сверкающее попомъ, щеки, пабагровѣвшія отъ хмѣлю, двадцатилѣтняя голова, покрывшая снѣгомъ пудры, однимъ словомъ, молодой человекъ, копорый, не оглядываясь ни на право ни на лѣво, полкалъ, и напыкался на все встрѣ-

чавшесся ему и прыгаль по ступенькамъ лѣспницы, подобно влюбленному кошу.

— Сударь! Сударь! вы уронили ваши перчашки и деньги! —

Безполезные крики, напрасные пруды; онъ уже далеко, очень далеко, онъ уже за дверью; онъ перепрыгнулъ черезъ лѣспницу, черезъ перисциль, перебѣжалъ дворъ и аллеи сада, перескочилъ черезъ рѣшетку ваннъ и уже отдыхаелъ въ доброй почповой коляскѣ, совершенно заложеной и головой принявъ въ себя какого нибудь путешественника, подько конечно не эпого. Но что нужды? Баспа! погоняй! ѣдемъ!

— Кудаже прикажете ѣхать, сударь?

— Куда хочешь.

— Но, сударь!...

— Спупай, куда глаза глядятъ! вопъ пяпъ флориновъ — зашвори дверцы и пошелъ! —

Колеса лобызаяупъ землю, лошади бьютъ ее, бичь свиспипъ въ воздухѣ, почпальонъ курипъ шрубку, и коляска капишся въ прекрасную лѣшнюю ночь, подъ прекраснымъ звѣзднымъ небомъ, по дорогѣ, совершенно противоположной шой, по копо-

рой бы ей должно было слѣдовать... Послѣ продолжительнаго получасу, человекъ на поненъкихъ ножкахъ, сходящъ съ лошади, оставляетъ повозку медленно взбираясь на гору, выпрягаетъ изъ прубки золу, набиваетъ ее снова пабакомъ, и по проекральной запряжкѣ, еще въ первый разъ открываетъ свой ропъ, и бормочетъ про себя со всею нѣмецкою живостію: „миѣ кажепся, что эптопъ молодой человекъ сошелъ съ ума... Да, онъ сошелъ съ ума отъ радости, пакъ сошелъ съ ума, что его надобно бы связать, онъ пьянъ, во спо разъ пьянѣе человека, проведеннаго воскресный день у заспавы, пьянѣе Англійской каютъ-юнгги, ѣдущей изъ Индіи, пьянѣе бабы, возвращающейся съ Гревской площади. — Онъ игралъ, онъ выигралъ... , 15,000 флориновъ скачуть съ нимъ, у него вездѣ золото, въ фалдахъ, въ корманахъ, въ головѣ, въ ушахъ... ,

— Красный прошелъ, нечетъ выигралъ, ворчалъ онъ, сидя въ коляскѣ, не смотря на ужасный скръпъ колесъ и качку экипажа, отъ копорой онъ могъ прикусить языкъ.

— Красный прошелъ, нечетъ выигралъ... Мое!—Извольте играть, господа.—

Красный прошелъ, нечепъ выигралъ... Опять мое! — Красный прошелъ, нечепъ выигралъ... И золопо горой громоздился передъ нимъ, и при блескъ свѣчь горипъ, какъ пылающій Везувій.... Эпа туча головъ, всгромоздившихся и нависшихъ надъ сполами, эпо множество рукъ, опъ зеленого сукна переходящихъ къ карману, эпа шолна игроковъ, зрищелей — все исчезло; онъ видипъ только одну вещь — зеленое поле; одного человекъ — банкира; онъ слышипъ только спукъ капающихся шаровъ, онъ понимаепъ только по, что красный прошелъ, нечепъ выигралъ; у него руки только для того, что бы загребать ими золопо, которое ему мечупъ, у него чувства только для того, что бы выигрывать... Онъ въ забыпши.

— Пустые тѣ люди, которые бѣгаютъ игры, какъ бѣшеной сабаки! вскричалъ онъ... Пустые тѣ люди, которые, живя на свѣпъ, только и знаюпъ, что ѣспъ, спашъ и волочишься!... Эпо скопы!.. О, пысячекратно благодарю васъ, милые друзья! вы сказали мнѣ: играй, и будешь человекъ... благодарю, ибо первый мой флоринъ доспавилъ мнѣ кучу золопа и наслаждений... а что всего важнѣе, я спалъ

жизнь полною жизнью; благодаря вамъ, я понялъ цѣль жизни; мнѣ извѣстны пеперъ ощущенія, скрывающіяся подъ чепырьмя буквами слова: *игра!* О волшебное, очаровательное *красный* или *черный!* *выигрышь* или *проигрышь!* здѣсь нѣтъ середины! здѣсь какъ будто бы висишь въ воздухѣ, безъ голоса, безъ дыханія, головой или вознесись къ небесамъ, или низвергнись въ бездну; пущь кажется тебѣ, что твоя голова лежитъ на плахѣ, ты видишь надъ нею попоръ, и говоришь про себя: упадетъ она или нѣтъ? и это не случайно и не однажды, а шестьдесятъ разъ сряду въ продолженіе каждаго часа, и все это изъ какого нибудь флорина, какъ будто бы изъ милліона, изъ какого нибудь лярда, какъ будто бы изъ королевства! О игра!... божественное раздраженіе нервовъ, распляющее кровь; огненная горячка, которую сильныя умѣютъ скрывать, хотя и чувствуютъ ее даже до окончанія своихъ волосъ; спрассъ, которая овладѣваетъ всѣмъ существомъ чловѣка, и потрясаетъ его даже до истощенія силы и самой жизни; энергическій синапизмъ, отъ котораго пробуждаются мертвые, отъ котораго шло чловѣческое, до послѣдней

слепени изсушенное болѣзнями и годами, шѣло, изрытое морщинами, жолтое, каждую минуточку гоговое обращайся въ прахъ, снова возвращается къ жизни при видѣ колоды каршъ, прыгаешь подъ гальваническомъ шшемпедемъ (pile) золотой кучи!... Нѣтъ, поцѣлуй дѣвы, спрасшныя лобзанія женщины, сценическое упоеніе, попанье парпера, — все это, въ сравненіи съ игрою, только слабое щекотаніе, едва замѣльное прикоснове- ніе мухи. Ничего, ничего нѣтъ выше этого *красный прошелъ, нечетъ выигралъ*... О, для чего нѣтъ у меня довольно силы!... Я помнилъ себя; я бы сорвалъ банкъ, игралъ бы день и ночь, всегда, всю жизнь мою, спалъ бы играя на землю, если бы только могла она умѣспиться на сполъ; я бы спалъ играя съ самимъ черпомъ и выигралъ бы... Но счастье разслабило мои нервы въ какіе нибудь при часа, и я вышелъ... Ахъ, бѣднякъ... я ни что иное, какъ баба, коцорой бы играя только въ погременушки съ своими дѣшми! Ахъ! *красный прошелъ, нечетъ выигралъ!* ты повинвалось мнѣ цѣлые при часа какъ собака; кто знаешь шеперь, найду ли я когда нибудь?... я задыхаюсь...

И вотъ онъ высовываетъ свою пылающую голову въ окно коляски, и съ наслажденіемъ впиваетъ въ себя освѣжительное дыханіе вѣтра...

Его сердце облегчается, его артеріи бьются не такъ скоро, онъ опдыхаетъ; подобно дышящи, развершывающему сверпוךъ рисунковъ, онъ любуется, смотря на то, какъ гонятся за его коляскою мрачныя и фантасмическія формы придорожныхъ деревьевъ, какъ бѣгутъ дома, долины, горы; водяные пошюки, серебряныя луною, сверкаютъ и браздятся въ глазахъ его, какъ молнія; сама луна, какъ испершая золотая монета, обращаетъ на него свое блѣдно-желтое лице; допомъ въ дѣвственнѣйшій пучинѣ небесныхъ свѣшилъ онъ спарается узнать свою звѣзду; наконецъ забиваетъ въ уголокъ повозки, пропягиваетъ ноги, шаритъ рукою въ жилетъ и закрываетъ глаза, . . .

Гремушки, висящія на ушахъ лошадей, глухое и непрерывное движеніе колесъ, однообразный скрытъ ресоръ, пошчасъ усыпили его. Но мысль бодрствуетъ и блуждаетъ въ спраннымъ видѣніи: онъ медикъ... и вотъ за нимъ приходять и зовуть его пущипъ кровь какой-то женщины *in extremis*: это

въ одной кривой улицѣ, въ спаромъ домѣ съ вѣтхою лѣспницею, въ пятомъ этажѣ, у какой-то престарѣлой дѣвицы; тамъ, при слабомъ свѣтѣ опекшей свѣчи, онъ вынимаетъ свой ланцетъ, и выпускаетъ изъ больной жилы чашку крови. Потомъ спарая сосѣдка хочетъ принести ему чѣмъ обмыть руки, ибо въ комнатѣ нѣтъ ни капли воды, ни лоскушка полотенна, чѣмбы упереться; онъ вынимаетъ свой плапокъ, копорый служилъ ему полотенцемъ; потомъ берется за шляпу, но спарая дѣвица приподнимается, подзываетъ его къ себѣ, и даетъ ему, въ знакъ благодарности за его спаранія, маленькій ящичекъ въ при дюйма величиною, обвязанный розовою полинялою ленточкою. Онъ открываетъ ящичекъ и въ маленькомъ чехолѣ изъ желтой и испертой кисеи находитъ большаго чернаго паука, лежащаго на спинѣ и двигающаго своими длинными ногами маленькіе лоскушки бумаги, на копорыхъ написаны номера, а на задней споронѣ ящичка онъ читаетъ слѣдующія косыя липеры: *вѣрное средство выигрывать въ лотерею*; потомъ престарѣлая дѣвица снова ложится, плюетъ и умираетъ. . . Въ эту минуу коляска оспанавливается и нашъ мечпашель пробуждается

ся, покрытый холоднымъ потомъ, прене- щущій, какъ человекъ, къ горлу копораго приспавленъ пистолетъ; имъ овладѣваетъ ужасная мысль, что онъ, въ такихъ юныхъ лѣтахъ, будучи покрытъ съ ногъ до головы золомомъ, можетъ быть убитъ или обокраденъ на дорогѣ, въ эпой, совершенно незнакомой ему сторонѣ. Онъ наклоняется къ окну повозки и примѣчаетъ гору, деревья и въѣздъ въ деревню... Въ при скачка онъ выпрыгиваетъ изъ коляски и вопъ онъ подъ носомъ почпаліона, который высѣкаетъ огонь, и повидимому, очень удивился, увидѣвъ такъ близко подлѣ себя путешественника.

— Гдѣ мы?

— Въ Соверніеръ, сударь.

— Знаешь ли ты здѣсь когонибудь?

— Да, сударь, къ вашимъ услугамъ.

— Хочешь ли получить пять флориновъ?

— Хочу, сударь.

— Ну такъ назови мнѣ какого ни- будь честнаго человека?

— Честнаго человека? повторилъ почпаліонъ, удивленный его вопросомъ.

— Да, самаго честнаго человека...

— Ну такъ Францъ Разманъ Венгерець; я бы повѣрилъ ему свою пубку и лошадь.

— Возьми, воптъ десять флориновъ за имя пвоего чеспинаго челоуька, будь здѣсь и дожидайся меня. —

Онъ исчезъ. Удивленный почпаліонъ позвенѣлъ золопыми монешами, и поднялъ руку, чшобы сунуть ихъ въ карманъ жилетта... но его пубка упала на землю и расшиблась въ мѣлкіе куски объ камни.

Бѣда! бѣда! вскричалъ онъ съ горесшію, качая головою, моя пубка разбилась.

— Я продалъ имя чешпинаго челоуька глупцу... *Jesus mein Gott*, сжался надо мною!.. Кто знаетъ, чшо изъ эшого выйдешь? —

II.

Если вы войдете въ хорошенькую деревеньку на берегахъ Рейна, по ту спорону Швейцаріи, въ лѣпній вечеръ, когда небо покрывается по мѣстамъ красными пятнами, подобно разгорѣвшемуся лицу молодой

дѣвушки, по у каждаыхъ дверей услышите пѣсни.

Тамъ на всякомъ порогѣ собираются, какъ птицы на вѣткѣ, группы всякихъ голосовъ, и очаровываютъ васъ мимоходомъ упоительной гармоніей. . . Правда, все это только одни вальсы, круговыя напѣвы, пѣсенки, много что въ при или чепыре нопы, проспѣвшія аріи въ мірѣ; но вы промѣняли бы на эту мелодію прекраснѣйшія парціи Бетховена и Моцарта и лучшую примадонну театра Saint-Charles и Scala: такъ много въ аккордахъ этихъ молодыхъ пѣвицъ числовы и согласія въ голосахъ, которые восхищаютъ и просятъ васъ. . . Это значить, что вы въ Германіи, въ этой землѣ, гдѣ самыя грубыя уста одарены музыкальнымъ инстинктомъ, и гдѣ природа вѣроятно хотѣла вознаградишь жителей за суровость климата, одаривъ ихъ этой божественною способностію. Музыка, языкъ поэтическихъ душъ, которыя не могутъ выражать своихъ мыслей словами; глаголь живой, обильный, безмѣрный, безконечный, какъ душа, игривый какъ радуга, музыка есть роза Германіи, цвѣпокъ, разливающей столько поэзіи въ пяжеломъ и хлад-

номъ воздухъ Сѣвера ; и съ ея-по благово-
ніемъ бѣдный Нѣмецъ, мрачный и задумчи-
вый , создаетъ себѣ солнечный лучъ посре-
ди своихъ тумановъ , и придаетъ нѣсколько
небесной лазури своему сѣрому небу .

Mein Schatz ist ein Reiter, У меня любезный — всадникъ,
Ein Reiter muß er seyn ; Всадникъ , всадникъ долженъ
быть онъ ;

Das Ross ist dem Kaiser, Пустьъ король возьметъ коня,
Der Reiter ist mein, Всадникъ будетъ у меня,
Der Reiter. . . Всадникъ. . .

— Господи Иисусе !

Пѣвица , прерванная въ своемъ при-
пѣвѣ , вскрикнула , и опскачила назадъ . . .
Но ея рука находилась въ рукѣ молодого
человѣка , который сжалъ ее .

— Прекрасная моя ппичка , не здѣсь
ли живешь Францъ Разманнъ ?

— Точно такъ сударь , здѣсь , войдите .

Молодая дѣвушка , оправившись отъ
спраха , прыгнула какъ козочка , и пол-
кнувшись въ дверь , снова принялась пѣшь
ппичьимъ голосомъ :

Mein Schatz ist ein Reiter,
Ein Reiter muß er seyn ;

Das Ross ist dem Kaiser,
Der Reiter ist mein.
Der Reiter ist mein.

III.

Низкая, закопченная комнапа, старыя рамы, старыя поршрешы, огромныя занавѣски изъ красной парчи, окно, не много открытое, и совершенно окруженное вьющимися расплѣніями, виноградными лозами и душиспыимъ горохомъ, споль, накрыпый грубымъ сукномъ, спуля, печка въ одномъ углу, деревянныя часы въ другомъ; на споль зажженная лампа, раскрытая Библия, очки, лежащія посреди книги, кучи разсыпаннаго золота; подлѣ спола молодая дѣвушка счищаетъ, возлѣ нея молодой человекъ смолрипть... Часы бьютъ девять.

„Бапюшка возложилъ на меня все дѣло, пакъ я спану счищать флорины. Одинъ, два, три, чепыре, пяпъ, шеспъ, семь, восемь, девять, десяпъ, одиннадцатп... Ньпъ, не пакъ; дай-ко перечпу. Одинъ, два, три, чепыре, пяпъ, шеспъ... Ей, ей, я не могу продолжатъ!

— Почему же, сударыня?

„Попому чпо вы сбиваете меня съ полку своими глазами.

— Какъ ?

„Вы слишкомъ приспально на мѣня смощрише.

— Эту бѣду легко можно поправить ; вы не будете меня видѣть.

„Вы хощише уйдти ?

— Нѣтъ, я сяду позади васъ ; не угодно ли вамъ : моя колѣнка будетъ служить вамъ вмѣсто стула, а рука вмѣсто спинки.

„Очень рада, но только съ условіемъ.

— Все, что вамъ угодно.

„Чуръ не допрогиваться до меня, а то я очень щекотлива и смѣшлива.

— Будь по вашему.

„Одинъ, два, три, чепыре, пять, шесть... Какъ блестятъ ваши прекрасные флорины !

— Это правда ; но они замараютъ ваши прекрасные пальчики.

„Я пойду надѣну перчатки.

— Не безпокойтесь, вопъ вамъ мои.

„Онъ мнѣ не въ пору.

— Неужели ?

„Ахъ, какая маленькая рука ! Неужели это точно ваша ?

— Посмотрите и смѣряйте сами.

„О, нѣтъ : мнѣ спѣдно.

— Плутовка, у меня рука такая слабая, что дитя можешь раздавить ее.

„Въ самомъ дѣлѣ, сударь ?

— Попробуйте, вложите свои пальцы между моими.

„О! еслибы я могла заспавить кричать мушину!

— Вы считаете это за большое счастье, но правда ли? вы злы!

„Немного.

— Какое же зло сдѣлали вамъ эти бѣдные мушину, что вы такъ ненавидите ихъ?

„Никакого; это по инстинкту или по предчувствію.

— Любили ли вы когда нибудь ?

„И очень. Развѣ это удивляетъ васъ ?

— Вы еще совершенное дитя!

„Женщинамъ никогда любить не рано.

— Вы очаровательны.

„Нѣтъ, я глупа.

— Глупа, чтобы изъ другихъ дѣлать дураковъ, а въ помѣ числѣ и изъ меня.

„Вольно вамъ говорить.

— Нѣтъ, я шакъ думаю.

„Возможно ли это? Вы не знаете даже моего имени!

— Какая нужда до имени, когда я васъ вижу.

„Имя много значить въ любви.

— Имя! ровно ничего.

„Именно попому-то оно и важно, что ничего не значить.

— Я не понимаю.

„Безъ сомнѣнія, вѣдь вы не женщина.

— Ахъ, насмѣшница, да вы подшучиваете надъ мною.

„Можетъ спаться, только мы не считаемъ флориновъ. Знаете ли сударь, что если наши дѣла пойдуть такимъ образомъ... шакъ я не кончу до завтра...

— Дай, Богъ! моя красавица.

„Совсѣмъ нѣтъ, сударь, я хочу идти спать; ну дайте же мнѣ дочесль.

— Все, что вамъ угодно; но прежде мнѣ нужно другой счелъ сдѣлать съ вами.

„Я не понимаю.

— Я еще и не подумалъ объ этомъ: вѣдь вы Нѣмка?

„Сударь извините, Венгерка.

— Все равно ; это пусшяя игра словъ, я хошѣлъ вамъ сказаць . . .

„Я васъ слушаю.

— Я хошѣлъ сказаць , что я васъ люблю.

„Въ самомъ дѣлѣ ? но вы меня видѣли только ночью.

— Какая же до этого нужда ?

„Какъ , какая ? но если у меня черная кожа ?

— Не можешь быть , вы блондинка.

„Но если я какая нибудь калека ?

— Моя рука увѣряетъ меня въ пропивномъ.

„Но если у меня сѣрые глаза ?

— Если бы это была правда, такъ вы не сказали бы мнѣ этого, такъ же какъ и того, что вы меня любите.

„Это-то васъ и обманывають.

— Ну хорошо ; если вы такъ опкременны, то скажите мнѣ, любите ли вы меня ?

„Нѣтъ !

— А почему ?

„Потому что . . . много важныхъ причинъ.

— Однакоже ?

„Потому что, во первыхъ, вы Графъ, а я ничто иное какъ бѣдная поселянка.

— Если только это, то я опдалъ бы цѣлый мѣръ флориновъ и пышныхъ пипль за одинъ ароматъ вашихъ волосъ ! Что жъ дальше ?

„Потому что у меня есть что-то такое, что преляспивуетъ мнѣ любить васъ.

— Сердце ?

„О, совсѣмъ нѣтъ ; но одна небольшая бумажка.

— Какойнибудь палисманъ, можетъ быть ?

„Нѣтъ, сударь, маленькая бумажка, въ которой я намарала мой идеаль, идеаль того, о которомъ я мечтала.

— Какая глупость.

„Смѣйтесь, сколько вамъ угодно ; вамъ вольно смѣяться, но только мой идеаль—не вы.

— Не я ; даже ничего похожаго на меня ?

„Ни волоска: онъ брюнетъ, а вы совершенно блѣлы и напудрены ; его имя Гейнрихъ, а ваше Олпо. — Гадкое имя !

— О, плутовка ! Но если бы случилось, что я назывался Гейнрихомъ, если бы у меня

были черные волосы и темные глаза, по полюбилили бы вы меня?

„Тогда, тогда бы я еще больше осперегалась этого.

— Да опять чего же?

„Все опять чего, да опять чего! Ну, да опять того, что вы спали бы тогда играть со мною, как кошка с мышью.

— Ей, ей, я бы съел вас! (Обнимает ее.)

„О, бабюшка, бабюшка!

— Милое дитя.—

Глубокое молчаніе. . . Лампа погасла, луна брасаетъ на стекло окошка при блѣдныя луча; попомъ часы бьютъ полночь. Молодая дѣвушка давно уже спитъ или только дремлетъ. Что же касается до молодого глупца, онъ скачетъ въ почтовой коляскѣ по дорогѣ въ Спа, и въ два часа упря входитъ въ гостиницу безъ денегъ и даже безъ расписки, которую приготовилъ ему старый Венгерець, но довольный, но неперѣблывый возвращишься на завтра въ Совеньеръ. На другой день онъ пустился по дорогѣ въ Парижъ; онъ получилъ изъ Франціи письмо: отецъ его былъ при смерти.

IV.

Въ 1780 году Парижъ былъ по же, что и шеперь — Содомъ Европы, горнило сильныхъ и новыхъ умовъ, въ непрерывномъ кипѣнїи, пандемонїумъ философвъ, экономисповъ, боллуновъ и бумагомарашелей, бездна, въ которую вербовалась черная шайка разрушителей проновъ и олпарей: короче, Парижъ былъ Типанъ, лежавшїй въ грязи, раздавленный подъ каменною горою, но гошовой потряспи мїръ малѣйшимъ своимъ движенїемъ... И однакоже шамъ панцовали съ такимъ же усердїемъ какъ и нынѣ, полько панцовали въ шпанахъ и фижмахъ, съ мушками и съ пудрою, что впрочемъ ничупъ не мѣшало mademoiselle Арнульдъ бытъ самымъ умнымъ, самымъ любезнымъ, самымъ дерзкимъ лицомъ своего вѣка; господину Мирабо краснорѣчивѣйшимъ негодямъ изъ шѣхъ, которые наносятъ вредъ женщины и манархїи, а прекрасной, цвѣшущей Ламбалль самымъ бѣлымъ цвѣшкомъ какой полько распускался когда либо въ цвѣтникѣ, цвѣшкомъ, котораго когда либо сѣмена санкюлоша изъ бѣлаго дѣлали въ послѣдспвїи краснымъ....

И такъ были танцы въ Парижѣ, въ предмѣстїи Сень-Жермена, въ улицѣ Вареннѣ, у одной знашной вдовы, копорая выдавала за мужь дочь свою: эпо былъ свадебный балъ, — великолѣпный пиръ, буфеты, наваленные въ при эшажа, огромныя комнаты, живописныя изображенія à la Boucher, куча маркизовъ, толпа Графовъ, лѣсъ шпагъ, дождь синихъ кордоновъ, градъ красныхъ коблуконъ, шаконны (1) минуэты, бириби (2) фараонъ, бездна серебра, бездна ума, бездна неблагоприспойности. Малюшка, чудо красопы, однимъ словомъ новобрачная, была бѣдная молодая дѣвушка, очень неловкая, очень невинная, еще не забывшая своего апостольника, дѣвочка копорую выпасили изъ монастыря, чпо бы нарумянить, какъ спаруху и поспавить, какъ жемчужину на длинный корпусъ, и впряпашъ въ фижмы въ восемь или десять локтей ширины. Со всѣмъ пѣмъ она была прекрасна, немного блѣдновата, не смопря на свои румяны и свои восемнадцать лѣтъ, и происходила изъ хорошей фамиліи. Она носила *d'or à la vivre*

(1) Спаривный танецъ.

(2) Родъ Испалійской каршежной игры.

d'azur, mise en bande par aucuns d'or à la bande vivrée d'azur... все, что только есть самого бесполезного и самого бесполезного в блазониической материи (en matière blazonique), все это при Графской коронѣ и двухъ спяхъ пысячахъ ливровъ приданаго: это была, мнѣ кажется, Лабонь-Мореверь. Что же касается до жениха, про него говорили, что у него было больше предковъ, нежели ефимковъ, и что онъ для того только женился, что бы поправить балансъ, ибо въ женщинахъ онъ любилъ одну только кожу, которая непременно должна быть нѣжна и бѣла. Что касается до сердца, онъ объ немъ заботился не болѣе, какъ о корѣ померанца или объ орѣховой скорлупѣ. Онъ обыкновенно говаривалъ, что польза, получаемая отъ женщинъ, не равняется вреду, который онъ намъ причиняютъ, и что, сверхъ того, съ ними всегда что нибудь да перешь: или свое время, если онъ любилъ насъ изъ тщесловія, или деньги, когда онъ выходилъ за насъ по расчесу, или здоровье, когда онъ приковывалъ насъ къ себѣ любовію. Это не значить, чтобы онъ зналъ пысячи женщинъ, но одна или двѣ, которыхъ онъ хорошо изучилъ и раз-

смошрѣль, дали ему объ этомъ предметѣ лучшее понятіе, нежели какое могло бы доспавить обладаніе цѣлымъ гаремомъ.

Впрочемъ эпо былъ очень любезный, ловкой малой, и большой оригиналь; человекъ, который гошовъ былъ ошдашь двадцашь Парижанокъ за одну Англійскую лошадь, и всю липературу осьмнадцатаго сполѣшя за три неизвѣсныхъ спишка какого нибудь прияшеля Гг. Панжей. Въ эпошъ вечеръ онъ панцоваль мало, а играль много, и между пѣмъ какъ его жена переходила изъ рукъ въ руки, бѣгала сломя голову, полкалась, верпѣлась и прыгала до шого, чпо задохнулась и расперяла свои подвязки, онъ сыпаль полными горстями золопо на игорный споликъ.

Наконецъ, къ полночи, новобрачная удалилась въ свою комнапу съ маперью и женщинами. Когда она ушла, мѣспо ея долго оспавалось еще за дюжиною взбѣсившихся маркизь, которыя панцовали до упаду; но успалость наконецъ прогнала панцоровъ и панцорокъ. Все исчезло, и оркеспрь и свѣчи. Даже игроки, обыкновенно соспавляющіе собою самое упорное и упрямое племя, мало по малу удаляясь изъ рядовъ, уходили одинъ

за однимъ и наконецъ всѣ оставили залу , всѣ . . . кромѣ двухъ , и эпи два . . . играли не въ каршы , но въ коспи , и находились въ самомъ пылу игры , и попому хотѣли скоро выйдти.

„Чорпъ возми , пропадай Графиня , и все приданое. Тысячу луидоровъ , Маркизь ?

— Очень хорошо , бросай коспи ; — при , пяпъ ; проиграно.

„Двѣ пысячи луидоровъ ?

— Два , шесть ; проиграно ,

„Десяпъ пысячь , маркизь ?

— Одинъ , пяпъ ; проиграно. Волпъ двѣсппъ пысячь ливровъ.

„Двѣсппъ пысячь ливровъ !“

— У тебя нѣпъ ничего больше !

„Нѣпъ !“

— Такъ прощай !

„Послушай , Маркизь , волпъ вещь , которая стоиппъ пятнадцатпъ пысячь флориновъ. (Онъ вынимаепъ изъ за галспука локонъ бѣлокурыхъ волосъ , связанныхъ синею леншочкою , и бросаепъ ее на споль.)

— Не съ ума ли ты сошелъ? локонъ волосъ!

„Я говорю тебѣ, что это стоить пятнадцати тысячъ флориновъ; даю тебѣ въ помъ честное слово; это лучше нежели иная хорошая аренда.

— Ну, очень хорошо. — Чепыре, шесль; проиграно.

„Опяль . . . чорпъ побери!

— Больше ничего нѣтъ? —

Ничего. . .

— Такъ и быть; ты играешь несчастливо, но я не хочу пвоей новой монеты, я дарю тебѣ ее. — До свиданія, Опшо.

— Спокойной ночи.

Графъ оспался въ своихъ креслахъ, какъ пораженный громомъ, съ глазами устремленными на локонъ волосъ, которъй сей часъ упаль къ нему, и съ руками пригвожденными ко лбу.

Маркизь поправиль свой измяпый галспукъ, выпустиль манжеты, и поглаживая рукою волосы, сдѣлалъ пируэпъ на каблукъ; потомъ скрылся, напѣвая сквозь

зубы одну рождественскую пѣсню послѣдняго царствованія :

V.

Лишь только каблуки Маркиза оставили дверь залы, какъ спарая фигура, покрытая полстымъ слоемъ румянъ и закупанная огромнымъ капюганомъ, повисла на плечахъ погибающаго, и нашептывая ему на ухо разныя глупости, напомнила ему, что уже очень поздно, и что онъ супругъ... Это напоминаніе живо вывело его изъ перпѣнія; онъ вспаль и позволилъ себя весити шуда, куда другіе бросающся съ воспоргомъ и лихорадочною дрожью опть радости. Онъ вошелъ къ своей женѣ, блѣдный и холодный какъ мраморъ, какъ спашуя командора у Дона Джіованни. — Онъ очутился въ богатѣйшемъ будуарѣ, усманномъ прекраснымъ персидскимъ ковромъ, убраннымъ цвѣтами, кишайскимъ фарфоромъ, погруженномъ въ молчаніе, освѣщенномъ слабымъ и нѣжнымъ свѣпомъ; и по всѣмъ угламъ будуара разливался пріятный женскій аромать; атласное платье съ синими цвѣтами, газъ и кружева висѣли въ безпорядкѣ на спинкѣ софы; полуоткрытая по-

спель была еще дѣвственна . . . новобрачная спала около нея въ креслахъ.

Это была одна изъ пѣхъ очаровательныхъ фигуръ, копорья часпо выходили изъ подѣ пріятной и роскошной киспи Вапшо , одно изъ пѣхъ тысячи одного женскихъ одушевленій, копорья принадлежали полько ему одному, и копорыхъ онъ умѣлъ съ пакою прелеснію изображать спящими въ пріятной бѣсѣдѣ , или прогуливающимися съ пакою легкосію по террасѣ прекраснаго сада ; милое , очаровательное личико , роза съ молокомъ, съ улыбкою тонкою и порхающею , какъ пчела, съ бѣлокурными подвизанными волосами, съ черною лентою на шеѣ, съ плѣнительными формами, и , какъ паръ , плавающее въ большой волнующейся купальнѣ; дия , спавшее опъ всего добраго сердца и со всею пишиною заповорницы. Сколько ни говорили ей мапъ и полпа опыпныхъ и услужливыхъ пріятельницъ: „пы находишься на границахъ новаго быпія, пы узнаешь испочникъ досель невѣдомыхъ тебѣ ощущеній: смопри же хорошенко.“ Не смопря на любовьспство свойспвенное молодой дѣвушкѣ, и свое неперпѣніе жены , не смопря на шо ,

что сердце ея билось отъ желанія, усталость послѣ бала и танцевъ перемогла въ ней всѣ другія ощущенія. Она склонила свою головку и предалась сну. Ея щека, подпертая рукою, придавала ей видъ нѣсколько суровый, что чудеснымъ образомъ было ей въ лицу; другая опустившаяся рука мяла еще по временамъ лепски розы, упавшей съ головы ея; а одна изъ ея прелестныхъ ножекъ, высвободившись изъ спальнаго башмака, пихо удара по креслу, какъ будто бы повпоряя во снѣ мѣру и кадансъ гавоша или сарабанды.

Оно не могъ ничего дѣлать, какъ только смотрѣть на нее: такъ была она прелестна и мила. Долго, очень долго разсмаприваль онъ ее, сначала какъ прекрасную вещь, которая привлекаетъ и плѣняетъ взоры, потомъ какъ кропкій свѣтъ, который освѣпилъ на минушу мракъ его мыслей, какъ ангела, который пролетѣлъ по аду его души; послѣ того, насмотрѣвшись на нее и надумавшись о такой юности, о такомъ блаженствѣ, о такой красотѣ, онъ почувствовалъ въ своемъ сердцѣ что-то такое, чего никогда еще не испытываль, какой-то ледя-

ной холодъ, заспавившій случашь его зубы; родъ угрызенія совѣспи, чпо показалось ему очень шуповскимъ и заспавило смѣяшьяся. Но лице его очень скоро приняло опять свой сурьезный видъ; тогда, подобно дикому звѣрю въ своемъ логовищѣ, онъ, съ поникшею головою и свирѣпыиъ взоромъ, началъ измѣряшья комнашу большими шагами взадъ и впередъ; и всякій разъ, когда мимоходомъ задѣвалъ ногою за кресло, на которомъ спала жена его, какое-то внезапное ощущение, какой-то магическій ознобъ пробѣгалъ по его пѣлу.

Послѣ проигрыша оспаешся полько или упоиашьяся или лечь спать; выборъ того или другаго зависить отъ пемперамента и важности проигранной суммы; иногда, если не прибѣгають къ первому средству, то второе бываетъ чрезвычайно хорошо для успокоенія чувствъ и освѣженія головы.

О! какъ сладко, какъ приятно, съ полнымъ сердцемъ и пустымъ карманомъ, навоспришья лыжи, и при вѣпрѣ, въ морозъ, въ ночь и бурю, вбѣжашья на свой пятый эшажъ, закушашья въ одѣяло, и шамъ въ безмолвіи и мракѣ, наединѣ съ своимъ позоромъ, пошашья ногами, скрежешашья зубами, кляшьяся, называшья себя подлецомъ и негодяемъ, жа-

ловаться на самого себя, проклиная самого себя, пережевывая свою желчь и злобу до пѣхъ поръ, пока сонъ и усталость не овладѣютъ вами и не перенесутъ васъ въ другой мѣръ! Но изъ за буйльота или рулетки очутишься среди своего семейства, прикинешь головою на грудь жены, слышаешь, какъ бьется опть безпокойства подлѣ тебя другое сердце, видишь усуремленные на тебя глаза, слышаешь уста, которыя тебя вопрошаютъ, подавляешь въ себя ярость и немочь, извергнуешь ее изъ себя всѣми порами своего пѣла... о! это значитъ переходить изъ одного ада въ другой, изъ одной пытки въ другую, съ раскаленного желѣза бросаешь въ расшопленное олово... Это значитъ испытывать казнѣ Опшо. Бѣднякъ выбился изъ силы: „Ни одного су! восклицалъ онъ шихимъ голосомъ; ни одного су! разоренъ, огложенъ до костей, всего лишенъ... и бѣдность, бѣдность для двоихъ, троихъ, чешырехъ... потому что бѣдность дьявольски плодородна... бѣдность... невозможно!...“

На печкѣ споялъ графинъ съ водою; Опшо снялъ его, и съ силою впягивая въ себя воду, опорожнилъ его, не переводя духу — такъ хотѣлось ему пить... По-

помъ снова началъ онъ ходити большими шагами, и кружиться по комнатѣ, безпре-
спанно повпоряя глухимъ голосомъ, подоб-
но Гамлету: „Бѣдность... бррръ!...“
О! нѣтъ ничего хуже, какъ кружиться;
волкъ кружись, колдунья кружись, орелъ
кружись; круженіе призываетъ зло; адъ
ходитъ кругомъ. Чѣмъ болѣе Графъ удвои-
валъ шаги и описывалъ круги, тѣмъ болѣе раз-
горячалась и кружилась его голова; онъ хо-
дилъ, какъ молодая дѣвушка, дозволившая
увлечь себя въ вихорь вальса, какъ дѣвца,
которое идетъ въ шуманъ или которое
спраждаетъ головною болью..... Его гла-
за и губы были бѣлы, а щеки пламенѣли;
онъ изрыгалъ изъ устъ тысячу глухихъ и
невнятныхъ словъ, и дрожалъ всѣмъ
тѣломъ. То мять обоими руками локонъ
волосъ, вынутый имъ изъ - за пазухи, по
обвертывалъ его вокругъ шеи, то игралъ
имъ въ бѣшенствѣ, какъ будто бы гор-
стью золоша; то схватывалъ шпагу, и
вынималъ ее до половины изъ ноженъ; ка-
залось, онъ хотѣлъ исполнить какое-то
горестное намѣреніе; открывалъ окошко и
смотрѣлъ внизъ; казалось онъ былъ въ
нерѣшимости и колебался въ выборѣ;
разсчитывая, какая смерть короче, и

скорѣе; попомъ снова принимался ходишь, но смерть все была въ его взорахъ, въ его коспяхъ, въ его мысляхъ. Наконецъ, задыхаясь и выбившись изъ силъ, онъ оспановился посмопрѣшь на пихія и ясныя черпты своей юной супруги. Бѣдная дѣвушка могла бы умереть въ эту минушу, если бы сонъ оспавиль ее и она увидѣла это обезображенное и выпянувшееся ошь опчания лицо; но она не проснулась, и мужъ, схвативши ее на руки, подбѣжалъ на край окна, и свѣсилъ ее надъ бездною въ тридцать футовъ. Окошко выдавалось на улицу. Все было пусто; виднѣлись одни камни мостовой. Онъ занесъ ногу на балконъ, посмопрѣлъ на спящую, и вскричалъ: „Ну, однимъ камнемъ два удара!“ Но въ эту минушу часы Мисси пробили чепыре. Тогда было еще лѣпо, и солнце проводило по небу бѣлыя и желтыя полосы. Свѣжій воздухъ и впечатлѣніе въпра пробудили малюпку; она опкрыла свой большіе голубые глаза, будпо цѣпью обвила руками шею мужа, и такъ близко, такъ близко приложила свою щеку къ губамъ Опшо, что... негодяй предпочель жизнь, и бракъ былъ совершенъ.....

(Окончаніе слѣдуетъ)

III.

ОТЪ ЧЕГО ВЪ РИМЬ НЕ БЫЛО ТРАГЕДІИ.

(соч. Низара).

Римская трагедія существовала только по имени. Квинтилианъ говоритъ намъ о нѣкошорыхъ образцовыхъ произведеніяхъ, которыя еще читались въ его время, и которыя равнялись съ трагедіей Греческой. Это мнѣніе Квинтилиана было, можетъ спашься, ничто иное, какъ дань народной гордоспи: все равно, если бы кто нибудь вздумалъ, напримѣръ, всѣми силами изъ *Ганриады* выплянуть эпопею, чтобы не говорили, будто Франція не имѣла своей эпопеи. Признаюсь, и мало вѣрю въ образцовыя произведенія, уже исчезнушія, и еще менѣе въ прекрасныя кабинетныя трагедіи. По моему убѣжденію, и по убѣжденію всѣхъ кришиковъ, въ Римъ, говоря собственно, не было трагедіи. По чему же это?

Если на трагедію не будемъ смотрѣть какъ на совокупный плодъ извѣснаго темперамента и извѣсныхъ внутреннихъ расположеній, что уже не позволено въ наше время ни кришикъ, ни даже догадкѣ, которой все позволено, то не иначе можно объяснить отсутствіе какого нибудь искусства въ просвѣщенной странѣ, какъ отсутствіемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ условій религіозныхъ ли, политическихъ или нравственныхъ, которыя, въ другой странѣ, въ равной степени образованной, если не произвели этого искусства, то, по крайней мѣрѣ, столько споспѣшество-

вали ему и такъ тѣсно съ нимъ соединены, что нельзя предположить существованія искусства безъ этихъ условій, ни существованія этихъ условій безъ искусства. И, поелику мы видимъ, съ одной стороны, трагическое искусство процвѣтающимъ въ образованныхъ Аѳинахъ, какъ плодъ почвы столько же ей свойственный, какъ плоть Акарнаніи и виміанъ Гиметта, и, напротивъ, въо искусство прозябающимъ въ образованномъ Римѣ, принимающимъ шамъ съ робостію, требующимъ покровительсва и опоры сильныхъ людей, спарающимъ войши въ Римъ черезъ папронсво политическихъ и военныхъ именъ, пошомъ, послѣ безполезныхъ попытокъ и смѣшныхъ сдѣлокъ съ публикою, которая не хотѣла его, оспавляющимъ всѣ свои припязанія на сценическую публичность, чтобы ограничиться извѣстностію въ чтеніи, послѣ всего этого ничего нельзя сказать полезнаго и дѣльнаго объ этомъ вопросѣ, какъ только ограничиться утвержденіемъ — въ Аѳинахъ существованія мѣстныхъ условій, благоприятныхъ трагическому искусству, а въ Римѣ отсутствія этихъ самыхъ условій. Такое сравненіе, тѣмъ болѣе важное, что оно должно относиться только къ положительнымъ фактамъ, такое сравненіе не лишено ни занимательности, ни Философіи, что я постараюсь доказать на дѣлѣ.

Какія были мѣстныя условія, коимъ Аѳины обязаны своимъ трагическимъ театромъ, своимъ Эсхиломъ, Софокломъ, Эврипидомъ?

Главныхъ условій было три рода;

Были условія литературныя;

Были условія политическія и религіозныя;

Были условія общешвенныя.

I. УСЛОВІЯ ЛИТТЕРАТУРНЫЯ.

Греческой трагедіи предшествовала Греческая эпопея. Трагедія нашла для себя въ эпопеѣ предметы и первыя правила. Троя пала, исполнились слова оракула, люди Гомеровы возвратились домой въ *Эстію*, послѣ разрушенія великой пелассической конфедерации. Они снова перенесли кости свои въ отчизну. По смерти ихъ, сыновья понесли мзду за славу своихъ отцевъ; боги, которые поклялись, что ненависть ихъ не переживесть паденія Трои, обременяли ихъ всеми бѣдствіями. Произошли ужаснѣйшія катастрофы въ царскихъ домахъ; древніе оракулы, которые предвѣщали побѣжденной Азіи кровавыя возмездія, исполнились на дѣлѣ; за эпопеей настала драма. Драма воспріяла людей такими, какими оставилъ ихъ Гомеръ, т. е. лишенными своего эпического величія, и приведенными въ соразмѣрность оценки, но все еще Царями или сыновьями Царей, все еще потомками знаменишаго племени, ибо, если отцы — дѣти боговъ, то сыновья — внуки ихъ. Трагедія — это продолженіе эпопеи. Гомеръ обнялъ въ швореніи своемъ всю героическую Грецію; прагмики раздѣляютъ ее между собою: Гомеръ воспѣлъ великую федеральную націю, прагмики воспѣваютъ мѣстныхъ Царей; это уже не цѣлый міръ, это семейство: но это еще ничего. Все происходитъ отъ Гомера; великая брань Иліады, простирающаяся даже въ потомство Царей, все служишь единственною основою трагедій; прагмикамъ не нужно было вымышлять ни людей, ни нравовъ; они собирали ихъ въ Гомеръ. Эхналь

одинъ изъ прехъ Греческихъ прагиковъ, можетъ бытъ, менѣ всѣхъ ему обязаный, говоритъ о пѣсахъ своихъ, что онъ супъ ничто иное, какъ рельефы пировъ Гомеровыхъ.

Вопъ что можно сказать о предметахъ. Чшоже касается до правилъ, главнѣйшя изъ нихъ находятся въ Гомерѣ. Подъ именемъ правилъ разумѣю я не законы приведенные въ форму и собранные въ одинъ кодексъ риторами, которые были послѣ поэтовъ, но искусство въ самой философической, въ самой глубокой части своей; напримѣръ, шайна развивашъ спраспъ и приводишь въ дѣйствіе характеры; я разумѣю еще порядокъ и мѣру, и эшошъ вкусъ, который состоишь въ выборѣ самыхъ правдоподобныхъ чертъ въ изображеніи характеровъ, и которыя приличны наибольшему числу умовъ. Но всѣ сіи шайны находятся уже въ Гомерѣ. Пріамъ и Гекуба имѣли языкъ скорби прежде Эдипа и Иокаста. Андромаха старше Аншигоны. Всѣ спраспи, подробно развитыя въ прагедіи, были сокращенно указаны въ Эпопѣ. Гомеръ прошелъ всѣ пути, ведущіе къ сердцу, и, если въ твореніи его смотрѣть только на устройство и постановку на сценѣ, шо можно было бы выкроишь превосходныя драмы изъ его эпопей.

Въ эпихъ двухъ отношеніяхъ, какъ неизчерпаемый источникъ драматическихъ сюжетовъ, какъ первоначальное преданіе искусства, эпопел Гомерова избавляла прагическихъ писателей, съ одной стороны, отъ самыхъ тягостныхъ затрудненій изобрѣшенія, съ другой — отъ всѣхъ излишесствъ, отъ всѣхъ попытокъ искусства,

которое не имѣешь прошедшаго, которое выходитъ изъ земли, такъ сказать, и въ хаотической силѣ своей не руководствуется никакимъ преданіемъ, никакимъ образцомъ. Въ Греціи было общепризнаннымъ фактомъ, фактомъ народнымъ кошорымъ такъ мало оскорблялось самолюбіе поэтовъ, фактъ, что одинъ Египетскій Царь, одинъ изъ наслѣдниковъ Александра, не помню кошорый, получилъ всеобщее одобреніе за то, что построилъ въ честь Гомера храмъ, въ кошоромъ эпосъ великій поэтъ возсѣдалъ на золотомъ тронѣ, окруженный спашуями городовъ, оспориавшихъ другъ у друга честь его рожденія; изъ устъ его вытекалъ источникъ, къ кошорому приходили почерпать всѣ поэмы. Почесъ очень смѣшная и напаянушая, согласенъ, но смыслъ ея былъ очень значительный.

ДРУГІЯ ЛИТТЕРАТУРНЫЯ УСЛОВІЯ. — ЛЮБОВЬ КЪ ИСКУССТВУ. — ВАЖНОСТЬ ПОЭТОВЪ ВЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Только были два эти литературныя условія. Надобно взять еще при этомъ любовь къ искусству, кошорая была безпредѣльна, и важность поэтовъ въ государствѣ: двѣ вещи, всегда служащія въ пользу искусства.

До насъ дошли любопытныя свидѣтельства этой любви къ искусству, какова она была во время трагиковъ. Эсхиль, побѣжденный Софокломъ въ поэтическомъ состязаніи, по приговору Кимона и его девяти главныхъ соповарищей, вышелъ изъ Аѣинъ, и рѣшился въ добровольномъ изгнаніи скрыть свою старость, помраченную литературною неудачею. Цѣлыя Аѣины были

раздѣлены между Софокломъ и Еврипидомъ. Спорныя спороны возражали другъ другу и взаимно другъ друга опровергали пещасральными пѣсами, а не изложеніями системы. Еврипидъ, побѣжденный, подобно Эсхилу, пѣмъ же Софокломъ, равнымъ образомъ удаляется изъ опещества и умираешъ при дворѣ Архелая, Царя Македонскаго. Гибельныя соперничества, но опшъ копорыхъ много выигрывало искусство ; они дѣлающъ сполько же чеспи поэсамъ, пострадавшимъ опшъ нихъ, сколько и народу, копорый выславляешъ шакимъ образомъ славу на сосшязаніе.

Аеиняне вручали управленіе и военачальство поэсамъ своимъ. Есхиль, проспой воинъ на поляхъ Мараеонскихъ, былъ бы полководцемъ, еслибъ его нешерпѣливый и зависшливый характеръ на опнял бы у него опшорожвости и духа послѣдовашельности, приличныхъ дѣламъ. Софокль, первосвященникъ и полководецъ, сподвижникъ Перикла и Фукидида, защищаль опещество свое въ войнѣ, управляль имъ въ мирѣ, успроилъ его, какъ глава религій, прославиль, какъ поэпъ : человекъ, счасшливѣйшій изъ всехъ, надѣленный красопою, здоровемъ, богашствомъ, гениемъ, человекъ, копорый угасъ, а не умеръ, безъ агоніи, безъ спраданія, наканунѣ того дня, когда свобода Аеинянъ гошова была паспъ опъ руки чужеземцевъ. Еврипидъ былъ одаренъ краснорѣчіемъ, воображеніемъ, гибкостью ума ; онъ былъ чесполобивъ, онъ жаждалъ власпи и почестей ; но эша гибкость ума, копорая помогала ему принимашъ на себя всякой понъ, и даже счасшливо разыгрывашъ чувствительность, копорый

въ немъ вовсе не было, аща гибкость ума погубила его въ приязнаніи на дѣла. Онъ нѣсколько разъ оскорблялъ Аѳинянь, народъ хищрый и самолюбивый, шо въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, шо въ ихъ литературныхъ мнѣніяхъ. Поэтъ, коему заградили дорогу къ почестямъ, испилъ за это насмѣшливыми намеками на орапоровъ, на демокрацію, на всѣ поспановленія своего отечества; ему предоставили въ полную свободу насмѣшки, но держали въ опдаленіи отъ власти, и ему необходимо было довольствоваться только шипломъ поэта въ странѣ, гдѣ Софокль, соперникъ его, былъ первымъ начальникомъ.

И поэтъ не только могъ бытъ первымъ государственнымъ мужемъ въ странѣ своей, но пошъ самый человекъ, кошорый доискивался милоспей у своихъ согражданъ, могъ являться на театрѣ въ какой нибудь роли въ трагедіи Софокла или Эврипида. Эскинь сначала былъ актеромъ, и еслибы Демосеень могъ бы только эшимъ укорить его, шо Эскинь могъ бы оппоривать у него управление республикою. Искусство сливалось со всѣми учрежденіями, или, лучше сказать, искусство было однимъ изъ учреждений; никто не могъ бытъ въ немъ первымъ безъ генія, но кто былъ въ немъ первымъ, пошъ могъ бытъ начальникомъ страны своей. Это отъ того, шо искусство не было опдѣльною химерою одного поэта, или особенною системою другаго, но занятіемъ всего народа. Способность къ искусству не исключала никакой другой способности, пошому шо одинъ духъ управлялъ го-

сударствомъ и давалъ направлѣніе искусству, и одни судьи давали одобреніе государственнымъ человеку и поэту. Дивная гармонія, коей смѣшную пародію представитъ намъ эпоха упадка Латинской Словесности; ибо въ Римской Имперіи поэты также будутъ консулами; но это пошлему что не болѣе попребно способности бытъ консуломъ по милости Цесаря, какъ бытъ поэтомъ по милости друзей слушателей.

II. УСЛОВІЯ РЕЛИГІОЗНЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ.

Греческая трагедія находить національную религію и эпа религія — оная религія Гомера. Боги, присутствовавшіе при осадѣ Трои, боги завистливые и неукротимые, которые вмѣшивались въ бой, эпи боги, которые показывали себя землѣ, снова вознеслись на Олимпъ, чтобы уже никогда не сходили опшуда. Съ эпихъ поръ они не иначе будутъ сообщаться съ людьми, какъ чрезъ посредство оракуловъ. Но это все пошлѣ же Олимпъ, все тѣже боги — страшные и завистливые; только нравственные идеи и философія смягчили ихъ нравы, споль свирѣпые въ Гомерѣ; но они не дерзали прикоснуться къ ихъ божественности. Эврипидъ, который былъ невѣрующимъ, опускаетъ въ одной изъ своихъ трагедій нѣсколько ироническихъ сомнѣній на счетъ Юпитера; народъ Аѳинскій заглушаетъ это мѣсто и заставляетъ поэта при слѣдующемъ представленіи громогласно исповѣдывать Юпитера. Религія есть также національное учрежденіе; всѣ тѣ, которые вѣрятъ въ нее, вѣрятъ однимъ образомъ; есть или вѣрующіе или невѣрующіе, но

нѣтъ скилеатиковъ. Это замѣчаніе будетъ имѣть нѣкоторую вѣрность по сравненію съ состояніемъ религіозныхъ вѣрованій въ Римѣ.

Трагикамъ нечего вымышлять относительно предметовъ, искусства, религіи; Греція снабдила ихъ всѣми своими героями, своими богами, своею гомерическою эпопеею; она доставитъ имъ еще всю всю свою политическую Исторію. Катастрофы въ царскихъ домахъ — это мѣстныхъ происшествій Греціи; Эдипъ, Оезей, Менелай, это имена государей, царствовавшихъ въ Греціи. Демосѣенъ въ жаркомъ воззваніи напоминалъ Иванцамъ, что Афины нѣкогда оказали госприимство царю Эдипу. Софокль напелъ въ маленькомъ Колонискомъ селеніи, гдѣ онъ родился, народныя преданія о дивной смерти этого Царя, взятаго богами на небо во время бури. Исторія баснословная и Исторія положительная сливались вмѣстѣ и никто не дерзалъ рѣзвлять ихъ; историки были легковѣрными для того, чтобы быть народными: посему трагедія въ Греціи есть ничто иное какъ религіозная и политическая исторія страны и мужей ея.

III. Условія нравовъ.

Подъ условіями нравовъ разумѣю я тѣ условія, которыя наиболее относятся къ нравамъ пещера, привычкамъ, которыя приносятъ въ него съ собою народъ, способности, съ какою судилъ онъ о піесахъ, не только какъ драмахъ, но и какъ произведеніяхъ поэзіи и языка. Въ этомъ отношеніи ни одинъ народъ не былъ такъ мышленъ, такъ понокъ, такъ справедливъ, какъ

народъ Аѳинскій ; ни одинъ народъ не улаживалъ такъ хорошо дѣла искусства , увы ! даже тогда , какъ онъ самымъ дурнымъ образомъ опправлялъ дѣла своей свободы и независимости : это опъ того , что народъ опотъ былъ воспѣванъ Гомеромъ ; дочери Аѳинскія воспѣвали въ *эоріяхъ* его прекрасныя первобысныя произведенія поэпическія . Не казенный поэтъ , опотъ наемный гаеръ для всякаго произволящаго , содержимый на счетъ государства , не опотъ поэтъ воспѣвалъ побѣды Аѳинянъ , но поэтъ , получившій опъ народа награду за стихи свои . Софокль , еще юноша , всенародно читалъ стихи въ честь Саламинской битвы . Опотъ-то народъ долженъ былъ погибнуть опъ любви къ уму и краснорѣчію ; онъ всегда умѣлъ хорошо оградить себя опъ честолюбивыхъ замысловъ войны , но никогда опъ очарованія прекраснаго органа , опъ ума , опъ блеска ораторскаго . Въ то время , когда онъ внималъ на поэпическихъ состязаніяхъ стихамъ соперниковъ , или на площади — рѣчамъ двухъ явныхъ политическихъ противниковъ , когда онъ сосредоточивалъ всю душу , весь слухъ на опихъ поприщахъ ума и превосходнаго языка , въ это-то время варвары Спартанскіе или Македонскіе налагали руку на опотъ народъ , очарованный поэзією и краснорѣчіемъ . Ему были оставлены его стихи и состязанія , но ни стихи , ни состязанія не возвратили ему искусства Софокла и Гомера ; ибо во всякой странѣ , гдѣ искусство есть дитя свободы — рабство убиваетъ его , такъ точно , какъ вы можете видѣть , по странному противорѣчію , искусство гибнущимъ опъ свободы шамъ , гдѣ оно родилось

опъ политическаго бездѣйствія и опъ пенсій княжескихъ.

Народъ Аѳинскій въпренъ; въ дѣлахъ политическихъ — такъ, хотя извѣстно, что и здѣсь имѣлъ онъ блестящія минушы; но въ дѣлахъ искусства онъ никогда не въпренъ. Посмотрите, колеблется ли онъ между Эсхиломъ и Софокломъ, между Софокломъ и Эврипидомъ. И однакожъ у Эсхила было болѣе блеска и помпы, нежели у Софокла; явленіе Фурій въ одной изъ піесъ его приводило беременныхъ жещинъ въ спрадальческое положеніе на театрѣ; его яростная, гигантская драма сильнѣе дѣйствовала на воображеніе, нежели на вкусъ, а вы знаете, что у народа воображеніе есть источникъ большихъ сужденій и предпочтеній, нежели вкусъ; съ своей стороны Эврипидъ своими насмѣшками, такъ занимательными для народа, къ нимъ склоннаго, своими намеками, нѣсколько вольнодумными, своимъ дурнымъ расположеніемъ духа, своими эпиграммами на людей въ силѣ, всей эпохой философическою независимостію, которую такъ остроумно сравнивали съ Вольтеровскою, всѣмъ эпитъ особенно льстили шѣмъ спрашиваемъ народнымъ, которыя порождаютъ быстрые успѣхи, но вмѣстѣ успѣхи скоропреходящіе. Но всѣ эти уловки немогли обмануть народа Аѳинскаго; когда должно было рукоплескать Эсхилу — онъ рукоплескалъ; Эврипиду — онъ рукоплескалъ; но когда надобно было рѣшить, кошорый изъ трехъ его трагиковъ въ грядущихъ вѣкахъ принесетъ болѣе чести граду Минервы, — Аѳинскій народъ провозгласилъ Софокла! Эпошъ же самый народъ, не желая, чтобы опврашительныя нелѣпности

Эсхила зашемили сильныя красноты его, уполномочилъ попомощвенныхъ поэшовъ исправить піесы его, и, послѣ шакого очищенія, онъ доуопилъ ихъ въ сосязаніе съ произведеніями поэшовъ живыхъ, и эшо засшавило сказаць объ Эсхинѣ, что онъ болѣе получилъ награду по смерти, нежели при жизни. Эшо бы оскорбило насъ, и я понимаю ошъ чего: ошъ шого что у насъ искусство не есть общее достояніе, у всякаго свое, всякой презираешь другимъ; но въ Аѣинахъ народъ располагалъ искусствомъ, какъ собственностію, ему принадлежащею; онъ дѣлалъ въ немъ перемѣны, какъ и въ какомъ нибудь ихъ другихъ своихъ постановленій; онъ исправлялъ его, какъ народный законъ.

Народъ Аѣинскій имѣлъ спрасць къ театру, особенно къ трагедіи; онъ видѣлъ въ ней картину своего блестящаго происхожденія, свою религію, своей національной ненависти, своихъ великихъ мужей, своихъ полубоговъ, Тезея въ особенноти, героя Аѣинскаго народа, коего имя сливалъ онъ со всѣми блестящими своими воспоминаніями, со всѣмъ своими праздниками, такъ что Полигномъ въ своей каршинѣ, представляющей Мараѣонскую битву, долженъ былъ изобразить Тезея присуществующимъ на эшой битвѣ. Аѣиняне видѣли на театрѣ религіозное изображеніе своей антипатіи къ Спартѣ, и Менелай, на примѣръ, царь Спаршанскій, Менелай, шполь важный, шполь мудрый, шполь храбрый въ Гомерѣ, представляется во всѣхъ Аѣинскихъ трагедіяхъ низкимъ и жестокимъ человекомъ, и въ безпрестанномъ поруганіи, посреди презритель-

ныхъ намековъ на Лакедемонскія обычаи. Такимъ образомъ драма выражала древнія славныя дѣла Аѳинянъ и новыя: народъ жилъ въ ней наспо-ящею и прошедшею жизнью; не могло быть зрѣлица болѣе привлекательнаго для народа ослпроумнѣйшаго въ свѣтѣ, какъ драма, рожденная подъ роднымъ небомъ, имѣвшая всю сладость плода шуземнаго, и копорая вмѣстѣ удовлетворяла всѣмъ похребностямъ ума этого народа — его гордоспи противъ чужеземцевъ, его домашнему шщеславію, капризамъ, его неоцѣненному чувству къ поезіи, его важноспи, всѣмъ его степеннымъ качествамъ, какъ и всѣмъ его недоспалкамъ, всѣмъ кохспраспамъ вмѣстѣ: за шо не въ Аѳинахъ народъ похребовалъ изгнать трагедію изъ театра, чшобы учредитъ шамъ львинья и медвѣжьи правли.

Чшо касается до прелеспи, копорсю дышала языкъ въ устахъ этого народа, до удивительной упонченноспи слуха Аѳинянъ, мы приведемъ въ примѣръ эту торговку правами, копорая узнаеть, чшо Теофрастъ чуждъ не знаю какой шо прелеспи Аѳинской, копорой нѣтъ у него, хоша онъ около двадцати пяти лѣтъ жилъ въ Аѳинахъ. И такъ мало того, чшобы родиться Грекомъ, чшобы двадцать пять лѣтъ побыть въ Аѳинахъ, бытъ лишиерапшромъ и ученымъ; надобно еще бытъ сыномъ града Минервина, чшобы не оскорбитъ слуха торговли правами.

Эша дивная упонченность вкуса народа Аѳинскаго можетъ особенно бытъ объяснена происхожденіемъ этого народа: это была чиспая

Аѳинская кровь, безъ примѣси чужеземныхъ смѣшеній. Народъ, десятою долей истребленный въ войнѣ, самъ собою возобновлялся въ мирѣ. Притомъ Аѳины сохраняли кровь дѣшей своихъ; только въ важныхъ случаяхъ они смѣшивали ее съ чужеземною; обыкновенныя войны производились болѣе союзниками, нежели гражданами: такимъ образомъ племя сохранялось, а въ этомъ племени, всегда одинаковомъ, хотя болѣе или менѣе опустошенномъ войнами — преданія религіи, исторія, народнаго происхожденія всегда сохранялись неприкосновенными, и особенно языкъ, недопускавшій чужеземныхъ идиомовъ, какъ народъ не допускалъ смѣшенія племенъ. Не только всѣ понимали эпопѣя языкъ, но всѣ знали его въ превосходствѣ. Не было особенныхъ хранилищъ языка шамъ или сямъ, не было академій, которыя произносили бы сужденія о хорошемъ или о дурномъ языкѣ во всеобщее свѣдѣніе: языку учились на публичной площади, въ театрѣ, въ религиозныхъ праздникахъ; ибо эпо былъ общій языкъ орашора, поэта и первосвященника, языкъ, на которомъ выражались и положительная польза и благороднѣйшія способности ума, которому внимали и боги и люди. Посредствомъ этой общепотребительности между однимъ народомъ сохранялся онъ чистымъ, яснымъ, народнымъ; языкъ былъ всеобщимъ, а не индивидуальнымъ; идея о языкѣ индивидуальномъ рождается только въ тѣхъ странахъ, гдѣ національный языкъ погибъ или близокъ къ гибели.

Я съ намѣреніемъ оспанавливаюсь на эпопѣя фактъ происхожденія Аѳинскаго народа; ибо

эпопѣ фактъ имѣлъ почти неограниченное вліяніе на драму Греческую. Другія искусства могутъ въ нѣкоторой степени обойтись безъ власти и вѣдома народнаго, и есть примѣръ аристократическихъ лирическихъ, гдѣ не совѣшывались и не могли совѣшываться съ народомъ; но въ дѣлахъ театра участіе народа почти необходимо, и власть его здѣсь неограниченна. Отсюда я вывожу заключеніе, что только тамъ, гдѣ народъ имѣетъ вкусъ и образованіе, тамъ, гдѣ онъ своеземель, безъ измѣненія, безъ смѣшенія; (а первое изъ этихъ условій есть слѣдствіе влораго); тамъ только можетъ процвѣтать драматическое искусство. Напротивъ, тамъ, гдѣ нѣтъ такого народа, какой я разумью — искренниго и пуземаго — никакая сила аристократіи, повелѣвающей всемъ, никакое вліяніе самыхъ великихъ именъ этой аристократіи не будутъ въ состояніи породить самой бѣдной драмы. И это увидимъ мы въ Римлянахъ.

(окончаніе слѣдуетъ.)

IV.

ПРОВНЫЕ ЛИСТКИ ДЛѢ ИСТОРИИ РУССКИХЪ СКАЗОКЪ.

Л И С Т О КЪ XIX.

Сказки Монголо-Татарскія, или періодъ Русскихъ сказокъ послѣ 1224 года.

Новѣйшими изъ всѣхъ Азіатскихъ сказокъ, влывшихъ, или вошедшихъ въ Россію съ чуж-

бины, опредѣлимъ сказки Монголо-Татарскія; онѣ сначала были извѣстны намъ только издали, можетъ быть чрезъ Половцевъ, или чрезъ посредство другихъ народовъ, прежде насъ знакомыхъ съ Ташарами 1); но съ 1224 года, по есть со времени нашествія Татаръ на Россію, эти же сказки начали перерождаться совершенно въ *наши* сказки. Впрочемъ ихъ пакъ не много, что я не знаю, которыя, или какія изъ нихъ поименовань здѣсь Татарскими. При гостяхъ Ташарахъ, кажешся, намъ было не до ихъ сказокъ; да еслибъ Ташары и сами ихъ разсказывали, то кто бы ихъ спялъ слушать, а болѣе того — переписывашъ, или удерживашъ въ памяти то, что принадлежало къ чести, къ славъ, или къ хвасловству самыхъ ненависныхъ намъ злодѣевъ? *Врагъ въ полъ и възмъ горе!*

1) Только вѣроятно не отъ *Западныхъ*, ибо одни Азіатскіе переселенцы, переплывая и переходя къ Западу, своими свѣжими Азіатскими обычаями легко могли касаться Южныхъ степей и кочевья Руси и шуть оснаждать *намъ* все свое Азіатское. Но въ возвратѣ ихъ на Сѣверъ съ *Запада* (которой тогда едва ли существовалъ Азіатскимъ мѣствомъ), чтобы могло ихъ возбуждать къ *переливанъ* намъ своего?.. Припомъ Русскіе народы, кажешся, самые позднѣйшіе изъ всѣхъ выходцевъ Азіатскихъ въ Европу. Вотъ, отъ чего намъ принадлежатъ только Сѣверный край Европы, и вотъ что также доказываетъ крѣпость нашихъ силъ противъ всѣхъ другихъ предшествовавшихъ намъ выходцевъ въ Европу, которые вѣроятно на *свой пай* получали въ Азіи отъ Славено-Руссовъ полчки самыя сильнѣйшіе, или, въ противномъ случаѣ, они бы удержали свой перевѣсъ на *коренныхъ* гиздахъ!

Сказки: о *Борей Королевичъ*, *Устинь* и проч. тому подобныя, если и пахнутъ какою-то Татарщиной, но онѣ уже должны были у насъ появиться въ послѣдующее время, а не въ бытность Татаръ въ Россіи, т. е. онѣ соспавляютъ одно только дальнѣйшее, или, если вамъ угодно, по и *ближайшее* воспоминаіе о Романтическихъ проказахъ Татарскихъ. Русская боярышня Устинья (въ имѣвшемся у меня подлинникѣ сказки о *Борей Королевичъ*) почти того докащца. Прекрасная боярышня Устинья изъ-подъ неволи, какъ бѣдная, несчастная данница, жертвуетъ собою Татарину; но и Татаринъ, довольный своею участью, думаетъ (гордясь собою), что онъ, сочинивъ законныя связи съ именитымъ Русскимъ Бояриномъ, удружилъ шѣмъ цѣлой Россіи, всему народу Русскому и, вошь вся Русь (будто бы) радуется счастью своего соотечественника, и что даже (будто бы) всѣ люди Русскіе не надвѣяща тому, какъ это и отъ чего это пришло въ Татаро-царственную башку могучаго *Борга* осчастливить брачнымъ ложемъ рабу-плѣнницу Россіянку и проч. Дѣлать было нечего: тогда *людѣ Русской* былъ долженъ играть в молчанку и, кажешся, никакъ не воображалъ, что шѣ же грозные Татары, копорые нѣкогда шакъ вѣншовали надъ *нимъ* и надъ его женами, чрезъ нѣсколько шольнѣй впередъ будутъ шолько обманывать ихъ же женъ одѣми шалами, пла шашатся ушромъ по ихъ приходимъ за недоплаченными деньгами за плашки или шали. Вотъ какъ переходчиво время!

Монгольская повѣсть о славномъ, спрашнѣишемъ великанѣ *Гарганшугасъ* намъ извѣстна съ 1790 года, въ невѣрныхъ разсказахъ Новикова и Чулкова, перепорченныхъ (какъ мы прежде намекнули по догадкѣ) изъ подлинниковъ древнихъ стиховореній, или народныхъ преданій; мы же можемъ только почестъ Монголо-Татарскими сказками: *Баламира* (Бул-Эмира), Царя Гунновъ; *Тарбелса* (Тян-Бюльсу), и *Лювару* (Ли-Бару) и нѣкоторыя другія. Все это чрезвычайно бѣдно! А у Татаръ, по прежнимъ связямъ съ нами, есть свои весьма любопытныя сказки и пѣсни; шѣ и другія повѣствуютъ о *прежней* ихъ славѣ и силѣ, о *связяхъ* ихъ съ цѣлымъ міромъ, копорый они предположили наказашъ за кровешельство, оказанное, въ особенноти Русскими, слугамъ ихъ Половцамъ, за пошворство Европейцевъ хипрымъ Грекамъ, издавна разрушавшимъ ихъ Азіятскія логовища. — Теперь послѣдствія завязали самымъ крѣпкимъ *Кафимскимъ* узломъ всю Татарскую повѣсть съ нашею Русскою сказкою; жизнь Татаръ въ Россіи уже слилась съ нами неразрывно; и такъ для поясненій эпои же слышной *поэсти-жизни* намъ не слѣдуетъ пренебрегать и самими преданіями народовъ Татарскихъ: въ ихъ оспальныхъ древнихъ сказкахъ и пѣсняхъ еспь еще важная польза для пополненій многихъ промежушковъ въ Русской родимой Исторіи.

Л и с т о к ъ ХХ.

Еще кое-что о прибытіяхъ разныхъ повѣстей и сказокъ въ Русь.

Я, кажешся, пересказалъ моимъ слушаателямъ, что, можешъ бышь, въ одно и тоже вре-

мя, какъ съ полудня собирались въ Руси сказки племень Азіятскихъ, опъ Сѣвера шли къ намъ же на Русь шакже пѣсни и сказки Нормандскія и, вѣроятно, ходъ ихъ точно шакже былъ періодическимъ, какъ и у первыхъ, но еспь у полуденныхъ сказокъ. Угадывать эти періоды трудно; но, *догадкою*, иногда возможно...

До 862 года, или до извѣстныхъ намъ *первоначалъ* нашей Исторіи, всѣ вообще наши были и небылицы переселялись вмѣстѣ съ Словенами изъ колыбели ихъ — Азіи, почти опредѣлительно изъ самыхъ лучшихъ странъ стараго свѣта, изъ — Индіи. Со Словенами, на пути ихъ, смѣшивались, поспешенно, рассказы Аравійцянъ, Персовъ, Хивинцевъ и другихъ многихъ Азіятцевъ, сославлявшихъ остатки развалинъ древнѣйшаго человѣческаго рода. Въ шакомъ точно видѣ всѣ эти *рассказы* должны были явиться на берегахъ Дуная и Днѣпра, Буга и Днѣстра; далѣе: онѣ же показались на Вислѣ, Савѣ, Виршѣ, Дравѣ, Эльбѣ, Молдавѣ и проч.; словомъ: почти все пространство опъ горъ Кавказскихъ до границъ Италіи, наконецъ въ нѣкоторыхъ частяхъ самой Италіи, даже въ улицахъ ея великаго Рима, въ иныхъ областяхъ Галльскихъ (нынѣшней Франціи) и до половины земель Пѣмецкихъ — все усялось *Словено - Норманами*. Послѣдніе, ш. е. Норманы, какъ древнѣйшіе (до — Словенъ) выходцы изъ Азіи, по сродству еще, можешъ бышь, незабышаго ими языка въ Пѣмцахъ, потчасъ опокровительствовали слабѣйшихъ своихъ братій и очищали имъ и себѣ дорогу повсюду. Пѣмецкій народъ началъ бояться сихъ пришлецевъ, частію

началъ самъ соединяпсья съ ними и присоединилъ имъ еще къ имени Нордмановъ — имя Франковъ (вольныхъ людей); но это имя уже большею частію пало на Галловъ.

Къ Сѣверу у Словянъ - Нордмановъ, съ непамятныхъ временъ, существовали поселенія Новгородскія, Изборскія, Ладогскія и многія другія. Кажется, это были Словянскія заспавы а) опъ имѣвшихъ бытъ впоследствии варварскихъ нашествій и опъ удалыхъ набѣговъ разнаго сброда народовъ, занявшихъ, по малосилію, не весьма выгодныя мѣста на Сѣверѣ опъ Словянъ. Упомянутыми дикарями также руководствовали начально опдѣльные удадцы Словяно-Нордманскіе, называвшіеся уже *Руссами*, или русыми, можетъ бытъ, въ опдичіе опъ черноволосыхъ племенъ Азіяпскихъ.

Въ Новгородъ, Изборскъ и Ладогу предпочпительнѣе опъ Варяго - Русскихъ мореходцевъ и опъ многихъ другихъ сѣверныхъ жителей приходили рассказы сѣверные. Но сіи, встрѣпясь съ южными, постепенно и, особенно по крещеніи Словянъ Кіевскихъ (866 г.), слѣдовательно уже по нѣкоторомъ ихъ образованіи, начали смѣшиваться и смѣшались съ выдумками другихъ споропъ Европы; а такимъ образомъ появились къ намъ чрезъ посредство Генуезцевъ и Словянъ-южныхъ Италіано-Германскій *Витязь Бова*, Греко-Нѣмецкіе *Седль - Симіоновъ*, родныхъ братьевъ, Испано-Маврипанскій *Принцъ Адольфъ Лампадійскій*, неподмѣшенный Голландо - Германецъ *Королевичъ Бренсвикъ*; да и Французы тогда такъ

а) Называвшіеся воронями.

же передавали намъ свои рассказы: о *Петръ, Героѣ златыхъ ключей*, о *Сластолюбивой Гражданкѣ* (сказка о нѣкоемъ прикащикѣ и о *Купцевой женѣ*), *Одю Рене Шарине* (*La Reine Chérie*), о *Катеринѣ глупенькой Царевнѣ*, п. е. о *Катеринѣ Сотеринѣ* (*La Sote Reine Catherine*), о *Королевѣ Трудѣ* (*Prince de Souci*) и проч.

Съ симъ же вмѣстѣ и, въ одно и то же время, не доходя еще до Словянъ Кіевскихъ и Новгородскихъ, изъ упомянутыхъ же пришлыхъ сказокъ, или въ подраженіе имъ, въ смѣси народовъ Польско-Славянскихъ образовались: *Суды Шемлякъ*, *Климки*, *Королевици Заиграи*, *Дурачки Емельяны*, *Бацмагники* и *слуги ихъ Притычки* и проч. — Но и въ сихъ сказкахъ, за исключеніемъ *Шемляки* и другихъ весьма немногихъ, вся пскань совершенно южная.

Л И С Т О КЪ XXI.

ЕЩЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНИЙШИХЪ РУССКИХЪ СКАЗОКЪ И СКАЗКИ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЯ.

Спранно, что сказки и повѣсти, равныя по своей древности, или собственно по своей формѣ, съ вышеупомнутыми мною сказками средней и южной Европы, а можетъ быть еще и древнѣйшія оныхъ, каковы на примѣръ: *Витязь Яруславъ Лазаревъ*, да и многіе подобныя же *Яруславы* а) по своему окончательному *Лан*, или

а) Которыхъ имя читашель встрѣтитъ также и въ особливо приложенномъ къ симъ листкамъ каталогѣ Русскихъ сказокъ.

Land, весьма близки къ чему-то совершенно Нормандскому; но и эти *Land* къ намъ являющіяся, или являлись, большею частію съ Юга черезъ Сербію, Молдавію, Венгрію и проч., а нѣкоторые пришли къ намъ прямо изъ Италіи...

Здѣсь опять невольно (говорю о себѣ) соглашаешься съ опредѣленіями Эверса, то ешь съ его предложеніями о Нормандскихъ порогахъ на моряхъ южныхъ, — первое доказательство тому, что всѣ Норманы родились чадами Юга; да и какъ сомнѣваться въ томъ: ибо и Норманамъ, какъ и всякимъ народамъ, одно только бѣдствіе опредѣлило принявъ на себя страшное имя урожденцевъ страны Льдовъ, земли непокорной благопловнымъ лучамъ солнца; но потомъ — тѣ же бѣдствія ихъ укрѣпили и содѣлали побѣдителями почти цѣлаго міра!

„Неравны бываютъ вѣки, неравны и люди.“ говорили наши предки; такъ и случилось: не по нашему хотѣнью, а по Божьему соизволенью, малосильный народъ, выпѣсненный на Сѣверъ Европы изъ первобытныхъ своихъ мѣстъ сильнѣйшими, остался не знамо, не вѣдомо какъ побѣдителями, а гонимыми побѣжденными: Норманы — Русь своимъ (послѣднимъ) именемъ поглотила Словянъ; Норманы другіе поработили почти весь свѣтъ. Самый Римъ, едва ли не оупъ Словено-Руси, ускорилъ свое паденіе. Тогда изнѣженность ослабила силы Рима, и Сѣверные варвары, какъ пвердыня неразрушимая, нагрянули, и успѣли въ самомъ основаніи попрясти все могущество Римлянъ.

Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ мною сказочныхъ источниковъ, въ Россіи еще и понынѣ соспавляются сказки подражательныя, таковы на примѣръ: сказка о *Сынѣ Яруслана Лазаревича*, о *Внукѣ Королевича Бовы*, *Новый конь золотокрыль*, *конь поволенный самостыкъ* и проч. Польза сказокъ та, что въ нихъ повторяется многое позабытое древнее, всегда столь любезное для каждаго изъ любителей хитрости и мудростей, оставленныхъ намъ въкомъ неразгаданнымъ. Но при умноженіи новѣйшихъ сказочныхъ подражаній должно опасаться и того, что если изданія позднихъ выдумокъ продолжались, а мы между тѣмъ не успѣемъ сохранить ихъ древнихъ подлинниковъ, въ ихъ настоящемъ видѣ; тогда уже *позднія* выдумки и зашемятѣ и затопятѣ всю нашу древнюю драгоценность въ совершенствѣ; онѣ, такъ сказать, убьютѣ собою всю *Исторію* нашихъ первобытныхъ романовъ, столь важной фактъ и между фактами древнѣйшей Исторіи нашей и въ древней же Исторіи общей литературы, то есть не только Русской, но въ общей Исторіи Европейской, едва ли еще непуце нашего съ возвышеніемъ въ своемъ просвѣщеніи, расперявшей всѣ начала своихъ древнѣйшихъ романовъ.

На примѣръ намъ Русскимъ, мнѣ кажется, что вопреки многихъ старовѣрческихъ словопреній, известная Сага *Бймундова* довольно хорошо засвѣтила. Нѣтъ спору, что никакой простой рассказъ (безъ повѣрокъ) не лзя вносить въ текстомъ ни въ какую Исторію; но какъ не имѣть вѣроятія къ такимъ современнымъ рассказчикамъ, которыхъ рассказъ или весьма мало, или

почши ничѣмъ не разнишя отъ признанныхъ нами факшовъ: задумчивость Скепшиковъ — факшъ не всегда *дѣльной*, а ихъ шушки о *Бандуристахъ* ни къ селу, ни къ городу! Историческій кришикъ важенъ и любопытенъ въ своихъ сравнительныхъ факшахъ, въ вѣрояшныхъ догадкахъ, сличеніяхъ, знаніяхъ не только одной буквально Лѣтописной Исторіи, но и самыхъ ея мѣстностей. Эта мѣстность имѣетъ свой иншересъ: въ повѣряхъ, въ одеждѣ, въ нѣкоторыхъ словахъ языка, въ сохраненіи именъ древнихъ урочищъ, въ сравнительномъ ихъ сличеніи съ другими такими же урочищами, если онъ гдѣ нибудь еще существуетъ, въ оспашкахъ баснословія, въ характерѣ народа занимающаго мѣстность и проч. и проч. Въ прошивномъ случаѣ наша Историческая кришика никакими монасырьскими выписками не будетъ въ силахъ подкрѣплять себя. Даже нѣкоторымъ сомнѣніямъ Шлецера, до селѣ одного изъ лучшихъ оцѣнщиковъ нашихъ лѣтописей, въ семь случаевъ не лзя давать вѣры; онъ былъ цѣновщикомъ однѣхъ лѣтописей и — только. У самаго Нестора, нѣкоторые принятые нами факшы пошчасъ будутъ должно почестъ Сагами. . . .

Заклучаю все это словами одного ученаго нашего кришика: „Нѣтъ басни, которая бы не имѣла основаніемъ истины.“ Еймундъ могъ перемѣшать обстоятельство своихъ рассказовъ; но эшотъ же Еймундъ могъ бытъ одно и тоже лице съ упоминаемымъ нашими лѣтописцами лицомъ Асмуда; разница происшествій отъ Святослава, при которомъ былъ Асмудъ *кормилицомъ*, до гласныхъ дѣяній Ярослава, имѣетъ между собою только

сорокъ два года. Ипакъ если кормилецъ при Святославѣ былъ и шридцати лѣтъ, то онъ же при Ярославѣ, съ крѣпосью здоровья прежнихъ людей, могъ служить на семдесятъ впоромъ году, и даже бытъ свидѣтелемъ войны Ярослава съ Брячиславомъ, вѣроятно названнаго опъ Эймунда Буреслейфомъ — шупъ разницы только семь лѣтъ. Нормандское произхожденіе Эймунда опнюдь не доказательство нашего Нормандскаго рожденія; но Эймундъ, какъ *Нѣмецъ*, могъ называтъ даже и въ наше время нашего *Суворова* Суваро, а себя вмѣсто *кормильца* конунгомъ. . . . Сказки и Саги наши важны; но однакожъ вся важность ихъ должна подкрѣплятъ себя доказательствомъ криптиковъ не-Дкаршовой школы. —

Листокъ ХХІІ.

Ожиданія ученыхъ иностранцевъ послѣдствій опъ собраній Русскихъ сказокъ, опъ критическаго обзора оныхъ и проч. — костюмъ сихъ сказокъ въ наше время.

Ученые, и во всякомъ случаѣ трудолюбивые Нѣмцы, жаднѣ всѣхъ другихъ ученыхъ, если я не ошибаюсь, ждуть опъ Русскихъ изданія ихъ первобытныхъ сказочныхъ памятниковъ, важнаго матеріала для Исторіи общаго Европейскаго романтизма. „Русскія сказки, какъ думаютъ нѣкоторые изъ Нѣмцевъ, своими волшебными непостижимостями весьма много способствовали къ возвышенію героическаго духа въ рыцарствѣ *многихъ* Европейскихъ народовъ; вѣруи въ чудеса непостижимые, всѣ тогда храбрецы бывали непостижимыми; но за то въ послѣдствіи, при

крайнемъ усиленіи изнѣженностей, по измѣненіи въ рыцарствѣ спонческаго благоговѣнія ко свѣшымъ достоинствамъ *вѣры* и *вѣрности* (первыхъ заветныхъ символовъ рыцарства), родилось Дон-Кихотство. Это точно также случилось, какъ и нынче сбывается, что-то другое, но *что-то* Дон-Кихотству же подобное, именно въ наше время мы не рѣдко видимъ, что самыя возвышенныя чувства самыхъ великихъ нашихъ Литтераторовъ, чувства такъ сказать вдохновенныя въ нихъ, вмѣстѣ съ душою, въ послѣдствіи, унижаясь до какой-то *буфонской* плаксивости, вдругъ раждають пародіи на Сперна и Морица, на Расина и даже на Шиллера, на Шекспира и Гете — ихъ теперь одѣвають въ плащи и чуйки!...

Нынче весьма трудно и читать и слышать Русскія сказки въ ихъ первобышнемъ видѣ. Даже сами лубочные издатели сихъ сказокъ, печатавши ихъ по прежнему (по лубочному же), не всегда сохраняють въ нихъ точность древняго разсказа, и лубочныя наши сказки, въ наше время, замѣтно начали уже съ своими прибавками и убавками пренебрегать положительною точностію древности, и, вопль уже въ нихъ теперь, при ихъ древнихъ *костюмахъ*, иногда, появляются модныя и пышныя дамскіе рукава, или по крайней мѣрѣ, весьма нерѣдко, на нихъ же увидишь сѣренькой сюршучекъ à la Napoléon!...

Мы не объявляемъ себя врагами лѣтописей, грамотъ и особенно кришки; но никакъ не можемъ заспавишь себя не жалѣть о чувствительныхъ ранахъ наносимой *новизною* педантизмъ

ма всякой нашей древности. Эпи-шо самыя раны и производятъ нашихъ Дунашико-Гиперборейскихъ же сказочниковъ и Декарпо-скепшическихъ Испорцковъ; они однакожъ говорятъ безпрестанно о кришикѣ, но въ то же время и пашащся ошъ нее ракомъ.

Л и с т о к ъ ХХІІІ.

Древнія сказки, существующія еще въ некоторыхъ изъ нашихъ книгохранилищъ.

Въ нашихъ Русскихъ книгохранилищахъ, включая однакожъ Библиотеку Россійской Академіи, кошорая мнѣ не извѣстна (ибо я знаю только изъ Пелербургскихъ Библиотекъ одну — принадлежавшую Графу Ѳ. А. Толстому), въ сихъ книгохранилищахъ, повпору я, существуютъ еще, въ особенно (противъ другихъ) старомъ видѣ: *Королевичъ Бова*, *Аполлонъ Король Турскій* и *Королевна Тарса*, *Славный Судъ Шемлякинъ*, *Ѳома Поплюхантъ* (танцмейстеръ) и *Ерема Музыкантъ*, *Князь Ерусланъ Лазаревичъ*, *Царь Мелентей* (Милентесь) и *Грїана* (Аридна), *Паламидъ* (Плаמידъ) и *Епихариса* (Эвхариста), *Несчастный Старый мужъ*, сказка болѣе извѣстная подъ именемъ: *Бабуихъ Увертокъ* (И. В. Дмитриева: *Модная Жена*); припчи *Езона*; *Дщерь Иверскаго Царя дьвица Дилара* (Діонарія) *Царица* (не Царевна ли?), *Селимъ* или *Зелимъ* и *Дамазина* (Дамаскина) и проч. и проч. Рукописи всѣхъ сихъ повѣстей стары; изъ нихъ нѣтъ не одной моложе XVIII вѣка, впрочемъ не одной нѣтъ и старѣе XVI столѣтія.

Въ сихъ сказкахъ не опшвергнушы Калабрійскими лѣтописями Рыцарство Князя Бовы, Греческимъ историческимъ баснословіемъ: Тирскій владѣтель Апполонъ, Царь Менелай (перепначенный у насъ *Мелентесомъ*), *Ариадна*, *Евхариса*, *Мудрецъ Езонъ* и проч. За такія имена Исторія спорить съ баснословіемъ и, если бы Греція не поддадала игу варваровъ, тогда бы ея Исторія, разгадавъ факшы баснословныя, совершенно бы обыграла свою басню. — Нашей Исторіи есть еще теперь время и большіе способы обыгрывать все для нее нужное и у нашихъ сказокъ и у нашихъ басенъ. Приминесь только вначалѣ за Рюрика съ братьями, привяжите его повѣрочнѣе того, какъ мы знаемъ, къ Словянскому *Святославу*, или опдѣлите совсѣмъ Сагу о Рюрикахъ опъ Килзей Словянскихъ; дайше другихъ родоначальниковъ Игорю, или Святославу — тогда увидите, какой оборотъ приметъ наша Исторія въ опношеніи къ Норманамъ. Замѣчательно, что въ числѣ позднѣйшихъ нашихъ Князей уже не было ни Труворовъ, ни Синавовъ, а Игоря, Владиміры, Ярославы — все еще существовали.

Л и с т о к ъ ХХІV.

Русскія сказки въ началѣ ХѴІІІ столѣтія. Окончательная оппорченность Русскихъ сказокъ.

Въ началѣ ХѴІІІ вѣка жизнь нашихъ сказокъ (скорописныхъ) еще существовала въ своемъ первоначальномъ бышу: тогдашніе Русскіе писцы, какъ еще народъ *непродумливый*, спарались только хранить всевозможную точность во всѣхъ

довыхъ сказкахъ и почишаль не только *прибавку* чего либо къ *зему нибудь*, но даже и *убавленіе* безсмыслицы, нечаянно закравшейся въ разсказъ, грѣхомъ безсмертнымъ. Всякое писаніе освѣщалось какимъ-то особымъ закономъ, ибо все то, что написано было перомъ, того нельзя уже было *вырубить топоромъ*. Словомъ, старинные наши писцы въ полной ихъ силѣ могли называшь себя ремесленниками; они могли по всей справедливости пользоваться именемъ *точныхъ Копіистовъ*. Однакожь эти Копіисты никакъ не означали одного рода съ Копіистами дѣловыми, то была со всемъ *особъ-статья*.

Въ наше время замѣчательнѣйшія измѣненія въ Русскихъ сказкахъ начали совершаться въ началѣ послѣдней трети XVIII столѣтія. Въ 1778 году нѣкто *Друковцевъ*, замѣчательный Сатирической прозаикъ своего періода и, большой проказникъ, издалъ съ нѣкоторыми измѣненіями собраніе сказокъ подъ именемъ *Бабушкиныхъ*. Извѣстный въ свое время М. В. Поповъ и, можетъ быть убѣжденные его же примѣрами, Н. П. Повиковъ и М. В. Чулковъ, издали собраніе Русскихъ сказокъ. Первый ш. е. *Поповъ* напечаталъ въ 1768, а въ 1778 вторымъ изданіемъ *Старинныя диковинки, или приключенія Славянскихъ Князей*. Новымъ изданіемъ эта же книга была напечатана 1793 года въ двухъ часпяхъ. Издашель, какъ знашокъ Славянскаго баснословія и, если вѣрять преданію, имѣвшій хорошее понятіе о Нормандскихъ Сагахъ, сохранилъ въ своихъ древноспяхъ весьма много любопытнаго. Чулковъ издалъ свои *Русскія Сказки* 1780 и 1783 года; онѣ содержатъ древнѣйшія

повѣствованія о славныхъ Богатыряхъ, сказки народныя и прочія оставшіяся чрезъ пересказыванія въ памяти приключенія. Все изданіе состоявало 10 томовъ; но типографъ Селивановскій 1820, при 3 изданіи, сократилъ эти сказки въ 6 частей и шѣмъ испортилъ все дѣло. Г. Дитрихъ перевелъ это изданіе на Нѣмецкій языкъ, и вошъ, къ сожалѣнію, ученые Нѣмцы не будутъ еще имѣть полнаго понятія о трудолюбіи Чулкова. Здѣсь виноватъ во всемъ нашъ сократитель! Что принадлежитъ до Г. Новикова, то собранныя имъ въ 1787 и въ 1788 годахъ древнія сказки Славянъ Древлянскихъ, размѣщенныя въ 6 частяхъ, менѣе всѣхъ другихъ принадлежатъ Русской старинѣ. — П. И. Новиковъ, стараясь только объ улучшеніи опечеспвленной прозы и, какъ бы вдохновенный наблюдатель для сего, приготовленіемъ Карамзина, исправлялъ все лишнепературное и, такимъ образомъ не пощадилъ своими исправленіями и Древлянскихъ сказокъ, по преданію, имѣвшихъ прежде характерное достоинство Исландскихъ Сагъ. Что принадлежитъ до лучшихъ въ то время изданій сказокъ о дурачкахъ и Царевичахъ, то одно изъ таковыхъ было напечатано почти въ тѣхъ же годахъ, а вторымъ писаніемъ 1791 года подъ названіемъ: *Веселой Старушки, забавницы дѣтей*, съ картинкою, изображавшею старушку, сидящую за круглымъ столомъ и утѣшающую дѣтей сказками. Въ сей книжкѣ наши древнѣйшія сказки взяты были тогдыми ихъ рассказомъ, и пошому гораздо менѣе другихъ испорчены.

М. МАКАРОВЪ.

О началъ Ромынскаго или Молдавскаго языка.

Разговоръ племянника съ дядею.

Племянникъ. Имя, свойство и всѣ естественныя склонности Ромыновъ или Молдованъ, показываютъ, что они — отрасль древнихъ Римлянъ, иѣкогда цѣлымъ свѣтомъ владѣвшихъ; сіе ясно подтверждаетъ исторія — о началъ Ромыновъ въ Дакіи, и въ семъ я нимало не сомнѣваюсь. Но откуда ведешь начало языкъ, на которомъ нынѣ говорятъ и пишутъ Ромыны, недоумѣваю. Радуюсь, дядюшка, что нашелъ васъ свободнымъ отъ множества дѣлъ, сопряженныхъ съ должностію, которую вы неумолимо проходите; ибо я увѣренъ, что вы разрѣшите мое недоумѣніе. Прошу вразумить меня.

Дядя. Такъ какъ ты любопытствуешь о прекраснѣйшемъ и для меня приятнѣйшемъ предметѣ; то я съѣмъ охотнѣе соглашаюсь удовлетворить твоему желанію, что почти никого не знаю, кто бы доспашочно раскрылъ сію истину.

Племянникъ. Я о семъ говорилъ со многими; но никто не отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно.

Дядя. Два мнѣнія ученыхъ, которые безпристрастно говорятъ о семъ предметѣ: одни утверждаютъ, что Ромынскій языкъ есть языкъ Латинскій — испорченный, и потерявшій красоту Латинскаго языка; а другіе думаютъ, что у Римлянъ издревле было два языка: одинъ, которымъ говорилъ простой народъ, и который дѣши, такъ

сказашъ , всасывали вмѣстѣ съ матернимъ молодекомъ , по еспъ , перенимали по наслышкѣ , а другою , которому изучались въ школѣ съ помощію Грамматики. Послѣдній назывался языкомъ ученымъ , пошому чшо его могли знать одни только ученые. На семъ языкѣ Латыняне или Римляне писали свои книги , изъ коихъ многія до насъ дошли и мы читаемъ ихъ.

Племянникъ. Котораго же изъ сихъ двухъ мнѣній должно держашься ?

Дядя. Мнѣніе первыхъ родилось отъ того , чшо они , находя многія Латинскія слова въ языкѣ Ромынскомъ , котораго внутреннее образованіе отлично отъ свойства книжнаго Латинскаго языка , сжали вѣрншъ , чшо сіе произошло отъ упадка красоты Латинскаго языка и отъ порчи его. Но если спросишь ихъ : когда , гдѣ , почему и какъ произошелъ сей упадокъ и порча ? то они замолчашъ , или опять будутъ тоже говорить безъ всякихъ доказательствъ.

Племянникъ. Можно думать , чшо сія порча произошла въ Дакіи отъ смѣшенія и продолжительнаго обращенія Ромыновъ съ варварскими народами.

Дядя. И сіе мнѣніе не имѣетъ никакого твердаго основанія ; ибо мы усматриваемъ , чшо Ромынскій языкъ не только по многимъ словамъ , которыхъ или вовсе не находимъ въ Латинскомъ языкѣ , или находимъ оныя совершенно въ другомъ видѣ , но и по своему внутреннему составу сближается съ языками — Испанскимъ , Французскимъ и

преимущественно съ Италіянскимъ. И пакъ, если сказанные языки какъ съ Ромынскимъ, пакъ и между собою во многомъ сходствуюшъ, а при томъ различествуюшъ отъ Латинскаго; но предполагаемый упадокъ или порча не въ Дакіи послѣдовала. Причины несходства съ Латинскимъ глѣхъ языковъ, которые мы нынѣ называемъ Ромынскимъ, Италіянскимъ, Испанскимъ и Французскимъ, должно искашь тамъ, откуда произошли оныя, то есть, въ Римѣ, въ Италіи.

Племянникъ. Но такимъ образомъ должно будетъ сказать, что Латинскій языкъ испорченъ въ Римѣ и въ Италіи, и что оттуда перешелъ уже испорченнымъ во Францію, въ Испанію и въ Дакію; и вотъ причина, почему сіи языки сходствуюшъ между собою, тогда какъ они вмѣстѣ съ Ромынскимъ уклонились отъ книжнаго Латинскаго языка.

Дядя. Смѣшное сужденіе! Латинскій языкъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и въ пакъ называемый Золотой Вѣкъ, посредствомъ Римскихъ колоній, введенъ во Францію или Галлію и въ Испанію, а вскорѣ послѣ того и въ Дакію. Кто же послѣ сего можетъ думать, чтооь Латинскій языкъ испорченнымъ перешелъ въ Галлію, въ Испанію и въ Дакію? Книги, которыя въ томъ вѣкѣ были писаны и которыя мы нынѣ читаемъ, доказываютъ, что Латинскій языкъ никогда не былъ въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ въ то время.

Племянникъ. Я увѣренъ, что Ромынскій языкъ не испорченъ отъ языка Латинскаго; но мнѣ бы хотѣлось продолжишь сію бесѣду и убѣдисься

въ томъ, что у древнихъ Римлянъ дѣйствительно было два языка — одинъ Грамматическій или языкъ ученый, а другой просонародный.

Дядя. Латинскій языкъ Грамматическій или языкъ ученый, который нынѣ находимъ въ Латинскихъ книгахъ, очевидно языкъ не природный, но искусственный, которому можно изучиться не иначе, какъ съ помощію Грамматики. Ибо онъ такъ составленъ, что какъ бы кто часпо ни слышалъ оный, не можетъ научиться сему языку такъ совершенно, чтобъ не дѣлалъ на немъ частыхъ и грубыхъ ошибокъ прошивъ Грамматики; тогда какъ природному языку, или такъ называемому живому, можно хорошо научиться по одной наслышкѣ. Я зналъ въ Блажѣ, въ Трансильваніи, одного мальчика, который учился Ромынской грамотѣ, а по Латыни и читашъ не умѣлъ; не смотря на то, обращался съ клириками, которые учились въ Латинской школѣ и потому всегда говорили между собою по Латыни, онъ, по одной наслышкѣ, такъ успѣлъ въ Латинскомъ языкѣ, что обо всемъ свободно на немъ объяснялся; но всѣ слова его были наполнены грубыми ошибками прошивъ Грамматики, и приводили въ смѣхъ клириковъ. Тоже испытываетъ и всякій, кто станешъ обучаться Латинскому языку по наслышкѣ, а не по Грамматицѣ: онъ будешъ дѣлать безчисленные погрѣшности въ своихъ словахъ. Сіе случается и съ шѣми, которые учатся въ Латинскихъ школахъ, но не приобретаютъ совершеннаго познанія Грамматическихъ правилъ.

Тому же подвергались и древніе молодые Римляне. Почему ихъ родили и всѣ благоразумные люди всячески старались заводить школы, въ которыхъ прилежно ходили бы Римскіе отроки, а ихъ наставники получали бы хорошую плату. Имена многихъ таковыхъ наставниковъ, называвшихся Грамматиками, доселѣ славятся въ Латинскихъ книгахъ. Древніе молодые Римляне, такъ какъ и нынѣшніе Ромынскіе юноши, до лѣтъ поръ не оставляли Латинскихъ школъ, пока совершенно не научались искусственному или Грамматическому языку. Сіе видно изъ словъ Квинтилиана въ правилахъ Орапоріи кн. I. гл. 12. *А нашимъ ученикамъ сколько лѣтъ противится Латинскій языкъ?* (At novitiis nostris per quot annos sermo Latinus gerognat?) Тотъ же Квинтилианъ въ 6 й главѣ показанной книги пишетъ, что *иное дѣло говорить по Латини, а иное по правиламъ Грамматики.* (Aliud est Latine, aliud Grammaticae loqui). Здѣсь Квинтилианъ дѣлаетъ явное различіе между языкомъ Латинскимъ, который Римскіе отроки всасываютъ вмѣстѣ съ материнимъ молокомъ, и который называется простонароднымъ, и между Латинскимъ языкомъ искусственнымъ, которому въ продолженіе многихъ лѣтъ учатся по Грамматику.

Также и Цицеронъ въ 5й книгѣ объ Орапорѣ пишетъ, что для того, чтобъ говорить по Латини, наука преподаетъ дѣтямъ правила (praescripta latine loquendi puerilis doctrina tradit). Слѣдовательно языкъ, которымъ говорили молодые Римляне до своего вступленія въ Латинскія школы, который они перенимали отъ своихъ манерей, и

которымъ вообще говорилъ простой неученый народъ, былъ отличный отъ языка искусственнаго. Сей проспонародный языкъ, какъ природный, не требовалъ школьнаго Грамматическаго изученія. Такъ равно нѣтъ надобности и Ромынскимъ юношамъ обучаться въ школѣ по Грамматицѣ Ромынскому языку, какъ природному и общему есмь Ромынамъ, пошому что и философъ Ромынскій и паспухъ въ своихъ рѣчахъ не спанушъ дѣлать ошибокъ прошивъ главныхъ правилъ Грамматики своего языка.

Племянникъ. Но если Латинскій языкъ, который нынѣ находимъ въ Латинскихъ книгахъ, понимали только учившіеся оному многіе годы въ школѣ, при помощи Грамматики; то скажите пожалуйте, какъ могли войны понимать Юлія Кесаря и другихъ полководцевъ, когда они говорили къ своему войску? Уже-ли всѣ Римскіе войны, не выключая и нисшихъ, знали языкъ ученый?

Дядя. Хотя весьма многіе изъ Римлянъ знали ученый Латинскій языкъ, и особливо жившіе въ Римѣ и въ другихъ знашнѣйшихъ городахъ; но большая изъ нихъ часшъ знали одинъ только проспонародный языкъ, которому изучались отъ своихъ матерей. Сей языкъ разумѣли съ младенчества и знаменишые полководцы, и на немъ - то говорили они къ войску; почему всѣ Римскіе войны удобно понимали ихъ.

Племянникъ. Но рѣчи, которыя произносили полководцы къ войску, мы находимъ писанными на ученомъ Латинскомъ языкѣ. Слѣдовательно и полководцы говорили ихъ на есмь языкѣ къ войнамъ, а не на другомъ.

Дядя. Я уже выше упомянулъ о семъ, и дѣло извѣстное, что древніе Римляне всѣ свои книги писали на ученомъ Латинскомъ языкѣ, и что никто изъ нихъ не писалъ на общенародномъ. Сіе обыкновеніе было соблюдаемо въ теченіе многихъ вѣковъ и по разрушеніи древней Римской Имперіи. Да и другіе народы, какъ-то: Галлы, Нѣмцы и проч. не иначе писали свои книги, какъ на Латинскомъ ученомъ языкѣ. И какъ Исторіи были писаны на ученомъ Латинскомъ языкѣ; такъ и рѣчи, которыя упомянутые полководцы приносили къ воинамъ на проспонародномъ нарѣчій, были писаны на томъ же ученомъ Латинскомъ языкѣ. Иное дѣло говорить, а иное дѣло писать. Если бы какой либо Турецкій Паша говорилъ къ Турецкимъ воинамъ на Турецкомъ языкѣ, а Историкъ написалъ бы его рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ; то кто бы сказалъ, что Паша говорилъ къ Туркамъ по Нѣмецки?

Племянникъ. Пыпъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что древніе Римляне имѣли два языка, одинъ ученый, а другой проспонародный. Но скажите мнѣ, куда дѣвался Римскій языкъ? Уже ли заперялъ?

Дядя. Народный Римскій языкъ съ давнихъ временъ до нынѣ находится въ успахъ нашихъ Ромыновъ. Съ симъ языкомъ пришли предки Ромыновъ изъ Рима, въ царствованіе Императора Траяна, который, побѣдивъ Дакійскаго владѣльца Децебала, и истребивъ коренныхъ жителей въ Дакіи, какъ о томъ говорится въ Исторіи о *нагалъ Ромыновъ въ Дакіи*, и такимъ образомъ

очистивъ сію землю отъ ея древнихъ обитателей, поселилъ на ней многихъ Римлянъ, которыхъ привелъ изъ всей Римской Имперіи, то есть изъ всей Италіи въ Дакію, и которые заняли всѣ Дакійскіе города и селенія и сдѣлались владѣльцами оныхъ.

Племянникъ. Но если Ромынскій языкъ отъ простонародный языкъ есть простонародный языкъ древнихъ Римлянъ, то почему Ромыны мало могутъ понимать слова Французскія, Испанскія и даже Италіянскія, между тѣмъ какъ безъ всякаго, по моему мнѣнію, сомнѣнія въ Галлію и въ Испанію Римляне переселились также съ своимъ простонароднымъ языкомъ?

Дядя. Когда Римляне перешли на жишельство въ Испанію и въ Галлію или Францію, то нашли оныя населенными древними жишелями тѣхъ странъ; почему Римскій или Латинскій простонародный языкъ въ короткое время смѣшался съ языкомъ тѣхъ жишелей и измѣнился въ своихъ прежнихъ свойствахъ. И когда послѣ того возшли Нѣмецкіе народы въ Испанію и въ Галлію или Францію и тамъ поселились, то Римскій языкъ еще болѣе повредился отъ смѣшенія съ Нѣмецкимъ. Также и языкъ Италіянскій смѣшался съ языкомъ Лонгобардовъ, когда сіи завладѣли Италіею и поселились въ оной, гдѣ и нынѣ обитають подъ именемъ Италіянцевъ; но при всемъ томъ сей языкъ не такъ сильно испорченъ. Уже въ послѣдствіи времени измѣнили оный Италіянскіе ученые, и особенно стихотворцы, которые, можно сказать, образовали новый Италіянскій

языкъ. Да и доселѣ продолжаютъ измѣнять оный, особенно Тосканцы.

Когда предки Ромыновъ, Римляне, пришли въ Дакію, то нашли сію страну совсѣмъ безлюдною, и потому Римскій языкъ удобно могъ оспаваться здѣсь безъ поврежденія, тѣмъ болѣе, что праотцы Ромыновъ переселились сюда не въ маломъ числѣ, какъ обыкновенно переселялись другія Римскія колоніи, но въ безчисленномъ множествѣ; а во множествѣ народа языкъ трудно измѣняется. Правда, по переселеніи Римлянъ въ Дакію, многіе варварскіе народы переходили чрезъ оную, и даже нѣкоторыя въ продолженіи большаго или меньшаго времени постоянно тамъ жили, какъ то: Готы и Гениды — народы Нѣмецкаго племени, Гунны и Авары, отрасли Скивовъ; но большее число Ромыновъ, по благородству своей души, чрезъ бракосочетаніе не смѣшивались съ иностранцами, изъ предоспорожности, чшобъ Римскій языкъ не испортился опъ языка варварскаго. Ромыны никогда и не помышляли о томъ, чшобъ испорчить древній языкъ, съ которымъ ихъ предки - Римляне пришли въ Дакію, подобно нынѣшнимъ Италіянцамъ, но и доселѣ сохранили оный въ прежнемъ видѣ.

Лавреншій Топелшинъ, Саконецъ изъ Транвилваніи, въ 9 й главѣ книги подъ заглавіемъ: *Origines et occasus Transylvanorum*, сравнивая Италіанскій языкъ съ Ромынскимъ, такъ говоритъ: „я думаю, чшо прежде того, какъ Давшъ, Боккаціо и Пешрарка изъ Лонгобардскихъ и Гальскихъ барбаризмовъ и изъ оспашковъ простонародныхъ Латинскихъ словъ образовали нынѣшній новый,

прекрасный и почти Божественный Италіанскій языкъ, — Ромынскій языкъ во всемъ былъ сходенъ съ Италіанскимъ.“ (Existimo, antequam Dantes, Boscacius et Petrarca ex barbarismis Longobardorum, Gallogumve, et familiaris Latini sermonis reliquiis, novam, hanc Italogum, elegantem et pene divinam, composuissent, Walachicam Italicae lingue per omnia similem fuisse). Видишь ли, какъ нынѣшній языкъ Италіанцевъ чрезъ нихъ же самихъ измѣненъ въ своей прежней сущности. Также Топелсинъ приводитъ и мнѣніе Ковачія въ такомъ видѣ: и Ковачій замѣтилъ, что нынѣшній Ромынскій языкъ гораздо болѣе сдержанъ въ себѣ Римскихъ и Латинскихъ словъ, нежели нынѣшній Италіанскій. (Covacius quoque in Dial. de administr. Regni Transylv. observavit, vernaculum istorum Walachorum sermonem — plus fere in se habere Romani et Latini sermonis, quam presens istorum lingua.)

Племянникъ. Калкокондила, одинъ изъ Византійскихъ Писателей, во второй книгѣ говорилъ, что языкъ Ромынскій сходенъ съ Италіанскимъ, но такъ поврежденъ и испорченъ, что Италіанцы съ трудомъ могутъ понимать оный. А изъ сего слѣдуетъ, что не Италіанскій, а Ромынскій языкъ уклонился отъ древняго общенароднаго Римскаго языка.

Дядя. Калкокондила писалъ сіе въ 1500 году по Рождествѣ Христовѣ, а измѣненіе Италіанскаго языка, о которомъ я выше упомянулъ, послѣдовало гораздо прежде; а потому Калкокондила справедливо говорилъ, что Италіанцы не могутъ понимать языка Ромыновъ. Впрочемъ Грекъ Калкокондила не зналъ, что вышесказанное измѣ-

неніе произошло со стороны Италіянцевъ, а не со стороны Ромыновъ, почему онъ и опнесъ неразуміе Италіянцами словъ Ромынскихъ къ порчѣ Ромынскаго языка; но въ семъ Грекъ погрѣшилъ. Ибо, какъ я уже сказалъ, не Ромынскій, но Италіянскій языкъ посредствомъ Ломбардовъ и своихъ ученыхъ уклонился опъ древняго общенароднаго Римскаго языка.

Племяникъ. Но мнѣ кажется, что въ языкахъ Италіянскомъ, Гальскомъ или Французскомъ и въ Испанскомъ болѣе Латинскихъ словъ, нежели въ языкѣ Ромынскомъ. Слѣдовательно языкъ Ромынскій испорченъ, и по причинѣ сей-то порчи Италіянцы съ трудомъ могутъ понимать слова Ромыновъ.

Дядя. Дѣйствительно въ языкѣ Италіянскомъ и въ другихъ находятся такіа слова, которые не употребляются у Ромыновъ. Но ты долженъ помнить, что Италіянцы, Испанцы и Французы, съ того самаго времени, какъ приняли Христіанскую Вѣру, всегда находились подъ владычествомъ Римскаго Папріарха; что въ ихъ храмахъ всегда былъ въ употребленіи Латинскій языкъ; и что при ихъ богослуженіи не слышно было другаго языка, кромѣ ученаго Латинскаго. Сіи народы вездѣ имѣли Латинскія школы, въ которыхъ юношество приобрѣтало совершенное познаніе ученаго Латинскаго языка; на семъ языкѣ обучали Риторикѣ, Философіи, Богословію, Законовѣдѣнію и другимъ наукамъ. Болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ у сихъ народовъ писали книги не иначе, какъ на одномъ ученномъ Латинскомъ языкѣ. Послѣ сего не должно удивляться, что въ

упомянутые языки такимъ образомъ вошли многія Латинскія слова, которыхъ мы не находимъ въ языкѣ Ромынскомъ. При такихъ обстоятель-ствахъ и не возможно было не вкрасься многимъ Латинскимъ словамъ въ означенные языки. И очевидно, что всѣ шѣ Латинскія слова сихъ языковъ, которыя не употребляются въ языкѣ Ромынскомъ, заимствованы отъ Латинскаго ученаго языка, вышеупомянутымъ образомъ.

Что же касается до Ромыновъ, то они съ самыхъ древнихъ вѣковъ не имѣли никакого со-общенія съ Римлянами, не обучались ученому Латинскому языку почти до нашихъ временъ; да и нынѣ обучающагося оному только въ обла-стяхъ, подвластныхъ Австрійскому Императору. (Примѣч. Авшору безъ сомнѣнн я не было извѣстно, что въ Кишиневскихъ Духовныхъ училищахъ съ самаго открытн я оныхъ, ш. е. съ 1813 года, обу-чаютъ Ромыновъ или Молдованъ въ числѣ про-чихъ наукъ и Латинскому языку). Почему въ ихъ языкѣ сохранились шѣ только Латинскія слова, съ которыми ихъ предки пришли изъ Рима въ Дакию, то есть, которыя издревле употреблялись въ Римскомъ общенародномъ языкѣ. Ромынскій языкъ — весь Римскій, соспавленный изъ простона-роднаго Латинскаго и изъ другихъ отдѣльныхъ нарѣчій Италійскихъ народовъ, которые, бывъ покорены Римлянами, соспавили съ ними одну націю. И сіе-то причиною, что въ Италіи Рим-скій языкъ всегда былъ раздѣляемъ на многіе діалекты: ибо по смѣшеніи новыхъ Римлянъ, то есть, покоренныхъ народовъ, и по соединеніи въ одну націю съ Римлянами - побѣдителями, не

могло спастись, чтобъ первые не удержали нѣкоторыхъ словъ и видоизмѣненій своихъ и прежнихъ нарѣчій; откуда произошло, что Римскій языкъ въ Италійскихъ провинціяхъ заимствовалъ новыя слова, новое произношеніе и тому подобное, смотря по свойству сего народа. Нѣкоторыя слова въ одной Италійской провинціи не были въ употребленіи, а въ другихъ требовались новыя, по свойству языковъ, на которыхъ прежде говорили сіи народы. Таковая разность діалектовъ и нынѣ существуетъ въ Италіи, такъ что находящіеся въ дальномъ между собою разстояніи жители съ трудомъ могутъ понимать другъ друга. Изъ Италіи же перешли и въ Дакію многіе отдѣльныя діалекты словъ; и въ однихъ только церковныхъ книгахъ діалектъ остался въ цѣлости.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что не Ромынкій языкъ, но Италійскій и другіе потерпѣли измѣненіе; и потому-то нынѣ Италіянцы, Испанцы и Французы мало могутъ понимать Ромыновъ. Равно и по не менѣе достоверно, что кто пощъ, кто хочетъ правильно судить о древнемъ Римскомъ просонародномъ языкѣ, долженъ принять въ пособіе языкъ Ромыновъ. Многіе ученые мужи, разсуждая о семъ измѣненіи, но не зная Ромынскаго языка, сославили неправильное понятіе о древнемъ Римскомъ просонародномъ языкѣ.

Племянникъ. Немногія Латинскія слова, какъ мыѣ кажется, находятся въ Ромынскомъ языкѣ; но бѣольшая часть изъ нихъ заимствована изъ на-

рѣчій Италіянскихъ народовъ, покоренныхъ Римлянами и съ ними соединившихся въ одну націю.

Дядя. Правда, въ Ромынскомъ языкѣ есть много словъ и означенныхъ Италіянскихъ народовъ, но бѣльшая часть изъ нихъ заимствована изъ языка Лапинскаго. Для шѣхъ только кажется, что немногія Лапинскія слова находятся въ языкѣ Ромынскомъ, которые сравниваютъ Ромынскій языкъ съ Лапинскимъ ученымъ языкомъ, не обращая вниманія на просонародный Лапинскій языкъ; ибо многія слова Лапинскаго просонароднаго языка, находящіяся въ языкѣ Ромынскомъ, Лапинскій ученый языкъ преобразилъ, и далъ имъ другой видъ; посему - то они съ перваго взгляда и кажутся не Лапинскими. Но если вникнешь, при руководствѣ мною принятаго правописанія, въ сокровенное начало или корень ихъ; то увидишь, что онѣ Лапинскія, равно какъ и шѣ, которые мы находимъ въ книгахъ, писанныхъ на Лапинскомъ ученомъ языкѣ. И дѣйствительно, пока Ромыны будутъ писать Кириловскими буквами, которые въ употребленіи у Сербовъ и Русскихъ, и которые съ тою хитростію введены у Ромыновъ, чтобы совершенно уничтожить ихъ языкъ, до шѣхъ поръ Лапинскія слова не будутъ примѣсны въ Ромынскомъ языкѣ. Въ такомъ - то дыму скрываютъ ихъ благородное лице, и содержатъ ихъ какъ бы въ нѣкоей мрачной темницѣ горько заключенными, безъ всякой надежды освобожденія! Часто мнѣ случалось недоумѣвать о какомъ - либо словѣ, Лапинское ли оно? но какъ скоро я писалъ его Лапинскими буквами; то оно съ блескомъ

являло мнѣ свое Латинское лице, и какъ будто улыбалось ко мнѣ опъ радости, что я избавилъ его опъ неволи и опъ нищенскихъ Кириловскихъ рубищъ. а).

Племянникъ. Въ Ромынскомъ языкѣ еспъ пакія слова, которыхъ нынѣ не находимъ ни въ Латинскомъ ученомъ, ни въ Италіанскомъ, ни въ Испанскомъ, ни во Французскомъ, ни въ другихъ намъ извѣстныхъ языкахъ: сіи слова ясно показываютъ, что предки Ромыновъ заимствовали оныя опъ варварскихъ народовъ, которые въ древнія времена переходили чрезъ Дакію, и которые нынѣ болѣе уже не существуютъ.

Дядя. Пустыя и ничего неспѣющія догадки — искашь Ромынскихъ словъ въ языкахъ сихъ изчезнувшихъ народовъ, о которыхъ не извѣстно, какой они и языкъ употребляли. Я выше сказалъ, что въ Италіи были и нынѣ существуютъ многіе діалекты; почему должно думать, что помянутыя слова принесены въ Дакію предками Ромыновъ изъ какой-либо Италіанской области; что онѣ въ послѣдствіи времени, какъ по обыкновенно случается, въ Италіи преданы забвенію, а у Ромыновъ и доселѣ сохранились. Не слу-

а) Надобно знать, что какъ лексиколь, изъ кошорагѣ заимствованы сей разговоръ, такъ и самый разговоръ писанъ Латинскими буквами, и потому непривыкшему къ правописанію дяди странно видѣть Молдавскія слова такъ изуродованными. Напр. Ачест-сей, aquest; ашез-располагаю, asedu; амѣ-такъ, asie; аде-слухъ, andu. И къ лицу ли сіе пыльное Римское отдаліе бѣдному Молдавскому языку? *Примѣх. Перев.*

чалось ли подобное сему и съ здѣшними Ромынами? Нѣкоторыя Латинскія слова у Ромыновъ изъ Дакіи Авреліановой и донинѣ въ употребленіи, между тѣмъ какъ у Ромыновъ изъ Дакіи Траяновой ихъ вовсе не слышно; равнымъ образомъ и нѣкоторыхъ словъ, извѣстныхъ въ Дакіи Траяновой, напрасно будемъ искать въ Дакіи Авреліановой. Скажу болѣе, въ Дакіи Траяновой, въ одной извѣстной области, или въ одномъ діалектѣ, употребляются такія Латинскія слова, которыхъ не находимъ въ другомъ діалектѣ той же Дакіи; подобное замѣчаемъ и въ Дакіи Авреліановой. Да и у Словянъ въ одномъ діалектѣ употребляются такія слова, которыхъ въ другомъ діалектѣ совсѣмъ неизвѣстны. Сіе случилось не съ одними словами Римскаго, но и вообще со всѣми другими ученаго Латинскаго языка. Напр. на древнѣйшихъ двѣнадцати Римскихъ таблицахъ стоить въ трепьемъ лицѣ глаголь: *escit, escint* вмѣсто *sit, sint*. Вторыхъ и первыхъ лицъ сего глагола нигдѣ не находимъ въ Латинскихъ книгахъ: онѣ затеряны въ ученомъ Латинскомъ языкѣ; но у Ромыновъ Дакіи Траяновой употребляется второе лице: *esci* (эщія) — *es*, а у Ромыновъ Дакіи Авреліановъ въ употребленіи и первое лице: *esci* (эску) — *sum*. Итакъ если нѣкоторыя и книжныя слова, по есть слова ученаго Латинскаго языка, на кошоромъ писаны книги, не уцѣлѣли, но затеряны; то тѣмъ болѣе у брашій нашихъ Италіянцевъ, съ которыми, по пришествіи сюда нашихъ предковъ, случились многія перемѣны, нѣкоторыя слова мо-

гли бытъ пошеряны безвозвратно, между шѣмъ какъ у Ромыновъ сохранились оныя и понынѣ.

Племянникъ. Все сіе такъ сильно, обстоятельно и ясно доказано, что шомъ только можеть въ семъ сомнѣваться, кшо при солнечномъ свѣтѣ привыкъ слѣпошествовать. Я увѣренъ, что Ромынкій языкъ естѣ древній простонародный языкъ Римскій; но мнѣ хотѣлось бы знать: когда получилъ начало сей простонародный Римскій или Латинскій языкъ, на которомъ говорили народъ?

Дядя. Древность Латинскаго общенароднаго языка столь глубока, что мы не можемъ знать его происхожденія; извѣстно только, что Латинскій общенародный языкъ задолго до основанія Рима существовалъ въ странѣ шакъ называемой Лаціумъ, въ которой и Римъ построенъ. Но когда Римляне, по построеніи Рима, мало помалу покорили всѣ Италіанскіе народы, шогія слова и свойства нарѣчій сихъ народовъ введены въ языкъ Латинскій; и такимъ образомъ составился Римскій общенародный языкъ, какъ выше сего сказано, который послѣ и оштался уже въ употребленіи у всѣхъ Италіанскихъ народовъ. Сей языкъ распространился по всей Италіи, и назывался Латинскимъ, Римскимъ и въ послѣдствіи Италіанскимъ.

Племянникъ. Я не сомнѣваюсь, что Латинскій книжный языкъ древнѣе общенароднаго Латинскаго языка.

Дядя. Совсѣмъ нѣтъ. Книжный Латинскій языкъ, искусственный, ученый, а не природный, подобно Латинскому общенародному языку; а

извѣстно, что природа древнѣе искусства. Латинскій книжный языкъ образовался изъ Латинскаго проспонароднаго языка, но если былъ передѣланъ съ языка народнаго; такъ и всякой образованный языкъ ведетъ свое начало отъ языка народнаго. Посему - то онъ мало помалу былъ обоготцаемъ, украшаемъ и усовершенствуемъ до времени великаго Римскаго Оратора Цицерона. Сія времена названы золопымъ вѣкомъ Латинскаго ученаго языка; но съ сего вѣка не сдѣлано уже въ немъ никакого значительнаго приращенія.

Племянникъ. Когда же составился Латинскій книжный или ученый языкъ?

Дядя. Основателемъ сего языка былъ Латинъ, Царь Лакійскій. О немъ Евтропій въ 1 й книгѣ такъ пишетъ: „Въ царствованіе Латина (въ Латіумѣ), который исправилъ Латинскій языкъ и отъ котораго Латиняне получили свое названіе, Троя взята Греками, въ лѣто отъ сотворенія міра 4018, а до основанія Рима за 304 года.“ (*Regnante tamen Latino (in Latio) qui latinam linguam correxit, et Latinos de suo nomine appellavit, Troja a Graecis capta est expletis a mundi principio annis IV. m. XVIII, ante urbem conditam annis CCC et IV*).

Племянникъ. Но упомянутыя слова не Евтропіевы, а приведены изъ одного писателя 10 вѣка. Ихъ нѣтъ въ изданіи Евтропія, которое мы имѣемъ.

Дядя. Сія достопримѣчательныя слова я читалъ въ Венеціанскомъ изданіи Abg 1521 года.

Племянникъ. Но не можно вѣришь, чипобъ сія слова были Евтропіевы, который жилъ нѣсколькими вѣками послѣ времени Латина.

Дядя. Было бы несправедливо не вѣрить такому мужу, каковъ Еввропій, по тому только, что онъ жилъ нѣсколькими вѣками послѣ Лашина; припомъ не можно предполагать, чтобы онъ имѣлъ какой-либо интересъ безъ зазрѣнія совѣсти лгать въ семь случаевъ; а пошому оспивается вѣрить, что Еввропій не изъ своей головы выдумалъ сіе мнѣніе, но начиналъ оное въ какомъ-либо древнемъ сочиненіи, которое, какъ и тысячи другихъ, затеряно и до насъ не дошло. Но слѣды сего мнѣнія находящяся и у Варона, о которомъ такъ свидѣтельствуетъ Квинтилианъ въ I главѣ 10 книги Насправленій Орадорскихъ: „Теренцій Варонъ ученѣйшій мужъ между Римлянами. Онъ сочинилъ очень много книгъ и припомъ ученыхъ, былъ весьма знающъ въ Лашинскомъ языкѣ и во всѣхъ древнихъ событіяхъ какъ Греческихъ, такъ и нашихъ.“ (Terentius Vago vir Romanorum eruditissimus, plurimos hic libros et doctissimos composuit, peritissimus linguae Latinae et omnis antiquitatis, et rerum Graecarum nostrarumque.) Варонъ, какъ я уже сказалъ, въ своей книгѣ о Лашинскомъ языкѣ, которую онъ посвятилъ другу своему Цицерону, говоритъ: „Мнѣ показалось неприличнымъ не упомянуть о томъ, что слово, изобрѣщенное Эниемъ, гораздо прежде того было уже изобрѣшено Царемъ Лашиномъ.“ (Non enim videbatur consentaneum, me eo in verbo quod finxisset Enius, causam negligere, quod ante rex Latinus finxisset.)

Здѣсь Варонъ показываетъ, что нѣкоторое слово, о которомъ думали, что Эній изобрѣлъ и ввелъ оное въ Лашинскій ученый языкъ, изобрѣ-

шено не Эніемъ, но Лапиномъ; а изъ сего ясно открывается, что Лапинъ сдѣлалъ нѣкоторое измѣненіе въ языкѣ Лапинскомъ: слѣдовательно вышепомянутыя слова, хотя бы онѣ были Ев-пропѣевы, хотя бы другаго писателя, не сказаны безъ основанія. Если бы Варонъ при своихъ обширныхъ познаніяхъ о древнихъ происшествіяхъ Лапиновъ имѣлъ случай пространнѣе говорить о семъ предметѣ, то онъ со всею ясностію показалъ бы, что Лапинъ былъ первымъ изобрѣтателемъ Лапинскаго ученаго языка.

Племянникъ. Что побудило Лапина и его слѣдователей измѣнять Лапинскій простонародный языкъ и образовашь изъ него ученый?

Дядя. Когда Лапины нѣснѣ соединились съ Греками и замѣтили, что у нихъ многія науки написаны на ихъ Еллинскомъ языкѣ; но и сами, изъ подражанія Грекамъ, спали занимашься науками; а дабы сдѣлать свой языкъ удобнымъ къ изложенію и распространенію наукъ, то они начали, по примѣру языка Еллинскаго или Греческаго, изъ котораго заимствовали познанія, образовашь свой языкъ, и въ семъ они наиболѣе успѣли посредствомъ переводовъ книгъ съ Греческаго языка на Лапинскій. Посему - то Лапинскій ученый языкъ во всемъ удержалъ свойство языка Еллинскаго. Да и Квинтилианъ свидѣтельствуетъ, что Лапинскій языкъ весьма сходенъ съ Греческимъ, а особенно съ Эолійскимъ діалектомъ. Вотъ слова его: „Continet (Etymologia) autem in se multam eruditionem, sive illa ex Graecis orta tractemus, quae sunt *viurima*, praecipueque *Aeolica* ratione

(cui est sermo noster *simillimus*) declinata : sive ex historiarum veterum notitia,“ Instit. Orat. lib. I. cap. 6.

Племянникъ. Но какъ Латинскій ученый языкъ началъ образовашься изъ языка проспонароднаго?

Дядя. Однимъ изъ первоначальныхъ измѣненій, какъ мнѣ кажешся, была перемѣна окончаній словъ. Такъ какъ всѣ слова Латинскаго проспонароднаго языка оканчивались на гласныя буквы, то ученые Латины, по примѣру Грековъ, начали прибавлять къ концу нѣкоторыхъ словъ согласныя; а что всѣ слова Латинскаго языка въ древности оканчивались на гласныя буквы, сіе вывожу изъ того, что не только въ Испаліанскомъ, но и въ Ромыскомъ языкѣ, перенесенномъ изъ Испаліи въ началѣ 2 го сподѣшія по Р. Христова, и нынѣ всѣ слова оканчиваются на гласныя буквы. Изъ сего не безъ основанія заключить можно, что и у древнихъ Латинянъ, до соединенія ихъ съ Греками, всѣ слова оканчивались на гласныя буквы. А если кто захочетъ сіе опровергать, то пусть укажетъ на начало обыкновенія Испаліанцевъ и Ромыновъ не употреблять на концѣ словъ согласныхъ буквъ; а какъ сего никто не можешь сдѣлать, то и слѣдуетъ заключить, что у древнихъ Латинянъ было обыкновение всѣ слова оканчивать на гласныя буквы.

У Ромыновъ изъ Дакіи Авреліановой и нынѣ всѣ слова оканчиваются на гласныя буквы, такъ какъ и у Испаліанцевъ; но у Ромыновъ изъ Дакіи Траяновой по большей части на концѣ опускается гласныя ъ, отъ чего у нихъ многія слова оканчиваются на согласныя. Впрочемъ предки Ромыновъ въ такомъ случаѣ въ письмѣ прилагали къ

концу согласной Кириловское ъ, которое не имѣло никакого звука, а только показывало, что на семь мѣспѣ должна бы стояла гласная ѹ. Но если такое слово соединяется съ членомъ определеннымъ, или съ другою какою либо частицею, то тогда гласная буква снова занимаетъ свое мѣсто; напр. Ромянь-ромянѹл; Грекъ-Грекъѹ; дяндѹ; дяндѹне (дая—дая намъ); ругяндѹ-ругяндѹше (прося—прося себя); лъсяндѹ лъсяндѹсе (оставляя—оставляя себя); фак-факѹл (дѣлаю—дѣлаю это) и проч. Смори примѣчанія на рецензію исторіи: О началѣ Ромыновъ въ Дакии.

Племянникъ. Сказанное вами объ окончаніи Италіянскихъ словъ на гласныя буквы справедливо въ отношеніи къ Италіянскому языку, образованному, исправленному учеными Италіянами, о чемъ и выше вы упомянули; но какъ Ломбарды и Фурланы сего обыкновенія не имѣютъ, то и вашъ доводъ разрушается.

Дядя. Если ты возьмешь вниманіе ихъ характеръ и сосѣдство ихъ жилищъ съ другими иностранными народами, то перестанешь удивляться, что они уклонились отъ свойства древняго Италіянскаго языка. Уже ли ты не знаешь, (какъ я о томъ и выше говорилъ), что Ломбарды или Лонгобарды произвели великую перемѣну въ Италіянскомъ языкѣ, переселись въ Италію? И такъ не удивительно, что Ломбарды удержали свойство своего Нѣмецкаго языка оканчивать слова на согласныя буквы. Но искажь свойства истиннаго Италіянскаго языка у Ломбардовъ и у Фурлановъ тоже бы значило, какъ если бы кто захотѣлъ найсти чистый Ромыноскій языкъ у

Ромыновъ, обитающихъ на предѣлахъ Булгаріи и Россіи, или еслибъ кто хотѣлъ открыть свойство Словянскаго языка въ діалектѣ Карніоланъ, или въ діалектѣ Сербовъ, который есть странная смѣсь многихъ различныхъ языковъ. И хотя нѣкоторые Италіянцы, и особенно Спихотворцы, для сокращенія часто отбрасываютъ гласную на концѣ слова, равно какъ и Ромыны изъ Дакіи Траяновъ, о чемъ уже и выше сказано; но симъ не опровергается упомянутый мною доводъ объ окончаніи словъ на гласную букву.

Племянникъ. Не взошли ли и въ книжный Латинскій языкъ слова Италіянскихъ народовъ, сославившихъ съ Римлянами одну націю, такъ какъ оныя взошли въ языкъ Римскій, названный послѣ Италіанскимъ?

Дядя. Безъ сомнѣнія взошли, и особенно изъ языка Сабинянъ.

Племянникъ. Но не въ сіи ли древнія времена взошло и изъ Словянскаго языка то множество Словянскихъ словъ, которыя встрѣчаются въ Латинскомъ, Италіанскомъ и Ромынскомъ языкахъ?

Дядя. Не понимаю, что ты хочешь сказать.

Племянникъ. Весьма многія слова, какъ въ нихъ исполняемъ видѣ, такъ и съ нѣкоторыми измѣненіями, находятся въ Латинскомъ ученomъ языкѣ, въ языкахъ Италіанскомъ и Ромынскомъ, которыя употребляются также и въ языкѣ Словянскомъ или Сербскомъ; не заимствованы ли сіи слова въ древнія Римскія времена Латинянами, или Римлянами, или Италіянцами отъ ихъ сосѣдовъ — Сербовъ, или Словянъ?

Дядя. И за симъ еще не понимаю пивоихъ рѣчей.

Племянникъ. Въ прошедшемъ (1824) году въ-копорый мужъ изъ Кроаціи, по имени Павелъ Сѣларичъ, напечаталъ въ Будѣ Сербскую книгу, въ копорой пишеть, что Словяне — самый древній народъ въ сей части свѣта, и говоришь, что тѣ слова, копорыя находилсъ какъ въ Словянскомъ, такъ равно и въ Лашинскомъ языкѣ, заимствованы Лашинами оупъ Словянѣ.

Дядя. Мнѣніе сіе самое смѣшное и целѣное, попому что ни Словяне, ни ихъ языкъ не были извѣстны жителемъ сихъ странъ до начала шестнаго вѣка по Р. Христовѣ. Въ сіе же время изъ-за Карпатскихъ горъ, отдѣляющихъ Венгрію оупъ Польши, или земли Лешской, и изъ-за рѣки Эльбы, гдѣ лежишь Германія или земля Штецкая, нахлынуло безчисленное множество народовъ. Какъ же могли Лашиняне оупъ народа неизвѣстнаго и оупъ языка невѣдомаго заимствовать слова?

Племянникъ. Прошу извинишь; ибо какъ тѣ, что говоришь Сѣларичъ, вамъ кажутся страннымъ; такъ и ваша рѣчь мѣ кажется голословною и никакими доводами неподтвержденною.

Дядя. Послушай! Юрнандъ, жившій въ то время, когда нѣкоторые Словяне изъ древняго своего отечества въ великомъ множествѣ вшорглись въ сіи страны, и писавшій Исторію о Гешскихъ происшествіяхъ около половины 6 вѣка по Р. Христовѣ, въ 5 главѣ такъ описываетъ прежнее отечество нашихъ Словянъ, копорыхъ всѣ древніе писатели называли Склавинами или Склавами; Далѣе внушри находилсъ Дакія, на подо-

біе короны окруженная высокими горами; по лѣвую сторону оныхъ къ Сѣверу и опъ успья рѣки Вислы на неизмѣримомъ пространствѣ обитало многочисленное племя Винидовъ, коихъ имя хопя нынѣ по различію фамилій и мѣстъ не одинаково, но преимущественно они называются Склавидами и Антами. Склавины обитающъ опъ новаго города и Склавино-Румуненса и опъ озера, называемаго Мусіанъ, до Днѣстра, и къ Сѣверу до рѣки Вислы. Въмѣсто городовъ они занимающъ болота и лѣса. Анты же, почиющіеся между ними сплнѣйшими и прилегающіе къ Черному морю, проспирающъ опъ Днѣстра до Днѣпра, а сіи рѣки находящъ одна опъ другой въ дальномъ разстояніи.“ (*Introrsus illi Dacia est ad coronae speciem arduis alpibus emunita, juxta quorum sinistrum latus, quod in aquilonem vergit et ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia venit — Vinidarum natio populosa consedit. Quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Slavini et Antes nominantur. Slavini a civitate nova et Slavino-Rumunense et lacu, qui appellatur Musianus, usque ad Danastrium et in Barcam Visela tenus commorantur. Hi paludes sylvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qui ad Ponticum mare curvantur, a Danastro extenduntur usque ad Danaprium, quae flumina multis mansionibus abinvicem absunt.*) Сіи мѣста, показанныя Иорнандомъ, находящъ, какъ самъ видишь, по ту сторону Карпатскихъ горъ и за Германскою рѣкою Эльбою. Тамъ обитали Сербы и всѣ древніе Словяне или Склады до переселенія ихъ въ сіи страны; тамъ и нынѣ находящъ без-

численное множество Словянъ подъ именемъ Руссовъ или Москалей и Полоновъ или Ляховъ.

Послушаемъ теперь Страбона, жившаго во дни Августа и Тиберія, Римскихъ Императоровъ, и оставившаго намъ VII книги главы 2 въ § 4, своего землеописанія слѣдующія свѣдѣнія: „То, что находится за Эльбою къ океану, намъ совершенно неизвѣстно; ибо мы не знаемъ, кто изъ древнихъ совершилъ мореплаваніе по сему берегу къ Востоку до устья Каспійскаго моря, да и Римляне не были въ справахъ, лежащихъ за Эльбою, и никто другой сухимъ путемъ туда не доходилъ; и кто живетъ за Германцами и ихъ сосѣдями, Басшарными, какъ многіе думаютъ, или иные поселенцы, или Языги, или Роксоланы, или другіе кочевые народы, — сіе трудно опредѣлить.“
(*Quae autem trans Albim ad oceanum sunt, nobis prorsus sunt incognita. Nam neque priorum quenquam compertum habemus istud litus proternavigasse versus orientem usque ad Caspii maris fauces: neque ultra Albim sita Romani adiverunt; sed ne terrestri quidem itinere quisquam illa perlustravit. Quid autem sit ultra Germanos, et alios iis confines, sive ii sunt Bastarnae, ut plerique putant, sive alii interjecti, sive Iazges, sive Roxolani, sive alii in curribus domicilia habentes non est facile dictu*).

Изъ сего видно, что Словяне до времени Страбона вовсе не были извѣстны Римлянамъ, и ихъ языкъ не былъ вѣдомъ Римлянамъ или Италіянцамъ; ибо онъ былъ въ употребленіи только по ту сторону Германіи, тогда какъ Римляне и не знали, какой тамъ народъ обитаетъ. И слѣдовательно мнѣніе, что Латиняне заимствовали

нѣкопорыя слова отъ Словянъ, естъ несперпимая ложь — плодъ головнаго круженія. Когда Словяне перешли сюда изъ - за Карпатскихъ горъ и по своему заговорили, по наши предки ужаснулись отъ сего неслыханнаго, спранныаго и опвращительнаго языка. Посему-то Прокопій, писавшій въ одно время съ Горнандомъ, въ 3 й книгѣ о Готской войнѣ въ 14 главѣ, подробно описывая Словянъ и Аншовъ, гнушается ихъ языкомъ и называетъ оный варварскимъ. Вотъ его слова: „Сии народы, Склавны говорю, и Анты не одному челоуѣку подвластны; но у шѣхъ и у другихъ одинъ языкъ самый варварскій.“ (Hi populi Sclaveni, inquam, et Antes, non uni parent viro; una est utriusque lingua admodum barbara).

Племянникъ. И пакъ тѣ слова, копорыя находяща какъ въ Словянскомъ, пакъ и въ Латинскомъ языкѣ, заимствованы у Латинянъ или Римлянъ?

Дядя. Конечно! Въ семъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Племянникъ. Когда же и какимъ образомъ Словяне приняли тѣ слова въ свой языкъ?

Дядя. Словяне въ безчисленномъ множествѣ вышедъ изъ своей земли изъ-за Карпатскихъ горъ, и собравшись на лѣвой сторонѣ Дунаю, держась внизъ по теченію сей рѣки, перешли чрезъ оную въ предѣлы Римской Имперіи, грабили и умерщвляли безъ различія всѣхъ, имъ попадавшихся мужей, женъ, юношей, стариковъ и младенцевъ, какъ о семъ говоритъ Прокопій, того времени писатель, въ 3 книгѣ о войнѣ Готской. Въ царствованіе Юстиніана они множество Римлянъ

отвели въ рабство. Послушай, что пишешь Прокопій въ 18 главѣ своей тайной Исторіи: „Прежде Италіанской войны Готское царство простиралось отъ Гальской области до предѣловъ Дакии, гдѣ находишься городъ Сирмій. Впрочемъ, поелику Римское войско находилось въ Италіи, то большую часть Гальской и Венеціанской области занимали Германцы; Сирмію же и сосѣднюю область владѣли Гепиды. Вся сія страна вовсе не имѣетъ жилищей, которые частью испреблены войною, а частью погибли отъ чумы и болѣзней, обыкновенно слѣдующихъ за войною. Илирикъ и вся Фракія, Греція, Херсонесъ и всѣ области и народы, жившіе отъ устья Іонійскаго моря до самаго Константинополя, сначала царствованія Юстиніана почти ежегодно жесточайшимъ образомъ были опустошаемы отъ Гунновъ, Склавиновъ и Аншовъ. Полагаю, что при всякомъ нападеніи болѣе двухъ сотъ тысячъ были по умерщвляемы, по отводимы въ плѣнъ; такъ что сіи области вскорѣ обращены въ Скіѣскія пустыни.“ (Ante bellum italicum Gotthorum Imperium ex Gallorum agro ad usque Daciae fines, ubi civitas Sirmium est, protendebatur. Caeterum cum Romanorum copiae erant in Italia Gallicani et Venetici agri magnam partem Germani occupabant; Sirmium vero, vicinamque regionem Gepedes habebant. Totus hic terrarum tractus prorsus est mortalibus destitutus, partim bello deletis, partim lue morbisve, quae consequi bella solent. Illiricum Thraciamque totam, Graeciam, Chersonesum et omnes, quae a faucibus Ionii maris ad Byzantios usque suburbanae interjectae regiones populique sunt, ex quo tempore rerum potitus est Iustinianus, Hun-

ni, Sclaveni, Antae pene quotannis incursionibus crudelissime depopulati sunt. Crederem Romanorum supra ducenta millia singulis irruptionibus, qua fusa, qua in servitutum abacta, ut in his provinciis Scythicas solitudines videre sit.) II Словяне, какъ говоритъ Прокопій во многихъ мѣстахъ означенной книги, ходили по областямъ Римскимъ безпрепятственно; ибо никто не могъ имъ пропивиться, и селились въ оныхъ, гдѣ кому было угодно. Такимъ образомъ какъ многіе Римляне, находившіеся у Словянъ въ рабствѣ, такъ и шѣ, у которыхъ Словяне поселились по ихъ покореніи, принуждены были обучаться варварскому Словянскому языку, и въ сіе время, какъ по обыкновенно случается, многія Римскія или Лашинскія слова привмѣшались къ языку Словянскому. Такъ и другіе Словяне, какъ по Хорвалы, Сербы и Булгары, поселясь въ шѣхъ странахъ, гдѣ издревле обитали Ромыны, своимъ множествомъ принуждали ихъ (что и нынѣ дѣлаютъ нѣкоторые Сербы) учиться Словянскому языку, и до того довели ихъ, что они забыли свой языкъ природный. Такъ поступали Словяне и съ другими народами, которые, изучась Словянскому языку и забывъ свой, послѣ были почишаемы за Словянъ; и сіе-то было причиною такой многочисленности нынѣшняго Словянскаго племени. Но при такомъ обстоятельствѣ, какъ я выше упомянулъ, и отъ Римлянъ или Лашинянъ многія слова и выраженія внесены въ языкъ Словянскій. Сему много содѣйствовалъ и Константинъ, названный въ монашествѣ Кирилломъ, который, обративъ Словянъ въ Христіанскую вѣру, многія книги съ Грече-

скаго и Лашинскаго языка перевелъ на Словянскій, при чемъ замѣшивъ, что Словянскій языкъ грубъ, скуденъ и неспособенъ къ изложенію на немъ какихъ-либо утонченныхъ предметовъ, не только все словосочиненіе, но и свойство Греческаго языка ввелъ въ Словянскій языкъ, и по сему свойству исправилъ Словянскія книги, которыя были въ общемъ употребленіи у всѣхъ Словянскихъ народовъ; онъ ввелъ также многія Греческія и Лашинскія слова, изъ коихъ однѣ были уже въ употребленіи у Словянъ, заимствовавшихъ оныя (какъ выше сказано) отъ Ромыновъ, а другія, за недоспашкомъ Словянскихъ, нужно было вновь ввести въ употребленіе, въ прежнее ли, или въ другомъ особенномъ видѣ. Такимъ образомъ многія Лашинскія слова вошли въ Словянскій языкъ, изъ которыхъ однѣ съ перваго взгляда можно признашь за Лашинскія, другія такъ измѣнены, что удержали только Лашинскій корень, а въ нѣкоторыхъ всѣ Лашинскія буквы, но переставлены; такъ напримѣръ въ словѣ *сваки* Это Лашинское слово *quavis*: и въ Словянскомъ ни больше, ни меньше буквъ прошивъ Лашинскаго. Такъ *qu* соотвѣтствуетъ буквѣ *k*; а если прибавимъ къ ней *a*, то составимся *qua*; прибавъ къ сему слову *v*, *i*, *s*, будетъ *vis*, а все вмѣстѣ составимъ *quavis*. (*Примѣч. перевод.*) Слово сіе употребляется въ Сербскомъ языкѣ. Такъ напр. Свакій дужанъ, естъ на свакомъ мѣсту и на сваки часъ славити и хвалиши Бога, ш. е. всякій долженъ на всякомъ мѣстѣ и во всякій часъ славить и хвалиши Бога. Но сіе слово очевидно естъ Словянское съ переложеніемъ буквъ: *всякій*; такъ какъ и слова:

все, всево, всль, всльхъ, посербски пишущся: *све, свееса, сви, свихъ* и проч.). Съ книгами, которыя, какъ выше сказано, перевелъ Кириллъ, введены въ употребленіе Лашинскія слова у всѣхъ самыхъ опдаленныхъ по мѣстопробыванію Словянскихъ народовъ.

Племянникъ. Сіе пакъ очевидно, что не подлежишь никакому сомнѣнію, и я не могу довольно надивишься, какъ могъ Соларичъ сказать, что шѣ 700 словъ, которыя онъ исчислилъ въ вышесказанной книгѣ, Лашиняне заняли отъ Словянъ. По моему мнѣнію, это все равно, какъ если бы кто изъ Цыганъ, въ языкѣ коихъ находящся слова всѣхъ народовъ, у которыхъ они постоянно или временно кочевали, — поднялся, а за нимъ и весь цыганскій шаборъ — и началъ бы во весь рожъ кричать, что всѣ сіи знаменитые народы отъ нихъ заимствовали шѣ слова, которыя находящся и въ ихъ языкѣ и въ языкѣ Цыганъ.

Дядя. О, гораздо болѣе 700 словъ находишь ся въ языкѣ Словянскомъ, заимствованныхъ изъ языка Лашинскаго или Римскаго! Что же касается до Соларича, ты долженъ знать, что въ Кроаціи есть многочисленное племя людей, называемыхъ Влахами или Власами, какое имя на Словянскомъ языкѣ означаетъ Римлянь; что сіи люди до XII го вѣка по Р. Х. извѣстны были подъ Лашинскимъ названіемъ: *Romani*, пакъ какъ и мы Ромыны, и что они также потомки Римлянь, которыхъ Хорваты нашли тамъ древними жителями, да и въ Комишачѣ Посегскомъ до нынѣ существуешь имя малой Влахіи (*Valachia parva*). Соларичъ изъ сего племени, а не Словянинъ; а потому мо-

жешъ бышь онъ въ превращномъ смыслѣ сказалъ, что означенныя 700 словъ отъ Словянъ заимствованы Латинянами, но на самомъ дѣлѣ онъ хотѣлъ только показашъ Свѣшу, сколько словъ заимствовали Словяне отъ Латинянъ.

Племянникъ. Не знаю, что мнѣ сказать на это; пошому что между Сербамъ мало находишся такихъ, которые бы хорошо понимали книжный Словянскій языкъ, не смотря на то, что они и сами Словяне.

Дядя. Сіе нимало не служишь безславіемъ для Сербовъ; пошому что Словянскій языкъ, находящійся въ церковныхъ Словянскихъ книгахъ, никогда не былъ въ общемъ употребленіи у Словянъ. Это языкъ новый, совершенно чуждый свойству Словянскаго языка, изобрѣтенный уже въ вѣкъ по Р. Х., и исправленный, какъ вышю сказано, Грекомъ Кирилломъ по словосочиненію и свойству языка Греческаго. И такъ, кто не знаетъ Греческаго, такъ называемаго Еллинскаго языка, на которомъ писаны церковныя книги и съ коего переведены Словянскія, и кто не сличаетъ первыхъ съ послѣдними, шотъ не можетъ понимать церковныхъ Словянскихъ книгъ надлежащимъ образомъ; а изъ сего слѣдуетъ, что пока Сербы будутъ писашъ свои книги о полезныхъ предметахъ на вышесказанномъ Словянскомъ языкѣ, — до шого времени они останушся въ прежнемъ невѣжествѣ: ибо не только другіе Сербы не могутъ понимать написаннаго шакимъ образомъ, но и многіе изъ писателей шого не разумѣють; почему здравый смыслъ пребуешъ,

чтобъ они писали свои книги на природномъ языкѣ.

Племянникъ. Въ Исторіи о началѣ Ромыновъ въ Дакии, помнился, сказано, что Словяне въ IV вѣкѣ, и еще прежде находились въ шѣхъ странахъ, то есть между Дунаемъ и Тиссою, подъ именемъ Сарматовъ или Савроматовъ; а вы ясно показали, что Словяне въ древнія времена совсѣмъ не были извѣстны Римлянамъ. Что это значитъ?

Дядя. Очевидно, что сказанная Исторія написана Авшоромъ съ поспѣшностію; онъ былъ обманушъ именемъ *Сарматовъ* и почелъ ихъ, какъ нѣкоторые думаютъ, за Словянъ; но вскоре послѣ того примѣнилъ свою ошибку, когда узналъ, что Сарматы, которыхъ онъ почипалъ за Словянъ, были Нѣмецкаго происхожденія, о чемъ и Прокопій, одинъ изъ Византійскихъ Писателей, свидѣтельствуетъ въ 1 книгѣ о Вандальской войнѣ во 2 главѣ, гдѣ пишетъ такъ: „Въ царствованіе Онорія на Западѣ вшоргнулись въ его владѣніе варвары. Кто они были и какимъ пушемъ доспигли, объясню немедленно. Много было въ прежнія времена, какъ и нынѣ, Готскихъ племенъ; но между ими Готы, Вандалы, Везиготы и Гепиды какъ по числу, такъ и по достоинству замѣчательнѣе. Издревле они назывались *Савроматами* и Меланкленами, а иные именовали ихъ Гепами. Кромѣ имени, какъ выше сказано, они ничѣмъ другимъ между собою не различествовали: у всѣхъ кожа на шѣлѣ бѣлая, волосы русые, ростъ высокій, лице красивое, шѣ же законы, ша же вѣра, то есть Аріанская, и

наконецъ шопъ же языкъ , называемый Готскимъ; почему , какъ думаю , всѣ они некогда принадлежали къ одному поколѣнью , и уже въ послѣдшви времени раздѣлились по именамъ ихъ начальниковъ. Ихъ древнiя жилища по ту сторону Дуная. Отсюда Гепиды захватили Сингедонъ и Сирмию съ сосѣднею областью по обѣимъ сторонамъ Дуная, гдѣ и нынѣ обитаютъ.“ (Imperium occidentale tenente Honorio, ditionem ejus invasere barbari; quinam ii fuerint, et qua via illud perfecerint, mox declarabo. Plurimae quidem superioribus fuere temporibus, hodieque sunt nationes Gothiae, sed inter illos Gotthi, Vandalii et Visigothi, et Gepedes cum numero, tum dignitate praestant. Olim Savromatae dicebantur ac Melanchleni: quidam etiam Getarum nomen illis tribuerunt. Vocabulis quidem omnes, ut dictum est, nulla vero re praeterea inter se differunt. Cutis omnibus candida, flava caesaries, corpus procerum, facies liberalis, eadem leges, eadem sacra, Ariana scilicet, una demum lingua, quam Gothicam vocamus: ita ut ad unam universe gentem pertinuisse quondam ac suorum deinde ducum nominibus discretos fuisse, existimem. Antiqua eorum sedes trans flumen Istrum. Exiit Gepedes Singedonem ac Sirmium cum vicino tractu qua cis, qua ultra fluvium Istrum, ubi etiamnum habitant, occuparunt). — Изъ сего видно, что *Сарматы*, *Геты* и другіе подъ разными именами въ древности извѣстные народы, обитавшіе за Дунаемъ, по естѣ по лѣвую сторону Дуная, были происхожденiя Готскаго и говорили Готскимъ языкомъ; а извѣстно, что языкъ Готовъ былъ весьма сходенъ съ языкомъ Немецкимъ.

Плѣмляникъ. Сказанное вами доселѣ и неоспоримо доказанное засмываетъ молчашь и шѣхъ ,

которыя говорятъ, что Дакійцы были Словяне; а отъ сего предположенія родилось много нелѣпости на счетъ Ромыновъ и ихъ языка.

Дядя. Сии нелѣпыя мнѣнія на счетъ Ромыновъ, въ головномъ круженіи выдуманныя, болѣе достойны осмѣянія, нежели ошѣща; ибо всѣ ученые мужи, любители истины и критики, даже самые Сербы свидѣльствуютъ, что о Словянскомъ языкѣ въ сихъ справахъ вовсе не слышно было до VI-го вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Даниль Фарлапъ, писавшій Испорію о дѣлахъ Иллирійскихъ, въ 3 томѣ своего Священнаго Иллирика на 90 й страницѣ такъ говоритъ: „Тѣ, которыя думаютъ, что Библія и Литургія переведены Блаженнымъ Иеронимомъ на Словянскій языкъ, находятся въ великомъ заблужденіи и въ невѣдѣніи касательно древнихъ происшествій и время; ибо ни языкъ, ни имя Словянъ, какъ въ Далмаціи и Иллирикѣ, такъ и въ другихъ Римскихъ областяхъ, до VI-го вѣка не были извѣстны.“ (Qui vero a divo Hieronimo sacra Biblia, itemque Liturgiam in sermonem Sclavonicum translata esse putant; in summo in errore, et in antiquarum rerum ac temporum ignoratione versantur; nam neque linguam, neque nomen Sclavorum sive in Dalmatia et Illirico, sive in alijs Romanorum provincijs ante sextum seculum audiri cepit. Daniel Farlatus, in Illirico sacro. Tom. 3. pag. 90). И Даниль Папелброхій въ Пропилеѣ мѣсяца Маія на 236 й страницѣ говоритъ: „Блаженный Иеронимъ хотя и въ Далмаціи родился около 356 года, но еще въ отрочествѣ былъ отправленъ въ Римъ для образованія, и опшуда уже болѣе не возвращался въ отечество; да еслибъ онъ возвратился

и захотѣлъ что-либо сдѣлать въ пользу своихъ согражданъ, но все не могъ бы заняться Словянскими переводами, которые здѣсь были бы совершенно бесполезны: ибо Словяне, во все время жизни Геронимовой, скрывались вкупри Скиѣи, и уже въ царствованіе Іустиніана старшаго въ первый разъ вышли опшуда и разсѣялись по Далмаціи, Иллирикѣ и Панноніи.“ (S. Hieronymus, licet in Dalmatia natus sub annum 356, puer tamen ad studia Romam missus, nunquam amplius in patriam rediit; atque ut redisset, et in civium suorum gratiam facere aliquid voluisset, non potuisset Sclavonicam versionem condere isthic inutilem futuram. Siquidem Sclavi, quoad Hieronymus vixit, in intima latuerunt Scithia, primum inde egressi Dalmatioque, Ilirico et Pannoniis infusi sub imperio Justiniani senioris. Daniel Papebrachius in Propylæo Maji pag. 237). Подробнѣе о семъ можно видѣти у Стефана Салагія: О состояніи церкви въ Панноніи (Stephanus Salaghius de statu ecclesiae Panonicæ),

VI.

ЛѢТОПИСИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ.

شرف و سحر

Guel и Bulbul (*Роза и Соловей*), *Поэма соз. Фазли, съ Турецкаго перевод. Гаммеромъ.*

Литшперашура Воспока съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ; шеперь въ Европѣ довольно часто появляющіяся переводы съ языковъ Воспочныхъ, издающ-

ся въ оригиналь произведенія Персидскихъ и Арабскихъ писателей; Россія, еще младшая сестра другихъ Европейскихъ державъ по образованію своему, принимаетъ однакожь не менѣе дѣятельное участіе въ изученіи Литтературы Востока: недавно получили мы прекрасныя пособія для изученія Персидскаго и Арабскаго языковъ въ книгахъ, изданныхъ Профессоромъ Болдыревымъ; видѣли ученый трудъ Профессора Эрманна, съ которымъ, благодаря Г. Делибюрадеру, имѣли удовольствіе познакомиться Русскихъ читателей въ 20 книжкѣ нашего Журнала за 1853 г. Много приятныхъ надеждъ впереди: давно обѣщанный переводъ съ подлинника *Тысячи одной ноги*, Профессора Сенковскаго; переводъ, также съ подлинника, Саадіева Гулистана, Г. Коноплева а); не говоримъ уже о всѣхъ извѣстныхъ трудахъ почтеннаго нашего Хинолога, О. Іоакінеа. Принесемъ благодарность попечительному Правительству, ревностно заботящемуся о распространеніи въ нашемъ Отечествѣ знанія Восточныхъ языковъ: сколько блестящихъ надеждъ подаешь С. П.-бургскій Институтъ Восточныхъ языковъ! Сколько приятныхъ ожиданій для нашей Исторіи! Сколько новыхъ удовольствій для всякаго любителя Литтературы!..

Но, занимаясь Персидскою и Арабскою литтературами, знакомясь съ языками Санскритскимъ, Ташарскимъ, Монгольскимъ, Китайскимъ, по сіе время ни мы, ни другіе Европейцы не обратили

а) Отрывокъ изъ этого перевода былъ напечатанъ въ Телеграфѣ за 1853 годъ.

должнаго вниманія на лишперашуру народа къ намъ близкаго по сосѣдству — лишперашуру Турецкую.

Вѣроятно, многихъ пугала и трудность языка и, сверхъ того, недоспащочность въ необходимыхъ пособіяхъ, отъ чего и по сіе время, когда мы оружіемъ проложили себѣ дорогу въ Константинополь, и по сіе время однакожь весьма мало или почти ничего не знаемъ о лишперашурѣ Турецкой.

Но есть ли у Турокъ лишперашура? спросяшь нѣкоторые читатели.

Не будучи записными Туркофилами, не можемъ сами дать удовлетворительнаго отвѣта на сей вопросъ; недавно изданная ученымъ Ориенталистомъ Гаммеромъ поэма, наименованная въ началѣ спашьи нашей, доказываетъ, что закаленная, изложенная спашьями нашюра Опшюмановъ не чужда поэзіи, прекрасной, роскошной поэзіи Востока. Пользуясь извѣстіемъ одного иностраннаго журнала, сообщаемъ читателямъ нашимъ нѣсколько словъ объ этомъ новомъ явленіи въ ученое мѣрѣ; небольшая выписка изъ предисловія Гаммера можетъ служить нѣкоторымъ образомъ отвѣтомъ на вышепредложенный вопросъ: есть ли у Турокъ лишперашура?

Вотъ что сказано въ упомянутомъ журналѣ по случаю выхода поэмы Фазли, переведенной Гаммеромъ.

Трудъ Гаммера есть трудъ учености и въѣсть высокаго безкорыстія. Въ 1832 году Берлинская Академія назначила Г. Гаммеру сто червонныхъ за его сочиненіе — *Объ областной адми-*

нистраціи у Арабовъ во времена Калифовъ а), и Г. Гаммеръ упошребилъ эщи спо червонныхъ прибавивъ къ нимъ еще нѣкоторую сумму, на изданіе одного изъ такихъ сочиненій, для которыхъ трудно найши издастелей между книгопродавцами. Знаменитый Ориенталистъ самъ, для пользы столь успешно воздѣлываемой имъ науки, завелъ необходимый шрифтъ, и смотрѣлъ за печатаніемъ этого Турецкаго текста, перебующаго столь вѣрнаго глаза, каковъ глазъ Г. Гаммера, для того чтобы достойно явиться между нами. Что же касается до побудишельныхъ причинъ, заставившихъ Г. Гаммера издать эту поему предпочтительно передъ прочими, то онъ самъ объяснишь намъ это въ своемъ предисловіи :

„Англійскія, Французскія, Нѣмецкія, Голландскія типографіи „говоритъ онъ:“ ежегодно перепечатавають Персидскія и Арабскія сочиненія, но сочиненія Турецкія печатаются только въ одномъ Константинополѣ. Не смотря на наши частыя сношенія съ Востокомъ, не смотря на непосредственное сосѣдство Россіи и Австріи съ Имперією Оштоманскою, у насъ еще ничего не выходило, кромѣ Грамматикъ и Лексиконовъ Турецкихъ, развѣ исключая только Лѣшописи Фессаджи, напечатанной въ Вѣнѣ лѣшь за пятьдесятъ передъ эшимъ. Справедливость перебуеши одинакожь замѣниши, что у насъ не было недоспашка въ Турецкихъ книгахъ, благодаря дѣлательно-

а) Это сочиненіе — прибавляетъ Журналистъ — достойное вниманія ученыхъ, какъ и все, послѣщее на себѣ имя Гаммера, уже печатается и въ непродолжительномъ времени выйдеть въ Свѣтъ.

спи Константинопольскихъ типографій, которыя въ послѣдніе годы снабдили насъ довольномъ числомъ сочиненій по предметамъ Грамматики, Географіи, Юриспруденціи, Вѣроученія, Медицины, Военныхъ Наукъ, Математики и Исторіи.

„Но въ этомъ большомъ количествѣ изданій всякаго рода не счищаютъ произведеній поэзіи; ибо рифмованные Персидскіе и Арабскіе глоссаріи суть ни что иное, какъ формулы, вспомошествовающія памяти учащихся и учащихъ; и за исключеніями *Весны*, соч. Месиги и *Дивана* — Баки, мы почти ничего не знаемъ изъ Турецкой поэзіи, между тѣмъ Ориенталисты наши не только тщательнѣе изучаютъ Саади и Гафиза, но и древнія Персидскія книги, переводятъ, толкуютъ, пишутъ комментаріи на семь поэмъ Кааба и другія Арабскія повмы.

„Въ числѣ пятидесяти романтическихъ поэмъ, которыя представляютъ литературу Оптоманская, самыя замѣчательныя суть слѣдующія: *Хозревъ* и *Ширинъ*, подражаніе Шеиха Персидскому поэту Низани; *Юсуфъ* и *Сулейха*, также подражаніе Персидскому, Гамди; *Ламіи*, *Валикъ* и *Асра*; *Вейзе* и *Раминъ*, *Сельманъ* и *Абсаль*, переведенныя изъ древнихъ Персидскихъ Поэтовъ; наконецъ *Меджунъ*, *Любовь бабочки*, и еще другія повмы, частію подражанія, частію переводы древнихъ поэтовъ Персидскихъ.

„Но ни одно изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ сочиненій не соединяетъ въ себѣ въ такой степени оригинальности, красоты и силы, какъ произведеніе Фазли. Кто не слыхалъ объ этомъ прекрасномъ Персидскомъ мифѣ — любовь *Розы* и *Соловья*?

Кто изъ насъ не находилъ этой идеи почти во всякомъ произведеніи Востока? Но кто читалъ когданибудь полную испорцію этой любви во всей ея полнотѣ, со всѣми дѣйствующими въ ней лицами? За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ С.-Петербургѣ было издано на Армянскомъ языкѣ слабое разсужденіе объ этой повѣ, переведенное потомъ въ Парижѣ Г. Вальяномъ де Флориванъ (M. Le Vaillant de Florival), Профессоромъ Армянскаго языка въ школѣ Воспитанныхъ языковъ; но ни С.-Петербургскій издатель, ни Французскій переводчикъ, не знали перваго источника этого произведенія.“

Г. Гаммеръ оканчиваетъ это большое и любознательное предисловіе, изъ коего заимствованъ здѣсь только небольшой отрывокъ, біографіею поэта Фазли, который началъ свое поэтическое поприще въ 1550 г., былъ Секретаремъ Дивана, и окончилъ въ 1560 г., за два года до смерти, эпопею свою — *Роза и Соловей*.

Поэма начинается прославленіемъ Бога и Магомета. Это — ода и алегія. Поэтъ каешся въ своихъ просупкахъ, и молишь Небо о прощеніи; онъ описываетъ заблужденія, которые обманули его, свѣтъ, который развратилъ его, чтобы потомъ предать его мученіямъ душевнымъ. Онъ испрашиваетъ помощи Пророка; потомъ начинается поэма, которую онъ предпринимаетъ, и описаніе Розы, героини этой поэмы. Роза — это совершенная красота, крошечность, очарованіе; прочіе цвѣты съ почтеніемъ окружаютъ ее и гордятся честію — были ея подругами; утро представляетъ ей розовое зеркало, въ коемъ она съ гордостію любуется собою. Соловей слышитъ

объ этой дивной красотѣ и влюбляется въ нее. Тогда день и ночь шоскуешъ онъ, день и ночь призываешъ ее къ себѣ; онъ спранствуешъ по всѣмъ спранамъ и нигдѣ не находишь ее; грустный, возвращаешъ онъ въ лѣса и наполняешъ ихъ горесными спенаніями. Наконецъ рѣка показываешъ ему дорогу въ шощъ городъ, гдѣ живешъ эта прекрасная Роза. Соловей лепишь шуда, и едва увидѣлъ шу, о которой шолько мечшалъ, любовь его удвоилась, жалобныя спенанія усилилась еще болѣе. Безпреспанно порхаешъ онъ вокругъ нее, безпреспанно умоляешъ сжалишься надъ нимъ. Онъ обращается къ лѣсамъ, къ вѣпру, къ лунѣ; попомъ видя, что ни луна, ни солнце не прогаются его спенаніями, онъ обращается къ Богу, умоляешъ его красошою своей возлюбленной, сіяніемъ звѣздъ и великолѣпиемъ дневнаго свѣшила, Адамомъ и Ноемъ, Иисусомъ и Марією, умоляешъ его сжалишься надъ нимъ и снова возвратишь ему спокойшіе.

Между шѣмъ Роза услышала любовныя пѣсни Соловья, и хощя внушренно онъ польспили ея самолюбію, однакожь она обходишь съ нимъ со всею аристокрапическою надменностію знапной Принцессы и презришельною гордостію красавицы. Къ большему несчастию; Пардисъ сдѣлался неприятелемъ бѣднаго Соловья. Онъ клеветешъ на него Тернію Розы; Терній пересказываешъ это Розѣ, а сія послѣдняя въ первомъ порывѣ гнѣва просишь Шаха весны о заключеніи этого дерзкаго любовника, и черезъ два дни Соловей заключенъ въ клѣшкъ, чтобы шамъ на свободѣ оплакивашъ свой жребій, изпывашъ и ошчаявашъ.

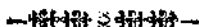
Вскорѣ важныя происшествія заспаваютъ жителей города забывъ вѣщу исторію; загорѣлась война, и въ теченіи долгихъ бѣдствій, кошорыя она влечетъ за собою, Роза предается важнымъ размышленіямъ: она думаетъ обо этой пламенной любви, о постоянствѣ Соловья, сколько худо на-гражденномъ. Она освѣдомляется объ немъ и узнаетъ, что онъ опасно боленъ. Тогдашъ посылаетъ къ нему одного изъ друзей своихъ — Зефира, чтобы утѣшить его, и все, что рассказываетъ Зефиръ о долгихъ спраданіяхъ и шляго-спной неволѣ Соловья, все это прогаешь ее до слезъ. Она хочетъ сама взглянуть на него, приходишь — и любовникъ едва не умираетъ отъ радости при видѣ ея. Наконецъ она любитъ его, требуетъ его свободы и выходитъ за него замужъ. Свадьба самая роскошная: Кипарису поручено покрыть ложе зеленымъ ковромъ; Тюльпанъ долженъ доставить вино; Нарцисъ подноситъ чашу пирующимъ, между тѣмъ какъ Дилія, съ своею шлягою, стоить на часахъ у дверей залы. Тогда наступаютъ игры и пляски, съ веселыми пѣснями и кашаньешами. Роза ловитъ каждое дыханіе Соловья; Соловей кладетъ голову на грудь своей возлюбленной; потомъ, послѣ этой ночи любви и счастья, Роза блѣднѣетъ, колблется, шеряетъ листья и умираетъ.

Такова эта эпопея разнообразная, живописная, занимательная, исполненная живыми красками, богатая картинами, — эпопея, въ кошорой много найдется пищи для ума шляковашелей и комментаровъ, и кошорую можно также прочесть какъ

романъ любви, перенесенной изъ обыкновенной прозы, между совершенно другими лицами.

Гаммеръ говоритъ намъ, что переводъ его — буквальный и вѣрный, и, какъ не опъ меня зависитъ повѣришь это, шо я вѣрю на слово. При томъ же ученый филологъ совершилъ на своемъ вѣку болѣе шрудныя и болѣе важныя предпріянія, которыя ручающся за прекрасное исполненіе настоящаго.

М.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по данечатаиці представляемы были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Нолбра 7го дня, 1854 года.

Ценсоръ Алексій Болдыревъ.

М О С К В А.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

П о п р а в к а.

На стр. 261, въ примѣч. вмѣсто: въ *Парижскомъ Университетѣ*, должно читать: въ *Collège de France*.

ТЕЛЕСКОШЪ

I.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ЯЗЫКОВЪ.

Сочиненіе Ампера а).

Сродство между языками можетъ быть двухъ родовъ, смотря по тому, станемъ ли сравнивать реченія или формы, Словарь или Грамматику этихъ языковъ.

Сродство реченій наиболее было употребляемо во зло, хотя на немъ менѣе всего можно основываться. Въ самомъ дѣлѣ, сочетанія звуковъ, образуемыхъ устами человѣческими, ограничены, и между возможными сочетаніями находящяся много такихъ, которыхъ не шерпилъ слухъ нашъ.

а) См. Телескошъ 1833 № 25: *О древней Скандинавской Литтературѣ* (стр. 276).

Не удивительно, если между оспальными встрѣчается сходство, особенно когда сравнивается большое число реченій и языковъ; ибо изъ того, что въ какомъ-либо языкѣ находится извѣстное слово, не слѣдуетъ еще, чтобы ни въ какомъ другомъ языкѣ не было подобнаго. Но однакожь часно весьма легкомысленно заключа-ли о сродствѣ двухъ языковъ, основываясь на отдѣльныхъ и случайныхъ сближеніяхъ нѣкоторыхъ словъ въ эпихъ языкахъ. Въ иное время все производили отъ Еврейскаго, въ другое — отъ Цельпическаго.

Сравненіе цѣлаго ряда словъ (*des séries de mots*) доказываетъ болѣе, нежели сравненіе реченій отдѣльныхъ; но и здѣсь остается еще много мѣста случаю. Припомъ посредствомъ этого сравненія нельзя еще въ точности опредѣлить степень сродства между двумя языками; можно только утвердительно показать, что они не всѣмъ чужды одинъ другому; и какъ эпамеода съ успѣхомъ была прилагаема почти ко всѣмъ языкамъ, то эпотъ самый всеобщій успѣхъ уменьшаетъ достоинство ея. Основываясь на ней, можно заключить только, что сравниваемые языки имѣютъ общее происхожденіе, но не истинное родство.

Будетъ ли думать какойнибудь генеалогистъ, что онъ дослапочно утвердилъ родство двухъ фамилій, доказавши, что онъ происходитъ по прямой линіи отъ Адама?

Кромъ случайнаго сходства между словами, есть еще сходство другаго рода, истекающее отъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ. Все доказываетъ, что народы долго странствовали по землѣ до того времени, пока утвердились они прочнымъ образомъ; многія слова могли странствовать вмѣстѣ съ ними. Потомъ торговыя сношенія необходимо вели за собою перенесеніе и какъ бы обмѣнъ множества выраженій. Слово *сac* (мѣшокъ), на примѣръ, которое почти вездѣ встрѣчается, переходило изъ рукъ въ руки, такъ сказать, съ одного конца земли на другой, вмѣстѣ съ полезною и ручною вещію, которую оно означаетъ.

Часто также названіе предметовъ входитъ въ какуюнибудь страну вмѣстѣ съ самими предметами; такимъ образомъ на Французскомъ языкѣ техническія слова искусства изящныхъ искусствъ Испалітискія, а названія воинственныхъ и флотскія вообще, происходятъ съ Сѣвера. Самая война производитъ между народами сноше-

нія кровавыя , но обильныя , оспавляющія по себѣ слѣды въ языкѣ.

Очень вѣроятно , что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ многія слова съ равнинъ Шампаніи и улицъ Парижа были занесены во глубину Крыма и на берега Волги: если бы между Козаками и Башкирами нашлись Эпимологиспы , имѣли ли бы они право заключить изъ эшого о какомъ-либо сродствѣ между ихъ языкомъ и языкомъ Французскимъ ?

Есть однакожъ коренныя слова , копорыя не заимствуются у другихъ народовъ. Таковы мѣспоименія , особенно мѣспоименія личныя. Никпо не спанетъ искашь въ чужомъ языкѣ словъ для означенія самого себя , для означенія лица , копорому говорятъ и о копоромъ говорятъ. Таковъ глаголь *быть* , связь всякаго предложенія , основа всякаго языка ; таковы слова , употребляемыя или для означенія частей шѣла , или для названія самыхъ первыхъ предметовъ природы , или наконецъ выраженія чувспвованій и самыхъ простыхъ и существенныхъ дѣйсввій.

Всѣ сіи первобытныя и необходимыя слова соспавляютъ собспвенную основу языка , и между ними-то преимущественно должно искашь сходныхъ реченій.

Но если это сравненіе дѣлается на удачу, то часто наружное обманчивое сходство можетъ ввести въ заблужденіе, между тѣмъ какъ настоящее — ускользнуть изъ виду.

Сии-то произвольные подки Этимологіи такъ сильно уронили кредитъ ея. Осмѣяніе справедливо преслѣдовало эту ложную науку, копорую не оспанавливало никакое затрудненіе; копорая, безпреспанно по измѣняя, по выпуская буквы, совершенно искажала слово, чшобы свести его съ другимъ; копорая слово *лакей* производила отъ *Vernacula*,

Съ другой спороны, случается, что слова, коихъ физіономія съ перваго взгляда казалася совершенно различною, имѣють между собою существенное опношеніе: нѣтъ сомнѣнія, что *jour*, происходитъ отъ *dies*, и что *lucus* есть корень слова *rossignol* a).

При этой двойкой трудности, извѣдавъ на опытъ, какъ средство словъ разногласитъ иногда съ ихъ наружнымъ сходствомъ или несходствомъ, В. Джонсъ рѣ-

a) Dies, diurnus, giorno (пр. giorno) дрес. Фран. *jour* *ильнѣ* — *jour*; — Lucus, lucina, lucinola, Итал. *ussignuolo*, Фр. *rossignol*.

ципельно сказалъ наконецъ , что нѣтъ никакихъ правилъ для этого , и что въ семь случаевъ надобно полагаться на проникаемость Этимологовъ. Это приближище было пагубное и опчаянное.

Наконецъ многіе ученые въ Германіи и на Сѣверѣ , изъ коихъ главные суть Фр. Шлегель , Я. Гриммъ , Хр. Раске и Фр. Боппъ , трудами своими , исполненными удивительной учености и крѣпости , положили истинное основаніе Этимологической наукѣ. Такъ какъ труды сіи , большею частью неизвѣстные во Франціи , предпринятые независимо одинъ отъ другаго , не были еще приведены между собою въ порядокъ даже въ той странѣ , гдѣ они возымѣли свое начало , и какъ они имѣютъ предметомъ великое семейство языковъ , коихъ часть составляютъ языки Скандинавскіе , то я думаю , не бесполезно будетъ представить здѣсь въ систематическомъ порядкѣ главные ихъ выводы ,

Эти выводы относятся къ правиламъ , копорыми можно руководствоваться при измѣреніи аналогіи между реченіями различныхъ языковъ , и къ средству болѣе важному для сравненія сихъ языковъ — средству ихъ грамматическихъ формъ.

Начну съ сходства между реченіями.

Я считаю необходимостію войти здѣсь въ нѣкоторыя разсмотрѣнія самыхъ элементовъ языка, т. е. буквъ. Прошу читателей моихъ не думать объ учителѣ Грамматики Г. Журдана. Важность законовъ, которые хотимъ утвердить мы, огромные выводы отсюда происходящіе, сила историческихъ результатовъ, къ которымъ они могутъ привести насъ — все это предписываетъ самую строгую методу и испрашиваетъ снисхожденія къ неизбежной сухости въ подробностяхъ.

Вопервыхъ надобно принять за общее положеніе, что каждая согласная буква можетъ переходить во всякую другую согласную, и всякая гласная — во другую гласную, или непосредственно, или пройдя рядъ посредственныхъ измѣненій.

Отсюда слѣдуетъ: I. что нѣтъ измѣненія невозможнаго и никакое измѣненіе не должно быть отвергаемо *a priori*; такимъ образомъ слова, съ перваго взгляда очень отдаленныя, могутъ происходить одно отъ другаго, и насмѣхаясь надъ производствами, по видимому, самыми напянушыми, мы подвергаемся опасности — не обрашиться бы въ смѣхъ насмѣяющаго факта.

II. Чѣмъ нельзя вѣрить измененію по тому только, что оно возможно; ибо всѣ измененія возможны, и что, слѣдовательно, нужны особенныя причины, которыя могли бы заставить насъ обратиться въ пользу какогонибудь эпимологическаго производсва.

Эти причины суть двухъ родовъ:

Или извѣсны бываютъ постепенныя измененія, которыя принимало реченіе, переходя изъ одного языка въ другой, или извѣсны общіе и частныя законы, по которымъ происходятъ перемѣны буквъ въ этихъ двухъ языкахъ. Тѣ изъ сихъ законовъ, которые я называю всеобщими, были всегда извѣсны, и я только напомню объ нихъ; они основываются на органической аналогіи буквъ. Нѣкоторыя буквы близки одна къ другой въ ряду звуковъ: онѣ производятся одинаковымъ расположеніемъ органовъ. Переходъ отъ одной къ другой болѣе естественъ, чаще встрѣчается и слѣдовательно его доказать можно скорѣе, нежели переходъ между буквами, болѣе одна отъ другой отличными. Изъ сего очевидно, что измененія очень легко могутъ быть производимы между буквами одного рода; ибо онѣ суть

пѣ же самыя буквы — мягкія, швердыя или предыхательныя (*aspiré*).

Эпопѣ-по всеобщій законъ , съ давняго времени утвержденный , законъ — объ органическомъ сродствѣ нѣкоторыхъ буквъ между собою, долженъ служить почкою оправленія при сравненіи словъ.

Но есть частныя законы, управляющіе извѣстнымъ семействомъ языковъ, законы, въ силу коихъ буквы одного органа мало того, что замѣщаются, но еще замѣщаются постояннымъ образомъ, въ неизмѣнномъ порядкѣ и, такъ сказать, въ определенномъ смыслѣ. Я. Гриммъ, открывшій это правило, показалъ для примѣра, что въ шѣхъ словахъ, гдѣ въ Исландскомъ языкѣ было *p* (*Verri*, оружіе), въ языкѣ Нѣмецкомъ было *f* (*Waffen*); но на оборотъ это не подтверждалось, т. е. шамъ, гдѣ въ Исландскомъ языкѣ было *f* (*Yfas*, на), шамъ въ Нѣмецкомъ языкѣ было не *p*, а *b* (*über*). Это болѣе, нежели мы знали, что буквы *p*, *f* и *b* суть та же самая буква, различнымъ образомъ произносимая, и что, слѣдовательно, эти при звука легко одинъ другимъ замѣняются. Мы сдѣлали шагъ впередъ, и шагъ весьма важный, узнавши, что въ одномъ семействѣ языковъ это замѣщеніе дѣлается не про

извольнo, но всегда одинаковымъ образомъ, такъ чпо языки, въ копорыхъ оно производится, переходить одинъ къ другому въ правильной поспепенности.

Послѣ сего должно произойти, чпо тѣ слова, копорыя, при первомъ взглядѣ, въ различныхъ языкахъ кажутся довольно опдаленными другъ опъ друга, въ основаніи своемъ будуть признаны пожеспвенными: только составляющіе ихъ звуки были различнымъ образомъ измѣняемы въ слѣдствіе необходимаго различія выговора, зависящаго опъ сущеспвеннаго различія органовъ.

Это — о сродствѣ реченій. Сродство грамматическихъ формъ имѣеть совѣтъ другую важность: очень легко можетъ быть, чпо случай или какія нибудь обспоятельства произведутъ случайное сходство между словами; но если внутрещній механизмъ въ двухъ языкахъ одинаковъ, если главные раздѣленія грамматическія — склоненія и спряженія — въ нихъ соопвѣспвуютъ, и если сіи соопвѣспвующія склоненія и спряженія имѣютъ сходныя окончанія склоненія; если, приложивъ къ симъ послѣднимъ законъ опношенія буквъ, замѣченный между корнями словъ, или подобные законы, найдемъ, чпо сіи оконча-

нiя пожеслвенны; погда какое еще можетъ оспаваться сомнзнiе относительнo родства сравнимаемыхъ языковъ? Съ помощiю отношенiй, которыя мы до сего времени изучали, можно вброяшнымъ образомъ опредлнить сродство языковъ между собою. Чъмъ многочисленнѣе, постояннѣе эти отношенiя, чъмъ менѣе замѣтно выпущенiе звуковъ — во внутрннемъ ли составѣ слова, или въ грамматическихъ значенiяхъ — тѣмъ сравнимые языки ближе одинъ къ другому. Такимъ образомъ существованiе сихъ отношенiй утверждаетъ сродство идiомовъ, ихъ постоянство, число, а отсутствiе ихъ — уменьшаетъ сiю степень родства.

Но чтобы опредлнить порядокъ соединенiя, т. е. степень относительной древности односемейственныхъ языковъ, надобно прибгнуть къ помощи другихъ законовъ.

Правильныя измѣненiя, о которыхъ я говорилъ, равно имѣютъ мѣсто, когда дѣло идетъ объ языкахъ современныхъ, или послѣдовательныхъ; но не онѣ могутъ открытъ намъ, какъ произошла эта послѣдовательность, или указать — въ какомъ порядкѣ развилась она. Однимъ словомъ, мы знаемъ, когда одинъ языкъ за-

висипь опь другаго, можемь судипь, въ какой степени они сближаются; оспается показать средства, съ помощію копорыхъ можно опкрыть, что одинъ языкъ предшеспивоваль другому.

Здѣсь, пть же мужи, копорые доставили намъ вышеизложенныя начала, доставяпть намъ и пть, въ копорыхъ мы шеперь нуждаемся. Знаменипое имя присоединится къ нимъ, имя В. Гумбольдпа, копорый свое необьяшное знаніе языковъ и силу ума, изъ числа самыхъ замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ, приложилъ къ изученію языка, разсматриваемаго въ особенности въ опношеніяхъ своихъ къ мыслямъ. Съ эпою новою опорю, давъ понятіе о томъ, что можетъ почнымъ образомъ показать опношеніе сходства между языками, я займусь изслѣдованіемъ того, что можетъ показать опношеніе ихъ послѣдовательности.

Языкъ естъ существо, имѣющее свою организацію, свою жизнь; онъ претворяетъ въ свою собспвенность все элементы для него необходимыя и, по особенному пластическому свойству, даетъ имъ свою форму. Онъ растетъ, плодится, попомъ разлагается и рушится, оставляя по себѣ другіе языки, изъ нѣдръ его происшедшіе.

И что же! Это постепенное развитіе, споль сходное съ развитіемъ жизни въ плѣхъ органическихъ, совершается также по извѣстнымъ законамъ. Самый важнѣйшій, заключающій въ себѣ всѣ другіе, есть слѣдующій :

Восходя, сколько возможно, далѣе въ исторію развитія языковъ, мы находимъ слѣдующій замѣчательный законъ: существовавшее богатство ихъ, вмѣсто возрастанія, постепенно уменьшается.

Это всеобщее и основное стремленіе языковъ замѣчается и въ отношеніи къ словамъ и въ отношеніи къ своимъ грамматическимъ формамъ.

Возьмемъ слова. Извѣстно, чѣмъ далѣе восходимъ въ исторію языка или исторію семейства языковъ, тѣмъ болѣе находимъ словъ гармоническихъ, исполненныхъ звучными гласными; чѣмъ ниже спускаемся, тѣмъ болѣе буквы сіи становящіяся укороченными, оскудѣвшими, такъ сказать; звучныя гласныя уступаютъ мѣсто слабымъ, слабыя переходятъ попомъ въ глухія, въ безгласныя, а наконецъ — и совершенно исчезаютъ; двогласныя сокращаются, твердыя согласныя смягчаются, конечныя опдѣляются и исчезаютъ. Изо

всего этого выходитъ, что слова становящіяся менѣе полными, менѣе гармоническими; что они идутъ все выщѣпая и бѣднѣя; они болѣе и болѣе лишаются могущества — плѣняятъ слухъ, потрясають душу звуками; они ограничиваются только возбужденіемъ въ душѣ понятій; они болѣе уже не образы, а только знаки. Такимъ образомъ всякой языкъ при началѣ своемъ — музыка и живопись, а при концѣ — алгебра. Римляне говорили *elemosyna*; поспешенно слово это превратилось во Французское *almsne*, *aumône*; въ Англійскомъ языкѣ — *alms*, которое произносится *ams*. — Исторія этого слова есть общая исторія для всѣхъ.

Съ формами грамматическими бываетъ тоже, что и съ словами. Равнымъ образомъ, это законъ языка — идти поспешенно, теряя какуюнибудь грамматическую форму, какоенибудь богатство въ измѣненіи, какойнибудь источникъ сочепанія. Въ известную эпоху большей части языковъ формы бываютъ изобильны, гибки; всѣ измѣненія понятія могутъ быть выражены измѣненіями корня; самые корни сливаются и черезъ сочепаніе свое образуютъ сложные слова, чтобы выразить сложные понятія; но на-

спаесть время — эта плодородность оспанавливается, эптошь испочникъ, повидимому, изсякаетъ; прежняя гибкость исчезаетъ, отношенія не выражаются болѣе непосредственными сочепаніями корней; исчезаютъ признаки падежей, времянь, лицъ; является необходимость замѣнять ихъ членами, вспомогательными глаголами, мѣспоименіями; прямая зависимость понятія непременно должна быть выражена предлогами, спряженіями: и тогда бываетъ нужно употреблять лишнее слово, чптобы грубымъ образомъ выразить по, чпто прежде весьма удобно изображалось простымъ измѣненіемъ окончанія. Такъ случилось, напримѣръ, съ Италіанскимъ языкомъ и Французскимъ: Римлянинъ однимъ словомъ говорилъ: я буду любить (amabor) а); попомокъ его долженъ, какъ мы (Французы) употреблять три слова вмѣсто трехъ буквъ. Чптобы выразить два слова: *Liber Petri* (книга Петра), мы (Французы) употребляемъ четыре: *le livre de Pierre*; сложное выраженіе *suaviloquens* (сладкорѣчивый) становится цѣлою фразою: *celui qui parle agréablement*.

а) Изъ трехъ буквъ сего окончанія (*bor*) первая выражаетъ идею будущаго, вторая — перваго лица, третья — страданія.

Это самое правило прилагается къ бѣльшей части извѣстныхъ намъ языковъ: сравните древній Греческій съ новымъ, языкъ Зороастра съ нынѣшнимъ Персидскимъ, Санскритскій съ пеперешними нарѣчіями Индостана, Англо-Саксонскій съ Англійскимъ, Фризскій съ Голландскимъ, древній Тевтонскій съ Нѣмецкимъ, наконецъ древній Скандинавскій языкъ, сохранившійся въ Исландіи, съ языкомъ, на коемъ говорятъ въ Норвегіи, Даніи, Швеціи, — вездѣ увидите вы, что обиліе формъ, полная словъ значительность уменьшается, переходя изъ древняго языка въ новый.

Этотъ выводъ можетъ изумить съ перваго взгляда: онъ, по видимому, противорѣчитъ споль естественной мысли объ усовершенствованіи человѣческомъ; но это совершенствованіе надобно разсматривать въ цѣлости его, а не относить къ той или другой сторонѣ человѣческой природы; очень ясно — для того, что бы выиграть съ одной стороны, должно рѣшиться поперять съ другой: если выиграшь превышаетъ поперю — мы совершенствуемся. Такимъ образомъ человекъ, по мѣръ того, какъ умъ расшепъ и зрѣеть въ немъ, лишается многихъ изъ плѣнительныхъ качествъ перваго возраста,

прекрасной эпохи вдохновенія и очарованія; но онъ подвигается впередъ: ибо приближается къ возрасту зрѣлому, къ достоинству мужа. Онъ выигрываетъ въ философіи то, что теряетъ въ поэзіи. Что происходитъ съ человѣкомъ, то и съ языкомъ: онъ долженъ опказаться опять эпого обилія, опять эпой прелести юношескаго; но мѣръ уменьшенія матеріальной красоты своей, онъ становится болѣе почнымъ, менѣе быспрымъ, можетъ быть, но за то болѣе способнымъ для выраженія болѣе глубокихъ опвлеченій, болѣе разнообразныхъ сочетаній мысли. Грамматика менѣе богата, слова менѣе звучны, но высшее искусство помогаетъ эпоимъ недослашкамъ остроумными оборотами, нежными оппѣнками или искусными сочетаніями.

Надобно также признаться, что удивленіе къ эпому первобышнему богатству языковъ перешло даже въ парадоксъ; протспираясь слишкомъ далеко, оно приводитъ въ замѣшательство. Оно доставляетъ средство однимъ словомъ выражать вдругъ нѣсколько мыслей, но только извѣсныя мысли, или извѣстное соединеніе мыслей. Объясняюсь: въ Финскомъ языкѣ, напримѣръ, легкое измѣненіе окончанія въ названіи мѣ-

спа показываесть, говоряшь, что идущій къ этому мѣсту хочеть войпи въ него, или войпи и выйдпи, или только просто подойди, не входя въ него. Вотъ прекрасно! Но предсавимъ теперь чело-вѣка, которій не рѣшилъ, что онъ хочеть дѣлать; онъ знаетъ только, что идетъ въ такое-то мѣсто, но не знаетъ, остано-вится ли, или нѣтъ а). Легко можетъ быть, что эти при дательные падежа очень затрудняютъ его, ибо всякой изъ нихъ говоритъ болѣе, нежели сколько ему нужно, и въ слѣдствіе этого онъ скорѣе предпочтетъ языкъ менѣе обильный подоб-ными формами, языкъ, гдѣ съ помощію предлоговъ всегда выражаютъ то, что хо-пятъ, немного медленнѣе, правда, но по крайней мѣрѣ на такомъ языкѣ мы не бу-демъ принуждены говорить вмѣсто того, что думаемъ, то, что вздумалъ за насъ языкъ.

И такъ истинное совершенство языковъ состоитъ не въ чрезмѣрномъ богатствѣ

а) Не зная Финскаго языка, я не могу сказать, есть ли въ немъ какія либо средства выйдпи изъ подоб-наго замѣшательства; очевидно, что я привожу здѣсь только примѣръ для лучшаго объясненія своей мысли.

лексикологическомъ и грамматическомъ, часто очень неудобномъ, потому что лишаетъ насъ всякой поспоронней помощи, не всегда будучи въ состоянїи совершенно замѣнить ее, но въ той степени умереннаго обилїя, которая не исключаетъ употребленїя различныхъ вспомогательныхъ глаголовъ, но вообще даетъ средство обходиться безъ нихъ, и легкостїю, быстротою, движенїемъ періода допускаетъ свободу въ оборотахъ. Языки Греческій и Санскритскій болѣе всѣхъ другихъ, можетъ быть, представляють эти выгоды.

Эти два языка занимають высокую степень древности въ ряду языковъ, коихъ составляютъ они часть. Не возможно историческимъ образомъ взойти далѣе ихъ. Можетъ быть, еслибъ это было возможно, мы нашли бы прежде ихъ языки чрезмѣрно богатые, каковы вообще языки народовъ мало подвинувшихся въ образованїи — Лапонцевъ, Басковъ, Негровъ или Делаварскихъ Индѣйцевъ; можетъ быть прежде сихъ языковъ, все болѣе и болѣе обильныхъ формами, по мѣрѣ бѣльшаго возвышенїя, мы бы нашли языки, долженствовавшїе предшествовать имъ. Эта эпоха силы и обилїя не была ли эпохою возмужалости рода чело-

вѣческаго? Не предшествовала ли ей эпоха младенчества? Не существовали ли, прежде многосложныхъ и гибкихъ языковъ, языки односложные, безъ гибкости, коихъ любопытнымъ памятникомъ оспался языкъ Китайскій, оспановленный слишкомъ раннимъ и несовершеннымъ изобрѣпеніемъ письма, и черезъ это самое незрѣлый и, такъ сказать, задушенный?

В. МѢЖЕВИЧЪ.

II.

Б Е А Т А .

(О к о н ч а н і е .)

Печалень конецъ осени: природа, копорая пакъ радуешь васъ весною, копорая просвъшляешь вашу душу какъ небо, и малъйшею правкою возбуждаешь на лицъ вашемъ улыбку, природа опечаливаетъ и наводитъ на васъ поску въ Ноябрь: небо тогда пускло, листья желты, деревья мрачны; спановишься холодно, душа содрогаешся въ пѣль, и мысли о смерти ниспадають на васъ съ деревьевъ, вмѣстѣ съ листьями. Тогда чувствуешь какую-то попребность встрѣчаться съ людьми, копорые ходять, движутся, говорятъ и наслаждаются совершеннымъ здоровьемъ; какую-то нужду въ движеніи, въ дѣятельности, чшобы не разувѣришься въ жизни. Особенно въ гористой и мало населенной споронѣ эшопъ закапъ времени производить тяжелое впечатлѣніе; памъ все усиливаетъ грусть: и огромныя черныя массы, неподвижныя какъ гробы, и эшопъ день, копорый съ прудомъ пробивается сквозь ихъ гладкія и оборванныя вершины; нигдѣ не встрѣчаешь никакого живаго существа, развѣ увидишь корову, или козу, висящую на

склонъ косогора. Такимъ образомъ и пребываніе на водахъ, столь восхлипительное и прохладное въ горахъ, при началъ дурнаго времени года дѣлается пустынею и ужаснымъ уединеніемъ. И пакъ въ концъ эпой-по печальной осени ѣхала по дорогѣ изъ Спа въ Мальмеди ивовая одноколка, заложенная маленькою и худощавою лошадкою.

Внутренность одноколки была занята извощикомъ, ея владѣльцемъ и двумя пулешественниками: младшій сидѣлъ въ самой глубинѣ экипажа, на дорожныхъ узлахъ, закутавшись въ плащъ и нахлобучивъ шляпу на носъ; старшій раздѣлялъ съ кучеромъ кóзлы. Последній былъ толстый Нѣмецъ, свѣжій, молчаливый и спрашный трубокуръ. Опѣхавши опъ города небольшую милю, эпошъ почтенный мужъ вынулъ кисеть, набилъ трубку и выскъ огня; тогда щеки его преврапились въ волканъ и выпускали изъ себя клубы дыма, которые могли бы задушить цѣлый міръ. Его поварищъ, сидѣвшій съ правой спороны, лишь только почувствовалъ запахъ пабаку, попчасть вынулъ изъ кармана толстый роговой чубукъ безъ шрубки, и ни мало не безпокоясь, какъ будто бы онъ держалъ въ зубахъ прекраснѣйшую пенковую шрубку, или лучшую Индійскую

гуку, принялся съ важностію сосать эптопъ роговой кусокъ, надувапъ свои щеки и харкапъ по временамъ; какъ будто настоящій курильщикъ. Велико было изумленіе путешественника; но какъ Нѣмецъ, онъ изъявилъ его не прежде, какъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ; онъ все еще ожидалъ прубки, наконецъ чубука, табаку и огню, но ничего этого не было. Тотъ продолжалъ погоняпъ кнупомъ свою сухую лошаденьку и курипъ изъ своего роговаго чубука. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, видя челоуѣка, курящаго безъ прубки, Нѣмецъ широко разинулъ свой ротъ и вскричалъ сердитымъ пономъ: „Sagemann! Эй, малой, или у тебя чорпъ сидипъ въ пѣлъ!“

— Какъ видише, опвѣчалъ извоцикъ. — Нѣмецъ, изумленный этимъ опвѣпомъ, совершенно побагровѣлъ, и сдѣлалъ крестное знаменіе; ибо онъ былъ хорошій Христіанинъ, не смотря на то, что принадлежалъ къ Аугсбургскому исповѣданію и, слѣдовательно, былъ раскольникъ.

„Дьяволь! дьяволь!“ возразилъ онъ.

— Да, сударь, самъ дьяволь: одинъ разъ въ моей жизни я имѣлъ несчастіе быпъ его почпаліономъ; по его милосши я расколовъ лучшую прубку, которая была един-

спивенною въ своемъ родѣ, и съ шого днѣ я сосу кусокъ рога, чпобы не поперяпъ привычки цѣлой моей жизни и не дамъ моимъ губамъ смыкапся подобно пабаке-рочной крышкѣ... Эхъ! охъ! охъ!..

„Дьяволъ, дьяволъ!“ продолжалъ пол-спый Нѣмецъ.

— Да, mein Herr, онъ самый съ мя-сомъ и костями. Сказатъ по совѣспи, пре-красный молодой человекъ, завипый, рас-пудренный, облипый золопомъ, славный краснойбай и большой руки повѣса, словомъ, Французъ... Эпо былъ почно дьяволъ, пошому чпо укралъ у меня имя честнаго человека за шеспъ флориновъ, погубилъ молодую дѣвушку и раззорилъ честнаго служаку, спараго Рацмана Венгерца... Этому ужъ скоро будетъ два года... Охъ! я буду помнипъ эпо долго, долго, всю жизнь мою... да, я могу объ эпомъ шолько думать, пошому чпо у меня нѣтъ слезъ... Эхъ! охъ! охъ!

„Берегись, малой, швоя лошадь оспу-пилась; не вывали насъ...“

— Охъ! охъ! эпо ничего. Ну, Сак-сонъ, дружище, смѣлѣе: мы скоро при-ѣдемъ... Эпошъ бѣдный Рацманъ, раззорен-

ный, совершенно разоренный, принужденъ былъ жить въ бѣдной лачугѣ за деревнею, очень далеко за деревнею, бывши прежде богатымъ, довольнымъ, счастливымъ, и имѣвши такую краснопочку дочь!... И сказать, что этому виною я... потому что одинъ разъ, только одинъ разъ везъ дьявола... О! это можетъ разорвать на части сердце всякаго человѣка, у котораго есть хотя капля совѣсти... *Jesus, mein Gott!* помилуй меня!...

„Сказать правду, молодецъ, если ты будешь продолжашъ, то и я заплачу съ побойю... Но скажи же мнѣ, какимъ образомъ дьяволъ?...”

— Ахъ, сударь! это слишкомъ печальная и слишкомъ длинная исторія!... Съ этого роковаго дня, я поклялся не курить больше трубки и ни слова не говорить объ этомъ происшествіи... Къ тому же, вопль ужъ мы и въ деревнѣ: мостовая случилась подъ копытами лошади, и огни въ окнахъ сіяютъ, какъ звѣзды... Ну, ну, Саксонъ, дружище, остановись! Охъ! охъ! охъ! охъ! спой, здѣсь будетъ овесъ. —

Лошадь остановилась; одноколка запрядала на своихъ ивовыхъ ребрахъ, и изъ нея вышли: извощикъ, Нѣмецъ и

молодой человекъ въ плащѣ. Оба путешественники расплашились въ молчаніи за провозъ и разошлись другъ съ другомъ. Первый направилъ свои шаги къ дурной корчмѣ, украшенной желпою и вполонину ободранною вывѣскою, съ изображеніемъ сосновой вѣтви; вѣпорой остался подлѣ лошади, и между тѣмъ, какъ извозчикъ развизывалъ у нея черезсѣдѣльникъ, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами, щипательно закрываясь своимъ плащемъ :

„Вѣдь здѣсь Совеньеръ, добрый человекъ?“

— Здѣсь, сударь. —

„На долго ли ты здѣсь оспанешься?“

— До ушра, сударь. —

„Ну, хорошо! Если ты хочешь довести меня до Спа, то будь готовъ рано поушру.“

— Хорошо, сударь. —

„Вопъ шебъ на вино за мое здорье!“

Молодой человекъ бросилъ въ руку извозчику шалеръ.

„Вопъ все, чпо я могу.“

— Вы очень милоспивы, сударь! Заушра, у корчмы; прощайте, сударь!

Молодой человекъ исчезъ, и старый извозчикъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ ему, какъ будто бы пораженный какою знакомою мыслию, быспро промелькнувшею въ головѣ, какимъ-то возврапившимся воспоминаніемъ; ему казалось, что онъ слышалъ когда-то звукъ подобнаго голоса, что онъ видѣлъ гдѣ-то такую палію и два горячіе глаза, устремленные на него; онъ долго искалъ слѣдовъ этого воспоминанія въ хранилищахъ своей памяти; но, не будучи въ состояніи найти ихъ, онъ посмотрѣлъ на палеръ, спряпалъ чубукъ, и поспавилъ лошадь на конюшню.

VII.

Оппо, ибо это онъ прибылъ въ Со-веньеръ въ негодной одноколкѣ, Оппо не долго искалъ хижину спараго Венгерца, и, на полвыспрѣла опъ деревни, нашель, посреди березовой кущи, на берегу быспра-го ручья, довольно обширное строеніе, къ вершинѣ котораго была привѣшена, какъ гнѣздо ласпочки къ стѣнѣ, длинная пихпо-вая крыша, спускавшаяся до самой земли. Эпа кровля скрывала или покрывала одно или два окна, сквозь которыя проникаль слабый красноватый свѣтъ. Къ этому - то

сарая, къ этому-то дрянному домишку направиль Графъ шаги свои.

Дверь была опворена, и онъ вошелъ въ низкую и сырую комнапу. Сначала онъ ничего не могъ видѣть; но попчасть глаза его, при помощи множества угольевъ, плавшихъ на очагъ, и освоившись нѣсколь-ко съ темнопою, какъ будпо бы онъ находился въ погребъ или пюръмъ, проникли мало по малу густой мракъ, и наконецъ разглядѣли у печки спарика, вполовину погруженнаго въ большое дубовое кресло. Его чело, обнаженное и гладкое, какъ колено женщины, блестяло при свѣтѣ огня; его руки, колеблемыя правильнымъ движеніемъ, поднимались и опускались въ гармоніи съ ногою. Можно было бы подумать, что онъ игралъ на какомъ нибудь инструменпѣ и выбивалъ тактъ; но онъ проспо прядъ ленъ на прядкѣ, ни мало не замѣшивъ, что кто-то вошелъ. Женская работа въ рукахъ муцины почти всегда еспъ признакъ дряхлости или слабоумія. Оппо, не смопря на то, что былъ совершенно заняпъ своими мыслями, не могъ удержаться, чпобы не подумать объ этомъ двѣ или три минупы; онъ споялъ передъ этимъ старымъ прядщиномъ, съ сложенными ру-

ками, съ напряженнымъ взоромъ, какъ путешественникъ передъ развалиною, и думалъ о тяжелой рукѣ времени. Съ прудомъ вѣрилось ему, чѣмбы это было шло человека, нѣкогда сполъ крѣпкаго и здороваго, а теперь колеблющагося, подобно старой лампѣ безъ огня; чѣмбы эти сильныя колѣна, копорыя нѣкогда понуждали къ бѣгу лошадь посреди битвы, были сполъ слабы и хилы; чѣмбы эта рука, копорая нѣкогда пакъ хорошо владѣла саблею, теперь едва была въ соспоянїи держать верепено; наконецъ, чѣмбы всѣ мысли человека могли быть обращены только на движеніе колеса.

О дряхлоспѣ, о несчастная староспѣ! какъ хороша смерпѣ въ это время, когда душа еще крѣпка и шло прямо! Какъ прекрасно паспѣ во цвѣпѣ лѣпѣ и во всей своей силѣ!

Опто подошелъ къ пряльщику, и, снявши свою шляпу, сказалъ: „Господинъ Рацманнъ, имѣю чеспѣ свидѣтельспвовать вамъ мое почпеніе.“

Дряхлый спарикъ не опвѣчалъ, и продолжалъ верпѣть колесо.

„Не съ Господиномъ ли Францомъ Рацманномъ имѣю я чеспѣ говорить?“ вскричалъ Опто громче.

Наконецъ спарикъ оспановилъся и по-смопрѣлъ на него.

„Я не думаю, сударь, чпобы вы могли меня знапть, попому чпю уже очень давно вы не видали меня; но мое имя, можеть быпть. . .

Спарикъ вспаль, и кивнулъ слегка головою.

„Я Графъ Оппо.“

Спарикъ наморцилъ свой лобъ, приподнялъ голову и повпорилъ пропяжно: Графъ Оппо! . . . Попомъ ещѣ разъ по-смопрѣлъ на чужеспранца, и запрепепаль всѣми членами, какъ бы въ лихорадкѣ, и, опуспивъ руки, засверкавъ глазами, уронилъ на землю свое верешено. Вдругъ комнапа освѣлилась внезапнымъ свѣпомъ, и молодая женщина показала съ лампою въ рукъ между чужеспранцемъ и спарикомъ. — Бапюпка, да пойдете ли вы спать! — Эпи слова, казалось, произвели на него магнѣпическое дѣйспвіе. Повиновеніе собаки своему господину, котораго она вмѣсптъ и боипся и любиптъ, не покорнѣ того, которое эпомтъ спарый опецъ оказываль своему дѣпщцу.

Онъ вспаль, не говоря ни слова, съ своего большаго кресла, оспавилъ работу,

и подобно марпышкѣ, повинующейся голосу своей мапери, вышелъ, запинаясь и шапаясь изъ спороны въ спорону, не думая ни разу оборопить назадъ головы. Онъ опворилъ дверь и исчезъ.

Молодая женщина оспалась въ помѣже споящемъ и неподвижномъ положеніи, опираясь руками на спинку кресель, и слѣдя глазами за уходящимъ опцомъ; спремипельное движеніе ея груди и колебаніе косынки обнаруживали ея смущеніе и волненіе.

Когда уже не слышно было никакого шума, она воскликнула слабымъ и прерывающимся голосомъ: такъ эпо вы, сударь?

Графъ не опвѣчалъ ни слова; онъ опряхнулъ свою шляпу, взмокшую опъ вечерней росы, оперъ свое чело, орошенное попомъ, и подошелъ къ огню.

Такъ эпо вы, сударь? О! вы слишкомъ поздно пришли!

Эпо правда, сударыня, я пришелъ очень поздно, можешь бышь, слишкомъ поздно.

— О, Господинъ Графъ! нѣшь, нѣшь, не думайте эпого! —

И потчасъ, опкрывши косынку, покрывавшую ея грудь, она вынула изъ нея лоскупъ сложенной бумаги и подала его Графу,

присовокупивъ съ нѣкопрымъ родомъ гордости :

Вопь росписка въ 15,000 флориновъ , копоруо мой опецъ пригопвилъ вамъ ; вопь она въ такомъ почно видѣ , какъ вы оставили ее . . . онъ никогда не оставялъ миѣ ее — и завпра , сударь . . . завпра . . . —

Она не могла докончить : пакъ сильно препеняла ея голосъ . Усиліе , копорое она сдѣлала , чпобы скрыть свое волненіе , понъ , копорымъ она удалила своего опца , эти новыя слова , присущствіе Графа , сполько ударовъ , разомъ нанесенныхъ , — всего этого было слишкомъ достапочно , чпобы поколебать нервы молодой дѣвушки . Ея колѣна подогнулись и она упала въ кресло , споявшее у печки . Опшо видя , какъ она колеблется , бросился къ ней , поддержалъ ее своими руками и сѣлъ подлѣ нея на дурномъ спулѣ . Какъ скоро пришла она въ чувспво , по начала смопрѣль на своего любовника съ совершенно небесною радостію . Казалось , она не могла наглядѣться на него , не могла наслушаться его . Онъ былъ прекрасень какъ звѣзда , сладкозвучень какъ лира . Не удовольспвовавшись эшимъ , она хвапала его руки , подносила къ своимъ успамъ и цѣловала ихъ , какъ безумная .

— О Генрихъ! вскричала она, для чего вы такъ медлили своимъ возвращеніемъ! Сколько часовъ мученія и нестерпимой поски провела я въ ваше отсутствіе! Какъ я считала всѣ минуны съ того дня, какъ вы меня оставили! Три года, при цѣлыхъ года прислушиваюсь къ вашимъ шагамъ — о, это слишкомъ тяжело, слишкомъ продолжительно для такой дѣвушки, какъ я, слабой и живущей уединенно съ старикомъ посреди горъ! Ни одного раза не показывалась я въ Кермессахъ, не танцовала, не пѣла, какъ бывало прежде, — я все сидѣла у окна или у порога двери; я вязала чулокъ, и не могла сдѣлать ни одной пешли; я ожидала васъ, а вы не приходили... Мужчины жестоки, не правда ли? очень жестоки!.. —

Опшно опнялъ свои руки опть успъ Нѣмки, и смопрѣлъ на нее, не говоря ни слова.

— Вы на меня смопршите, о мой любезный! Увы! я теперь не больше какъ нищя. Горячка сожрала все мясо моихъ костей. Сѣверный вѣсперъ помрачилъ прекрасный цвѣтъ моихъ ланипъ. Роза и лилія майская уже не будушь мнѣ завидовашь: я уже не румяна и не бѣла, подобно имъ; я уже не веселая ппичка, копорую вы заспали нѣкогда поющую подлѣ своего гнѣзда! Вы наполнили

любовію это бѣдное сердце; вы запопили его, какъ запопляется полевой цвѣтокъ первою каплею, упавшею съ неба... и оно сокрушилось! О! я теперь не больше, какъ пѣнь! Посмотрите на мои руки, какъ онѣ измождены! Посмотрите, какъ суха моя грудь! Теперь все это приводитъ въ ужасъ: вошь какъ я спрадала!

„Бѣдная дѣвушка!“

— О! такъ вы не ошиблись, называя меня бѣдною и жалкою! Нельзя быть бѣднѣе и достойнѣе сожалѣнія меня и моего отца! Жесткою властью въ бѣдность, проводя свое дѣйствіе въ изобиліи; ужасно проводить жизнь свою въ шипѣхъ и пряденіи, изъ чего же? Чтобы добыть кусокъ хлѣба! Чпо вы хотите? Несчастіе вошло въ нашъ домъ, какъ солдатъ; оно все ограбило, все раззорило. Батюшка два раза попадалъ въ тюрьму, и я не оставляла его, я раздѣляла его черный хлѣбъ. Когда мы опшуда вышли, со мною обошлись какъ съ сиротою, лишенною матери, и хопѣли меня похитили изъ рукъ батюшки; тогда онъ принужденъ былъ дать денегъ. И онъ сполько ихъ отдавалъ, сколько было нужно, чтобы оставить нашъ домъ въ Совеньерѣ и переселишься сюда, въ эту печальную разва-

лину, гдѣ мы и живемъ кое-какъ, и иногда перепимъ недоспаѣтокъ почти во всемъ. —

„Возможно ли?“

— Это правда, возразила Беата, это чисная правда; стоишь только окинуть глазами внушенность этой комнапы и посмотреѣшь на пустошу ея спѣнь, чпобы увѣрился, что я не лгу. И однакожь, Генрихъ, я была рождена для счастливѣйшей доли; я была рождена носить, подобно вамъ, тонкій муслинъ съ кружевами; я сотворена бытъ большою дамою, потому что моя мать происходить отъ одной благородной Презбургской фамилии. Домъ въ Спа, въ которомъ она жила въ то время, какъ брала воды, и въ которомъ я родилась на свѣтъ, еще и по сію пору имѣеть на воропахъ живописную карпину черныхъ и желтыхъ полосъ съ прекрасною золотою короною. Я никогда не видѣла моей матери: она умерла, когда я была еще совершеннымъ ребенкомъ, Генрихъ, совершеннымъ ребенкомъ! . . .

Я едва помню это; только одного не забыла я — того, что она называла меня Беатою, своею прекрасною Беатою; по латынѣ это значить *счастливая*, потому что Венгерцы говорятъ на этомъ языкѣ

также какъ и на Нѣмецкомъ. Бапюшка выучилъ меня когда-то нѣсколькимъ словамъ эпого языка; но теперь я ничего не знаю. Особенно года съ при я не умѣю различить одной буквы отъ другой: я даже не открывала моей Библии, а эпо великій грѣхъ; за эпо Богъ долженъ жестоко наказать меня. Однако же я не жалуясь, о нѣшь, я не жалуясь; Богъ привелъ ко мнѣ того, котораго я любила и люблю больше своей жизни. —

И говоря такимъ образомъ, она бросилась на шею къ своему любовнику.

Въ головѣ эпой милой дѣвушки было какое-то помѣшательство; но сквозь эполю хаосъ идей пробивался жаръ души, который смягчилъ бы самое жестокое сердце. Сверхъ того, надобно было всего ожидать отъ эпого попока словъ, отъ эпого воспорга мыслей. Когда сердце бываетъ слишкомъ долго сжато, ему надобно расшириться. Для женщинъ особенно необходимо эпо изліяніе, и оно у нихъ всегда дѣлается или чрезъ уста, или чрезъ очи. Опило никогда не почиалъ важною побѣду надъ эпою молодою дѣвушкою; онъ смотрѣлъ на свою связь съ нею, какъ на дѣло чувствъ, какъ на горное приключеніе, какъ на сча-

спливый случай, который могъ бы встрѣпиться со всякимъ ловкимъ муциною, и которымъ, по его мнѣнiю, было бы глупо не воспользоваться, но не должно опiюдь считашь эпого важнымъ дѣломъ, налагающимъ какую нибудь обязанность. Очевидно, что онъ обманывался; прошиву всякаго ожиданiя, онъ встрѣпилъ нервы нѣжныя, организацію шонкую и превосходную. Тогда чувство, сообщенное имъ съ такою въпренностию, усилилось, а несчастiе, опсущствiе и множесство другихъ обстоятельствъ постоянно поддерживали и раздражали его; теперь же новое происшествiе довело его до высочайшей степени силы.

Опiю понялъ зло, которое онъ сдѣлалъ, но еще не видѣлъ слѣдствiй, которыя могли произойдти изъ эпого. По безпечности ли, по довѣренности ли къ своей звѣздѣ, только онъ совершенно предался минушному впечатлѣнiю, не смотря на видъ бѣдности, разлипой вокругъ него, не смотря на слова извощика и все то, что онъ самъ слышалъ сей часъ. Любовь Беапы, жаръ ея чувства, столь истинный, что его нельзя было считашь прищворнымъ, ругались ему за честность спарика. Увѣренный въ томъ, что ему опять придется

нѣскольکو денегъ , онъ думалъ только о томъ , чѣобы снова закрыть медомъ раны , которыя были имъ открыты ; чѣобы предаться пламеннымъ ласкамъ доброй дѣвушки , и обѣщаніями и увѣреніями замѣнить ей будущность . Онъ поклялся ей , чѣо всегда любилъ ее и никогда не забывалъ , и чѣо только важныя и непредвидимыя обстоятельства могли отдалить его отъ нея .

Такъ мало нужно для того , чѣобы утѣшить женщину , которая васъ любитъ : бездѣлка — взгляды , поцѣлуй въ лобъ . Беата ему повѣрила ; такъ какъ онъ былъ упомянутъ дорогою и имѣлъ нужду въ деньгахъ , то и разпянулся на креслахъ , закрылся плащомъ и заснулъ .

VIII.

Ночь приближалась ; природа была возмущена бурей . Слышно было , какъ стонали березы , и какъ сосны съ широкими вѣтвями прецѣли и выли подобно швартову корабля . Въперъ , проходя въ скважины окошка и въ распворъ дверей , производилъ гамы пронзительнаго свиспа , и спускаясь внизъ по кровль , казалось , вертелъ шамъ огромными камнями и лавинами . Дождь хлесталъ въ стекла . Градины , упавая че-

резь прубу на очагъ печки, погасили послѣдній огонь, копорый еще горѣлъ; свѣтъ изчезъ. Единственннй свѣтъ, копорый иногда показывался, былъ блескъ луны, когда, плавя сквозь волны черныхъ облаковъ, она открывала свое лице и бросала блѣдное сіяніе на землю.

Однако же внѣшній шумъ не мѣшалъ путешественнику спать. Онъ ничего не слышалъ, даже Беаты, копорая, подобно легкокрылой ппичкѣ, кружилась около него. Сначала она зажгла въ очагѣ нѣсколько спелбелковъ виноградной лозы, чпобы согрѣть ему ноги; но такъ какъ вода продолжала падать въ печь, то она принуждена была отказатья опъ своей работы, и, подобно доброй Руфи, снова прилегла къ своему любовнику. Мало по малу руки ея открыли складки плаща, копорый покрывалъ его, и когда она приподняла ихъ на довольное разстояніе и увѣрилась, чпо онъ не проснется, то нпхо прильнула къ его сердцу. Любящее созданіе! Какъ она была счастлива! Поперянное и возвращенное добро такъ дорого! Ей хотѣлось бы умереть такимъ образомъ; она желала бы, чпобы ея объ руки преврапились въ мѣдныя цѣ-

пи, чтобы не разлучаться болѣе съ своимъ кумиромъ!

Однако же Отто вдругъ зашевелился, поднялъ голову и открылъ глаза; онъ чувствуетъ, что холодная и косящая рука шаритъ по его лицу и останавливается на шеѣ; шрепеть пробѣгаетъ по всемъ его членамъ. Онъ хочетъ высвободить свою руку изъ - подъ складокъ плаща; но прежде нежели успѣлъ онъ это сдѣлать, голосъ, по видимому, очень опдаленный отъ него, но который онъ тотчасъ узналъ, воскликнулъ: „Бапюшка, бапюшка, спунай-те спать!“

И при блескѣ луны, увидѣлъ онъ фигуру человека, которая рисовалась между окномъ и печью. Эта колеблющаяся тѣнь останавливается, и, по видимому, находится въ нерѣшимости, и потомъ безъ спона, безъ жалобъ, оборачивается и исчезаетъ въ темнотѣ. Ея появленіе произвело небольшой шумъ; ему показалось, что по полу что - то паццилось, и вдругъ все смолкло. Отто, который еще сомнѣвался въ томъ, что видѣлъ и чувствовалъ, — такъ быстро появилась и исчезла эта тѣнь, — не спалъ мучить себя догадками, чтобы

эпо такое могло быть ; для него довольно было спросить : „Беапа, вы эпо шумите?“

— Да , эпо я. —

„А для чего же , моя красавица?“

— Я не могу спать, такъ холодно опъ вѣпру. —

„Спало бытъ ночь очень дурна?“

— Да , очень дурна. —

И на эпомъ разговоръ окончился. Графъ снова склонилъ свою голову и заснулъ. Что же касается до молодой дѣвушки, она, еще препенца всѣмъ пѣломъ опъ волненія, опяшь помѣстилась у ногъ своего любовника , но уже не спала. Прошедшая сцена была для нея ужаснымъ опкрытїемъ : она узнала о безчестїи опца и спасла жизнь Графа.

IX.

Возьмите камень и бросьте его по произволу , на право или на лѣво ; опъ паденія эпого камня произойдетъ множество непрерывныхъ, неизбѣжныхъ и жестокихъ приключеній. Такимъ почно образомъ рокъ овладѣваетъ, къ добру или къ худу, дѣйствїями и направлїемъ человѣческой свободы, и непременно влечетъ за эпимъ погибель или счаспїе; пакимъ почно образомъ вспав-

шій день былъ печалень для семейства Венгерца и для самого Графа.

„Проснулся ли вашъ бапюшка, Беата?“

— Не думаю; онъ не вспаептъ такъ рано. —

„Развѣ вы больны? вы держишесь руками за голову.“

— Мнѣ дурно, у меня холодны ноги. —

„Для чего же не развести огня?“

— У насъ нѣтъ дровъ. —

„Можно взять у сосѣдей.“

— У насъ нѣтъ сосѣдей. —

„А это строеніе, которое находится подлѣ васъ?“

— Это заводъ, который еще не доконченъ. —

„Вы очень несчастны!“

— Ахъ, да—очень несчастны! —

„Что я могу сдѣлать для васъ?“

— Все! — увезти меня отсюда. —

„А вашъ отецъ?“

— Что за нужды, если вы меня любите? —

„Увы! я не могу этого сдѣлать.“

— Въ такомъ случаѣ, сжался надо мною, милосердый Боже! —

Беата произнесла послѣднія слова такимъ спраннымъ - печальнымъ тономъ, что Графъ почувствовалъ себя пронутымъ до

глубины души, и приспально посмопрѣлъ на нее; она сидѣла на своемъ стулѣ, неподвижная, съ оцѣпенѣлыми взорами и блѣднымъ лицомъ.

„Моя милая, вы вредите себѣ, оспаваясь въ такомъ положеніи; выйдемъ изъ комнаты.“

— Куда? —

„На гору, вдоль дороги, освѣжись на минуточку воздухомъ.“

— Съ большою охотою. —

Опшо взявъ свой плащъ, накинупъ его на плеча Беапы, застегнулъ фракъ, и они вышли, держа другъ друга подъ руки.

Они поговились сойти на дорогу, копорая вела къ деревнѣ Совенъерь, какъ вдругъ увидѣли, что передъ ними идетъ какой-то человекъ; они воропились на прежнюю дорогу и спали подниматься по печенію большаго ручья, копорый пробѣгалъ около дома.

Солнце показалось немного; земля, обмытая дождемъ и оптвердѣвшая опъ въпра, звучала подъ ногами, и тысячи маленкихъ камешковъ всѣхъ видовъ и всѣхъ цвѣшовъ блеспѣли, какъ мешаллическія бляшки. Температура воздуха была пещлѣ обыкновеннаго; что-то похожее на улыбку весны было въ опшомъ послѣднемъ

лучъ осени, и, смотря на Ошпо и Беату, можно было подумать, что двое любовниковъ идуть искать пѣни и уединенія. Однако же они ничего не говорили. Пока ручей извивался по лугу, ихъ дорога была хороша; но сцена попчасъ перемѣнилась: показались скалы, и ручей превратился въ пошокъ. Это была яростная и мутная волна, которая по стремилась на скалы, по низвергалась въ видъ каскада; къ этому присоединялся оглушающій шумъ и непрерывный ревъ спада быковъ. Препяпсивія усугублялись передъ ними, и скоро они очутились въ настоящей пустынь. Тамъ въперъ и буря послѣдней ночи нагромодили свои жерпвы: раздробленныя скалы, огромныя деревья, согнутыя и низпроверженныя, попомъ громады сосенъ наваленныхъ другъ на друга, или смятыхъ, какъ шрава подъ ногами дпяпи. Казалось, что самъ геній зла и разрушенія лепаль на проспоръ въ этомъ хаосѣ. Видно, что прогуливающіеся находили удовольствіе при видѣ этихъ гигантскихъ развалинъ природы; ибо они не оспанавливались и продолжали свой путь. Куда они шли, одинъ Богъ это зналъ. Они еще поднялись, добрались до скалы,

вокругъ которой надобно было сдѣлать обходъ, и которая имѣла что-то ужасное въ своемъ видѣ.

Однако же, достигнувши нѣкоторой высоты, Оппо почелъ благоразумнымъ вопиеть назадъ; было уже поздно, и старикъ могъ проснуться. Онъ взялъ молодую дѣвушку за руку и сошелъ съ нею внизъ. Они шли по той же самой дорогѣ, по другъ за другомъ, по рядомъ, помогая другъ другу и взаимно поддерживая одинъ другаго.

Попокъ еще ревелъ подъ ними.

Беапа, опустивъ голову, сходила въ молчаніи, и также медленно какъ и всходила.

Вдругъ она оспановилась; надобно было переходить черезъ бревно, соединявшее двѣ скалы.

„Чего вы боитесь, Беапа?“

— Ничего, но я не могу перейти. —

„Это ребяческиво, вы давеча хорошо прошли.“

— Попокъ оглушилъ меня. —

„Дайте мнѣ руку.“

— Вотъ она. —

„Оспорожнѣе, мы падаемъ. . . .“

— Проспите меня, Генрихъ!

О, пусть кто хочетъ презираетъ сердце женщины. Но это есть чистѣйшее существо, какое только образовала десница Всемогущаго! Ничего нѣтъ выше, какъ видѣть ангеловъ, съ покорностию служащихъ человѣческой силѣ; видѣть женщинъ, поспавляющихъ свое блаженство въ спраданіи, и къ нимъ однимъ обращать горькій сосудъ, который переходитъ изъ устъ мужчинъ. Бѣдныя женщины! пусть кто хочетъ презираетъ ваши благородныя сердца. Ежели только есть рай, то ваше мѣсто въ немъ будетъ лучше нашего, и ежели есть правосудіе, то будетъ снисходительнѣе къ вашимъ преступленіямъ, нежели къ нашимъ проступкамъ.

съ Франц. В. Б.

III.

СЕНЬ - БЕРНАРЪ.

Отрывокъ изъ I части Путевыхъ Впечатлѣній А.
Дюма.

Только что я успѣлъ, въ свою очередь, записать въ реэспрѣ свое имя, званіе и причины своего путешествія, какъ, оглянувшись назадъ, увидѣлъ стариннаго своего приятеля, пракирщика, который поклонился мнѣ съ видомъ до такой степени комическимъ, что я подумалъ, что ему или мнѣ, а можетъ быть и обоимъ намъ, угрожаетъ какое нибудь несчастіе. Въ самомъ дѣлѣ, у бѣднаго малаго сколько набралось народу, что онъ не зналъ, куда меня помѣстить; самъ даже свою постель уступилъ онъ одному путешественнику и располагался ночевать въ овинѣ. Онъ съ робостію пытался доказать мнѣ, что запахъ сѣна очень здоровъ, и что у него на солому для меня будетъ лучше, нежели у кого нибудь другаго на постель. Но я только что прошелъ двѣнадцать лѣтъ пѣшкомъ: это обстоятельство совершенно зашмило мой умъ для подобныхъ доводовъ, сколько бы ни казались они самому ему

логическими; посему я приказалъ своему проводнику веспи меня въгоспинницу Башни.

Мой хозяинъ испыталъ последнее усиліе, чпобы удержатъ меня. У него оставалась одна большая комната, которую онъ набилъ пѣпью пушешешвенниками; одинъ лишній не могъ прибавить болъшей важности этому количеству. И какъ онъ спросилъ меня, не удовольснвуюсь ли я, подобно имъ и вмѣспъ съ ними, машрасомъ, посланнымъ на полу? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ пошелъ со мною къ ихъ комнатамъ, изъ которой слышался шумъ, происходившій отъ ужасной возни. Наши пушешешвенники дрались подушками, каждый желая выигратъ у другаго мѣспо въ при фуша ширины и въ шесть фушовъ длины; ибо при первомъ взглядѣ величина комнаты, по видимому, предспавляла имъ проспранспво только въ пѣпъ разъ болъшее этой геомешрической мѣры. Я разсудилъ съ моей спороны, чшо мы выбрали время не совсѣмъ приличное для просьбы, которую хотѣли сдѣлать; мой хозяинъ върояпно подумалъ позже, ибо онъ оборонился ко мнѣ съ видомъ замѣшательсшва споль замѣшнымъ, чшо я

рѣшился самъ собою исполнить свою коммиссію. Я тихо толкнулъ дверь и увидѣлъ, что бапалія происходила покуда въ темнотѣ; ибо свѣча погасла при эпой вознѣ. Усломпрѣвши эпо, я попчасъ смекнулъ дѣломъ.

Я задулъ свѣчу моего хозяина, опъ чего въ коридорѣ спало также темно, какъ и въ комнапѣ; потомъ сказалъ ему, чпобы онъ ни подѣ какимъ предлогомъ не приискивалъ другаго ключа опъ комнапы и предоспавилъ бы одному мнѣ выпушанься изъ эпого дѣла; онъ только шого и желалъ.

Маленькая война все еще продолжалась и хохопъ сражавшихся производилъ пакой шумъ, чпо я вошелъ въ комнапу, заперъ дверный замокъ двумя поворошами ключа, положилъ ключъ въ карманъ, и никпо изъ нихъ не замѣпилъ, чпо въ ихъ крѣпостѣ забрался человекъ, копорый умножилъ собою ихъ гарнизонъ.

Не успѣлъ я сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ голову мою огрѣлъ пакой ударъ маптрацомъ, опъ копораго шляпа моя надвинулась до самаго галстуха.

Всякій легко догадаеися, чпо я вошелъ сюда совсѣмъ не для шого, чпобы оставапья въ долгу у шѣхъ; копорые шупъ находились; мнѣ спойло только на-

гнушья, чшобы поднять оружье, и я пустился колошиться въ свою очередь съ такою силою, которая должна была доказать моимъ пропивникамъ, что пришло подкрѣпленіе изъ свѣжихъ войскъ. Я потчасъ замѣнилъ, что меня защищаль уголь, и, слѣдовательно, какъ всякому извѣстно, я занималь, по правиламъ стратегій, позицію очень выгодную для отдѣльной защиты. Повидимому, моя защита оказала великія чудеса, ибо я кскорь догадался, по слабости наносимыхъ мнѣ ударовъ, что мои пропивники потеряли надежду сбить меня съ мѣста, и что сраженіе перенеслось на другіе пункты. Я воспользовался этою минутою, чшобы послать свой мапраць на полъ; плащъ, у котораго не было замѣтнаго хозяина, и который спускавалъ мои ноги, показался мнѣ такою вещью, которая удивительно какъ хорошо могла замѣнить одѣяла, коихъ служанка еще не принесла, и которыя, казалось мнѣ, прудно было ей доставить намъ, благодаря принятой мною предосторожности — запереть дверь двойнымъ оборотомъ и положишь въ карманъ ключъ; итакъ я закушался въ него какъ можно было лучше, бросился на свою лагерную постель, и оборотившись носомъ къ стѣнѣ, ожидаль

бурю брани, копорал не замедлила появившя, когда одинъ изъ сражавшихся замѣнилъ, что одного мапраца недоставало.

Въ самомъ дѣлѣ, спокойствіе мало по малу возстановилось. Громъ голосовъ сдѣлался тише; каждый началъ думать о томъ, чтобы привести въ порядокъ свой бивуакъ на полѣ бившы. Я почувствовалъ, что къ ногамъ моимъ припнулся мапрацъ, а съ правой стороны другой. Каждый укладывалъ свой пюфякъ, какъ могъ, между пюфяками своихъ поварищей, и бросался на него; только одинъ шалунъ продолжалъ еще нѣкоторое время искать своего мапраца во всѣхъ углахъ и закоулкахъ, и выведенный изъ терпѣнія шѣмъ, что не находилъ его, набрелъ на свѣшлую мысль и вдругъ воскликнулъ: *Господа, кто нибудь изъ васъ легъ на двухъ матрацахъ?*

Это обвиненіе было отвергнуто единодушнымъ крикомъ негодованія, въ копоромъ я однакожъ упорствовалъ принимая участіе.

Мой молодецъ опять принялся искать — вполовину смѣясь, вполовину проклиная; потомъ, не найдя ничего, онъ кончилъ шѣмъ, чѣмъ бы ему надобно было начать: позвонилъ въ колокольчикъ, чтобы велѣть подать огню.

Мы услышали шаги приближившейся служанки пракпира; я увидѣлъ, какъ сквозь замочную щель блеснулъ огонь, и по инспектуальному движенію положилъ руку на карманъ, чпобы увѣрипсья, шупь ли находился благодѣшельный ключъ.

Мой молодець пошелъ къ двери; она была заперта. — Отворише, сказалъ онъ, и дайше намъ огню.

— Господа, ключъ у васъ въ комнапѣ,

— Ахъ!

Рука искавшаго перенимала у меня по временамъ свѣпъ, доходившій до моихъ глазъ изъ коридора; попомъ онъ наклонился и началъ шарить рукою по полу и по печкѣ. — Какой же дьяволъ заперъ дверь изнутри, господа?

Но никшо не запиралъ. — Дѣвушка все ждала.

— Э, чорпъ возьми, въ вашей госпиницѣ у каждой двери по два ключа.

— Да, сударь.

— Ну такъ, поди сыщи другой ключъ.

Дѣвушка повиновалась: эпо для меня было минушою испытанія. Если бы хозяинъ госпиницы не послѣдовалъ моимъ наспавленіямъ, я погибъ бы. Самое глубочайшее молчаніе царспивовало въ комнапѣ, и пре-

рывалось только непереносимымъ сплскомъ ногъ нашего несчастнаго поварища, ворчавшаго сквозь зубы: эта вершущка не придетъ. — Спрашиваю васъ самихъ, что она можетъ сдѣлать? — Вы увидите, что ей теперь не найди ключа! — Ахъ, какое счастье!

Это послѣднее восклицаніе, какъ легко догадаюся, вырвалось у него возвращеніемъ дѣвушки, которая снова остановилась у нашей двери.

— Ну же!

— Господа, да это такое дѣло, что шутъ никакъ шолку не доберешься.

— А! шакъ сшало бытъ самъ дьяволъ вмѣшался шутъ! — Да, да. — Смѣйтесь, господа. — Чортъ возьми, это очень забавно, особенно для меня. — Впервыхъ, я предупреждаю васъ, что волею или неволею, а мнѣ нуженъ мапрацъ.

Общее восклицаніе, показывавшее, что всякій законно владѣтель своимъ мапрацомъ, оповѣчало на эту угрозу, и каждый крѣпче ухватился за свою поспель.

— Сколько принесли вы мапрацовъ?

— Пять.

— Видите ли, господа, что непременно у кого нибудь изъ васъ два мапраца.

— Оприцаніе еще рѣшительнѣе и сильнѣе перваго отвѣчало ему.

— Очень хорошо; но я узнаю это. Подише, сыщите мнѣ ящикъ со спичками.

Въ этой просьбѣ заключался проектъ, исполненія котораго я не понималъ, но возможное слѣдствіе котораго заспавило меня содрогнувшись. Дѣвушка возвратилась съ требуемою вещью.

— Хорошо, просуньте мнѣ спичку сквозь замочную щелку. — Она повиновалась.

— Теперь зажгите конецъ съ вашей стороны. Такъ, очень хорошо. —

Я слѣдовалъ за этимъ дѣйствіемъ со всѣмъ участіемъ, которое легко можно понять; я увидѣлъ, какъ блеснуло съ другой стороны маленькое синевашое пламя, которое исчезло на минушу, во внутренности двери, и снова показалось съ нашей стороны блестящее, какъ звезда. Не глупое ли изобрѣщеніе эти спички?

Въ самомъ дѣлѣ, я совсѣмъ не зналъ, какъ мнѣ выйти изъ этого запруднительнаго положенія и понравился ли моимъ новымъ поварницамъ эта штука; я оборонился на всякой случай къ спѣнѣ, чтобы имѣть время для приговора маленькой привѣщивенной рѣчи.

Въ продолженіе этого времени пламень спички перешелъ на свѣпильню свѣчи, и комната освѣпилась. Я услышалъ, что каждый сѣлъ на свою постель, чтобы участвовати въ осмотрѣ. Въ эту самую минушу крикъ удивленія вырвался изъ устъ всѣхъ и каждаго, и громовой голосъ, подобный гласу спрашнаго суда, произнесъ сіи ужасныя слова :

— Нась шесперо! —

Впороу голосъ послѣдовалъ за первымъ :

— Господа, поименная переключка.

Топъ, котораго поперя своей постели дѣлала въ этой повѣркѣ инпересѣе всѣхъ, пошчасъ присовокупилъ къ ней :

— Сначала я, Жюли де Ламаркъ, здѣсь.

— Г. Лекаронъ, медикъ, здѣсь.

— Г. Карль Суасонъ, владѣлецъ, здѣсь.

— Г. Огюсть Реймоненкъ, Креоль, здѣсь.

— Г. Оноре де Сюсси. . .

Я съ живоспѣю оборотился.

— Кспаши, мой любезный де Сюсси, сказалъ я ему, пропягивая къ нему руку, я могу доставити вамъ извѣстіе о вашей сесприцѣ Госпожѣ Герцогинѣ д' О. . . . Я видѣлъ ее назадъ пому восемь дней въ Женевѣ. Она была прекрасна до такой степени, что всѣхъ приводила въ опчаяніе.

Можно судить о спраннымъ дѣйствіи, которое произвели мои внезапныя слова. Глаза всѣхъ успавились на меня,

— А, чортъ возьми, да эшо Дюма! вскричалъ де Сюсси.

— Я самый, любезный другъ; не угодно ли вамъ представить меня эшимъ господамъ? Для меня было бы очень пріятно познакомиться съ ними.

— Конечно. Де Сюсси взялъ меня за руку, Господа, имѣю честь. . .

Каждый вспалъ съ поспели и поклонился.

— Теперь, господа, сказалъ я, обращаясь къ шому, у котораго похипилъ мапрацъ, позвольте мнѣ отдать вамъ вашу поспель, но только съ шѣмъ условіемъ, чпобы уполномочить меня приказашъ принести и мнѣ такую же и посплатъ подлѣ вашихъ.

Отвѣтъ былъ утвердительный и единодушный. Я отворилъ дверь, — и черезъ десять минутъ сдѣлался законнымъ обладателемъ мапраца.

Эши господа, подобно мнѣ, шли къ большой горѣ Сент - Бернардь. Они оспавили за собою двѣ коляски, и предложили мнѣ мѣсто съ собою, на чпо я и согласился. Дѣвушка получила приказаніе разбудить насъ завпра въ шесть часовъ утра. Цѣль по-

ѣздки была опдаленна : опть Марпиньи до госпинницы было десяпть лье , изъ коихъ только первыя семь можно было проѣхать въ экипажѣ ; каждый изъ насъ понималъ важность доброй высылки , и попому мы проспали по уговору до назначеннаго часу .

Въ семь часовъ мы уже увязались и чешверо изъ насъ усѣлись въ одну изъ эшихъ пѣсныхъ колясокъ , поперегъ которыхъ кладется по двѣ доски , и которыя получаютъ опть пого пынное шипло колясокъ со скамейками , а двое въ одну изъ пѣхъ маленькихъ Швейцарскихъ повозокъ , которыя ѣдутъ по сторонамъ первыхъ , какъ крабы . Я , къ моему несчастію , былъ помѣщенъ въ коляскѣ со скамейками .

Еще не успѣли мы проѣхать и десяти шаговъ , какъ я сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе нашему кучеру , смотря на ухватку , съ копорою онъ правилъ своею лошадыю :

— Любезный , мнѣ кажется , что ты пьянъ ?

— Это правда , но не бойшесь ничего , баринъ .

— Очень хорошо ; по крайней мѣрѣ мы знаемъ , чего намъ надобно ожидать . —

Пока мы были въ долинѣ, дѣла шли славно, и мы только и знали, что смѣялись надъ легкими кругами, кошорья описывала лошадь и коляска; но когда мы проѣхали Марпиньи - ле - Бургъ и Сенпъ - Блянише, когда спали углубляясь въ Междугорную долину и замѣтили, что дорога начала взбираться на бокъ горы, увидѣли эту пѣсную дорогу Альпъ, если это была она, съ ея крупымъ, какъ спѣна, скатомъ съ одной стороны, и глубокою бездною съ другой; тогда нашъ смѣхъ сдѣлался не спѣль громокъ, хотя круги, даваемые лошадейю и коляскою, были все также часты; тогда мы сдѣлали нашему кучеру это впорое замѣчаніе, но уже болѣе энергическимъ образомъ:

— Чорпъ возьми! кучерь, ты вывалишь насъ!

Онъ началъ такъ спегать свою лошадь кнупомъ, что у ней полетѣли клоки кожи, и опвѣчалъ намъ своею любимую поговоркою:

— Не бойшесь, баринь. — Только онъ присовокупилъ, какъ кажется, въ видѣ ободренія: — Наполеонъ проходилъ черезъ это мѣсто.

— Это такая историческая истина, копорой я не намѣренъ у тебя оспоривать; но Наполеонъ ѣхалъ налегкѣ, и у него былъ не пьяный проводникъ. —

— Налегкѣ! Знаете же его! Онъ ѣхалъ на мулъ...

Мы понеслись какъ въперъ; нашъ возничій продолжалъ говорить, оборотившись къ намъ головою, и даже не соблаговояя и взглянуть на дорогу.

— Да, на мулъ, а доказательствомъ то, что его везъ Марпинъ-Грозелье, изъ Сент-Пьера, и черезъ это составилъ свое счастье.

— Кучеръ!...

— Не бойтесь, — и что первый консулъ прислалъ ему изъ Парижа домъ и чепыре арпана земли. — Гэй! Гэй! —

Колесо нашей коляски такъ близко касалось спремнины, что Ламаркъ и де Сюсси, находившіеся на той сторонѣ доски, конецъ копорой превосходилъ ширину коляски, висѣли, въ полномъ смыслѣ сего слова, надъ бездною въ пять-сопѣ фузовъ глубины.

Это обстоятельство дѣлало подобныя шутки очень плоскими и пошлыми. Я спрыгнулъ съ коляски, съ опасностію перело-

масть себѣ ноги о колеса, и оспановилъ за узду лошадь. Наши поварищи, слѣдовавшіе за нами во впорой повозкѣ, и ничего непонимавшіе въ игрѣ, въ которую мы играли съ самаго начала нашего путешествія, испускали крикъ, который достигъ до насъ: они почипали насъ погибшими.

— Не бойшесь ничего, Наполеонъ проходилъ черезъ это мѣсто. Не бойшесь. —

И каждое слово этого вѣчнаго припѣва сопровождалось ударами бича, одна часть которыхъ приходилась по лошади, а другая по мнѣ; взбѣшенное живописное всмало на дыбы и паяшилось назадъ, и коляска снова очутилась надъ ужасною бездною. Эпа минула была крипическая; наши спутники въ повозкѣ судили объ ней лучше, нежели кто либо другой; посему они приняли жестокое и инспинкшуальное рѣшеніе: кучерь, схваченный руками поперегъ шѣла, былъ приподнятъ надъ козлами, и брошенъ на дорогу, на которую и шлепнулся тяжело, зашупавшись, подобно Ипполиту, въ своихъ возжахъ, которыхъ онъ не оставилъ. Лошадь, которая была самаго шихаго свойства, шопчасъ усмирилась. Тогда эти господа воспользовались сею минуною опдыха, чшобы выпрыгнуть на

землю, и каждый изъ насъ, исключая нашего проклятаго кучера, былъ здоровъ и невредимъ, на своихъ ногахъ посреди дороги.

Мы дали нашему молодцу волю вспасть, веспи свою лошадь и коляску, какъ ему было угодно, и продолжали свой путь пѣшкомъ. Это было упоминательнѣе, за то надежнѣе. Въ два часа мы обѣдали въ *Liddes*, гдѣ, въ слѣдствіе нашего уговора, должны были перемѣнить лошадь и кучера; мы слишкомъ инпересовались пѣмъ, чшобы это условіе было съ точностію выполнено, и пошому употребили всѣ наши усилія для совершенія онаго. Сдѣлавши эту перемѣну, мы снова пустились въ дорогу, совершенно успокоенные честною походкою нашего чепвероногаго и миролюбивою спиною его хозяина, копорый, замѣчу между прочимъ, былъ напаріусомъ въ семь мѣспѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы безъ всякаго приключенія достигли до Сент-Пьерра, гдѣ оканчивалась удобная для экипажей дорога.

Въ окружности сего-то мѣспечка сдѣлала Французская армія свою послѣднюю станцію, когда она перешла черезъ большой Сент-Бернаръ, за копорымъ ее ожидали равнины Маренго. Здѣшніе жители показали

намъ различныя мѣспа, копорыя были заняты пѣхопою, кавалеріею и аршиллеріею. Они располковали намъ, какимъ образомъ пушки, сбипыя съ своихъ лафешовъ, были ушверждаемы на спволахъ дуплистой пихпы и переносимы руками людей, копорыя смѣнялись черезъ каждыя сто шаговъ. Нѣкоторыя изъ сихъ крестьянъ видѣли, какъ производилась эша гиганшская работа, и съ гордостію хвалились тѣмъ, что участвовали въ ней; они приводили себѣ на память фигуру перваго консула, цвѣтъ его плащя и даже нѣкопорыя его незначительныя слова, выроненныя имъ передъ ними. Такимъ-по образомъ, встрѣшилъ я въ чуждой землѣ воспоминаніе, живое и во всемъ могущесствѣ объ эпомъ человекѣ, копорый для нашего юнаго поколѣнія, невидѣвшаго его, кажется баснословнымъ героемъ, порожденнымъ какимъ-нибудь гомерическимъ воображеніемъ.

Эпо посѣщеніе мѣспноспей удержало насъ до семи часовъ вечера. Тогда мы возвратились въ Сени-Пьерръ; небо было покрыто облаками и обѣщало дождливую ночь. Посему мы отказались опъ своего намѣренія итти ночевать въ госпинницу, и войдя въ

штракпиръ, сказали нашему хозяину, чтобы онъ далъ намъ поужинашь и пригоповиль комнапы.

Это не легко было сдѣлать: многія общества путешественниковъ прибыли сюда и, подобно намъ, были здѣсь удержаны угрозами погоды и наступленіемъ ночи; они захватили себѣ комнапы и не жалѣли провизіи. Для всѣхъ насъ шестерыхъ оставались только чердакъ и яичница.

Яичница была съѣдена; потомъ мы спустились къ посѣщенію нашей спальни.

Сказавъ правду, только въ головѣ Швейцарскаго штракпирщика могла родиться мысль, чтобы заспавляшь христіанъ спать въ подобномъ углѣ: начинавшійся дождь пробивался сквозь досчатую кровлю; въсперъ свистѣлъ сквозь опверзшія худо соединенныхъ спавней, эту единственную заспавку оконъ; наконецъ крысы, обращенныя въ бѣгство нашимъ присутствіемъ, доказывали прещаніемъ своихъ зубовъ, которое не могло ускользнуть отъ ушей столь опытныхъ, каковы наши, свое право на владѣніе симъ мѣспомъ, которое мы у нихъ ошляли, и свое намѣреніе снова опбить его у насъ, какъ скоро мы запусимъ свѣчи, опбить, не смотря на то, что мы здѣсь расположились.

При видѣ сего гадкаго чердака , одинъ изъ насъ предложилъ намъ храбро дойти до госпинницы въ эполтъ же самый вечеръ. Правда, это было послѣ прехъ-часовой усталости и дожди; но за то, какая перспектива представлялась на концѣ дороги!.. Прекрасный ужинъ, славный каминъ, добрая комната и хорошая постель.

Предложеніе было принято съ воспоргомъ: мы сошли внизъ и велѣли сыскаль проводника, копорый и явился къ намъ минушь черезъ десяшь; мы приказали ему завербовать двоихъ изъ его поварищей и доспашъ шесшь муловъ, попому что намъ хотѣлось въ эполтъ же вечеръ ийти для ночлега въ большой Сен-Бернарь.

— Въ большой Сен - Бернарь! Чортъ возьми! сказалъ онъ.

И подошедши къ окну, посмошрѣль онъ на погоду и увѣрился, что она сдѣлалась дурна на всю ночь, выспавиль руку на въперъ, чтообы узнать его направленіе, и попомъ подошелъ къ намъ, качал головою.

— Такъ вы говорите, что вамъ надо прехъ человекъ и шесшь муловъ?

— Да.

— Чтообы вхашъ въ эту ночь въ Сен-Бернарь?

„Да.“

— Хорошо — у васъ будетъ то, чего вы желаете. —

И онъ оборотился къ намъ спиною, чпобы выйдти.

Однакожь, ужимки, копорья онъ далъ намъ замѣшпшь, причинили намъ нѣкопое безпокойство; мы снова позвали его.

„Развѣ шуть есть какая нибудь опасность?“ сказали мы ему.

— Чортъ возьми!... Погода не хороша; но если вы хопите ѣхать въ Сен-Бернаръ, то вамъ постараются доставить проводниковъ. —

„Опвѣчаешь ли ты за это?“

— Человѣкъ можетъ обѣщать не больше того, чпо можетъ сдѣлать: постараются; однакожь, если могу, съ позволенія вашего, дамъ вамъ совѣтъ, по возьмите лучше шесперыхъ проводниковъ, чѣмъ проихъ. —

„Ну, хорошо, пожалуй и шесшь; но обратимся къ опасности: въ чемъ она состоитъ? Кажется, еще не та пора, чпобы намъ можно было опасаться лавинъ?“

— Нѣтъ, если мы не собьемся съ дороги. —

„Но вѣдь съ дороги сбиваются только въ то время, когда она покрыта снѣгомъ, а 26

Августа было бы, чорпъ возьми, слишкѣмъ рано для этого!»

— О, что касается до снѣга, то, изволише видѣть, вамъ нечего беспокоиться: у насъ будетъ его и выше вашихъ шпигель. . . Видите ли эшотъ маленькѣйшій дождикъ, копорый такъ вѣжливъ здѣсь? Вотъ въ чемъ дѣло: такъ какъ намъ, идя до госпинницы, надобно будетъ взбираться все вверхъ, то онъ послѣ одного льѣ опъ Сен-Пьерра сдѣлается снѣгомъ. — Онъ оборотился къ окну. — И эшотъ снѣгъ будетъ идти густо, присовокупилъ онъ возвращаясь.

А, ба! ба! въ Сен-Бернаръ! —

„Однакожъ, господа, возразилъ я. . .

— Въ Сен-Бернаръ! Пусть тѣ, копорые думаютъ ночевать въ Сен-Бернарь, поднимутъ руки.

Чепыре руки на шеспѣ поднялись. Опъѣздъ былъ рѣшенъ.

— Изволише видѣть, продолжалъ нашъ проводникъ, если бы вы были горцы, то я сказалъ: хорошо, въ путь! Но вы Парижане, а, съ вашего позволенія, судя по тому, что я могу видѣть, Парижанинъ нѣженъ и боится холода; онъ помчасъ заколошитъ зубами, какъ скоро спушитъ на снѣгъ. —

„Ну такъ мы не будемъ сходить съ муловъ?“

— Чпо ни говорите, а вы будете принуждены къ этому. —

„Чпо за нужда! Спупай, предупреди поварицей и опыщи своихъ четвероногихъ.“

— Съ вашего позволенія, господа, вы знаете, чпо за ночную повъздку плащится двойная цѣна. —

„Очень хорошо: сколько шебъ нужно времени?“

— Четверть часа. —

„Спупай.“

Какъ скоро мы оспались одни, по приняли самыя надежныя мѣры для дороги: каждый присовокушилъ къ пому, чпо было на немъ, по, чѣмъ владѣль въ блузѣ, рединготѣ или плащѣ, наполнилъ свою пыквинную бупылку превосходнымъ ромомъ, раздавапелемъ копораго былъ Суассонъ. Брапскій раздѣль цигаръ былъ сдѣланъ, и фосфорическая спица, величавшаяся въ своемъ красномъ нарядѣ, по единодушному рѣшенію, съ печки перешла въ карманъ де Сюси. Попомъ каждый, подошедъ къ огню, усилилъ его всѣми дровами, копорыя полько попались намъ, и запасся на дорогу пепломъ.

Тупь вошелъ нашъ проводникъ. — Хорошо, грѣйлесь, сказалъ онъ, онъ эпого не будетъ хуже.

„Готовъ ли ты?“

— Готовъ, сударь. —

„Въ такомъ случаѣ . . . на лошадь.“ —

Мы сошли внизъ, и увидѣли нашихъ лошадей у воротъ; каждый весело сѣлъ на свое живошное, и, движимый чувствомъ честолюбія, пыпался поднять повыше голову онаго. Всякому извѣстно, кпо только хопъ разъ въ своей жизни ѣздилъ верхомъ на мулѣ, чпо одно изъ самыхъ пруднѣйшихъ дѣлъ сего міра состоиптъ въ томъ, чпобы заспавиптъ мула идпи впереди своего поварица. Эпа борьба доставляла намъ удовольствіе на чепверть часа; сполько чувствовали мы нужды пропивоборствовать заранѣ успалоспи онъ дороги; наконецъ Ламаркъ очутился нашимъ предводителемъ, и, опустивъ поводъ своего мула, при помощи каблуковъ и палки добился до пого, чпо заспавилъ его бѣжать рысью, крича:

„Не бойтесь, Наполеонъ проходилъ здѣсь. . .“

Когда одинъ мулъ бѣжилъ рысью, по и весь караванъ бѣжилъ рысью, и, въ слѣдствіе эпого, проводники, идущіе

пѣшкомъ, бывають принуждены пускаются въ галопъ. Это вообще возбуждаетъ въ нихъ опвращеніе къ сему роду ходьбы, и они доспигли того, что и скоповъ своихъ заставили раздѣлится съ собою это опвращеніе; равнымъ образомъ и предводитель колонны въ такомъ случаѣ вдругъ оспанавливаешья и налагаешь поочередно свою неподвижность на каждаго индивидуума, какъ чловѣка, такъ и живошнаго, копорые находяпся въ ряду. Потомъ вся линія снова важно пускаешья въ пупъ, пропягиваясь по мѣрѣ того, какъ движеніе сообщается опъ ея головы до хвоста.

— Съ вашего позволенія, сказалъ проводникъ Ламарка, копорый пуспилъ своего мула наравнѣ съ прочими, и копорый, изъ опасенія новой скачки, взялъ его за поводъ, подѣ предлогомъ того, что дорога была дурна, — Наполеонъ совсѣмъ не здѣсь проходилъ: дорога, по копорой мы ѣдемъ, еще никѣмъ не была попираема; ша находпся на пропивоположномъ боку горы, и если бы теперь былъ день, шо вы увидѣли бы, что шѣ, копорые проходили по ней съ лошадьми и пушками, были сильные смѣльчаки. ---

Всѣ раздѣляли его мнѣніе, и пошому не было спору.

„Господа, снѣгъ! Нашъ проводникъ про-
рокъ,“ сказалъ одинъ изъ насъ. —

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ
мы около получаса взбирались на гору, хо-
лодъ спановился болѣе и болѣе оцупише-
лень, и то, что въ долину упало дож-
демъ, здѣсь падало льдомъ,

„А, клянусь Богомъ, снѣгъ 26 Авгу-
ста! вопъ что любопытно будеть раз-
сказывать нашимъ Парижанамъ. Господа,
я думаю, что намъ надо сойдти внизъ, и
побиться въ снѣжки, въ память Наполеона,
который проходилъ здѣсь,“.

Каждый изъ насъ началъ смѣяться
надъ воспоминаніемъ, которое приводило
намъ на память это знаменитое слово; что
же касается до опасности, которую оно
въ то же время могло напомнить, эта опас-
ность уже была совершенно забыта.

— Съ вашего позволенія, господа, я
уже сказалъ вамъ, что дорога, по которой
проходилъ Наполеонъ, находится на дру-
гой сторонѣ; что же касается до вашего
намѣренія биться въ снѣжки, то я не
совѣтую вамъ исполнять его. Это заспа-
вило бы васъ поперяшь время, а у васъ его
не слишкомъ много: подумайте о томъ,
что черезъ четверть часа вы не увидите

ни зги Божіей, и даже не будете въ союзной вестни вашихъ муловъ. —

„Ну шакъ чпожъ? Въ шакомъ случаѣ наши мысли поведуть насъ.“

— Вы не можете сдѣлать ничего лучше, какъ не мѣшайте имъ идти самимъ; Богъ каждую вещь сотворилъ для другой, изволите видѣть: Парижанина для Парижа, мула для горы — вопль что я всегда говорю моимъ путешественникамъ. — Оставьте мула идти, оставьте его идти. — Здѣсь, покуда мы еще находимся въ долину Пру, нѣтъ большой бѣды; но какъ скоро верхушка Бюдри будетъ пройдена, то вы увидите себя на маленькой дорожкѣ веревочнаго пласуна, и когда снѣгъ, вѣроятно, не позволитъ вамъ различать ее, то предайтесь на волю вашихъ муловъ и будьте спокойны. —

„Браво! хорошо сказано, проводникъ; выпьемъ по капелькѣ.“

„Стой!“ Каждый поднесъ свою бутылку ко рту, и передалъ ее проводнику. Въ горахъ пьютъ изъ одного спакана и изъ одной пыквенницы; не брезгаютъ шѣмъ, который, черезъ шесть шаговъ, можетъ спасти вамъ жизнь.

Жаръ рому возбудилъ въ каждомъ изъ насъ веселость, и хотя ночь и снѣгъ съ

каждою минушою спановились мрачнѣе и гуще, караванъ съ смѣхомъ, съ пѣснями и съ шумомъ снова двинулся въ путь.

Спранно было мое впечатлѣніе посреди эпой безоправданной спраны, эпого произпительнаго снѣга, эпой ночи, копорая спановилась все мрачнѣе и мрачнѣе, эпихъ кобылокъ изъ породы муловъ, эпихъ всадниковъ и проводниковъ, копорые весело углублялись въ гору мрачную, безмолвную и ужасную, въ копорой не было даже ѡха, чптобы передашь ей свои пѣсни и свои крики. Казалось, чпо эпо впечатлѣніе не одного меня поразило — ибо мало по малу пѣсни сдѣлались пише, хохомъ рѣже; нѣсколько опривиспыхъ побранокъ послѣдовало за ними; наконецъ, *sacre Dieu, ребяташки, знаете ли вы, что вѣдь не со всѣмъ тепло?* рѣзко произнесенное, показало пакимъ сильнымъ выраженіемъ общаго мнѣнія, чпо ни одного голоса не возвысилось пропивъ зачинщика.

„Еще капельку, да закуримъ цигарки.“

— Браво! кому принадлежитъ эта мысль?—

„Мнѣ, Жюлю Тьерри де Ламарку.“

— По прибытіи въ госпипницу ему будетъ засвидѣтельствована благодарность. — Ну - ко, де Сюси, фосфорическую сѣрницу,

— Ахъ, господа, клянусь чesпью, вѣдь мнѣ надо вынуть мои руки изъ кармановъ, а имъ шамъ пакъ шенло, что совсѣмъ не хочешя выйдти опшуда. Возьмите сѣрницу въ моемъ карманѣ. —

Проводникъ оказалъ намъ эту услугу; его шоварищи закурили посредствомъ сѣрницы свои шрубки, и мы снова пушились въ пунъ, видя другъ у друга (шакъ темна была ночь) шолько свѣшья почки, копорья каждый подносилъ къ своему рпу, и копорья дѣлались блестящими при каждой зашяжкѣ.

На эшопъ разъ не было ни пѣсень, ни криковъ; ромъ потерялъ свою силу: во всемъ ряду царшвовало глубочайшее молчаніе, которое прерывалось шолько ободреніями нашихъ проводниковъ, обрашаемыми къ муламъ, шо голосомъ, шо жесшами.

Въ самомъ дѣлѣ, ничшо изъ окружающаго насъ не располагало къ веселости: холодъ часъ опъ часу дѣлался ошущипельнѣе и снѣгъ падалъ съ возрастающимъ изобиліемъ; ночь освѣщалась шолько пусклымъ и бѣловапымъ опблескомъ; дорога все болше и болше сшуживалась, и опъ мѣсна до мѣсна бока скаль до шакой шепени загораживали ее, что наши мулы принужде-

ны были оставишь ее и пойди по маленькимъ пропинкамъ, даже по скапу пропасти, глубину которой мы могли измѣрять только шумомъ Дрансы, которая текла на днѣ оной; еще эщопъ шумъ, при каждомъ шагѣ ослабѣвавшій, доказывалъ намъ, что бездна дѣлалась все глубже и упесистѣе. По снѣгу, который мы видѣли на шляпѣ и одеждѣ того, который бѣжалъ впереди, мы заключали, что и каждый изъ насъ, въ свою очередь, несъ на себѣ такое же количество его. Сверхъ того, мы чувствовали сквозь наше платье его прикосновеніе, менѣе пронцапельное, но болѣе ледяное, чѣмъ прикосновеніе дождя; наконецъ нашъ предводитель оспановился.

„Клянусь чеспью, сказалъ онъ, я замерзъ, и попому пойду пѣшкомъ.“

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что вы будете принуждены сойдти, — возразилъ нашъ проводникъ.

Дѣйствительно, каждый изъ насъ чувствовалъ нужду разогрѣться движеніемъ. Мы пошли пѣшкомъ, и такъ какъ едва было видно идти, то наши проводники совѣщовали намъ взяться за хвосты нашихъ муловъ, которые такимъ образомъ представляли намъ двойную выгоду, избавляя насъ

опть половины успалоспи и опть ощупова-
нїя пупи. Эпопть маневръ былъ выполненъ
со всею точностїю , ибо мы понимали не-
обходимость предаться инстинкту нашихъ
живопныхъ и проницательности ихъ во-
дипелей.

Тогда-то узналъ я истину ошкрывїя
Бальмы : я почувспвовалъ головную боль , о
копорой онъ говорилъ мнѣ ; его головокру-
жипельные обмороки и эпу непреодолимую
наклонность ко сну , копорой я успунилъ
бы на моемъ мулѣ , и съ копорою только
необходимость идти пѣшкомъ могла сра-
жапсьд. Казалось , что и самъ нашъ док-
поръ чувспвовалъ ее , ибо онъ предложилъ
опдыхъ.

— Впередъ , впередъ , господа ! вскри-
чалъ съ живостїю нашъ проводникъ ; ибо ,
предупреждаю васъ , что попть , кто оста-
новился , уже не пойдеть опяпть. —

Въ звукѣ голоса , съ копорымъ онъ произ-
несъ эти слова , была столь глубокая убѣ-
дипельность , что мы снова пуспились въ
путь безъ всякаго прошиворѣчїя. Одинъ
изъ насъ , не знаю копорый , пыпался
напомнить намъ о прежней веселоспи ,
эпими священными словами , копорыя до-
поть никогда не оставались безъ дѣй-

спвія: — не бойтесь ничего, Наполеонъ проходилъ здѣсь. — Но на эпопъ разъ шупка пошеряла свое дѣйспвіе: никто не опвѣчалъ на нее смѣхомъ, и необыкновенное молчаніе, съ копорымъ она была принята, придала ей болѣе печальный, чѣмъ веселый характеръ.

Такимъ образомъ мы шли машинально, влекомые нашими мулами около получасу, погружаясь въ снѣгъ по колѣна, между пѣмъ какъ холодный потъ шекъ у насъ съ чела.

„Домъ!“ вдругъ воскликнулъ де Сюси.
— Ахъ! —

Каждый изъ насъ оставилъ хвостъ своего мула, удивляясь, что наши проводники ничего не сказали объ эпой спанціи.

— Съ вашего позволенія, сказала главный проводникъ, спало вы не знаете, что это за домъ? —

„Хотя бы это былъ домъ самаго дьявола, лишь мы могли въ немъ спряспи съ себя эпопъ проклятый снѣгъ и спать ногами на землю; поидемъ.“ —

Дѣло было не прудно: у эпого дома не было ни воропъ, ни спавней. — Мы позвали, но никто не опвѣчалъ.

— Да, да! зовите, сказала нашъ проводникъ, и если вы разбудите пѣхъ, копо-

рые шупть спяшь, по хорошо вамъ будеть!...

Дѣйствивпельно, никпо не опвѣчалъ и хижина казалась пустою; однакожь какъ не была она опкрыша вѣсьмъ вѣпрямъ небесъ, она предспавляла намъ убѣжище опъ снѣгу; посему мы рѣшились оспановицца въ ней на минушу.

Если бы шупть была печь, мы развели бы огонь, сказалъ одинъ голось.

— А дрова? —

„Поищемъ - ко печи - по.“

Де Сюси пропянулъ руку.

— Господа, споль, сказалъ онъ. — За этими словами послѣдовалъ родъ крику, вполовину ужаса, вполовину удивленія.

— Чпо шупть шакое? — Гмь... .

„А по, чпо шупть спипъ на этомъ споль человекъ. — Я держу его за ногу.“

— Въ шакомъ случаѣ, пополкайте его, онъ проснешся. —

„Эй, другъ, эй!“ . .

— Господа, сказалъ одинъ изъ нашихъ проводниковъ, опдѣлясь опъ полпы своихъ поварищей, оспававшихся внѣ, и всунувъ голову въ окно, господа, за чѣмъ шакія шупки и въ шакомъ мѣспѣ! Онѣ могуль причинипъ несчастіе какъ вамъ, шакъ и намъ. —

„Гдѣ же мы?“

— Въ одной изъ моргъ Сен-Бернара.

Онъ опияль голову опъ окна и пошелъ къ своимъ поварищамъ, не говоря больше ни слова; но мало орапоровъ могушь похвалишься пѣмъ, чпо они произвели когда нибудъ споль большой эффектъ споль немногими словами. Каждый изъ насъ оспался пригвожденнымъ къ своему мѣспу.

По чеспи, господа, надобно посмопрѣшь на это. Эпо одна изъ любопытнѣйшихъ вещей дороги, сказалъ де Сюси, и онъ погрузилъ спичку въ фосфорическую сѣрницу.

Спичка запрещала, потомъ разлила на минушу слабый свѣшь, при блескѣ котораго мы увидѣли при прупа, одинъ дѣйспвишельно лежавшій на споль, а двое въ сидячемъ положеніи въ двухъ углахъ фонда; потомъ спичка погасла, и все исчезло.

Мы снова начали дѣло. Только на эпошь разъ каждый поднесъ къ маленькому и эфемерному очагу конецъ свернушой бумаги, и когда зажегъ ее, то началъ осмопръ комнашы, держа лѣвою рукою нагошовъ другія свѣспильни.

Надобно находидься въ нашемъ положеніи, чшобы имѣшь понятія о томъ впечатлѣннн, которое произвелъ на насъ

видъ эпихъ несчастныхъ ; надобно посмотришь на эти черныя и искаженныя фигуры при прелепномъ и сомнительномъ свѣтѣ нашихъ импровизованныхъ свѣчей, чпобы такъ хранишь ихъ въ своей памяти, какъ остались онѣ въ нашей. Надобно спрашившь за самого себя и въ подобную минушу ужасной участи предшеспвенниковъ, копорые находились передъ нашими глазами, чпобы понять, чпо наши войбсы вспали дыбомъ, чпо цопъ пекъ по нашимъ членамъ, и чпо, не смопря на всю нужду, какую мы имѣли въ опдыхъ и въ огнѣ, мы ощутили только одно желаніе — оставишь какъ можно поскорѣ эту геспинницу мершвыхъ.

И такъ мы снова пуспились въ дорогу, еще болѣе задумчивые и безмолвные, чѣмъ прежде, но равнымъ образомъ и исполненныя энергіи, копорую придалъ намъ видъ подобнаго зрѣлица; однакожь въ продолженіи цѣлаго часа не было произнесено ни одного слова, даже проводниками. — Снѣгъ, дорога, даже самый холодъ, думаю, исчезли: такъ овладѣла всѣмъ нашимъ умомъ эпа идея, такъ одинъ спрахъ сжималъ наше сердце и ускорялъ намъ ходъ.

Наконецъ главный проводникъ испуспилъ одинъ изъ эпихъ криковъ, споль

обыкновенныхъ у горцевъ , копорые своимъ рѣзкимъ голосомъ заспавляютъ слышать себя на чрезвычайномъ распояніи , и копорые своими модуляціями дають знать , пребуешь ли помощи попь , копорый призываетъ , или только онъ извѣщаетъ о своемъ прибытіи.

Крикъ исчезъ , какъ будто ничто не могло остановить его на эпой снѣговой скаперши; и такъ какъ никакое эхо не опдало его намъ , по по прежнему воцарилось безмолвіе.

Мы сдѣлали еще около двухъ сотъ шаговъ , и тогда услышали лай собаки.

Сюда, Драпо, сюда! кричалъ нашъ проводникъ.

Въ пу же самую минупу огромный догъ, единственней породы извѣстной подъ именемъ породы Сен-Бернара, прибѣжалъ къ намъ , и узнавъ нашего проводника, вскочилъ на него , положивъ лапы свои къ нему на грудь.

— Хорошо , Драпо , хорошо , доброе живописное ! Съ вашего позволенія , господа , эпо старинный знакомый , копорато я очень радъ видѣшь . — Не такъ ли , Драпо ? Гмъ ! собака добрая собака ! Да , ну , ну , довольно , въ пушь !

По счастью, дорога была не долга: почпи черезъ десять минуць мы увидѣли себя подлѣ самой гостинницы, копорую даже и днемъ можно примѣнить съ эпой спороны только тогда, какъ подойдешь къ ней дикой кашпанникъ ожидалъ насъ на воропахъ, днемъ и ночью безденежно опворенныхъ для всякаго, кшо только просишь гостепрѣимства, копорое въ эпомъ безопрадномъ мѣсцѣ часно ешь щоже, что жизнь.

Мы были приняты брапомъ, копорый споялъ на-спорожѣ, и приведены въ комнапу, гдѣ насъ ожидалъ славный огонь. Пока мы обогрѣвались, намъ пригоповляли кельи; успалось прогнала голодъ, и попому мы предпочли сонъ ужину. Намъ подали по чашкѣ пеплага молока, когда уже мы легли. Братъ, копорый принесъ мнѣ мою чашку, сказалъ, что я находился въ той комнапѣ, гдѣ обѣдалъ Наполеонъ; что касается до меня, эпо была ша комнапа, въ копорой я наилучшимъ образомъ спалъ.

На другой день, въ десять часовъ, мы всѣ были на ногахъ и дѣлали осмошрвъ консульской комнапы, копорая доспалась на мою долю; ничшо не опличало ее опъ прочихъ келій: никакая надпись не напо-

минала въ ней о пребываніи новаго Кап-ломана.

Мы подошли къ окну : небо было лазурное , солнце блестящее , а земля покрыта на футъ снѣгомъ.

Трудно сославить себѣ идею о той суровой унылости, которая представляется изъ оконъ госпинницы, лежащей въ семи тысячахъ двухъ спахъ фусахъ надъ уровнемъ моря и находящейся посреди прехъугольника, образуемаго верхушкою Дронажа, горою Веланомъ и Гран-Сен-Бернаромъ. Озеро, наполняющееся опъ пающихъ льдовъ и лежащее въ нѣсколькихъ шагахъ опъ монастыря, не только не веселитъ эшого вида, но еще болѣе дѣлаетъ его мрачнымъ; его воды, копорыя въ своей снѣговой рамѣ казались черными, такъ холодны, что не могушь пипать никакой рыбы, такъ высоки, что не могушь привлечь къ себѣ никакой ппицы. Это есть маленькое изображеніе Мертваго моря, лежащаго близъ разрушеннаго Ерусалима. Все, что одарено по наружности живошною или распительною жизнію, расположено уступами по дорогѣ, смопря по пому, какъ высоко позволили имъ взобратъся силы; лишь человекъ и собака дошли до вершины.

Только при видѣ эпои мрачной карпинны, только шамъ, гдѣ мы находились, можно получить понятіе о великости пожертвованія эгихъ людей, копорые ославляли очаровательныя долины Аоспа и Таренпезы, опеческій домъ, копорый, можетъ бытъ, любовался собою въ лазоревыхъ волнахъ озера Орпы, копорое блистало, кипящее, влажное и глубокое, какъ взоръ влюбленной Испанки, любимое семейство, молодую жену съ ея залогомъ счастья и любви, чшобы съ палкою въ рукѣ, съ собакою вмѣсто друга, помѣщаясь на снѣжной дорогѣ путешественниковъ, подобно живымъ спашуямъ объща. Тамъ-то можно пожалѣть о хваспливой благодѣпельности городскаго жишеля, копорый думаетъ, что онъ все сдѣлалъ для своихъ брашій, когда опкрытымъ образомъ бросилъ въ кошелекъ прекрасной милоспынесобирательницы золотую монету, за копорую ему плашашъ поклономъ или улыбкою. О! если бы могло случиться, посреди одной изъ сихъ сладоспысныхъ ночей нашей Парижской зимы, когда балъ заславляетъ женщинъ прыгать, подобно вихрю изъ алмазовъ и цвѣшовъ, когда прекрасныя спихи Викпора Гюго *На Благодѣтельность* испоргли юношескую

слезу изъ глазъ, блиспавшихъ удовольствіемъ; если бы могло случиться, чпобы свѣчи погасли, спѣны дома развалились, глаза могли проникнуть въ проспранство, и вдругъ увидѣли бы посреди ночи, на узкой пропинкѣ, на краю бездны, угрожаемаго лавиною, облеченнаго снѣговою бурей, одного изъ энихъ спарцевъ съ сѣдыми волосами, ходящихъ съ громкимъ крикомъ: *сюда, братья!* о, конечно, конечно, и самый наиболѣе гордящійся своею милоспынею, оперь бы свое чело, сдѣлавшееся влажнымъ отъ спыда, и упаль бы на колѣна, восклицая: О Боже!...

Намъ сказали, чпо насъ ждуть за споломъ.

Мы сошли съ спѣсненнымъ сердцемъ. Одинъ изъ брапьевъ шелъ впереди, чпобы показывать намъ дорогу. Мы прошли подлѣ часовни и услышали священное пѣніе. Мы продолжали путь, и по опдаленіи энихъ звуковъ, съ другаго конца коридора доходили до насъ звуки смѣха. Звуки смѣха! Намъ показалось это спраннымъ въ подобномъ мѣстѣ... Наконецъ мы опворили дверь и увидѣли себя посреди молодыхъ людей и прекрасныхъ женщинъ, копорыя пили чай и разговаривали о мамзель Тальони.

Мы посмопръли съ минушу другъ на друга съ изумленіемъ, попомъ сами начали

смѣялись, подобно имъ. — Мы встрѣчали прежде эпихъ дамъ въ нашемъ Парижскомъ свѣтѣ. Мы подошли къ нимъ съ тѣми же самыми ухвалками, какъ и на паркетѣ, и комплименты начали перебрасываться съ бонпонностію самаго фашіонабельнаго общества. Попомъ мы заняли за споломъ мѣста, которыя были для насъ оставлены, и разговоръ сдѣлался общимъ, выигрывая въ веселости то, что теряла въ принужденности. — Черезъ десять минутъ мы совершенно забыли, гдѣ находились.

Эпо произошло опять того, что ничто не могло намъ напомнить объ эпомъ. Зала, которую называли прапезною, нимало не соответствовала важной идеѣ, съ которою сопряжено эпо имя. Эпо была прекрасная споловая, опдѣланная съ большою роскошью, чѣмъ вкусомъ; піано украшало одинъ изъ ея угловъ; большое число гравюръ было привѣшено на ея стѣнахъ; вазы, спѣнные часы, нѣкоторыя изъ сихъ маленькихъ предметовъ роскоши, которыя находящіяся только въ будуарахъ женщинъ, обременяли печь; наконецъ какой-то характеръ свѣтскости царствовалъ во всѣхъ эпихъ вещахъ, и былъ объясненъ для насъ однимъ словомъ:

каждая изъ сихъ вещей была подарокъ, сдѣланный монахамъ какимъ нибудь признательнымъ обществомъ, которое хотѣло доказать добрымъ дѣломъ, что оно не забыло, по своемъ возвращеніи въ Парижъ, того гостепріимства полученнаго отъ нихъ.

Въ продолженіе завтрака, пошъ братъ, который угощалъ насъ, сообщилъ намъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія касательно горы Сен - Бернара, кои, можетъ быть, увидать здѣсь безъ неудовольствія.

До основанія гостинницы, Гранъ-Сен-Бернаръ назывался Мон-жу (Mont-Joux), въ слѣдствіе искаженія сихъ двухъ Латинскихъ словъ — *mons Jovis*, гора Юпитера; само это имя происходило отъ храма, воздвигнутаго сему богу, подъ именемъ Юпитера Пенинскаго (*penin*). Время основанія сего храма, развалины котораго видны и теперь еще, неизвѣстно. При первомъ взглядѣ, правописаніе слова *penin*, которое Типъ - Ливій неправильно пишетъ *Penin*, могло бы заславить подумать, что оно восходитъ ко времени перехода Аннибалова, и что это полководецъ, счастливо достигшій до вершины Альпъ, положилъ шупъ первый завѣщанный камень

храма *Юпитера Карвагенскаго*. Однакожь клады, найденные при разрытіи сихъ развалинъ, показываютъ, что пилигримы, приходившіе сюда исполнять свои обѣщанія, были Римляне. Теперь, спали-ль бы Римляне приходилъ молился у ногъ спашуи бога своихъ враговъ? Это не возможно. Напрощивъ, не былъ ли эшошь храмъ воздвигнутъ самими Римлянами, когда несчастія Аздрубала въ Сардиніи принудили его брата, ослабленнаго Капуею и разбишаго Марцелломъ, оставивъ Италію, почти со всѣмъ завоеванною, чтобы убѣжать къ Антіоху? Въ первомъ случаѣ, его поспроеніе относилось бы къ 535 году, а во второмъ къ 555 году отъ основанія Рима. Что же касается до времени, въ которое было оставлено его богослуженіе, то это съ вѣроятностію можно отнести къ царствованію Феодосія Великаго; ибо никакой медали, относящейся къ царствованію дѣпей сего Императора, не было найдено въ развалинахъ этого храма.

Что касается до основанія госпинницы, оно конечно проспиралось до начала девянаго вѣка; поелику госпинница Мон-жу упомянута въ постановленіи о земляхъ, которое Лод-Геръ, Король Лопарингскій,

далъ Людвигу, своему брату, въ 859 году. И такъ она существовала прежде, нежели архипаспырь Аоспа ушвердилъ въ ней въ 970 году правильныхъ канониковъ Святаго Августина и перемѣнилъ языческое названіе ея — Мон-жу, въ Христіанское имя Сен - Вернара. Съ сего времени до нашего сорокъ при Наспояшеля смѣнили другъ друга.

Девять вѣковъ прошекло, и ни время, ни люди ничего не перемѣнили ни въ правилахъ монаспыря, ни въ гостепрімныхъ обязанностяхъ Каполикровъ.

Цѣпь Альпъ, на коихъ лежишь Сен-Вернарь, была свидѣтелемъ чепырехъ переходовъ: Аннибала, Карла великаго, Франциска I и Наполеона а). Аннибалъ и Карлъ великій перешли ее чрезъ гору Жени; Францискъ I и Наполеонъ въ помъ самомъ мѣстѣ, гдѣ построена гостинница. Карлъ великій и Наполеонъ перешли ее, чпобъ побѣдишь; Аннибалъ и Францискъ I, чпобъ бышь побѣжденными.

Кромѣ дамъ, о копорыхъ я уже говорилъ, съ нами была за ужиномъ еще одна Англичанка съ машерью. Въ продолженіе

а) А Суворова? *Изд.*

прехъ лѣтъ онѣ проходили Ипалію и Альпы пѣшкомъ, нося свои пожилки въ узлѣ, и дѣлая каждый день по восьми или десяти лѣ. Намъ захопѣлось узнать имена эпихъ неуспрашиваемыхъ путешественницъ, и мы опыскали ихъ въ списокѣ иносранцевъ; младшая росписалась *Луизою или дѣвою горь*.

Для опысканія эпюго списка мы вошли въ залу, смежную съ прапезною; она, какъ и первая, украшена пысячью маленькихъ мебелей, присланныхъ въ подарокъ добрымъ опцамъ. Она заключаель въ себѣ сверхъ того двѣ рамки, содержація различные предметы древности, найденные въ развалинахъ Юпишерава храма. Лучше прочихъ сохранены двѣ маленькія спашуи: одна представляющая Юпишера, а другая Геркулеса; одна больная рука, обвиная змѣею Эскулапа, и несущая на своихъ пальцахъ, какъ признакъ болѣзни, лягушку и жабу; наконецъ, многія бронзовыя бляхи, на коихъ находятся имена пѣхъ, копорые приходили умолять Бога о помощи.

Я списалъ многіе изъ эпихъ *ex voto*, и представляю здѣсь безъ всякой перемѣны въ расположеніи спрокъ.

J. O. M. Poenino: T. Macrinus demonstratus. V. S. L.

Jovi optimo maximo

votum solvit libente.

Poenino

numinibus-aug

Pro itu et reditu

Jovi Poenino sabineius

C. Julius-Primus

ensor ambianus

V. S. L.

V. S. L.

Я былъ прерванъ въ эпюмъ занятіи шумомъ, которой производили наши собесѣдники. Въ то время, какъ я списывалъ мои надписи, братъ, который угощалъ насъ завтракомъ, не принимая самъ въ немъ никакого участія, ушелъ для опправленія службы. Нашъ докпоръ спалъ на караулъ у дверей запрапезной, де Сюсси засѣлъ за піано, и наши дамы, включая сюда и *дѣ-еу горъ*, панцовали галопъ вокругъ спола.

Въ ту минушу, когда панецъ былъ въ самомъ своемъ развалѣ, докпоръ опворилъ немного дверь и, высунувъ изъ-за нее голову, сказалъ панцовщицамъ: — Сударыни, одинъ изъ служащихъ братій спрашиваетъ у васъ, не угодно ли вамъ видѣть Большую Моргу (*la Grande-Morgue*)?

Это предложеніе полчасъ прекрапило панецъ. Дамы совѣшались съ минушу между собою. Опвращеніе боролось съ любопытствомъ. Любопытство одержало верхъ, и мы опправились.

И на эпахъ основахъ, въ споячемъ положеніи, прислоненные спиною къ спѣнамъ, расположенные спраннымъ умысломъ случая, каждый, сохраняя выраженіе и шѣлоположеніе, въ которомъ захвапила ихъ смерпь, одни на колѣняхъ, другіе съ пролянупыми руками, шѣ съ сжапыми кулаками и преклоненною головою, иные съ челомъ и руками воздѣпыми къ небу — сто ппѣдесяпѣ пруповъ, почернѣвшихъ опѣ мороза, съ пуспыми глазами и бѣлыми зубами, и между ними женщина, бѣдная женщина, которая думала спаспи свое дпѣпя, давая ему грудь, и которая, посреди эшого адскаго сходбища, кажется спапую маперинской любви!

И все эпо, заключенное въ одной комнапѣ: прахъ, осповы и прупы, смотря по времени, къ колпорому они опносятся, и у окна эпой комнапы, освѣщенной веселымъ лучемъ солнца, головы женщинъ, юныхъ и прекрасныхъ, жизнь одушевленная, едва имѣющая двадцапѣ лѣпѣ, и созерцающая жизнь, погасшую назадъ пому нѣсколькo вѣковъ, — ахъ! все эпо соспавляло спранные зрѣлице! Пойдемъ - пе!...

Чпо касается до меня, я буду видѣпѣ эпо зрѣлице всю мою жизнь, буду видѣпѣ

эту бѣдную мать , дающую грудь своему ребенку . . .

Что сказать послѣ сего о Сен - Бернарѣ ? Тутъ есть еще церковь , въ которой находится гробница Дезо , часовня , посвященная святой Фауспинѣ , черный мраморный столъ , на коемъ вырѣзана надпись въ честь Наполеона . . . Есть и еще тысячи другихъ вещей . Но , повѣрьте мнѣ , прикажите показывать себѣ эти вещи прежде , нежели увидите эту бѣдную мать , которая даетъ грудь своему ребенку . . .

IV.

Послѣдніе листки для составленія Истории
Русскихъ сказокъ.

I.

Конецъ Начатаго.

Впрочемъ порча Русскихъ сказокъ, по рѣшительному намѣренію нашихъ писателей приблизить свои народныя сказки къ новѣйшимъ Европейскимъ романамъ, вполне замѣтна спала при началѣ второй половины XVIII вѣка; ибо въ 1763 году къ нимъ уже явились сказки правдоподобныя, напр. *Приключенія Зелитовы*, а въ 1765 *Мексиканская Княжна Жевана*; наконецъ: Кербиліоновъ Принцъ *Соліи*, Волтеровъ Обер-Сталмейстеръ *Задихъ*, Прованская Поэма *Карлъ Орлеанскій и Аннибелла*, полу-русскій *Милордъ Георгъ* и проч. Сей послѣдній, изъ всѣхъ другихъ, ближайшій къ духу Рыцарскихъ сказокъ; и—вошь, между шѣмъ, какъ высшій классъ Любителей нашихъ Романовъ (еще весьма немногочисленный) жадно пробивался къ чтенію только новѣйшихъ сочинителей Англійскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ, т. е. когда уже въ нашихъ гостиныхъ принимали только Французовъ Вольпера, Мармонтелла, скучнаго Д'Аржанса и Нѣмцевъ: Мейснера, дивнаго Гете и высокаго Виланда, — тогда на мѣлкихъ залавкахъ книжныхъ, во всѣхъ господскихъ переднихъ, и даже въ самыхъ пріемныхъ нѣкоторыхъ средняго сословія людей уси-

льно еще поржествовали *Милордъ Георгъ*, *Гуанъ* и другія сполько же занимательныя повѣсти, какъ прежнія общія любимцы наши: *Петръ Златыхъ Ключей* и *Францискъ Венеціанъ*. Пькто *Кропотовъ* передѣлалъ изъ сказки о *Бовѣ* и *Зюльбѣ* даже цѣлую прозаическую трагедію въ пяти актахъ (*). Новый родъ сказокъ не жесточилъ еще сердце безчеловѣчными убійствами, какія, въ послѣдствіи, безъ цѣли и безъ плана явились въ романахъ разбойничьихъ, и онъ же еще не извѣживалъ богатырскаго духа *нашихъ* богатырей-чипашелей. „Машушка!“ говаривалъ иногда грамотный рекрупъ-крестьянинъ, „не плачь, не шужи по мнѣ: такъ намъ Богъ велѣлъ: буду Илья Муромецъ, буду Бова Королевичъ, пошибу шапки съ неврныхъ, да и ворочусь къ тебѣ не съ пустыми руками.“ Такъ и сбывалось: Русскіе прослоюдины, жадные чипашели дѣяній богатырскихъ, недаромъ были *худобогатырями* на языкѣ *Суворовскомъ*.

II.

Новѣйшіе переводы Азіятскихъ сказокъ на Русскій языкъ. Вліяніе на нихъ Европейскихъ выдумокъ.

Между шѣмъ въ 1773 году съ языка Грузинскаго передали намъ Принцессу Гуль-яндъ-юну

(*) Петръ Ан—вичъ, Рязанецъ. Этого *Кропотова* не должно смѣшивать съ другими писателями той же фамиліи. Его трагедія около 1780 годовъ ходила только въ рукописи и сохранялась только, какъ рѣдкость (будно бы подражательная Шакспиру), въ немногихъ книгохранилищахъ.

и Принца Бей-Рейму; въ 1790 съ Могольскаго переложили спрашнаго великана Гар-ган-Шуй-Я-Су и другіа. Наблюдатели всего историко-сказачнаго могли бы радоваться возвращенію въ Русь такихъ диковинокъ; но полно, все ли это переведено съ Грузинскаго и съ Могольскаго языковъ?

Слѣдующія за пѣвъ приключенія *Нифара* и приключенія же *Мух-али-бе* и *Семиры*, равно какъ и прочія пому подобныя, имѣли своихъ чипашелей; а уже далеко отшпавали безгрѣшными богатырскими чудесами опъ *Петра Ключей* и *Вениеряновъ*. Въ упоманутыхъ Грузинскихъ и Татарскихъ сказкахъ не было ни древнихъ *Подсолнечныхъ Царствъ* съ ихъ изумрудными дивами, ни молодечества среднихъ временъ Европейскихъ, удалства любимаго Русскимъ сердцемъ, привыкшимъ и къ необычайному богатырству и къ цвѣпнымъ чудесамъ неизобразимымъ.

Въ началѣ второй же половины минувшаго столѣтія у насъ напечатана весьма замѣчательная сказка о *Бѣлой Кошкѣ* (1772); ее всѣ чипали съ жадностію, а попому и перепечатаывали ее неоднократно то въ Москвѣ, то въ Пешербургѣ. *Бѣлая Кошка*, очарованная царевна, была красавица *выше всѣхъ красавицъ*. Она, въ видѣ *Кошки*, плѣняла мудростію, а въ образѣ челоуѣка очаровывая сердца каменные, прешворяла ихъ въ воскъ. Все это весьма нравилось чпецамъ-мужчинамъ и нашимъ женщинамъ, шогда еще спрашнымъ любительницамъ всякихъ кошекъ (также, какъ и въ послѣдствіи, мосекъ и болонокъ). Печатаиная *Бѣлая Кошка* была споль же мила, какъ и всякая *живая кошка*. Мѣсто рожденія *Бѣлой Кошки*

была Франція; аша же Кошка была прародительницею французскихъ *Земиръ* и *Азоровъ*.

Но и древнія наши сказки въ это время существовали, ихъ еще не совсѣмъ убила *новость*: въ Москвѣ былъ какой-то мѣщанинъ *И. И. Двойникъ*; онъ поправлялъ и переписывалъ русскія сказки со словъ сказочниковъ, а попомъ и печаталъ въ типографіи извѣстнаго типографа Александра Сивникова.

III.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ КАТАЛОГОВЪ НѢКОТОРЫХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ СКАЗОКЪ. ЕГО СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ.

Бълюю Кошкою, какъ переходомъ опять къ древнимъ чудесамъ, я кончаю мои пробныя листки для составленія *исторіи русскихъ сказокъ*. Я говорилъ нѣчто въ отношеніи ихъ къ нравамъ, о пользѣ, которую бы онѣ могли принести по ихъ сравненіямъ съ нѣкоторыми лѣтописями, преданіями и съ другими разгадками темныхъ мѣстъ въ самой нашей Исторіи — я говорилъ; ношусть нужна кришика, а кришическое разсмотрѣніе здѣсь не мое дѣло.

Заключая сию мою мысли о русскихъ сказкахъ, разбросанныя въ несвязномъ безпорядкѣ, я къ моимъ пробнымъ листкамъ прилагаю два, или три сравненія сказочныхъ *пересказовъ*, принадлежащихъ разнымъ періодамъ времени, къ тому же присоединенъ мною и, сколько возможно, въ си-

стематическомъ порядкѣ, крапкѣй каталогъ *нѣ-
которыхъ* сказокъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ.

Въ началѣ каталога поставлены сказки Азі-
ятскія, едва ли не древнѣйшія всѣхъ *Сая* Исланд-
скихъ: онѣ раждались въ общей колыбели наро-
довъ. Даже и самыя первыя славено-русскія сказки
о Владимірахъ и богатыряхъ, хошя и показыва-
ють чшо-то смѣшанное съ Сѣверомъ, но онѣ все
ближе къ солнцу, нежели ко льду.

Отъ періода нашествій Татарскихъ, убій-
ственнаго для нашей Исторіи, повторимъ, у насъ
весьма мало, или почти уже и ничего нѣтъ *сво-*
его героико-романическаго. Эпоха побѣдъ Донска-
го чрезъ Литву и Польшу (начавшихъ болѣе
прежняго уважать Русскихъ) проложила къ намъ
пусть рыцарскимъ розказаньямъ многихъ Европей-
скихъ народовъ; въ послѣдствіи ихъ нашествіе
усилено при Самозванцахъ и при Романовыхъ. Все
это невесьма древне; но за то, какъ мы видѣли,
Притчи Эзопа и другія собственно Греческія
Сказки и Побасенки принесены къ намъ, бышь мо-
жетъ, вмѣстѣ съ подражаніями нашего басносло-
вія Греческому. Тогда и сказки берегли насъ отъ
Лапыни.

Слогъ сказокъ до XVIII вѣка.

Жили да были два брата, умны и богаты,
и былъ у нѣхъ братьевъ третій братъ дуракъ,
а звали дурака Хилею, а шопъ Хилиць ни кого
не зналъ, ни спара, ни мала, ни слухаль, а съ
ушра до вечера и съ вечера до ушра въ кійждый

день Божій сиди на печкѣ, спалъ да лѣнився. Закону дуракамъ въ грамотѣ нѣтъ! И случихся шѣмъ умнымъ и благоразумнымъ брашимъ единымъ на двое вхати къ торгу на Ярилу, продаши *ненадобу*, а собѣ купашъ на нужду. И прощалися шѣ благоразумные братья съ жонами, съ чадами и со всѣми домочадцами; а дураку Хилипу наказали они крѣпкимъ на крѣпко, какъ бы онъ Хилипъ безъ нихъ, безъ брашовъ былъ смиренъ, послухенъ и нершачилъ бы онъ дуракъ въ послугѣ ихъ брашнимъ жонамъ куришь печи и самъ бы онъ дуракъ руками рубилъ, кололъ и клинилъ дрова и шаскалъ бы онъ шѣ дрова на курево въ избу, да одинъ бы онъ дуракъ не рыскалъ по улицамъ, не выглазивалъ бы онъ на спорону и опасъ бы онъ собѣ отъ лиха, а пущее отъ Ягайей-бабы, ибо она де Ягайя-бабушка сиздавна гробяшъ безпризорныхъ и весь глупый людъ шаскала собѣ на кормъ.

А Хилипъ на шо сказалъ брашамъ: „*добро, братицы, будь по вашему*“, и брашья помолись Господу-Богу, просшясь съ дѣшями, съ жонами, и съ домочадцами, поклонились на всѣ на чепыре спороны и собравшись скарбомъ поѣхали въ дальній пушъ, въ дорогу на торгъ къ Ярилѣ.

А Хилипъ чесши не выдержалъ, не слухалъ онъ сесперь Богомъ данныхъ: не рубилъ онъ и не носилъ и не клинилъ онъ дровъ ни коли, а лёжа онъ Хилипъ на печкѣ денно и ночью лѣнился. А какъ наскучила ему Хили воркошня Богомъ данныхъ, скакянулъ онъ Хили проворомъ съ печи, да какъ выскочилъ онъ на улицу, да бѣжалъ онъ по улицѣ, и съ шой улицы за околицу, а изъ-за

шой околицы въ поле чистое, и какъ ни опшудова, ни опсюдова ему на встрѣчу пырь въ глаза Ягай-баба, нога коспяная, а вся жилистая. А и ѣхала она баба - Ягайя въ спупѣ, погоняла ее песпомъ, а слѣдъ свой замешала помеломъ.

Хиля дурачокъ испужахся, упалъ ничкомъ на землю, какъ мертвой. Баба-Ягайя дернула спупу, остановилась надъ Хилюю, оскалила зубы, схватила его, посадила вмѣстѣ съ собою въ спупу и унесла, куда, незнамо, невѣдомо! Скоро сказка сказалась, да нескоро сбылося дѣло: ѣхали Хиля съ Ягайей-бабою пушемъ и дорогою время немалое.

Много съ Хилюю было пряски! И пріѣхали они къ избушкѣ, а та избушка стояла на куричьихъ ножкахъ, а была она къ лѣсу передомъ, а къ нимъ задомъ. И какъ скажешь баба-Ягайя: „Избушка, избушка, спань ты къ лѣсу задомъ, а къ намъ будь передомъ“, и та избушка спала къ нимъ передомъ, а къ лѣсу задомъ.

Слезла баба - Ягайя со спупы, засшучала ногою коспяною и внесла Хилю въ избушку на курьихъ ножкахъ. Чеспно встрѣпили ихъ при дочери Ягайей-бабы, и низко онѣ ей поклонились. „Вошь вамъ дѣти госпинець!“ молвила Ягайя-баба дочери спаршей: зашпра *ты* намъ на похлебку; вари его Уляша, да хорошенько! И держала Уляша въ опповѣдь: „добро будетъ!“ и проч.

Другой примѣръ.

Нѣкій купецъ пріиде опть Югорскія земли во Свяшюю Русь, а и попъ купецъ Иванъ Ивановичъ сынъ Нѣмчинъ, оспавя, по просшу, яко нѣмъ

быхъ, возъ свой торговый во Псковскомъ граду предъ палашами, самъ же безъ заботы спяше во палатѣ, и пришедши нѣкій удалый изъ воровъ Русскихъ и украдъ у Ивана Иванина Нѣмчина злато и все серебро и торговое, что въ возѣ и на возѣ не было. Наутрѣ рано яко бы со звѣздой вспаще Иванъ Иванинъ сынъ Нѣмчинъ и своего добраго хватихся, и поиде онъ на посадскій дворъ и повѣда на дворѣ посаднику изгубленіе злата и серебра и всего своего торговаго. И наибольшій посадникъ огорчихся и повелѣ по всему граду Пскову искати госпева шапю, глаголя своимъ людемъ: не такъ госпямъ у новградскихъ, шамо добро имъ, и у меня во градѣ аще не обрящется госпево злато, весь Опсковъ погублю. — И повелѣ наибольшій свое злато и свое добро ношю положить на возу Нѣмчиновомъ. Нѣмчинъ же вспа и обрѣше при златѣ не свое доброе, пошедъ къ посаднику и рече ему: господине! обрѣстохъ злато свое все; а добро не мое. Тогда и шапя приведоша со добромъ и златомъ, и глаголя посадникъ купцу: иди съ миромъ; аще бы не повѣдалъ о моемъ добромъ, то и шы съ шапемъ на колу бы смерть пріялъ и проч.

Эта сказка имѣетъ также всю нравственную сторону. — У Карамзина, у Греча и у другихъ она называется сказкою о *Дракулѣ*, вѣроятно взяною съ Греческаго. Я выписалъ ее изъ одной старинной рукописи, найденной мною въ Шацкѣ, 1825 года.

Третій примѣръ.

Въ нѣкоемъ Царствѣ, въ нѣкоемъ Государствѣ жилъ да былъ велій и славный Князь Мус-

шафамъ Скурлашьевичъ ; у шого Князя Мустафама Скурлашьевича , и слугъ и прислужниковъ было тысяча, одѣваль ихъ Князь, обуваль, поиль, кормиль и наказываль и всѣмъ добрымъ жаловаль, а изъ всѣхъ шѣхъ слугъ и прислужниковъ всѣхъ любѣе былъ слуга его Князя, *Горе* именемъ, *Кручины* сынъ. А какъ былъ уже *Горе* на возрастѣ, шо для его добра, *Горина*, отдалъ его Князь Мустафамъ Скурлашьевичъ въ наученіе мастерству башмачному аль, рѣчь порускому, рукомеслю черевичному, а шого похотѣла Княгиня, молодда жена Князева Мустафама Скурлашьевича, и сама она договаривала съ хозяиномъ, что шопъ де бы слуга, *Горе*, былъ наспрошивъ всѣхъ мастеровъ въ черевичномъ дѣлѣ искусень и хиперь, а буде ди шопъ *Горе* тому не научипся, шо съ него и съ его хозяина голова съ плечь, какъ шапка, да и всѣмъ его хозяйскимъ мастерамъ безъ пальцевъ бышь.

И посемъ *Горе*, учась года многіе, черевичному рукомеслу обучался шакъ изрядно и дивно, что аки бы шиль и шочаль вдвое лучше хозяйскаго. Тогда Князь Мустафамъ Скурлашьевичъ поворошилъ слугу своего, *Горе*, въ домъ свой Княжій паки и засшавиль онъ его, *Горя*, пошипъ самому ему Князю черевику всѣхъ напредки и шиль онъ *Горе* ему Князю пара къ парѣ черевики дюженъ до двѣнадцати, а ни одна ша пара шѣхъ черевикъ Мустафаму Скурлашьевичу не показалася, за что Князь и билъ своего слугу *Горе* безъ всякаго милосердія.

И вощь онъ шѣхъ опъ побоевъ *Башмачникъ* *Горе* сынъ Кручининъ еле не рихнулса ума,

разума, а захваралъ плошно, а былъ онъ опъ по-го въ недугъ недѣль съ десятокъ, и какъ началъ мало по малу опящъ пображивашъ, въ шѣ поры Мустафамъ Скурлашьевичъ, по Ташарскому упрямому обычью, опящъ и паки засшавлялъ *Горя* сына Кручинина шипъ черевики, и какъ онъ *Горе* пошилъ черевикъ паръ до сошни и принесъ ихъ примѣривашъ на Ташарина, шо и шущъ ни одна пара ему Ташарину не показалаь, и проч.

Эша сказка мѣлишъ, кажешся, на безразсудное господство Ташаръ надъ нами.

— Злой господинъ не Русской крови бояринъ! — О Русскихъ же *боллярахъ* что говоришь худаго! — Такъ думали прежде! Далѣе начинающся чудеса сказочныя; но слогъ сказки не совсѣмъ спаръ: расказащики почти всегда вмѣсто *башмаковъ* упошребляющъ *геботы*, да *черевики*, и эшо едвали не приличнѣе *башмаковъ* времени жизни *Горя* Кручинина?

Каталогъ нѣкоторыхъ Русскихъ сказокъ, болѣе или менѣе известныхъ въ настоящее время.

1) Сказки *Азіятскія*, неознаменовавшія почносшь своего произхожденія *по народамъ* :

1. Объ Иванѣ Царевичѣ, о Жарь-Пшицѣ и о Сѣромъ Волкѣ. 2. О Золотой Горѣ (весьма рѣдкая). 3. Объ Ивашкѣ бѣлой рубашкѣ, медвѣжьему ункѣ. 4. Объ Ушицѣ злашюкрылицѣ. 5. О Царевичѣ Ахрадвичѣ. 6. Объ Ухарѣ, или Вихорѣ-Ко-

ролевицѣ. 7. О Царицѣ Дѣвицѣ. 8. О Мальчикѣ съ пальчикѣ и о спарикѣ мужикѣ, у кошораго борода съ локошъ, а самъ онъ съ ногошъ, и проч.

II). Сказки *Славено - Русскія* :

1. Объ Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ. 2. Объ Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ. 3. О Булашѣ-Молодцѣ. 4. О Любимомъ Царевичѣ Любимѣ. 5. О Славномъ Вишазѣ Буривоѣ. 6. Всѣ вообще древнія стихотворныя сказки, со Славено-Русскими именами, и проч. 7. Всѣ подобныя же сказки въ прозѣ, изданныя Новиковымъ и Чулковымъ, и проч.

III). Отличительно *Татарскія* сказки :

1. О Царевичѣ Мулла-му-хандиржи Пбрагимовичѣ и о Царевнѣ Сала-камуль. 2. О Королевицѣ Бурга и о Русской Боярышнѣ Юспини. 3. О Зюлмѣ (Зюдмѣ) и Дама *Сынъ*. 4. О Гар-гаѣ-шусь. 5. О Гуна-дамма и Буг-ра-му. 6. О Мунгалѣ Ди-бей (Мунгалебѣ) и Сам-ирѣ (Семирѣ), и проч.

IV). Сказки *Турецко - Арабскія* :

1. О сынѣ Волшебника и о шрехъ шалисманнахъ. 2. Приключенія Цифара. 3. О Пшичкѣ Говорунѣ, древѣ лѣвунѣ и проч. 4. Великое множество сказокъ извѣстныхъ подъ названіемъ *Тысяли и одной ноги* и проч; но, къ сожалѣнію, мы переводили эти сказки, большею частію, не съ подлинниковъ.

V). Сказки *Грузинскія* :

1. О весьма чудныхъ и прекрасныхъ Гусляхъ самогудахъ; эту же сказку рассказываютъ Евреи,

но только уже съ нѣкоторыми своими особенностями. 2. О Царевичѣ Хоразавъ Хоразавичѣ. 3. О дщерѣ Иверскаго Царя, Динарѣ, Дѣвицѣ Царицѣ и проч.

VI). Сказки *Греческія* :

1. Пришчи Эзопа. 2. О Царѣ Агеѣ (Эгеѣ). 3. Объ Апполонѣ Королѣ Тирскомъ и о Королевѣ Тарсѣ. 4. О Мелиннестѣ (Менелавъ) и Аріантѣ. 5. О Паламедесѣ и Епихарисѣ (Эвхаристѣ) и проч.

VII. Сказки *Сербскія, Черногорскія и Венгерскія*:

1. О Царевичѣ Пешрѣ. 2. О богатырѣ Сидіонѣ Лукьяновичѣ и о Царевнѣ Судиславѣ. 3. О храбромъ Яруславѣ Лазаревичѣ. 4. О Пешрѣ, Венгерскомъ Королевичѣ и проч.

VIII. Сказки *Итальяно - Германскія* : 1. О семи Симіонахъ, родныхъ братьяхъ. 2. о *Бовѣ* Королевичѣ (Калабрійская поэма среднихъ временъ). 3. О Королевичѣ Бренсвикѣ (Голландская). 4. О походе Зелинша (Нѣмецкая). 5. О Карлѣ Орлеанскомъ и *Аниѣ Белль*. 6. О Бѣлой кошкѣ и проч. (Послѣдняя чрезвычайно рѣдка).

IX. Сказки *Французскія* :

1. О Пешрѣ Прованскомъ, прозваннымъ *Златые ключи*. 2. О Купцовой женѣ и объ его работникѣ. 3. Объ Адольфѣ, Принцѣ Лампадійскомъ. (Повѣсть взятая Французами). 4. О Трудѣ Королевичѣ. 5. О Каперинѣ Соширинѣ. 6. О Дюранѣ Шаринѣ. 7. О Королѣ Залсорѣ и Клементинѣ. 8. О Принцѣ Солміи. 9. О Францывѣ Венеціанѣ (*Le François de Venise et sa belle Rinceau de Venus.*) и проч.

X. Сказки *Польскія* :

1. О Смирномъ мужѣ и бранчивой женѣ (кажется, взята съ Нѣмецкаго). 2. О дурачкѣ Емельянь. 3. О Судѣ Шемякинѣ. 4. О хозяинѣ, работникѣ и проч.

Примѣчанія.

А. Сверхъ того всё вообще богатырскія рас-
содія, гдѣ упоминается о Владимірѣ, его бога-
тыряхъ — *Муромцѣ, Заолешанахъ* и проч, или
гдѣ говорятъ о разбойникахъ: *Кудеярѣ, Соловьѣ*
Свистилѣ и проч., принадлежатъ Славено-Русскимъ
сказкамъ.

В. Приложенный мною каталогъ сказокъ весь-
ма не полонъ; но онъ сослуживаетъ только обра-
щикъ догадокъ для систематическаго раздѣленія
нашихъ народныхъ сказокъ. Всѣ сіи догадки ос-
нованы на смыслѣ сказокъ, на принаравливаніи на-
ходящихся въ нихъ *собственныхъ именъ* къ язы-
камъ существующимъ, наконецъ, на сличеніи пе-
реводовъ съ нѣкошорыми подлинниками, и проч.

М. Макаровъ.

V.

Отъ чего въ Римъ не было трагедіи.

(*Окончаніе.*)

Объ отсутствіи въ Римъ вышеприведенныхъ трехъ условий и о слѣдствіяхъ этого.

Въ Римъ народъ не былъ Римскимъ. Въ то время, когда науки были здѣсь въ наибольшемъ развитіи, когда цвѣтъ націи предсавлялъ такую сумму образованія, что все роды изящныхъ искусствъ могли быть обрабатываемы съ успѣхомъ, въ то время уже не было народа Римскаго. Нѣсколько благородныхъ фамилій, люди, занимавшіе Государственныя мѣста, и квесторы — вошь все, что оставалось отъ чистой Римской крови. Но народъ исчезъ въ войнахъ, и, какъ прекрасно выразился одинъ молодой историкъ нашего времени (*Мишеле*) : „онъ разсыпалъ кости свои по всемъ берегамъ. Мѣста побоищъ, урны, вѣчныя дороги — вошь все, что должно было остаться отъ него.“ Италія посылала сыновъ своихъ умирашь въ страны опдаленныя, и въ вознагражденіе получала тысячи невольниковъ. Римъ, промощавшій Римлянъ, вербовалъ себѣ наемщиковъ, рабовъ и дѣпей рабовъ, подбираемыхъ по всемъ концамъ міра. Со времени Гракховъ, эшошь самозванецъ народъ наполнялъ уже Форумъ и опправлялъ дѣла Итальянцевъ и Римлянъ. Въмѣсто истиннаго народа, находившагося въ отсутствіи или погибшаго, онъ управлялъ Римомъ, а слѣдовательно и всемъ міромъ. Съ политической точки

зрѣнія, можетъ быть, это не было большое зло. Иностранецъ, переродившійся въ Римѣ, вскорѣ принималъ духъ своей *названной* отчизны. Наемщики, дѣти Африканскихъ или Испанскихъ невольниковъ, превосходнымъ образомъ понимали выгоды Рима; съ именемъ Римлянъ, они усваивали себѣ эгоизмъ и гордость ихъ. Этого самозванецъ народъ вскорѣ сознавалъ себя народомъ великимъ, и если справедливо, что онъ былъ перемѣчивъ, благодаренъ, если онъ принудилъ Сципіона Африканскаго добровольно удалиться изъ своего отечества, если онъ до такой степени заглушалъ своими кликами Сципіона Эмилиана, что этого великій мужъ назвалъ его *незаконнымъ сыномъ Италіи*; то я не знаю истиннаго народа, народа чистой крови, подобнаго народу Афинскому, который не поступалъ бы такимъ же точно образомъ, и не показалъ бы себя въ такой же степени зависплымъ и мясепнымъ, какъ и этого народъ самозванецъ. Повторяю, много нужно понюски, чтобы доказать, что Римская полищика была лучше управляема гражданами Римскими, нежели иностранцами, сдѣлавшимися гражданами; напрошивъ того, я съ своей стороны готовъ думать, что эта амальгама всѣхъ націй, этого народъ всѣхъ кровей, это племя побѣжденныхъ, сдѣлавшихся господами, могло быть сильнѣйшимъ орудіемъ въ рукахъ туземной, искусной и славной аристокраціи, нежели единоплеменный, и припомъ завидовавшій этой аристокраціи народъ. Я думаю, что такой народъ, можетъ быть, гораздо болѣе беспокоилъ бы ее своимъ духомъ мѣсячнаго сопер-

ничества и эпимъ усыпленіемъ, которое часто овладѣваетъ благородными народами. Аѳиняне свидѣтели того, что эпошъ народъ - выскочка не могъ сдѣлать сего по своему духу универсальности и по этому безпокойному характеру, который свойственъ всѣмъ націямъ, составившимся изъ различныхъ элеменовъ, и который предохраняетъ государство отъ опасности — клониться къ усыпленію. Впрочемъ, эпошъ вопросъ не принадлежитъ къ предмету моего разсужденія.

Но разсматривая эпошъ предметъ съ точки зрѣнія, можетъ быть, менѣе важной, но есть въ отношеніи къ липературѣ, мы видимъ, что ничего не могло быть пагубнѣе, какъ опсушствіе Римскаго народа въ Римѣ. Настоящій народъ сохранилъ бы преданія о національныхъ древностяхъ, о религіи, о языкѣ; у народа же ложнаго нѣтъ національныхъ древностей, нѣтъ общей религіи, нѣтъ языка: его языкъ есть просто-народное нарѣчіе.

Во всемъ томъ, что принадлежитъ трагедіи, этому роду, который изъ всѣхъ произведеній искусства наиболѣе нуждается въ сихъ шрехъ предметахъ, т. е. въ національныхъ древностяхъ, въ религіи, въ хорошемъ языкѣ, трагедія могла существовать только при сихъ шрехъ условіяхъ, въ семъ возрастѣ міра и въ сей эпохѣ Римской республики; опсушствіе истиннаго народа дѣлало ее невозможною.

Для ложнаго народа Римскаго не было національныхъ древностей. Какой нибудь Африканецъ нимаго не могъ иншересоваться Ромуломъ и Ремомъ; Испанецъ ничуть не безпокоился о Нумѣ,

Галлъ о Тарквиніи и Лукреціи. Происхожденіе такихъ Римлянъ не просириалось далѣе вчерашняго дня; ихъ предки были въ Карфагенѣ, въ Нуманціи или въ Галліи: у нихъ не было ихъ въ Италіи. Наконецъ, тѣ изъ Римлянъ, которые были чистой Римской крови, оцъ этого ничуть не больше знали о національныхъ древностяхъ, чѣмъ выслужившіеся Римляне. Есть нѣкоторыя темныя воспоминанія о семъ предметѣ, воспоминанія, сохраненныя и искаженныя жрецами, воспоминанія, которыми заняться никто не имѣлъ времени, но и только: дѣло Рима — война; ему нѣкогда было знать свое прошедшее: такъ спѣшилъ онъ осуществишь свое будущее. Народы только въ мирѣ занимающіяся ученостію, и только чрезъ ученость снова находящія свои древности. Римъ будетъ нѣкогда ученъ, ш. е. когда будетъ выполнено его военное дѣло; онъ обратится къ прошлому, пошому что не будетъ имѣть будущаго. Римъ Сципіоновъ не знаетъ, откуда онъ произшелъ, однакожъ, когда въ него проникло образованіе Греціи, его завоеваніе, шо первые просвѣщенные имъ захоуѣли имѣть древности; великія имена въ особенности захоуѣли имѣть предковъ: въ слѣдствіе сего древности и предки заказаны-были Греческимъ писателямъ, которые, безъ всякаго выбора и кришки, собрали преданія жрецовъ, и щедро надѣлили багородныя фамиліи пишлами древняго происхожденія, которыхъ у нихъ шребовали. Народъ оставался совершенно чуждымъ всего этого; со взоромъ, устремленнымъ на Калиполій, онъ продолжалъ смотрѣть впередъ, и вѣчность, обшцанную Риму, по-

нималъ какъ шакое дѣло, которое никогда не должно было кончиться, а не какъ шакое, которое еще только началось.

Тоже самое скажу я и объ религiи: ея не было въ Римѣ. Религiя шакже мало утвердилась въ немъ, какъ и національныя древности; а для народа чуждаго, расположившагося спаномъ въ своихъ сѣтѣнахъ, бываютъ только частныя суевѣрiя, а не публичная религiя. Въ мифологiи Карфагенянъ не было ни слова о любви Марса и Илии. Германецъ зналъ Тевтона, а не Юпитера. Что шакое была Нимфа Эгерiя и ея шайншвенныя сношенiя съ Нумою для Галла, приведеннаго въ Римъ изъ глубины лѣсовъ, въ кошорыхъ собирали священную омелу и въ кошорыхъ обитали Феи? Испанецъ ничего не понималъ въ эпикъ щитахъ, украшенныхъ вырѣзками и упавшихъ съ неба. Религiя сихъ народовъ слагается изъ смѣшанныхъ воспоминанiй о мѣстныхъ религiяхъ и изъ невѣжественнаго уваженiя къ религiи Римской. Еще въ семь случаевъ, состоянiе вѣрованiй почти одно и тоже у аристократiи, какъ и у народа. Аристократiя, обязанная идеею своего существованiя Греци, вывела изъ нея боговъ ея для употребленiя Рима. Греческiй Олимпъ перенесенъ въ Римъ вмѣстѣ съ поклажей побѣдителя. Назначенiе Рима было — жить только одними заимствованiями въ религiи, въ законахъ и въ липерашурѣ. Ему понадобились законы — и онъ отправляетъ за ними посольство; ему понадобились боги — и онъ разграбляетъ чужiя капища; ему захотѣлось липерашуры — и онъ беретъ ее у иностранцевъ. Только одинъ мечъ его ознаменованъ печатью самобытности и оригинальности.

Надъ всѣми незаконнорожденными вѣрованіями этого народа , столь же смѣшанными, какъ и его кровь , возвышается родъ какой-то полицейской религіи , которая поддерживалась на счетъ Государства , у которой не было писанныхъ догматовъ , которая спакивалась съ членами правительствва, дабы изъ можно было употребить, въ пользу полицики , духъ общаго суевѣрія , который находится въ основаніи всѣхъ чуждыхъ вѣрованій; религія, первосвященники которой были вмѣстѣ и судіями и военачальниками , вступавшимися дѣлательно и съ сильнымъ авторитетомъ только въ дѣла войны, чтобы предсказывать победы , и , предсказывая ихъ , распоряжались ими. Все это было до крайности лишено поэзіи и сухо для драмы.

Остается языкъ и по , чѣмъ онъ сдѣлался въ ухахъ этого народа, который имѣлъ съ полдюжины иностранныхъ языковъ. Мы далеки отъ пуризма Аѳинской торговки овощами. Римскій народъ не понимаетъ Латинскаго языка , или понимаетъ его худо. Аристокрашія говоритъ языкомъ Латинскимъ чистымъ, цвѣтущимъ, полнымъ гармоніи, языкомъ Теренція. Народъ говоритъ какимъ-то энергическимъ мужицкимъ нарѣчьемъ, положимъ, живописнымъ, какъ всѣшакого рода нарѣчія , но и вмѣстѣ такимъ, который былъ просто мужицкимъ нарѣчьемъ. Въ немъ находятся частицы изъ всѣхъ завоеванныхъ языковъ. Изъ этого нарѣчія не составился лишературы: этого не дано никакому нарѣчію. Почему рукоплескали Плавту? Почему, что онъ въ латынь аристокрашіи спран-

ный жаргонъ публичной площади. Почему Теренцій былъ освиспанъ? Потому, что онъ говорилъ хорошимъ Латинскимъ языкомъ. Тщешно представляется Теренцій подъ покровительствомъ самыхъ народныхъ именъ въ Римѣ; щешно, въ своихъ прологахъ, умоляетъ онъ народъ Римскій о благосклонности и униженно проситъ у него позволенія позабавить его въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; народъ, соскучившійся всѣми эшими шонкостями спитая, всюю этою прелестью языка, опъ которыхъ плѣются въ наслажденіи первые ряды слушателей, заглушаетъ своимъ крикомъ голоса актеровъ, и покидаетъ піесу при прешьемъ акштъ, чтобы идти смотрѣть на пляски слоновъ или на палсунговъ канашныхъ.

Однакожь нѣкоторый родъ комедіи былъ возможенъ въ Римѣ: это комедія Плавта. Смѣшное и шутовство, во всѣхъ странахъ и у всякаго народа, имѣють счастье возбуждать смѣхъ. Смѣхъ не требуетъ цивилизаціи; слезы, особенно избраннаго круга людей, такія слезы, какія Греческая трагедія умѣла исторгать изъ глазъ Аѳинскаго народа, пребують, напрошивъ, цивилизаціи, оказавшей успѣхи. Тотъ же самый народъ, который рукоплескалъ панцамъ слоновъ или дракамъ пигровъ, очень можетъ находить забаву въ штукахъ мошенниковъ, въ любви распутныхъ дѣвокъ, въ вопляхъ женщины, мучимой родами, въ мороченьяхъ фигляровъ, въ обманахъ скупцовъ, въ жадности слугъ, шѣмъ болѣе если поэитъ, который даетъ ему эпошъ родъ комедіи, соглашается говорить съ нимъ уличнымъ языкомъ. Вотъ почему Плавтъ имѣлъ успѣхъ. Его нравы, пере-

дѣланные изъ Греческихъ, заспаивали народъ смѣ-
ялься, да и кромѣ того, въ этомъ смѣхѣ гораздо
менѣе истинной симпатіи къ комическому, неже-
ли радости дикаго, который смѣлся надъ на-
родомъ образованнымъ, и побѣдителя, который
смѣлся надъ побѣжденнымъ. И что за нуж-
да? Плавтъ славно умѣетъ сбывать свою
Греко-Римскую провизію. Его пьесы продаюш-
ся эдильамъ за хорошую цѣну. Но Теренцій ос-
тавленъ, потому что онъ не добиваешься глупа-
го смѣха; Теренцій жаждетъ возбуждать сле-
зы, съ тѣхъ поръ какъ онъ увидѣлъ, что надъ
его швореніями плакали жена и дочь Сципіона.
Къ тому же Теренцій говоритъ языкомъ знаш-
ныхъ домовъ съ народомъ перекрестковъ. И по-
тому смѣются надъ его папронами, надъ его вкра-
дчивыми прологами, и оставляютъ ихъ.

Ежели слезная комедія и изящный языкъ Те-
ренція не могутъ находить у народа благосклон-
ности, то чего же можешь ожидать отъ него
благородная и жалобная трагедія, которая проситъ
хочешь исторгать слезы и говоритъ только язы-
комъ боговъ?

Признаюсь, я не опдалъ себѣ опчета въ томъ,
чѣмъ могла быть драма, истинно Римская. Гора-
цій говоритъ о трагедіяхъ, содержаніе коихъ за-
имствовалось изъ жизни домашней а); изъ этого
должно заключить, что были опыты Римскихъ

а) Hor., de Art. poet.

трагедій; но какого характера были эти опыты? Откуда брали они своих героев? Какіе это предметы из домашней жизни? были ли это драмы религиозныя, извлеченныя изъ временъ героическихъ? мы ничего не знаемъ объ этомъ. Я нигдѣ не нахожу ничего, откуда можнобъ было составить себѣ идею о драмѣ, вдохновенной эпими смѣшанными древностями, этою религіею темною и лишленною мѣстныхъ лѣтонисей, эпимъ прошедшимъ, столь мрачнымъ и столь небогатымъ, даже и послѣ того, какъ снисходительные Греческіе историки, для расплашы съ благородными фамиліями, сшили нѣкоторыя спорныя событія; равнымъ образомъ не нахожу творенія, ознаменованнаго печатію высокой поэзіи и держающаго предсѣанъ на театрѣ, который, по словамъ самого Горация, обращалъ въ бѣгство поэта, самаго смѣлаго въ своихъ изобрѣтеніяхъ, и отвергалъ его пьесу, что бы требовать сраженія кулачныхъ бойцовъ а). Не болѣе того понимаю я причину, которую высказываетъ Гораций для поясненія неуспѣха этихъ Римскихъ трагедій. „Это отъ того, говоритъ онъ, что наши авторы не имѣли бодрости выглаживать стихи своихъ“ : это причина науки о стихотворствѣ, можетъ быть, критика законодателя Парнасса; но этоли неуспѣхъ не происходилъ ли отъ другихъ причинъ, кромѣ небрежности въ языкѣ, кромѣ лѣности выглаживать стихи? Пришомъ Гораций намекаетъ ли эпимъ на трагиче-

а) Ног., *de Art. poet.*

скіе опыты поэзовъ своего времени, или на тѣ, копорые были во время Плавта и Теренція? Наконецъ, неопредѣленность его замѣчанія доказываетъ очень ясно, что эти опыты ни въ какое время не имѣли никакого успѣха, а мнѣ это только и нужно замѣнить, по крайней мѣрѣ, какъ отрицательное свидѣтельство невозможности истинно Римской трагедіи.

Навѣрно поэты Августова Рима были организованы не хуже Софокла и Эврипида. До Августа Рима были люди гениальные, слѣдовательно не людей, а сираны не доставало искусству. Римъ не имѣлъ въ своемъ прошедшемъ элементовъ для національной драмы. Греція имѣла древности, эпопею, мифы, легенды, неисчерпаемую исторію, въ которой боги сходились съ людьми почти половина на половину; Римъ не имѣлъ ничего этого. Греція знала, откуда она произошла, Римъ не зналъ этого. Что касается до боговъ, у Рима были только ввозные боги; что касается до полубоговъ, то онъ представлялъ своего Ромула очень подозрительнымъ; сверхъ того боготвореніе Ромула дѣлалось келейно, такъ что народъ, который создавалъ боговъ и полубоговъ, не принималъ въ этомъ участія. Римъ не имѣлъ своего Гомера, который бы освѣщалъ все его прошедшее, который бы твердилъ ему безпрестанно о божественномъ происхожденіи Юлифера, и о томъ, почему боги любили больше всего эту благодворенную землю, и море, которое орошаетъ эту землю, и острова этого моря, на которомъ сшолько разъ скользящая колесница боговъ встрѣчалась съ ушлыми ладьями смертныхъ; по кото-

рой прошло и перешло, еще прежде поэта, столько блуждающихъ цивилизацій, столько народовъ, искавшихъ себѣ опечества и переносившихъ съ одного берега на другой свои языки, свою религію. Не имѣя дѣйствительныхъ древностей, Римъ заставилъ дать себѣ поддѣльныя древности. Когда онъ сдѣлался властелиномъ міра, при помощи меча своего, и какъ по самодѣльныхъ оракуловъ, то ему пришла гордая мысль — имѣть прошедшее и вывести происхожденіе свое отъ боговъ. Виргилій сдѣлалъ все, что могъ, для удовольствованія этой фаншазіи; но его воображеніе, при всей синсходительности, не нашло для Рима ничего лучшаго, какъ произвести его отъ Троянской колоніи, а для Августа ничего лучшаго, какъ выдать его за предка Венерина внука: тогда какъ самые маленькіе князьки героической Греціи считали своимъ олицемъ или дѣдомъ великаго Юнипера. И замѣтите, что всѣ эти поэтическія поддѣлки, всѣ эти остроумныя выдумки, которыми не доверяли добродушно ни Виргилію, ни Августу, всегда обращались не къ народу, но къ избраннымъ умамъ; итакъ, повторяю, симъ послѣднимъ очень можно было согласиться на эту эпопею заднимъ числомъ и дать себѣ такое происхожденіе, какое имъ было угодно во всѣхъ этихъ произведеніяхъ искусства, которыя ускользали отъ консроля народа; но имъ было запрещено создавать искусство драматическое безъ помощи народа и слѣдовательно безъ его консроля. Драма только тогда можетъ быть самымъ широкимъ и самымъ оригинальнымъ литературнымъ произведеніемъ какой либо страны, ког-

да она создана народомъ, когда народъ рукоплескалъ ей на полномъ театрѣ. Римъ не имѣлъ драмы по тому, что не имѣлъ истиннаго народа. Безъ народа можно создать всякую очень хорошую подражательную литературу, только не драму; и эпо-по и сдѣлалъ аристократическій Римъ. Разсѣвая свой истинный народъ на всѣхъ поляхъ битвы, онъ потерялъ славу драмы, одну изъ прекраснѣйшихъ славъ ума человѣческаго; но, въ замѣнь эпого, онъ имѣлъ славу побѣдишь весь мѣръ: было чѣмъ вознаградить ее.

Заклучимъ, національная драма была невозможна въ Римѣ; что же касается до прекрасной и трогательной трагедіи Аевинянь, что бы стала она дѣлать посреди этого народа ростовщиковъ и солдатъ, со всѣми своими художественными понукостями, которые очаровывали умное народонаселеніе Аевинь? Какое участіе могли принимать эти мутьныя лужи, эти люди безъ вкуса въ мужахъ Гомерической легенды, въ паденіяхъ древнихъ монархій, въ эпихъ кровосмѣшеніяхъ, въ эпихъ убійствахъ, которыя превосходили человѣческіе размѣры, въ эпихъ пресупленіяхъ, общихъ богамъ и человѣкамъ, пресупленіяхъ, которыхъ земная власть не можетъ постигнуть? Какую жалость могли они имѣть къ эпимъ сынамъ пораженнымъ проклятіемъ, къ эпимъ царямъ блуждающимъ и ослѣпленнымъ, къ эпимъ юнымъ дѣвамъ, висющимъ на рукахъ сарцевъ, или склоненнымъ подобно прекраснымъ сшашуямъ надъ погребальными урнами, или погребаяющимъ своими руками шѣло брата, и всегда сохраняющимъ посреда горестныхъ испытаній, грацію и красоту,

всегда чуждымъ эпихъ слезъ новѣйшаго времени, которыя изрываютъ браздами ланишы и наливаютъ кровью глаза, эпихъ искажающихъ лице страданій, изобрѣшеніе конхъ восходитъ до времянъ Сенеки? Нежели бы трагедія, пересаженная такимъ образомъ изъ Греціи на театръ Рима, смогла, подобно подражательной эпопее Виргилія и подобно подражательной одѣ Горация, воспроизвести на прекрасномъ Латинскомъ языкѣ всю гармонію и всю прелесть языка Аѳинскаго, по какую бы пошноту произвела эта музыка души и чувствъ въ зрителиахъ, привыкшихъ къ кулачнымъ боямъ и къ бичванъ звѣрей, огрубѣвшихъ опъ зрѣниа крови, струившейся надъ ударами кистеней, или пѣлъ посинѣвшихъ опъ побоевъ, въ эпихъ зрителиахъ, слуху которыхъ гораздо приятнѣе былъ ревъ медвѣдей, нежели мѣрный риетъ окриленныхъ спрочъ, восхищавшихъ Аѳинскій народъ и Римскую аристокрацію!

Итакъ, что же будетъ дѣлать Аѳинская трагедія, изгнанная изъ театра эими толпами зрителиа, незнающими ни порядка, ни вѣжливо-сти, нагромодившимися тысячами на подмосткахъ, съ которыхъ они тягостѣютъ надъ головами кавалеровъ и людей со вкусомъ, которые не имѣютъ права имѣть въ театрѣ мнѣнія, опличнаго опъ мнѣнія народа? Она скроется въ книгахъ опличныхъ умовъ, чистыхъ, какъ сама она, и какъ сама она, исключенныхъ изъ сцены *площадною профанаціею*. Тамъ не будетъ трагедій играемыхъ: тамъ будутъ трагедіи писанныя. Квинтилианъ говоритъ, что Флаетъ Варіа былъ достоинъ занять мѣсто подлѣ лучшихъ

произведеній Греческаго искусства. Равнымъ образомъ приписывали большую важность Медеѣ Овидія. Хотя, повторяю, я и мало вѣрю заперяннымъ или неизданнымъ геніямъ, но вѣрояшно эпопѣ Эізспѣ и эпѣ Медея были счастливыми подражаніями Греческимъ пьесамъ: почему не могли передѣлывать Софокла въ той странѣ и въ то время, въ которыхъ передѣлывали Гомера, Пиндара, Анакреона? Умы того времени знали языкъ и логику спраспей. Самая Дидона можетъ почестся за успѣхъ надъ Греческимъ искусствомъ въ познаніи женскаго сердца. Тогда были элеменны для возрожденія драматическаго искусства; и если Августъ, которому возможно было все, могъ бы устанovitи театръ и публику, то, можетъ быть, мы имѣли бы цѣлое собраніе прекрасныхъ передѣлокъ Греческаго искусства. Но Августъ сдѣлалъ для народа своего времени то, что эдилы дѣлали для народа, современнаго Сципіону. Сн послѣдніе, видя, что опыты ирагедіи не нравились, перестали покупать эпопѣ шоваръ, неизмѣвшій сбыта, и оставили народъ шѣшившись своими медвѣдами. Такимъ образомъ поступилъ и Августъ: онъ даже и не сдѣлалъ, въ семъ отношеніи, никакого опыта надъ публикою, которую зналъ слишкомъ хорошо, и оставилъ ей на произволь предпочитать испишныя убійства цирка этимъ безвреднымъ ударамъ кинжала. Эпопѣ прудъ былъ невозможенъ, особенно послѣ новой амальгамы, которую шолько что сдѣлалъ его дядя, великій Цезарь, и съ эпимъ новымъ народомъ, свезеннымъ имъ въ Римъ со всѣхъ сторонъ свѣша, съ эпою новою разнопою

въ нравахъ , въ религіи и въ языкѣ , такимъ образомъ , что ему нельзя было имѣть спектаклей , которые нравились бы полнѣ , кромѣ такихъ только ; въ которыхъ актеры не говорили ни на какомъ языкѣ , и состояли или изъ звѣрей или изъ гладіаторовъ , смотря по нуждѣ .

Итакъ , если хотите , эти кабинетныя трагедіи Варія , Овидія , Азинія Полліона , и , безъ сомнѣнія , даже и Мсценаша , составляютъ большую пошерю ; ибо всѣ эти опличные умы , какъ покровищели , такъ и покровищельспвуемые , писали драмы келейнымъ образомъ . Наконецъ , они были дѣши великаго лищпературнаго вѣка , спрашнаго и образованнаго ; они не знали чепырехъ или пяти родовъ прекраснаго , а особенно *безобразнаго* , которое есть ни что иное , какъ прекрасное ; они однажды навсегда приняли *прекрасное* Греческое и держались его . Они были оправдою сердца и ума для Виргилія и Горація ; и конечно эти семейныя лищпературныя бесѣды были не изъ числа пѣхъ , въ которыхъ шолковали о бездѣлцахъ . Какъ во время Буало , въ нихъ любили другъ друга нѣжно , какъ люди , и хотя люди ученые , но наблюдали и управляли другъ другомъ спрого , какъ писатели . Никогда Греція не была лучше понимаема и обожаема , какъ въ эту эпоху ; никогда не дѣлалось болѣе пламенныхъ и болѣе умныхъ копій съ ея образцовыхъ произведеній , и когда вы видите , какъ всѣ великіе люди вѣка Августа повергаются съ такою благодарностію къ ногамъ этой развѣнчанной царицы , которую завоевали пощадили отъ дурнаго обхожденія какъ съ рабынею , то не кажешся

ли вамъ, что вы слышите Троянскихъ спарцевъ, рассказывающихъ о Еленѣ, копорая была такъ прекрасна, что могла произвести раздоръ между націями?

Мы должны предполагать Греко - Римскую трагедію, такую, какую могли писать ее во время Августа, и безъ поспешности дойши до трагедіи Сенекинской. Изъ трагедіи подражательной, копорой мы не знаемъ, но копорую предполагаемъ, изъ трагедіи, копорая, должно быть, писалась съ любовію и съ глубокимъ чувствомъ Греческихъ красовъ, мы вдругъ впадемъ въ трагедію по рецепту, такую, какой учили и какую писали во время Сенеки. Для чего не сохранили мы нѣсколькихъ піесъ первой! для чего не должны мы просто предполагать вшорую!..
Съ Франц. В. В.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по ошпечашаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, Мая 15 дня 1835 года.

Ценсоръ Алексій Болдыревъ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

XVIII части.

Стр.

Науки.

Общее понятіе о правахъ древнихъ и новыхъ народовъ (Ө. Марошкина)	3
Испытаніе кипящею водою	62
О вліяніи фантазіи на цѣлостное образованіе науки вообще	133
Похищеніе Папы (изъ Вильмена)	163
О вліяніи естественныхъ границъ государствъ на прочность и судьбу оныхъ (Revue Britannique)	250
Рѣчь о древней Скандинавской литературѣ, Ампера (пер. Межевича)	261
Опъ чего въ Римѣ не было трагедіи (спальи Низара)	509
О началѣ Ромынскаго языка	359
Пробные листы изъ Исторіи Русскихъ сказокъ (М. Макарова)	142—496
Нѣсколько мыслей для сравнительной Исторіи языковъ, Ампера (пер. Межевича)	403

Проза.

Жени Цвѣточница (Ю. Жанена)	28
Предисловіе Саади къ Гюлишпану (съ Перс. Коноплева)	39
Факель, морская сцена (Blackwood's Magazine)	184
Богатый и Бѣдный (изъ Записокъ Медика)	207
Беаша, повѣсть	425
Гора Сень-Бернаръ (изъ пушевыхъ впечатлѣній А. Дюма)	449

ЛѢТОПИСИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Красавица Замка, или Повесть о Русской Царевнѣ, <i>подраж. Мугаммеду Низам-медину, перев. Фр. Эрдманомъ (Делибюрадера)</i>	89
Соловей и Роза, <i>поэма Фазли (М.)</i> . . .	394

